

**ИВАН
ТЕРСКИЙ**

**Отчаяние
бессмертных**
2016

Некроманты всегда были отвратительны людям. Их презирали, ненавидели, боялись, хотели уничтожить. Они создавали армии мертвецов, искажая саму суть жизни. Так нам говорили. Но что, если они не всегда были такими? Что, если они пытались помочь людям, которые ненавидели их? Что, если они должны были стать спасителями тех, кто убивал их?

Иван Терский

Отчаяние бессмертных

Мы не знаем, что думает о нас другой мир. И волнует ли его наше существование. Мы не хотели знать этого. Никогда. Единственное, что нас когда-либо волновало — это смерть. Мы посвятили себя ей. Мы жили ею. Изучали и боготворили ее. И боролись. Мы боролись с неизбежным. Боролись с тем, с чем все остальные живые существа смирились. С тем, что не щадило ни крестьян, ни королей, ни богов. Это то, чем мы жили всю свою жизнь. И это то, что поджидало всех нас в самом конце пути. И путь этот наполнен лишь болью.

Старший некромант просветитель Эльронлиор.

Не так больно не иметь ничего, как иметь все и все потерять. Посмотри на меня. У меня была любящая жена, сын, сокровища и власть. А теперь я стою здесь, и меня проклиняет собственный народ.

Король Вестген палачу.

Тьму подземелья разгонял слабый свет факелов. Их едва хватало, чтобы не дать погрузиться помещению в кромешный мрак. Металлические прутья, покрытые ржавчиной и влагой, слегка блестели. Люди прошли через тьму и замерли перед одной из клеток. Вперед выступил высокий мужчина. Рукой он поманил к себе факельщика, державшегося за спиной своего хозяина. Пламя зависло над плечом мужчины, который пристально всматривался в единственного обитателя этой клетки.

— Хм. Заметных улучшений не наблюдается. Объект по-прежнему неохотно идет на контакт. Мышечная атрофия усиливается. Кровопотеря прекратилась, однако заметны новые раны. Интересно, — мужчина обернулся к своим спутникам. — Вы не трогали его?

— Нет, господин, — с трепетом произнес один из слуг.

— Любопытно. Возможно ли, что объект нанес себе эти раны сам? Когда вы осматривали его в последний раз?

— Три дня назад.

— Записи с той встречи с собой?

Слуги начали копаться в большой кожаной сумке, заполненной различными бумагами.

— Вот. Прошу вас.

Мужчина взял длинными тонкими пальцами исписанный чернилами лист, и быстро пробежался глазами по тексту.

— Интересно. Ничего о ранах. Зафиксируйте этот момент, — обратился он к щедушному старику, медленно выписывающему на листах затейливые буквы. — Больше ничего особенного. Продолжайте исследование, следующий осмотр проведите завтра. Если он вновь поранит себя, примените цепи.

Мужчина двинулся дальше. Следующая клетка. В руках старика появился новый лист, а предыдущий забрали товарищи.

— Объект не двигается. Возможные последствия яда Хриддской змеи, подмешанной в пищу. Синюшный оттенок кожи, проступающие вены. Дыхание сбивчивое. Судороги мышц рук и ног. Похоже, яд вступил в реакцию с принятыми ранее токсинами, воздействию которых подвергся объект. Возьмите у него кровь, для проведения более глубоких исследований.

Следующая клетка. Пустая.

— Где он? Вы выпустили его?

— Нет, господин, — со страхом прошептал слуга.

— Странно. Подними факел повыше.

Едва пламя осветило большую площадь, как в самом дальнем углу началось беспокойное шевеление: что-то пыталось оказаться как можно дальше от яркого света.

Внезапно оттуда выбежало нечто, бросившееся на металлические прутья. С невероятной силой, оно врезалось в решетку. Взметнулась костлявая рука, принявшаяся тянуться к хозяину этого места. Костяные пальцы сжимались и разжимались в считанных сантиметрах от лица мужчины, немногочисленные желтые гниющие зубы бессмысленно смыкались на прутьях, а череп с силой ударялся об эту преграду.

Слуги испуганно отпрянули назад. Стражники подземелья выступили вперед, стремясь любой ценой защитить своего господина, но наткнулись на выставленную ладонь.

— Не троньте его.

Хозяин наклонился вперед, мягко отстраняя костяную руку, пытающуюся его задушить. Надо признать, сил в ней оставалось немало, хоть она и держалась на том, что отдаленно напоминало связки и мышцы.

— Удивительно. Он все еще может существовать, — прошептал мужчина, заморожено разглядывая существо. Оно все еще продолжало биться о прутья, стремясь добраться до своей жертвы, которая находилась так близко. — Когда у нас сделаны последние записи о нем?

— Семнадцать дней назад, господин.

— И, насколько я помню, на тот момент он не проявлял никакой активности?

— Нет. Объект лежал на полу, не принимая еды или питья, не реагируя на звуки и входящих к нему людей.

— Однако сейчас он очень даже готов идти на контакт. Ведь так? — с улыбкой спросил мужчина у существа по ту сторону. Выпрямившись, он удовлетворенно кивнул и пошел на выход. — Отлично. Берите его и ведите в лабораторию.

* * *

Лабораторией ему служило просторное, хорошо обставленное помещение. Десятки столов, на которых лежали самые разнообразные приспособления, книги и колбы с различного цвета жидкостью, были практически единственным, что напоминало здесь о призвании его хозяина. Красивое кресло у камина, побитое красным бархатом, шикарные картины, повешенные на стенах, десятки подсвечников, обеспечивающих свет в помещении.

Хозяин лаборатории величественно восседал на высоком деревянном стуле с прямой спинкой, медленно листая пожелтевшие от времени страницы толстой книги. Просторный плащ черного оттенка опутывал его фигуру. Капюшон откинут, являя взгляду бледное, слегка надменное, но не лишенное определенной привлекательности лицо. В его зеленых глазах, быстро просматривавших раскрытую книгу, отражалось желтое пламя, трещавшее в камине.

Книга была настолько старой, что ему потребовалось немало сил, чтобы только вспомнить о ее существовании. И еще больше, чтобы найти ее среди царящего в библиотеке хаоса. Хоть его слуги ежедневно в ней прибирались, после посещения хозяина им приходилось начинать все сначала.

Мужчину звали Герион. Со стороны он казался очень молодым, но в этом месте внешность ничего не значила. Любой, кто увидел бы его впервые, не дал бы ему больше тридцати лет. Однако Гериону было больше. Намного больше. Он и сам уже не помнил точно, как давно жил на свете, но число явно перевалило за сотню, а может быть и больше, лет.

Дочитав очередную главу, Герион оторвал взгляд от давно высохших чернил и оглядел лабораторию. Двенадцать слуг и семеро помощников безмолвно стояли у стен и столов, непрерывно трудясь над выполнением его распоряжений. Одни, как и он, читали старинные книги, стараясь почерпнуть для себя новые, доселе неизвестные, знания. Другие занимались уборкой столов от последствий неудачных опытов. Третьи создавали новые растворы и смешивали содержимое колб. Никто из них не отрывался от своей работы. Все четко знали свои обязанности и выполняли их с завидным усердием.

Герион зевнул и вернулся к чтению. Книга оказалась занятной. Он уже давно не испытывал такого волнения, перечитывая давно известный ему труд с целью обновления своих знаний. Вскоре из подземелья доставят того, кто станет его основным объектом исследований на ближайшие восемь дней. Нужно было подготовиться.

— «Свинец пагубно влияет на мертвецов, прошедших через муки Волариевой чумы. После смерти на их коже остаются характерные синие отметины, которые со временем проявляются и на костях. Нервная система людей, подвергшихся чуме, практически уничтожается, отчего переносимая ими боль становится невыносимой. Зараженные умирают от болевого шока. Если колдун решит когда-либо оживить человека, умершего такой смертью, реакция оживленных на это будет разниться. Широко известны случаи, когда оживленные нападали на людей, что вернули им подобие жизни, известное как «Состояние оживления» или «не-жизнь». Однако если человек был захоронен достаточно давно, негативная реакция на не-жизнь сведется к минимуму».

Герион прервался.

— Интересно. Значит, если верить этому труду, он умер не так уж давно, иначе реакция бы могла быть другой, — мужчина отбарабанил пальцами по подлокотнику кресла затейливую дробь. — Менир!

Один из молодых помощников оторвался от чтения и, аккуратно отложив книгу в сторону, заспешил к своему хозяину.

— Слушаю вас, мой господин.

— Менир, где вы обнаружили его?

— Рядом со Звездным лесом. Псы учуяли его, и мы разрыли могилу.

— Как доставили тело?

— На деревянных носилках. Затем погрузили в повозку.

— Почему не использовали закрытый гроб или хотя бы ящик?

— Он не подавал признаков оживленца. А тело слишком сильно пострадало. Мы и не стали слишком заботиться о его запечатывании.

Герион задумался. Впервые увидев состояние тела, он решил, что с ним уже успел поработать кто-то другой. Могли ли это быть последствия Волариевой чумы? Болезни, что когда-то унесла жизни многих тысяч людей. Если да, то это совершенно уникальный случай. Насколько он знал, никто из его коллег еще ни разу не встречал подобного, а утаивать эти сведения было бы попусту глупо.

— Ясно. Проверь, как там проходит его доставка. Что-то они слишком долго там возятся. Быть может, им нужна помощь.

Помощник коротко кивнул и побежал исполнять поручение. Герион вновь обратил взгляд к книге, стараясь отыскать в ней новые подсказки. Тот, кого он будет исследовать в ближайшие дни, должен дать ему больше сведений. Нужно лишь знать, как их из него достать. «Смерть — величайшая загадка мироздания. Жизнь проста, ее легко понять,

возможно предсказать, ею можно манипулировать. Но смерть — это то, чего мы все боимся. И чего мы стараемся избежать. Как же мы хотим понять то, от чего постоянно убегаем? Лишь тот, кто максимально приближен к ней, способен отыскать искомое. Познай ее, стань ее частью. И однажды ты добьешься успеха». Так говорили его собраты. Так говорил он сам. Нельзя познать смерть, если боишься окунуться в то, что она создала. Герион не боялся.

Двери в лабораторию раскрылись, и внутрь вошли лаборант со слугами. За собой они тащили новый объект для исследований своего господина, который отчаянно сопротивлялся на каждом шагу. К ним тут же поспешили на помощь другие лаборанты и все вместе они смогли все-таки втащить существо в лабораторию.

— Оставьте его в центре, — произнес Герион, закрывая книгу и поднимаясь с кресла.

Слуги, с трудом переставляя ноги, выполнили указание, и вот кошмарное существо, пытающееся разорвать свои оковы, уже стоит посреди круга, образованного лабораторными столами.

— Хватит, ослабьте путы, — с этими словами Гериона взял со стола небольшой кожаный мешочек, доверху заполненный маленькими косточками.

Слуги и лаборанты отпустили холодящий руки металл, и существо мгновенно воспользовалось этой возможностью. Бросившись вперед, оно устремилось напрямик на Гериона, разбросав лаборантов в стороны. Герион лишь улыбнулся и бросил прямо перед собой небольшую косточку, которая, упав на пол, засветилась фиолетовым светом.

Существо резко остановилось, будто наткнувшись на невидимую глазу преграду. Хоть на голом черепе не осталось ничего, что могло бы выразить эмоции, Герион все равно почувствовал тот страх, что испытал мертвец. Герион подхватил еще одну кость и бросил за спину существа. Мертвец бросился в сторону, но и там его настиг потусторонний фиолетовый свет. Вскоре на полу лежали восемь таких костей, каждая из которых непрерывно сияла.

Клетка закончена, и теперь можно было начинать исследования. Бросив мешочек на стол, Герион подошел к самой границе круга, у которой стоял мертвец. Он выглядел как скелет, кости которого держались друг с другом вместе лишь благодаря ничтожным остаткам мышц и связок. На его теле не было никакого подобия одежды, что лишь подтверждало теорию о том, что этот человек был давно уже мертв. Герион взгляделся в пустые глазницы, гадая, о чем же сейчас могло размышлять подобное создание.

— Начинаем!

В комнату лабораторию внесли десятки предметов, предназначенных для самых разнообразных способов обследования испытуемых объектов.

Герион аккуратно надел металлическую маску, взял пару колб и развернулся к мертвецу.

— Приступим, — скомандовал он слугам, которые тут же начали записывать на бумаге каждую деталь действия, происходившего в лаборатории.

* * *

Герион бросил бумаги на свой рабочий стол и с тяжелым вздохом облокотился на столешницу. Последние семь часов он провел в лаборатории, где вместе с помощниками обследовал мертвеца. Результаты экспериментов были довольно интересны. Мужчина,

которым когда-то давно был мертвец, и правда перенес Волариевую чуму. И, как и было написано в книге, свинец сильно вредил останкам. Стоило металлическому стержню прикоснуться к нему, как мертвец тут же отпрыгивал на противоположный край колдовского круга. Затем Герион применил несколько составов собственного изобретения и повторил опыт со свинцом. И это лишь самое начало его многочисленных исследований.

Но сколько бы он ни трудился над останками, сколько бы осмотров не проводил, он так и не понял причину смерти человека. Безусловно, он был заражен Волариевой чумой. И не было ни единой причины сомневаться в том, что болезнь проходила тяжело, о чем свидетельствовали многочисленные следы на костях. Однако при всем при этом было ясно и то, что не болезнь стала причиной смерти.

Это было довольно странно. Волариева чума была известна своей смертоносностью. В давние времена она выкашивала целые города и страны, подчистую истребляя населявших их людей. Однако в какой-то момент времени все упоминания о ней исчезли. Одни считали, что исчез источник болезни, другие, что чума уничтожила сама себя, не найдя новых жертв. Но в те годы, когда она свирепствовала и проявляла всю свою жестокость, лекарство так и не было найдено.

Но этот человек выжил. Он был заражен, но смог победить болезнь, с которой не могли справиться лучшие целители всех стран. Отметины, оставшиеся после болезни, уже начинали заживать, что говорило о том, что с момента заражения прошло как минимум десять лет. Чума же убивала за два месяца. В лучшем случае за три.

Неужели у него был иммунитет к ней? Возможно ли такое? Или же он нашел иной способ обмануть смерть, вырвавшись из ее объятий в самый последний миг. Значит, ему просто было необходимо узнать, что же случилось с этим человеком! Может быть, он умер от рук врага. Или же чума взяла свое, но уже через многие годы. А может быть, его смерть была вполне естественна. В любом случае возможно именно благодаря его останкам, они смогут совершить тот самый долгожданный прорыв, благодаря которому все их исследования не будут напрасны!

Герион подошел к окну, за которым собирались тяжелые черные тучи, заслонившие собою небосвод. Как бы ему ни хотелось продолжить исследование этого мертвеца, он был слишком измотан для этого. Поддержание барьера, не позволявшего мертвецу растерзать всех живых в лаборатории, забрало слишком много сил. Гораздо больше, чем он хотел истратить. Теперь мертвец был вновь закован в железные цепи, сдерживающие его кровожадные порывы, и уведен в подземелье. Завтра он вновь будет выведен оттуда, и Герион со своими помощниками продолжат обследование. Но вначале ему нужно было отдохнуть.

Вернувшись к столу, он взял большой кубок и практически опустошил его за один глоток. Гериону не требовалось так много пищи, как всем остальным, но это с лихвой компенсировалось потребностью в воде, которая любому другому человеку показалась бы чрезмерной. Выйдя на балкон, он начал осматривать окрестности. Его небольшой дворец был сплошь окружен густым лесом, деревья которого практически не имели листвы.

Дворец Гериона был небольшим, имел лишь три высокие башни и оказался окружен трехметровой каменной стеной. Внутри стен находились лишь небольшая конюшня с четырьмя лошадьми, готовыми к долгому переходу, кузня и вход в подземелье, в котором слуги Гериона содержали новых существ, приведенных для всестороннего исследования.

Хозяин дворца бросил взгляд на горизонт и слегка нахмурился. Там вдалеке на востоке

поднимался столб густого черного дыма. Он завихрился от мощных порывов ветра и разносился дальше, покрывая собой все большую и большую площадь.

— Лерех? Что он опять учудил?

Лерех, являясь коллегой Гериона, был примерно одного с ним возраста. Его дворец ближе всех остальных находился к границе территорий, что контролировались его собратьями. Именно он граничил со Звездным лесом и имел возможность первым принимать к себе путников, забредавших в эту глушь. Лерех, в отличие от Гериона, был слегка безрассуден в плане исследований. Когда дело касалось получения новых крох знаний, что они так скрупулезно собирали, он никогда не отступал, предпочитая работать над чем-либо до тех пор, пока он не получит нужные ему сведения, или пока объект не выдержит и, под воздействием чрезмерной для него нагрузки, разрушится. К сожалению, это приводило к многочисленным ошибкам со стороны Лереха, который в погоне за скоростью терял драгоценный материал для исследований. Герион знал, что его товарищ прекрасно осознавал этот свой изъян, но все равно продолжал упорно трудиться. Ходили даже слухи, что он рассылал своих слуг за пределы подконтрольных территорий, лишь бы достать для себя что-то новое.

Скорее всего, сегодня Лереха постигла очередная неудача, последствиями которой стал пожар. Жаль. Гериону было даже больно подумать о том, сколько полезного могло быть уничтожено этим огнем, но с этим уже ничего не поделаешь. Что бы ни творилось во дворце Лереха — это его личное дело, и не Гериону учить его как проводить исследования.

Герион вернулся в кабинет, открыл ящик и взял обломок берцовой человеческой кости. Раскрыв свое сознание, хозяин дворца зажмурился:

— Покажи мне *все*.

Вспышка. Герион оказался в теле ворона. Он летел, позволяя потокам воздуха нести его вперед. Вот он увидел дым на горизонте. Стоило ли ему проверить? Нет. Проблемы Лерех привык решать сам, а помощь других посчитает за собственную слабость.

Ворон резко спикировал. Уже у самой земли он вновь расправил крылья и взмыл наверх. Герион искренне наслаждался полетом. Ни он, ни его собратья еще так и не постигли подобного, поэтому он иногда совершал осмотр своих владений с воздуха.

Повозки. Он заметил повозки. Герион мысленно напрягся. В этих владениях нечасто бывали гости, но когда они приходили...

Нужно было проверить!

Ворон подлетел ближе, завис в воздухе и начал осматриваться. Семь повозок под ним, еще столько же чуть дальше. Уставшие лошади с трудом передвигались по рыхлой земле, но возничий упорно подгонял их, изредка прибегая к ударам древесным прутиком.

Герион понял, кто приближается к его дворцу, спустился вниз и присел на плечо мужчины.

Приветствую, Логар. Признаюсь, я ожидал вас немного раньше.

Человек вздрогнул, посмотрел на мертвого ворона и через силу улыбнулся.

— Добрый день, мастер Герион. У нас возникли проблемы: дорогу по ту сторону леса размыло дождями, нам пришлось долго искать другой путь. Мы уже были у мастера Лереха. Кажется, один из его экспериментов прошел не совсем удачно.

Я так и подумал.

— Позвольте войти в ваш дворец?

Что вы везете в этот раз?

— Кое-что из инструментов для ваших кузнецов, еду, вино. В других повозках есть ткани и материалы для ремесленников.

Есть что-то интересное?

— Именно для вас? Не думаю. Но как только подойдут все повозки, я постараюсь подыскать для вас что-нибудь подходящее.

Ворон еще какое-то время наблюдал за возничим, а после снова взлетел.

Распоряжусь, чтобы вас пропустили.

Ворон оттолкнулся и взлетел наверх. Логар, казалось, успокоился, когда услышал последние слова Гериона.

Что-то не так?

Возничий вскинул голову:

— Нет. Нет, все в порядке.

Герион поднялся и окинул взглядом свои земли. Странно. Ему казалось, или его взор был затуманен? Темнота ночи была абсолютной, но даже она не могла стать причиной того, что он не видел дальше ста метров. Что-то бы неправильно. Но он не беспокоился. Мертвецы, что стояли вдоль дороги, предупредят его, если случится хоть что-то опасное.

Не стоило волноваться. Сколько времени прошло с последнего происшествия? Сотня лет? Гораздо больше? Почему он так забеспокоился? Почему?

Герион отпустил душу бедной птицы и протер глаза. Сейчас он чувствовал себя так, словно контролировал тело ворона дольше, чем десять минут. Почему все прошло так тяжело? Неужели причиной всему стали эксперименты, предшествовавшие всему этому?

Нет, он и раньше засиживался в лаборатории, но еще ни разу не испытывал ощущений, которые познал сейчас. Слабость столь сильную, что ему едва хватило сил не упасть на кровать.

— Марр!

В кабинет заглянул слуга:

— Господин?

— У нас будут гости. Прошу, отойдите ворота и проверьте их грузы.

— Купцы?

— Да. Прибыли наконец-то. Как только пройдут ворота, помогите им разгрузиться. Они слишком задержались у Лереха, нельзя, чтобы мои братья попрекали меня тем, что я тоже повлиял на эту задержку.

— Будет сделано! — заверил слуга хозяина и стремглав выбежал вон.

В окно Герион видел, как Марр выбежал во двор, подозвал нескольких слуг и вместе с ними пошел встречать путников. Как только повозки пропустили через ворота, Герион накинул на плечи длинный плащ, повесил на пояс мешочек с костями, подхватил трость и пошел на выход.

Во дворе уже столпилось множество слуг, а некоторые начали помогать разгружать привезенные товары. Купцы выбирались из повозок, откидывали ткань с них и принимались разгружать привезенный товар. Логар подошел к кузнецу, сказал ему что-то, улыбнулся и, заметив приближающегося Гериона, заспешил навстречу хозяину замка.

— Мы уже начали разгрузку, мастер Герион. Еще минут десять и подойдет второй обоз.

— Хорошо.

Логар кивнул и пошел обратно к повозкам. Герион отметил, что купец вел себя как-то странно. Слишком насторожен, слишком взволнован. Проблемы в дороге явно не могли его

взволновать настолько. Быть может всему виной происшедшее у Лереха?

Второй обоз подошел гораздо быстрее, а купцы и слуги все еще занимались разгрузкой первого. Людей не хватало, поэтому Герион решил немного помочь. Он достал несколько костей и бросил их под ноги. Мягкий фиолетовый свет окутал предметы, а затем во вспышке из него выступили скелеты.

Десяток мертвецов двинулся ко второму обозу. Купцы второй группы задержались в воротах, когда к ним подошли охранники... которые внезапно рухнули на землю. Люди второго обоза бросились вперед, в руках их откуда-то появились тяжелые широкие мечи. Охрана ворот была вырезана мгновенно, их обезглавленные трупы падали один за другим, пока «купцы» прорывались вперед.

— Уничтожить мертвецов. Искоренить ересь! Сжечь некромантов!

Этот крик разорвал воздух, с силой кнута ударив по тому, что некогда было спокойствием. Слуги закричали и бросились врассыпную, но не могли далеко уйти от преследовавших их людей. Нападавшие оказались закованы в начищенные доспехи, сверху покрытые белой тканью с нашитыми черными крестами. Враги — а сейчас они были именно ими — бежали вперед, и с яростью набрасывались на призванных Герионом мертвецов. Скелеты пытались сопротивляться, отбиваться от ударов, но Герион не успел отдать им приказа. Он был слишком ошеломлен произошедшим.

Некромант отбегал как можно дальше от нападавших, а его взгляд наткнулся на съездившегося за повозками Логара. Купец был напуган, но вовсе не удивлен той бойней, что разворачивалась на его глазах. Он привел этих людей?! Эта мысль подогрела ярость Гериона, которая резко возобладала над отчаянием и шоком. Кости посыпались с его рук, десятки мертвецов выступали навстречу противникам.

Через ворота во двор вбегали все новые враги, в глазах которых плескались чистая ненависть с безумием. Люди побежали к конюшне и кузнице, кто-то выбил дверь в подземелье, но большая часть нападавших сосредоточилась на истреблении мертвецов, что призывал Герион. Теперь в руках нападавших появились булавы и тяжелые молоты, которые с легкостью ломали белые кости и раскалывали черепа.

Герион выругался, призвав последних мертвецов. Отчаяние и гнев — вот и все, что он сейчас испытывал. Эти люди пришли к нему, прикрываясь добрыми намерениями и прикидываясь купцами, но мгновенно сбросили с себя эту личину, стоило оказаться внутри.

Некромант увидел, как Логар бросился к воротам, стараясь оказаться как можно дальше от основного сражения. Герион поднял трость, в которой была заключена «Извечная тьма» — мощное заклинание, способное за секунды превратить жертву в груды гниющего мяса. И будь он проклят, если этот ничтожный человечиска уйдет отсюда живым! Только не после такого предательства!

Черная молния вырвалась из конца трости, дерево в руках Гериона обратилось в труху, но он увидел, что его цель была повержена. Заклинание разрывало Логара на части, заставляя купца верещать от боли.

Естественно подобное не могло оказаться незамеченным — враги остановились и немного отступили, а вперед вышли их товарищи в кожаных доспехах.

— Лучники!

Тетива звонко щелкнула, и вот уже пять длинных стрел летят в сторону некроманта. Герион отшатнулся, стараясь закрыться руками от летящих в него орудий смерти, но так и не почувствовал боли. Открыв глаза, он увидел стоящего перед ним лаборанта. Менир упал на

колени, отхаркивая кровь. Одна из стрел угодила ему в горло, и теперь молодой парень захлебывался собственной живительной жидкостью.

— Бегите, — едва двигая губами, прошептал молодой лаборант. — Хозяин, бегите. Прошу вас, спасайтесь. Используйте мою смерть и спасайтесь. В... Выжить... Только вы...

Глаза Менира закатились, и он упал на землю. В его спине торчали еще три стрелы, четвертая застряла в плечевом суставе, угодив между двух костей. Герион наклонился, доставая из мешочка последнюю оставшуюся там кость. Это была средняя фаланга пальца, и она имела одно единственное предназначение.

— М'Хе'Лелль. Исполни свое предназначение.

Фаланга засияла внутренней силой, скрытой от этого мира десятком мощных печатей, и прошла сквозь грудную клетку Менира. Уже через мгновение тело молодого лаборанта вздернуло вверх так, словно некий невидимый кукловод начал дергать за ниточки сломанную куклу. Тело убитого лаборанта встало на ноги и резко развернулось к нападавшим. В руках его оказалась тень копья, которое когда-то было оружием могущественного монстра, существовавшего в древности.

То, что Герион вложил в эту фалангу, являлось частицей создания, ходившего по земле этого мира еще задолго до того, как человек научился добывать огонь. Нескольким некромантам, в том числе и Гериону, удалось найти древнее захоронение, в котором они и обнаружили первое упоминание об этом создании. Собирая по крупицам знания всех цивилизаций и народов, существовавших тогда, они сумели призвать создание во время одного из обрядов. Вернее им удалось призвать лишь его тень, да и та оказалась слишком сильна для семи некромантов, что сотворили охранные символы. Его мощь разорвала оковы с презрительной легкостью, а затем существо исчезло. Но прежде чем его след окончательно угас, Гериону удалось ухватить обрывок той мощи, что буквально пропитала воздух. Он взял фалангу пальца одного из мертвецов и использовал ее как сосуд. Он никогда раньше не думал, что ему придется использовать эту силу в такой момент. Но иного случая, похоже, ему больше не представится.

Менир шагал в направлении врага, выстроившегося перед ним ровным строем. Три человека рванули вперед, размахивая своими мечами, но их оружие лишь слегка оцарапало кожу мертвого лаборанта. В ответ мертвец взмахнул своим нематериальным копьем, пронзив сразу двоих врагов. Третьего он отшвырнул в сторону, с легкостью перебросив визжащего человека через стену, и прошел дальше.

Герион, не оглядываясь, взбегал по ступеням лестницы, устремляясь к дворцу. За его спиной в это время раздавался чудовищный грохот битвы. Казалось, будто позади него сражались две многотысячные армии, хотя на деле противников было намного меньше. Мимо некроманта, спотыкаясь, бежали слуги. Многие из них были ранены и им помогали товарищи.

Герион остановился, пропуская мимо себя двух конюхов и помощника кузнеца, едва сумевших ускользнуть из-под смертоносных ударов людей в доспехах. Пока он пропускал мимо себя своих слуг, некромант бросил мимолетный взгляд на разворачивающуюся во дворе битву.

Менир все еще продолжал идти вперед, разрывая строй врага. Число людей, ставших жертвами копья-тени, уже превысило двадцать человек и продолжало неуклонно расти. Внезапно из строя воинов в доспехах выступил человек, разительно отличавшийся ото всех остальных. В руках он сжимал длинный металлический посох. Его доспех был окрашен в

яркий синий цвет, нанесенный на ослепительную белизну, повторявшую расцветку остальных вражеских воинов. Его голову не покрывал шлем, как у остальных воинов. Вместо этого он с непокрытой головой вышел навстречу существу, превосходившему любое понимание людей.

— Во имя двух богов!

Мужчина вскинул свой посох и нанес резкий удар тупым концом в грудь Менира, отталкивая его назад. Следующим движением он угодил по голове мертвеца. Менира отшвырнуло назад.

Герион неверяще смотрел на произошедшее. Сущность существа, что с легкостью одолело объединенные силы сразу семи некромантов, было отброшено назад всего лишь одним человеком! Мертвец поднялся с земли, теперь в его руках было сразу два копья, но это ничуть не помогло ему. Посох вновь угодил ему в голову, отбрасывая его на спину. Менир развалился на земле, и на него тут же набросились вооруженные мечами воины. Они пронзали его, терзали, рубили и рассекали, но не могли нанести хоть сколько-то значительных повреждений. Пока в дело не вступил посох. Воин в доспехе странной расцветки обрушил свое оружие вниз. И лишь тогда оболочка не выдержала. Впитав в себя огромную, по меркам людей, силу, это существо имело лишь один большой недостаток. Хрупкость человеческой оболочки.

Раздавшийся нечеловеческий крик разорвал и без того наполненную шумом тьму, заставив каждого человека замереть на месте. Тело Менира лежало неподвижно, а из него лил призрачный фиолетовый свет. Сперва он шел лишь из глаз и рта, затем из кончиков пальцев, ну а после истекал из каждой нанесенной ему в бою раны. И все это время Менир кричал.

Когда все закончилось, на месте мертвого лаборанта лежала лишь небольшая кучка пепла, в центре которой была заколдованная человеческая фаланга. Герион отшатнулся и привалился к дверному косяку, стараясь удержаться, вцепившись в него слабеющими руками.

— Только не это, — прошептал некромант.

Теперь, когда сущность М'Хе'Лелля покинула тело бедного Менира, у Гериона не осталось ничего, что могло бы остановить нападавших. В дверь рядом с его головой вонзилась стрела, выпущенная одним из лучников. Гериона схватили за плащ сильные руки и втащили во дворец. Слуги поспешно вели своего повелителя в безопасное место, за спиной некроманта захлопнулись двойные створки, а поперек лег массивный засов.

— Хозяин, вы в порядке?

Герион качнул головой, стараясь собраться с мыслями. Его дворец подвергся атаке чужаков, которые владели такими обширными силами и знаниями, что они позволили им уничтожить такое могущественное существо как М'Хе'Лелль. И, вероятнее всего, именно они стояли за пожаром, который полыхал в той стороне, где была подвластная Лереху территория. Неужели они сумели одолеть его так быстро, что молодой некромант не успел передать никакого предупреждения своим собратьям? Что ж, тогда это сможет сделать Герион.

— Задержите их. Если они прорвутся, отступите на второй этаж. Мне нужно предупредить остальных.

Некромант отбросил удерживающие его руки. Слабость, наступившая в тот момент, когда он увидел гибель своего могучего создания, внезапно пропала. Теперь он вновь

чувствовал себя сильным, уверенным. И *живым*. Он испытывал подобное лишь в тот день, когда его нарекли некромантом. А сегодня это необыкновенное чувство вернулось. Он наконец-то мог сделать что-то по-настоящему важное и судьбоносное!

Герион ворвался в свои покои подобно урагану, практически выломав дверь. Он попытался установить контроль над воронами, что облетали его владения, но у него ничего не вышло. Что-то мешало ему. Паника? Гнев? Нет, это было что-то другое. Что-то чуждое, отвратное, сильное. И оно мешало ему отослать предупреждение через тех существ, что он уже создал. Значит, нужно было призвать новых!

Некромант бросился к своему столу и быстро начал шарить в выдвижных ящиках. Ну, где же они? Где?! Там во дворе он израсходовал практически все запасы костей, заговоренных для материализации оживленных, но где-то здесь у него еще оставался приличный их запас. Где они?!

Выдернув ящик стола наружу, он перевернул его вверх ногами, вытряхивая на пол десятки бесценных предметов столь хрупких, что они разбивались на мелкие осколки. За первым ящиком последовал второй, затем третий, четвертый. Но все бесполезно: он был слишком взбудоражен, чтобы мыслить ясно. Тогда оставался другой способ.

Подбежав к стеллажу, занимавшему большую часть одной из стен. Герион выгреб из него все косточки, в великом множестве разложенные на полках. Бросив их на пол, некромант начал быстро перебирать маленькие белые предметы.

— Плечевая, лучевая, череп, пигостиль, коракоид, — бормотал некромант, отбрасывая нужные кости в отдельную кучку. Вскоре набралось довольно приличное количество, но все еще не хватало одной.

— Эпистрофей. Где же он?

Герион шарил руками по полу, разбрасывая предметы по полу. За дверью в его кабинет уже слышались крики, возвещавшие о том, что враг был близко. Нужно было торопиться! Вскочив на ноги, он в последний отчаянный раз осмотрел собрание костей на полу, стараясь найти эпистрофей. Вот он!

Схватив ловкими пальцами столь важную сейчас кость, некромант побежал к окну. Бросив всю свою «коллекцию» на подоконник, Герион выбил деревянные ставни. Стремительный поток холодного воздуха заколыхал его плащ и непременно сбросил бы кости с окна, если бы не рука мужчины. Некромант сложил руки домиком, уложив их поверх костей.

Полыхнула фиолетовая вспышка. Под руками Гериона началось движение, и он раскрыл руки. Кости, которые еще мгновение назад лежали бесформенной кучей, теперь пришли в движение. Они двигались друг к другу навстречу, переплетались и с легким треском соединялись. Они объединялись в пары, потом в четверки, и вот на подоконнике уже стоял скелет птицы, отдаленной напоминающий ворона.

Шум за его спиной нарастал, а на дверь уже начали сыпаться первые удары. Пора было заканчивать! Герион аккуратно, чтобы не повредить, поставил на раскрытую ладонь скелет и начал пристально в него всматриваться. Спустя секунду, кости начали сиять мягким фиолетовым светом, на них начало появляться нечто, отдаленно напоминающее призрачное оперение фиолетового оттенка. Пустые глазницы засияли, а из раскрывшегося клюва показался призрачный язык. Еще немного! Шум за его спиной стал практически невыносим, дверь уже не выдерживала, но он почти закончил!

Фиолетовое сияние уже почти покрыло половину птичьего скелета, когда вдруг Герион

почувствовал резкий толчок в спину. Опустив взгляд, некромант с недоумением воззрился на покрытый темной кровью клинок, торчащий из его груди. Но боли не было. Он вообще ничего не чувствовал! Второй толчок был сильнее, рот Гериона наполнился кровью. От третьего, его ноги подкосились, а птичий скелет выпал из обессилившей руки. Некромант повалился на спину, слыша, как его сердце начинает замедляться.

Услышав шаги, Герион повернул голову к двери. В его кабинет в окружении троих воинов в белых доспехах входил тот самый человек с посохом, что смог сразить М'Хе'Лелля. Его посох глухо ударился об пол, разбивая доски. Неспешным шагом он прошелся по комнате и остановился возле скелета полуживой птицы. Герион поднял глаза и всмотрелся в лицо мужчины. И оно выражало крайнюю степень ненависти и отвращения.

— Какая мерзость, — прошипел он, резко опуская тупой конец посоха на едва шевелящуюся птицу, разбив ее на сотни мелких осколков. — Очередная бедная душа, ставшая марионеткой для вашей забавы. Вам не жаль ни людей, ни животных. Вы тревожите их покой даже когда они мертвы. День за днем, год за годом. Вы извращаете жизнь, создавая эту корявую пародию на нее, и наслаждаетесь этим.

Мужчина схватил Гериона за горло, поднял над полом и поднес к окну, заставив лицезреть творившийся снаружи хаос. Дворец горел, слуг выводили во двор и убивали на глазах товарищей, объекты для исследований сжигались или разбивались на мелкие обломки молотами и булавами. А вне стен замка стояла армия. Тысячи людей держали в руках факелы и оружие, вглядываясь в разрастающийся пожар, чье пламя поглощало дворец и его обитателей.

Все погибло. Десятки лет исследований, сотни книг, тысячи записок. Знания, что он по крупицам собирал все эти годы, были уничтожены с один миг! И, что еще хуже, эта же судьба ждала и остальных некромантов. У Лереха не получилось предупредить своих братьев, не справился с этим и Герион. Значит, сейчас все будет зависеть от остальных. Быть может, они увидят армию, или как-то отреагируют на огненное зарево. Герион молил, чтобы так и случилось. Иначе весь их труд будет напрасным.

— Каково видеть, как твой дворец горит, слуги умирают, а еретические знания уничтожаются? Понимать, что никто не спасет тебя, а горевать о твоей гибели будут лишь те ничтожества, которых ты зовешь братьями?

Но Герион уже не мог ничего ответить. Смерть, которой он служил все эти годы, обратила взор на своего служителя. И забрала свое. Забрала лишь одну из жизней, что получила в свое распоряжение в последующем пожарище войны.

Некроманты могли быть единоличниками, могли быть соперниками, но мы никогда не забывали о своих братьях. Братство — вот и все, что у нас есть.

Некромант Хоммас.

Тонкие изящные пальцы взяли за уголок страницы и бережно перевернули ее. Желтоватая бумага слегка поскрипывала, а ее шероховатая поверхность доставляла приятные ощущения, стоило только к ней прикоснуться. Бледные пальцы пробежались по бережно выведенным пером буквам, отмечая прочтенные мужчиной строчки.

Ивирион поднял голову и часто заморгал. Он уже многие часы провел за чтением этого тома, и его тело начало сдавать позиции. Даже ему требовался отдых. Бережно закрыв ветхую книгу, предварительно вложив в нее длинную кожаную закладку, мужчина отложил ее в дальний конец стола, и устало опустил голову на руки. Похоже, что на сегодня пора было заканчивать. Задув догорающие свечи, он сложил исписанные листы в стопку, уложил ее в ящик стола, а книги взял в руки. Нужно было вернуть их обратно на полки.

В библиотеке было достаточно холодно, поэтому он поплотнее запахнул плащ и двинулся по темным проходам вдоль полок. Убрав последнюю книгу на выделенное ей место, Ивирион двинулся на выход. По пути ему часто попадались работники библиотеки, немедленно преклонявшие колени перед мужчиной и смиренно ожидающие в такой позе момента, когда он пройдет мимо. Ивирион свернул в один из боковых проходов, намереваясь срезать путь, когда услышал впереди странный звук. Словно острые когти царапали по дереву.

Ивирион резко остановился. В темноте он смог смутно различить какое-то движение, но это все, на что хватало его глаз. Выдернув правую руку из широкого кармана, некромант поднял ее ладонью вверх, растопылив пальцы и слегка при этом прищурил глаза. На кончиках бледных пальцев зажглось зеленое пламя, осветившее проход между массивными стеллажами. Все что успел различить Ивирион, это невысокую темную фигуру, метнувшуюся в сторону, едва свет начал подбираться к ней. Некромант поднял руку повыше, стараясь осветить как можно большую территорию, но так ничего и не увидел.

Нервно озираясь по сторонам, Ивирион быстро зашагал вперед. До выхода оставалось всего несколько поворотов. Несколько слуг, несших в руках большие стопки книг, проводили своего хозяина недоуменными взглядами: что же могло так встревожить его в собственном дворце? И тогда они увидели быстро двигавшуюся по верхушкам стеллажей фигуру. Она крадась, выжидая лучший момент для броска. И атаковала.

В один прыжок достигнув Ивириона, нечто приземлилось прямо перед ним, загородив проход. Некромант отшатнулся, но не опустил пылающую руку. Существо поднялось и повернуло к нему свою голову. Одну из множества голов. Только этого сейчас не хватало! Во множестве пустых глазниц существа тлели огоньки, десятков костяных лап скреб по холодному камню пола. Костяные отростки, наподобие щупалец шевелившиеся на спине существа, взметнулись, а затем резко опустились.

Ивирион отступил назад, подняв перед собою пылающую ладонь. Зеленые языки

пламени начали расширяться и устремились к костяному существу, но оживленный монстр лишь взмахнул длинными хвостами и запрыгнул на один из стеллажей. Ивирион бросился прочь.

Некромант оглянулся и, увидев, что костяной ужас следует за ним по пятам, воздвиг между собой и швырнул себе за спину горсть сияющих сфер. Монстр бросился прямо на них, и, когда они разорвались о его тело, побежал дальше. Ивирион свернул в боковой проход и растолкал в стороны слуг, выставлявших на полках бесценные толстые фолианты. Люди с криками падали на пол, недоуменно глядя на своего хозяина. По крайней мере до тех пор, пока над их головами не проносилась костяная фигура. Из множества раскрытых пастей сыпались зеленые искры, а угли в глазницах разгорались все ярче.

Некромант бежал, постоянно изменяя направление движения, но существо не отставало от него ни на шаг. Шанса затеряться среди книжных переходов не было. Значит, оставалось только одно!

— Хелион!

Ивирион резко развернулся, раскидывая руки в стороны и распахивая плащ:

— Ну, давай!

Зеленое пламя заплясало на кончиках пальцев, концентрируясь в центре ладоней. Взметнув руки вверх, Ивирион призвал небольшую огненную волну, излившуюся прямо из пола библиотеки, однако существо даже не замедлилось. Монстр обрушился на Ивириона сверху, отталкиваясь от одной из книжных полок и разбрасывая бесценные книги по проходу.

Костяное существо врзалось в некроманта с силой тарана, мгновенно бросив его на пол и придавив громадным весом своего тела. Ивирион сильно приложился затылком о пол и негромко вскрикнул. Он чувствовал, как костяные лапы давят на его плечи, не позволяя двигаться рукам. А это значит, что он не сможет больше защищаться!

Щелкнули клыкастые челюсти, едва не оторвав некроманту голову. Ивирион с силой уперся коленями в белые ребра, стараясь оттолкнуть от себя опасного хищника, но не смог его даже приподнять. А между тем череп вновь начал подниматься.

На монстра обрушилось нечто огромное, с легкостью сбросив его с Ивириона. Новый противник монстра оказался почти таким же огромным, как и он сам. И таким же неживым. Скелет волка качнул хвостом и набросился на монстра, его челюсти сомкнулись на одном из черепов существа и с легкостью разломали его.

Монстр отшатнулся, рванул назад, но в битву вмешался Ивирион. Волк дал ему время достаточное, чтобы сосредоточиться. В любом другом месте он бы с легкостью уничтожил эту тварь, но они были в библиотеке: некромант не мог позволить себе неосторожного обращения пламенем в этом месте. Огненная стрела пронзила монстра насквозь. Кости существа обуглились, пошли трещинами, а затем рассыпались. Черепа в великом множестве рухнули на пол, разваливаясь на части.

Некромант опустился на пол, посмотрел на скелет волка, который, словно бы с любопытством, глядел на мужчину, немного наклонив свою голову. Ивирион устало прикрыл глаза:

— Спасибо, Хелион. Ты спас мои книги от уничтожения.

Оживленный волк весело махнул хвостом и быстро подпрыгнул к своему хозяину. Ивирион со стоном поднялся с пола, отряхивая свой черный плащ от пыли.

— И ведь именно здесь! Не мог подождать, пока я выйду отсюда? — некромант

укоризненно взглянул на останки монстра. — А жаль — ты был интересным объектом для экспериментов. Даже после того как ты вырвался из клетки, я все еще не желал уничтожить тебя. Но ты не оставил мне выбора, когда решил начать убивать моих людей.

Слуги и работники библиотеки торопливо сбегались на шум, который поднялся во время погони. Многие книги были разбросаны на полу, и люди торопливо подбирали их и возвращали на специально отведенное для них место. Некоторые нервно смотрели на волка, словно ожидая нападения. Но хищнику не было до них никакого дела, ведь он снова победил врага, что пожелал навредить его хозяину.

Ивирион запахнул плащ, погладил гладкий череп и двинулся на выход уже уверенный, что ничего плохого с ним не случится.

Дворец Ивириона был огромен, ведь он был одним из самых почитаемых некромантов из всех своих собратьев. Семь крупных залов, две библиотеки, величественный зал для приема гостей, семь лабораторий и столько же подземелий и многое другое. За высокими окнами начинало восходить солнце, заливая помещения бледным светом. Слуги мыли полы, разжигали факелы, очищали камин. Некоторые несли большие круглые подносы с едой из кухни, располагавшейся на одном из верхних этажей дворца. Неужели он пробыл в библиотеке так долго? Ему казалось, что еще даже не наступила ночь, а уже был другой день.

Ивирион накинул на голову капюшон, стараясь прикрыть уставшие глаза от яркого света, и двинулся в свою спальню; рядом шел волк. Ивирион звал его Хелионом, и он был самым дорогим для него существом. Первым питомцем, первым другом, а затем и первым существом, что он вернул к не-жизни. Хелион был не просто очередным его результатом экспериментов, он еще и всячески помогал ему в исследованиях. У каждого некроманта были свои любимцы. Одни с их помощью рассылали приказы и сообщения, другие — ставили на них эксперименты, укрепляя и изменяя их, третьи — просто хотели иметь подобных друзей для простого общения. Для Ивириона Хелион был в первую очередь другом и товарищем.

Некромант вошел в покои, волк проскользнул следом. Ивирион скинул с себя плащ, и без сил рухнул на кровать. Хелион лег рядом прямо на холодный пол и выжидательно положил голову на скрещенные передние лапы. Ивирион закрыл глаза и мгновенно провалился в глубокий сон, наполненный такими кошмарами, какие свели бы с ума обычного человека. Но для него они были обыденностью.

И он с радостью в них окунулся.

* * *

Ивирион проснулся утром следующего дня. Проспав практически двадцать четыре часа, он восстановил свои силы и, впервые за многие дни, чувствовал себя отдохнувшим. Некромант трудился четыре дня подряд, ни на шаг не приближаясь к своей спальне и не прерываясь на отдых или сон, поэтому этот перерыв в исследованиях был жизненно для него необходим.

Ивирион поднялся с кровати, и, едва его ноги коснулись холодного пола, Хелион тут же поднял голову, внимательно вглядываясь в своего хозяина. Хвост волка заходил ходуном. Некромант наклонился и ласково провел рукой по гладкому черепу. Поднявшись с кровати,

некромант подошел к большому тазу с водой и окунул в него голову. Приведя себя в чувство, Ивирион пригладил мокрые волосы и взглянул в зеркало. Бледное, практически белое лицо, ярко-зеленые глаза со зрачками бусинками, практически незаметными на фоне ослепительной зелени, длинные до плеч волосы. Взяв с тумбочки длинную веревку, он заплел темные волосы в конский хвост и накинул на плечи плащ. А после вышел наружу.

Хелион выбежал из комнаты вслед за своим хозяином. Ивирион проснулся слишком рано, поэтому коридоры дворца, в котором обычно кипела жизнь, пустовали. Но некроманту это даже понравилось. Зайдя на кухню лишь для того, чтобы взять себе полный поднос еды, он направился в подземелье.

Сегодня он выбрал третье подземелье, в котором находились лишь недавно привезенные во дворец экземпляры. Большая часть из них еще даже не была возвращена в состояние не-жизни и поэтому многие клетки были наполнены лишь разбросанными в беспорядке костями. Ему нравилось работать с ними лично, поэтому его помощники редко допускались сюда.

Некромант спустился вниз по каменным ступеням, освещая себе путь зеленым огнем, полыхавшим на тыльной стороне ладони. Хелион следовал перед своим хозяином, поводя черепом из стороны в сторону, словно стараясь отыскать ту угрозу, что таила в себе тьма подземелья. Факелы были потушены, поэтому Ивириону приходилось разжигать их самостоятельно. Зеленый огонь довольно быстро наполнил помещение светом, позволяя разглядеть подземелье в деталях. Три прямоугольных деревянных стола, один круглый каменный, клетки с экземплярами шли вдоль дальней стены и простирались вглубь помещения на всю его длину.

За одним из столов сидел высокий мужчина. Опустив голову на столешницу, он мирно спал, невзирая на свет, излучаемый факелами. Ивирион прошел мимо спящего, а вот Хелион не смог сдержаться. Забравшись передними лапами на стол, он положил голову таким образом, чтобы она оказалась прямо напротив спящего человека. И, застыв в таком положении, начал ждать. Он обожал забавляться со слугами.

Ивирион же, совершенно не обращая внимания на шалости своего питомца, прошелся вдоль первых клеток, вглядываясь в сидевших и стоявших в них существ. Некоторые из них смотрели на некроманта в ответ, другие же отворачивались от него, словно один его вид внушал им отвращение и ужас. А кто-то, едва завидев приближающегося Ивириона, отбегал в дальний угол клетки и вжимался в него так сильно, словно старался протиснуться сквозь слишком плотно расположенные прутья.

Некромант неспешно шествовал вдоль клеток, уходя все дальше, пока не нашел то, что искал. Большая куча костей, без какого либо признака того, чем она являлась ранее. Ивирион подхватил связку ключей с пояса спящего человека, отпер клетку и начал разбирать кучу. Минут через двадцать Ивирион поднялся с колен, с удовлетворением оглядывая результат своих стараний. На холодном и влажном полу были разложены кости чего-то, что отдаленно напоминало паука с множеством лап. И лап этих было *слишком* много. Некромант еще ни разу не возвращал к не-жизни ничего подобного. Если говорить начистоту, он вообще впервые видел такое существо.

Недолго думая, некромант запер клетку, натянул на голову капюшон, и поднял перед собой руки. Длинные пальцы изогнулись, костяшки начали переливаться зеленым, когда на них начинало формироваться пламя. Через секунду оно охватило всю руку. Сделав резкий взмах, Ивирион направил пламя на лежащие перед ним останки. Всего мгновение

потребовалось ему для того, чтобы достичь костей и еще одно, чтобы бесследно поглотить их.

Некромант опустил руку и снял капюшон, наблюдая, как кости, которые вопреки всем законам логики оставались нетронутыми пламенем, начинают свое движение. Вначале неспешно, но с каждой секундой все быстрее и быстрее, кости сходились друг с другом, выстраивая костяного «паука». Теперь их не держали мышца или связки, твердый панцирь или хитин, на их место пришел огонь, что подарил им жизнь.

И вот пламя угасло. Ивирион подошел ближе, и, упершись руками в металлические прутья клетки, стал разглядывать то диковинное существо, что явилось его глазам. Оно и правда напоминало паука. Вот только в отличие от них, оно целиком состояло из костей. Существо имело больше четырнадцати конечностей, точное их число не поддавалось подсчету, поскольку оно непрерывно ими шевелило.

Ивирион едва начал разглядывать голову существа, когда оно внезапно бросилось на него. Костяные жвала раскрылись так широко, что могли бы без труда обхватить его голову. Некромант отпрянул, когда они со скрежетом впились в металлические прутья, стремясь разорвать докучавшее им препятствие. Множественные конечности проскользнули между прутьев, и потянулись вперед, но не могли достать до человека каких-то несколько сантиметров.

Некромант усмехнулся, слыша, как за его спиной раздается крик, за которым последовал звук падающего тела. Хелион дождался-таки своего звездного часа. Мужчина лежал на спине, свалившись с лавки, едва только увидел, *что* находится в паре сантиметров от его собственного лица. Ивирион подставил руку под голову подбежавшего волка; за его спиной раздались тяжелые шаги:

— Господин! Прошу, простите меня. Я не хотел выказать вас свое неуважение.

Ивирион лишь отмахнулся от этих извинений:

— Ничего страшного, Освир. Я не хотел тебя тревожить, но этот экземпляр мне показался слишком занятным. И я не смог удержаться.

Подошедший мужчина с трепетом и страхом заглянул в клетку, в которой продолжало бушевать существо, возвращенное к не-жизни. Его конечности взметнулись и с силой обрушились вниз, стремясь сломать сдерживающий его металл.

— Оно... Стабильно?

— Еще не знаю. Проверим?

Ивирион поднял руки, призывая на помощь всю силу, на которую был способен. Он являлся пиррионом, и его способности основывались на управлении жизненной силой при помощи пламени. Среди братьев Ивириона было всего несколько ему подобных, но он, по всеобщему мнению, был самым могущественным из них.

Большинство некромантов предпочитали более простые средства, для достижения их общей цели. Кто-то шел путем материализаторов, используя предметы, в которые и запечатывали свои знания, подопытных, новые заклинания, да и вообще все, что могло прийти в голову. Глоссерианы, что применяли свитки с той же целью, что и материализаторы. В чем-то эти две ипостаси были похожи. Обе использовали запечатывание, обе призывали оживленцев.

Глоссерианы и материализаторы — два самых простых пути, которыми следовали некроманты. Но оставались еще три. Штейгеры, черпающие силу из татуировок, что наносили на собственные тела. Одлеттианы, призывавшие духов и призраков. И пиррионы

— некроманты огня, которых было слишком мало, но которые оказались самыми могущественными, среди всех остальных ипостасей.

И сейчас Ивирион хотел продемонстрировать существу в клетке всю свою силу всего за один единственный миг. Пламя переплеталось между его пальцами и срывалось с них, сбегаясь к точке между двумя ладонями. Там оно словно исчезало, но на самом деле некромант концентрировал огонь таким образом, чтобы в одну секунду, когда он разорвет сдерживающие его узы, сила выплеснулась наружу неудержимым потоком. Некроманты часто прибегали к такому способу, если объект, возвращенный к не-жизни, не был склонен к контакту или к контролю обычным способом. Одно сложное заклинание, в большинстве случаев просто-напросто ломавшее любую волю объекта к сопротивлению.

Ивирион резко выдохнул, только сейчас осознав, насколько долго он сдерживал внутри себя воздух, и резко развел руки в стороны. Последовавшая за этим движением ударная волна ядовито-зеленого цвета отбросила существо в клетке. Освир покачнулся, из его носа побежала кровь, и мужчина рухнул на колени. Хелион же более стойко перенес подобную атаку: волк наклонил свою голову и прикрыл ее лапой, словно стараясь закрыться от яркого света.

Некромант открыл двери клетки и вошел внутрь. Вслед за ним ступил и Хелион. Освир же предпочел остаться снаружи. Ивирион подошел к оживленному существу и протянул руку, надеясь коснуться его. Однако у паука, по-видимому, были на это свои планы. Едва некромант оказался поблизости, как десяток костяных конечностей взметнулся в воздух и устремился к лицу некроманта. Заостренные кости порвали ткань его плаща, проскользнув лишь в жалких миллиметрах мимо головы и рук Ивириона, но все-таки задев ногу.

Некромант отшатнулся, поднимая руку, на которой уже разгоралось зеленое пламя. Однако он прекрасно понимал, что безнадежно опоздал. Существо выпотрошит его раньше, чем он сможет защитить себя. Но на помощь ему пришел Хелион. Волк прыгнул вперед и встал между некромантом и угрожавшим его жизни существом. Клыкастые челюсти раскрылись и, если бы только мертвые могли воспроизводить звуки, Ивирион уверен, что услышал бы угрожающее рычание. Паук, почувствовав, что преградило ему путь, резко остановился, не решаясь даже двинуться. Ивирион быстрым шагом покинул клетку, придерживая оцарапанную до крови ногу. Хелион недолго еще постоял внутри и, лишь когда его хозяин оказался в безопасности, вышел наружу.

Некромант привалился к стене. Его тяжелое дыхание вырывалось изо рта с легким хрипом. К Ивириону немедля подбежал Освир:

— Господин, вы в порядке?

Некромант кивнул, с любопытством осматривая полученную рану. Из длинного пореза обильно бежала кровь, перемешиваясь с чем-то синеватым.

— Интересно. По-видимому, его когти способны выделять яд.

— Яд? — с ужасом переспросил Освир.

— Совершенно верно. И я поражен тем, что он способен вырабатывать его даже после смерти, — Ивирион обмакнул палец в синеватую жидкость и попробовал ее на вкус. Не скрывая своего восторга, некромант с удовольствием окунулся в океан агонии, который создал для него яд. Он и правда оказался смертельным. Ивирион был уверен, что за все время, что существовало это создание, ни одна из его жертв не ушла живой.

Еще одна вкусовая проба, и вот некроманта бросило в жар. Пол под ногами зашатался, а цвета начали терять свою яркость. Затем появились галлюцинации, наводящие

неподдельный ужас на многое повидавшего некроманта.

— Господин! Что вы делаете?! — голос Освира был глух, словно доносился издалека, хотя стоял он всего в трех шагах от Ивириона.

Некромант с сожалением тряхнул головой: как бы ни был прекрасен и смертелен этот яд, его можно исследовать и попозднее. А место здесь было не самое подходящее. Прикрыв глаза, Ивирион сосредоточился. Отрава распространилась уже по всему его телу, поэтому и уничтожить его нужно было мгновенно.

По венам некроманта пронеслось пламя, выжигающее все то, что не было похоже на его собственную кровь. Ивириона затрясло, глаза закатились, а ноги в бессилии подкосились, но Хелион не позволил своему хозяину упасть на пол. Через секунду все закончилось: яд был уничтожен.

— Просто великолепно, — прошептал Ивирион, совершенно игнорируя тот факт, что он был всего в нескольких шагах от смерти. Некроманты так часто шагали на самом краю земель живых, что со временем подобное переставало их волновать. Нельзя было изучать смерть, при этом боясь оказаться в ее власти.

Освир все еще с беспокойством вглядывался в лицо своего господина, боясь увидеть хотя бы малейший намек на ту боль, что мог испытывать некромант от перенесенного им испытания.

Ивирион бросил взгляд на костяного паука, все так же стоящего возле дальней стены:

— Доставить его в лабораторию номер шесть. Но действуйте очень аккуратно. Не думаю, что оно вообще когда-либо будет стабильно, поэтому ни на секунду не ослабляйте бдительность. Для надежности я бы посоветовал взять псов. Составьте словесный портрет, занесите в книги, сделайте рисунки. Пусть лаборанты постараются взять образец его яда, я хочу еще с ним поэкспериментировать, но предварительно пусть попробуют определить степень его смертельности. Она как минимум выше шестой. Определите, есть ли возможность внушения, и поддается ли оно преобразению.

Освир все еще продолжал записывать все распоряжения своего господина, когда Ивирион пошел дальше. Он хотел найти еще несколько экземпляров до того как...

Помещение залил серый свет. Некромант обернулся и взглянул на его источник. На длинной свисавшей с потолка цепи с крюком висел человеческий скелет, на черепе которого были вырезаны несколько символов, полыхавшие сейчас огнем. Его череп как раз и оказался тем самым источником света, что озарил подземелье. Подобные скелеты были подвешены во всех подземельях и лабораториях Ивириона.

Челюсть мертвеца заходила ходуном:

— Пришло время Смерти. Ты призван, Ивирион!

Последнюю фразу мертвец буквально прокричал, хотя у него не было и намека на те органы, что могли воспроизводить слова. Некромант тяжело вздохнул:

— Жаль. Я хотел успеть провести исследование. Освир!

Слуга немедля оказался рядом с хозяином.

— Сделайте то, что я сказал. Вернусь приблизительно через три часа и хочу увидеть ваши результаты.

— Будет сделано, повелитель.

Некромант развернулся и практически бегом покинул подземелье. Его ждали другие, куда более важные дела.

Тяжелые капли срывались со сталактитов, медленно падая вниз и оставляя на поверхности озера десятки кругов. Стая маленьких рыбок, выскивающих себе пропитание, мелькнула на его дне. Летучие мыши, нашедшие себе приют в этом богом забытом месте, мирно спали, свесившись с потолка.

По периметру озера находилось несколько десятков возвышений, каждое из которых имело в основании идеальный круг. Они были выполнены из камня с такой заботой и тщательностью, что они могли бы послужить завидными произведениями искусства в доме какого-нибудь аристократа.

Время шло, и вот возвышения начали сиять. Поначалу это было подобно тлеющим уголькам, практически не заметным в крошечном мраке пещеры. Но со временем они становились все более и более яркими, а в самом конце от исходящего из них света становилось больно глазам. А затем они все разом погасли.

Ни один из собратьев Ивириона не выглядел здесь одинаково. Материальные тела некромантов остались далеко отсюда. Если в обычной жизни они все предпочитали носить темные мантии, то здесь все они выглядели совершенно иначе. Они выглядели *уникально*.

Ивирион предстал перед своими товарищами в виде зеленых языков пламени, сплетавшихся между собой в некое подобие человеческой фигуры, в которой иногда даже мелькало его лицо. Остальные были не менее эффектны. Вот Цидариас — некромант, глубже остальных постигший искусство штейгеров, выглядевший словно татуировки, нанесенные на саму ткань мироздания и изображающие диковинное животное. Ардаль — некромант, предпочитавший исследовать не мертвых, а их души, состоящий из длинных кусков ткани, непрерывно перемещавшихся в воздухе. Экраон — старейший и вероятнее всего могущественнейший из некромантов, вылепленный здесь из сотен маленьких косточек, образовавших на возвышении скелет, в высоту достигавший почти два с половиной метра. И это были лишь те, кого Ивирион мог отсюда видеть. Многие собратья некроманта были скрыты тьмой пещеры до тех пор, пока Иеремих не объявит о начале собрания.

— Начинаем!

Шепот разнесся по всей пещере, эхом отражаясь от каменных стен. Озеро начало сиять, и вскоре вся пещера стала ясно видима, словно в ней появилось собственное маленькое светило.

— Братья мои, — заговорила одна из фигур, сотканная из серебристых нитей паутины. — Сегодня мы с вами восхваляем Смерть и бросаем ей немой вызов. Кто хочет первым начать сегодняшнее заседание?

Наступила тишина. Обычно никто не хотел выступать первым, боясь, что его собственные достижения будут смехотворны по сравнению с тем, чего смогли добиться другие. Впрочем, и оказаться последним мало кто желал.

Первой заговорила фигура, выполненная из движущихся капель воды:

— Если вы позволите, то первым буду я.

— Прощу, Селлион. Поведай нам о своих достижениях.

Молодой некромант заговорил, голос его был тихим, едва слышимым за звуком падающих с потолка капель, но все равно доносился до каждого слушателя.

— Недавно, мною были обнаружены останки семьи из шести человек. Три женщины и

три мужчины, возрастом от четырех до шестидесяти семи лет. Я провел исследования, позволившие мне выяснить причину их смерти, а затем вернул к не-жизни. После этого, мы отделили объекты друг от друга, распределив их по разным клеткам подземелья. Однако, как мы заметили позднее, все шесть объектов подсознательно тянулись друг к другу. Ими всеми двигала одна цель — объединиться с членами семьи, что были убиты вместе с ними. Вследствие чего у меня появилась теория: даже после смерти у нас остается некая эмоциональная связь с нашими родственниками, которые были нам очень дороги. Конечно, после смерти и возвращении к не-жизни любые внешние признаки стираются, поэтому, видимо, объекты чувствуют близость неким другим способом. После этого мы решили...

Ивирион отвернулся от фигуры молодого некроманта. Неинтересно. Его собственные исследования уже давно доказали, что между родственниками, лучшими друзьями, любовниками и прочими людьми, если некая связь. Но она никогда не казалась ему настолько важной, чтобы рассказывать о ней всем некромантам, делая из этого подвиг. Да, он до сих пор не смог выяснить, каким образом эта связь сохраняется и проявляется ли она другим образом, а не только тем, что объекты тянутся друг к другу. К сожалению, для самого Ивириона, который потратил на исследование этого феномена почти полгода, это направление довольно быстро исчерпало себя. А у него было еще много проектов, которые требовали его непосредственного участия. Поэтому он отдал объекты, испытывавшие близость, в руки своих помощников, которые должны были продолжить исследования.

Взгляд Ивириона блуждал по пещере, перепрыгивая с одной фигуры на другую. Костяные шипы, скелеты мертвых рыб, мельтешащие пауки, переплетающиеся змеи, разноцветный туман, разнообразие обликов собравшихся здесь людей обескураживало. Ни один из них не повторял другого даже отдаленно. Вот Херрор, а рядом с ним родной брат Деррор. Хальсен, Людориф, Хоффмас и...

— И вот, когда я свел их вместе, объекты...

— Где Лерех?!

Голос Селлиона замер на полуслове, бесцеремонно прерванный возгласом Ивириона. Фигуры некромантов обернулись к говорившему. Среди некромантов прерывать собрата в такой момент считалось верхом беспечности, невежества и глупости. Обычно после такого некромант как минимум приговаривался к наказанию, в худшем же случае его лишали своего титула. Единственные, кому такое могли простить, это новички, лишь недавно ступившие на путь исследования Смерти. Однако Ивирион таковым не являлся. Первым заговорила фигура, сотканная паутиной:

— Брат Ивирион. В чем причина подобного неуважения к нашему собрату?

— Никакого неуважения, Иеремих. Просто скажи мне, где Лерех?

— Лерех?

Фигуры зашевелились, внимательно вглядываясь в пустоту на возвышении, где раньше стоял человек, собиравшийся из древесных веточек. Никогда прежде некромант не пропускал собрание. Ни этот, ни какой-либо другой.

— Я... Я не знаю. Кто-нибудь знает причину отсутствия Лереха?

Ответом было гробовое молчание.

— Герион! — громыхнул голос, больше похожий на рев дикого зверя. — Его тоже нет.

Ивирион обернулся к говорившему: Экраон был огромен и здесь и в реальном мире, поэтому неудивительно, что сила его голоса была так невероятна.

— И Арраса.

— И Йеррена.

— Хоммаса.

— Луффирия!

С каждой последующей секундой некроманты находили все больше и больше прорех в своих рядах. Местами отсутствовало сразу по три некроманта подряд. Ивирион мысленно подсчитал их всех.

— Тринадцать, — во всеуслышание заключил он. — Тринадцать из нас отсутствуют.

По рядам людей прошелся гул, который вскоре слился в единый крик, которым зашлось собрание.

— Тишина! — взревел Экраон. — Замолчите все!

Некроманты немедленно замолчали. Все смотрели на Иеремиха, ожидая от него ответов. Любых ответов.

— Я не понимаю. Где они?

Вот и все, что мог сказать он. Десятки людей ждали от него чего угодно, но не такого ответа. Ивирион отвернулся от собрата, стараясь понять, по какой же причине могли отсутствовать именно эти некроманты.

— Все они живут на окраине, — сказал Миссар. — И Лерех, и Герион, и остальные. Все тринадцать обустроились на границе. А Лерех возле самого Звездного леса.

— И ни одного из них нет, — заключил Цидариас.

И что дальше? Теперь, когда они узнали, что отсутствует почти десятая часть всех некромантов, что должны быть на собрании.

— Необходимо связаться с ними, — произнес Иеремих. — Кто находится ближе остальных к их владениям?

— Своррен.

Некроманты как один обернулись к названному собрату, принявшему облик белого тумана, скованного ржавыми цепями. Покачивающиеся звенья мелко звенели при малейшем движении фигуры.

— Своррен, ты сможешь сделать это? Свяжешься с ними?

Фигура слегка качнулась, что должно было означать поклон.

— Я немедленно отправлю к ним своих посланников. Думаю, к рассвету они вернуться обратно.

— Нет! Нам нужно знать о них как можно быстрее, отправляйся сам, — пророкотал Экраон.

— Хорошо, я немедля выясню, что с ними случилось.

Туман исчез, цепи упали вниз.

— Без всех братьев собрание бессмысленно. Думаю, на сегодня нам лучше прерваться. Соберемся здесь, когда Своррен выяснит причину отсутствия остальных.

Ивирион кинул взгляд на Экраона. Гигант молчал, но в его движениях сквозило беспокойство. Что неудивительно. Возможно, что среди всех собравшихся именно Экраон был наиболее заинтересованной в успехе исследований личностью. Он как никто другой желал избавиться от груза, что тянул его вниз. Проклятия, что пожирало его изнутри.

— Пусть с ними все будет в порядке, — едва слышно просипел гигант, прежде чем осыпаться на постамент бесчисленным потоком косточек, хлынувших вниз.

Религия — яд для людей. Скольких богов мы придумали, а скольких похоронили? Сколько войн было начато, сколько жизней загублено? И все это лишь ради религии. Ради нее одной.

Философ Хайз Гаррек перед казнью.

Он ломился вперед, расшвыривая лапами опавшую листву и ломая засохшие ветки кустов. Фиолетовый огонь в глазницах метался вверх вниз, стараясь уследить одновременно за всей местностью, клыкастая пасть широко раскрывалась и, будь существо живым, от усталости из нее точно вывалился бы язык. Длинные костяные лапы согнулись и с силой вытолкнули тело пса наверх. Взобравшись на земляной холм, возвышавшийся над местностью, голый череп начал вертеться в стороны.

Над головой пролетел ворон, сияя фиолетовым светом. Пес внимательно наблюдал за движением птицы, которая приземлилась на ветку. Ворон, также как и пес, состоял лишь из одних костей. Однако, в отличие от своего товарища, вокруг него было призрачное фиолетовое сияние, которое придавало ему сходство с живым: призрачные перья, глазки. Сложив за спиной крылья и присев на землю, они стали ждать последнего из их троицы.

Третье существо, двигалось по самым верхушкам многочисленных деревьев, перепрыгивая по толстым веткам. Скелет пантеры, приземлился перед псом на землю и воззрился на своих товарищей. В глазницах пантеры плясало пламя, а клыки и когти были выполнены из некоего минерала фиолетового цвета.

Встретившись, эти существа недолго глядели друг на друга, а затем, объединенные единой волей, побежали вперед. Ворон взлетел в небо, за ним, разбрасывая лапами комья земли, побежал пес, а пантера двигалась по деревьям, прыгала с одного на другое, ломая ветки и обрушивая вниз целый дождь из умирающей листвы.

Вся вместе троица преодолела больше двенадцати километров, прежде чем перед ними оказались те земли, что они должны были посетить. Дорога заняла у них мало времени, ведь мертвым животным уже не требовались ни еда, ни вода, ни воздух. Им были неведомы усталость, поэтому они и не искали отдыха. Все чего они желали — достичь своей цели как можно быстрее.

Выбежав туда, где раньше находились земли одного их некромантов, животные остановились.

И попятились.

Это место не имело ничего общего с тем, каким его помнила объединившая животных воля. Раньше здесь возвышался дворец с десятком этажей, занимавший почти половину поляну, которая расположилась за лесом. Теперь же величественное сооружение было разрушено и окружено десятками костров.

Множество людей в белом бегали по руинам, что раньше были дворцом могущественного некроманта по имени Хоммас. И ни один из них имел ничего общего со слугами некроманта. На их одежде, доспехах и флагах был нанесен один единственный символ: две пересекающиеся линии синего и красного цвета, образующие некое подобие буквы X, а у некоторых на нагрудниках были нанесены крупные черные кресты.

Люди ходили от одного костра к другому, разжигали новые, возводили палатки и воздвигали на руинах дворца белоснежные знамена. Кто-то читал речь перед преклонившими колени воинами, обратившими свои мечи к земле. А иные выносили из развалин дворца стопки толстых книг, которые без церемоний бросали в безжалостное пламя, что пожирало их за считанные секунды.

Пес склонил голову, словно пытаясь взвзвять, в бессильной злобе глядя на то, как труды, добытые годами упорного и тяжелого труда, на его глазах обращаются в пепел, разносимый ветрами по округе.

Ворон взмыл в воздух, осматривая территорию дворца сверху. Везде, насколько позволял взгляд, виднелись яркие огоньки костров. Они простирались далеко за территорию, что контролировал Хоммас, уходя вдаль. Туда, где жили Аррас и чуть дальше и Герин. И везде пылало яркое пламя пожарищ.

Что эти люди здесь делали? Были ли это захватчики или воины, по недоразумению принявшие здешних жителей за врагов? Быть может они просто не ведали того искусства, которым владели некроманты? В любом случае необходимо было выяснить, так ли это. А если нет, узнать истинную причину нападений. Но перво-наперво выяснить, живы ли некроманты.

Первым двинулся вперед ворон. Спикировав вниз, он быстро пролетал над занятыми делом людьми, высматривая все более и более интересные детали. Везде, где имелись большие скопления этих людей, были и другие воины. Они носили сине-белые доспехи, а в руках сжимали длинные мечи и массивные посохи. Именно с ними и разговаривали люди, по одному подходя к мужчинам и преклоняя колени.

Далее виднелись большие крытые повозки, в которых лежало столько оружия, что не верилось, будто в мире и правда была армия таких размеров, чтобы на ее снабжение потребовалось такое количество вооружения. Из некоторых повозок доставались массивные, обернутые в ткань предметы, на поднятие которых требовались усилия сразу десяти взрослых мужчин. Они медленно продвигались со своим грузом через толпу людей, которые с трепетом расходились в стороны.

Следом за вороном вперед побежала пантера. Аккуратно пробравшись в лагерь людей, скелет некогда прекрасного хищника начал пробираться вперед, старательно избегая больших скоплений людей.

Пес остался там же где и был, по-прежнему напряженно рассматривая лагерь и руины дворца в поисках любых изменений, которые бы говорили об угрожающей им опасности. Он не замечал ничего подобного, но люди были вооружены и постоянные патрули пересекали лагерь по всей площади. Вооружены, значит опасны. Опасны, значит нужно быть начеку.

Ворон приземлился на верхушке одного из шатров, с любопытством наблюдая за людьми. Его взгляд упал на тех, кто нес тот самый груз, что был завернут в ткань. Мужчины, тяжело дыша, положили свою ношу на землю. Ворон наклонил голову-череп, рассматривая открывшийся его взору предмет. Это была изящная статуя человека трех метров в высоту, выполненная из темно-синего камня, одетого в простую тогу, спускавшуюся ему до ступней, а голову его покрывал венчик из молний. Через пару секунд она уже была поставлена вертикально. Возвышаясь над людьми, она, будто генерал, наблюдала за армией, готовой броситься на врага в любую секунду.

Вскоре подоспела и вторая группа мужчин. Они несли еще одну статую мужчины, но эта являлась полной противоположностью предыдущей. Она тоже была выполнена в форме

мужчины, но в отличие от предыдущей статуи на ней были доспехи. Грубые, массивные, угрожающие. Статуя была выполнена из красного камня, голову опутывало пламя, в одной руке зажат массивный изогнутый меч, а во второй полыхал огонь. Статуя заняла свое место рядом со своим собратом. Их поставили спина к спине, аккуратно скрепив между собой. Они словно были двумя братьями, столь похожими, но так разительно отличающимися друг от друга.

Ворон отвернулся от этого зрелища и вновь взлетел в ночное небо. Он кружил по небу, пока пантера не обнаружила то место, в котором они могли узнать так необходимую им информацию.

Пантера довольно долго кралась по лагерю, стараясь держаться как можно дальше от больших скоплений людей и как можно ближе к теням, в которых был шанс затеряться. Пробираясь по лагерю, хищник старался прислушиваться ко всем голосам, которые только мог слышать. В основном это были лишь жалобы на отвратительную местность, тихие молитвы одиноких воинов и злые ругательства, обращенные к неким слугам тьмы.

Постепенно пантера начинала понимать топографию лагеря и смогла найти его сердце. Большой желтый шатер, окруженный десятком солдат. Это было единственное место во всем лагере, кроме периметра, которое охранялось таким количеством людей. Даже возле повозок с оружием было меньше воинов, чем здесь. Значит, внутри должно было находиться что-то такое, ради чего стоило вставлять такую охрану.

Пантера аккуратно продвигалась вдоль палаток и шатров, не решаясь подойти ближе. Нельзя, чтобы ее обнаружили. Она не могла проникнуть внутрь, нужно чтобы это сделал кто-то другой.

Ворон приземлился на самую верхушку шатра и начал деловито прохаживаться по нему. Ткань была качественная, жесткая и не позволяла ни видеть, что происходит внутри, ни слышать разговоры. Острый клюв раскрылся и быстро выстрелил вниз, намертво вцепляясь в нитки. Ворон уперся своими лапками и с яростью начал дергать черепком. Трех рывков хватило, чтобы надорвать ткань. Прodelав в шатре дыру подходящего размера, птица скользнула внутрь.

В шатре находилось чуть больше десятка людей, собравшихся вокруг большого прямоугольного стола с закругленными краями. На столешнице была расстелена карта, занимавшая большую ее часть. Края ее удерживали две чернильницы, толстая книга и стопка бумаг. Люди, окружившие стол и нависшие над картой, были облачены в полный комплект доспехов, шлемы они держали на сгибе локтя или на столе. Оружие они оставили на длинной стойке, располагавшейся подле них. Освещался шатер огнем от нескольких подсвечников на длинных ножках.

Ворон немного покружил под потолком и, не найдя для себя подходящего места, вцепился коготками в полог шатра. Свесившись вниз головой, птица начала прислушиваться.

— Прекрасная работа, сэр Нортон. Возможно, завтра мы и правда сможем продвинуться в этом направлении дальше, чем предполагалось ранее. Благодаря твоей находке, мы сможем вовремя перебросить воинов виконта Вахиила, и он присоединится к графу Оллону.

— Благодарю вас, милорд.

Высокий статный воин в блестящем доспехе склонился над картой, взял в руку деревянную фигурку, изображающую вставшего на дыбы коня и быстрым движением придвинул ее к соседней.

— Итак. Благодаря тому, что мы так удачно нашли эту переправу через реку, наша

линия фронта наконец-то начинает выравниваться. Мы довольно быстро смогли захватить приграничные территории некромантов, — после этого слова все воины дружно сплюнули на пол, словно мужчина сказал что-то неприятное. — Однако дальше нам нужно быть осмотрительнее.

— Некроманты на отшибе — слабы. Самые сильные и могущественные из них находятся в самом сердце их прогневших территорий, — прошептал один из мужчин, поводя рукой по плавным линиям на карте.

— Совершенно верно. Если до этого мы с легкостью одерживали победы, пользуясь нашим преимуществом внезапности, то теперь мы должны постоянно быть настороже. Мы не знаем, насколько сильны слуги тьмы, что они могут против нас выдвинуть и сколько тварей, порожденных ими, бродит по этим землям. Хотя по тем ужасам, что мы видели в их подземельях, у вас уже должно было сложиться какое-то впечатление об их силе.

— Возможно, что наша маскировка под купцов еще сработает пару-тройку раз, господин. Мы должны использовать ее до тех пор, пока есть такая возможность. Когда дойдет до открытых столкновений необходимость в подобных трюках отпадет, но до тех пор мы должны воспользоваться этим преимуществом.

— Я тоже так решил, Виктор. Именно поэтому я направил гонца к герцогу Шеллену. Если получится, он первым начнет открытые битвы с некромантами, а мы тем временем воспользуемся суматохой и проникнет так глубоко на их территорию, как только сможем.

— Это в том случае, если о нас не узнают раньше, господин.

— Не узнают. Мы уничтожаем всех свидетелей, захватываем все деревни, что попадают на нашем пути. Никто не мог передать предупреждения.

— А что делать с теми, кто мог увидеть нас издалека? Такую большую армию сложно скрыть, даже если территории, по которым она идет, едва ли не представляют собой пустыню. Тем более что дым от пожаров должен был кого-то хотя бы встревожить. Конечно, до сих пор не было ни одного признака того, что о нас известно врагу. Ни разведчиков, ни нежити, ни кого-либо еще. Но мы должны быть настороже.

— Отлично, на том и порешим. Герцог начнет наступление, Вахиил и Оллон объединятся и начнут продвижение на своем фланге, а мы в это время начнем прорыв вглубь территории врага, — мужчина пристально посмотрел на окружавших его людей. Те согласно кивали, полностью одобряя план действий своего командира. — Архиейер Сиптуаг? Что вы можете сказать на этот счет? Вы поддерживаете наш план?

Вперед вышел воин, одетый в синий с золотом доспех. Одна его рука сжимала древко массивного посоха, а вторая покоилась на поясе. На его обритой голове отражались огоньки свечей, а подбородок украшала седая бородка. Он медленно прошествовал к столу, с грохотом опуская посох на мерзлую землю. Он был единственным из присутствовавших, кто не оставил своего оружия на стойке.

— Я согласен. Чем раньше мы выступим в открытую, тем быстрее мы сможем выжечь эту мерзость с лица земли.

— Отлично, тогда так и сделаем.

Ворон услышал все что хотел. Цепляясь коготками и клювом за ткань, он начал пробираться обратно к дыре, что проделал в шатре. Уже когда он добрался до нее, что-то заставило птицу опустить взгляд вниз. Какая-то сила, словно натянутая цепь, заставила его посмотреть, что же происходит позади.

На него смотрел воин с посохом! Его рука указала на ворона:

— Я вижу тебя, маленький колдун.

* * *

Пантера в нетерпении скребла твердую землю. Ворон слишком задержался там внутри. Воля, что объединила все три существа в их неживом состоянии, разделилась сразу между всеми, поэтому ни один из них не знал то, что знал другой. Все что они воспринимали друг от друга, это самые сильные эмоции, которые только мог испытать любой из них. И в тот самый момент пантера почувствовала ужас. Дикий, неконтролируемый, животный ужас. И исходил он от ворона!

Пантера вскинула голову и всмотрелась в шатер, пытаясь понять, что же происходит внутри. И внезапно она услышала шаги. И раздавались они прямо за ее спиной.

Хищник развернулся и практически уперся прямо в кованый сапог. Перед ней стоял один из тех воинов с посохами, что проповедовали перед воинами в лагере. Мужчина опустил голову и хищно улыбнулся:

— Приветствую, мразь. Не сопротивляйся, и все будет быстро.

Пантера сделала прыжок назад, стремясь оказаться как можно дальше от своего противника, но наткнулась лишь на что-то жесткое. Сплошная стена из высоких щитов, которые удерживали семеро солдат, воздвиглась за ее спиной в одно мгновение, отрезав все пути к отступлению.

Мужчина шагнул вперед, вскидывая посох одной рукой с такой легкостью, словно он не был сплошным куском металла:

— Я же просил не сопротивляться!

Навершие ударило в тело пантеры, с легкостью сокрушив ребра и позвоночник. Останки швырнуло на щиты, сбив с ног незадачливых солдат. В глазницах черепа еще тлели фиолетовые огоньки, когда на него опустился сапог.

— Мертвые должны оставаться в земле, а живые — ходить по ней.

Отступив на несколько шагов назад, он обернулся к солдатам:

— Возьмите коней, на границе лагеря должен быть еще один. Найдите его и уничтожьте.

— Будет сделано, протоиерей!

— Во славу двух богов!

* * *

Ворон вылетел из шатра так быстро, словно за ним гналась вся армия Преисподней. Он почувствовал как пала пантера, уничтоженная одним ударом. В лагере поднялась шумиха, солдаты вскакивали на ноги и глядели на небо, пытаясь понять, что же такое вылетело из шатра и сейчас старалось скрыться во тьме ночи. Ворону удалось миновать большую часть того пути, что отделял его от долгожданной безопасности, когда люди достали свои луки.

Первые стрелы прошли мимо, однако одна из них все же достала крылатую марионетку некроманта. Наконечник прошел сквозь прозрачное оперение ворона, нанеся вред той силе, что удерживала существо в его нынешнем состоянии не-жизни. Полупрозрачное крыло

исчезло, явив взору наблюдателей голую кость. Ворон начал падать, но через мгновение оперение вновь вернулось на место, и птица взлетела наверх.

Ворон почти успел покинуть лагерь, когда его настигла очередная стрела. Стальной наконечник угодил прямоком в сустав, начисто отрывая крыло. Маленькое тельце камнем рухнуло вниз. Никакая магия не смогла бы восстановить птицу после таких повреждений, поэтому сила, что поддерживала в ней некое подобие жизни, начала отступать. Последнее, что успели увидеть угасающие глаза, это две стоящие спина к спине статуи, у ног которых оказалось несчастное создание. И если раньше они внушали трепет и восхищение, то теперь их сменил страх.

* * *

Пес, разбрасывая костяными лапами листья, прорывался сквозь множество кустов, отрезавших его от леса. Ему приходилось бежать не тем путем, что привел его с другими существами к лагерю, поэтому дорогу приходилось выбирать наугад. Нельзя было бежать по прямой, так его найдут намного быстрее. Необходимо было запутать следы и лишь тогда, убедившись, что все безопасно, он решится вернуться во дворец. Некроманту нужно время, чтобы полностью перенестись обратно в свое тело. Если при этом пса обнаружат и уничтожат, он испытает такую сильную боль, что отравление Черной смертью покажется ему легким дискомфортом. Он уже перенес шок от гибели ворона и пантеры. Третья смерть будет хуже и может оказаться фатальной.

Перепрыгнув через поваленное дерево, он на секунду остановился. Шум позади все нарастал. Стук копыт о твердую землю, тяжелое дыхание коней, слегка приглушенные шлемами крики, лязг оружия, что прорубало им дорогу в зарослях. Они были уже близко!

Рванув резко влево, пес начал скакать по валунам, в великом множестве разбросанным по той части леса, в которой он надеялся окончательно оторваться от преследователей. Прыжок, прыжок, еще прыжок. Валуны раскачивались под ним, некоторые даже скатывались вниз по пригорку, на который он упорно взбирался. Очередной рывок, и вот он уже на вершине. Еще немного, и дальше будет легче.

Пес побежал вперед, но внезапно земля под ним провалилась. Изломанные ветки и мох разверзлись под его костяным телом, открывая взору отлично замаскированную яму для ловли животных.

С треском рухнув на дно, пес мгновенно поднялся. Только не это! Ему не выбраться отсюда, яма слишком глубокая, а он совершенно не приспособлен для того, чтобы лазать по отвесным стенам. Бросившись на стенки, он пытался подтянуть себя наверх. Его лапы тщетно старались отыскать малейшую неровность, что помогла бы ему выбраться. Но все было безуспешно. Его лапы не доставали до края ямы целого метра. Метра, который он никоим образом не сможет компенсировать!

Во время очередного прыжка ему почти это удалось, и в нем затеплилась надежда на успех. Ровно до того самого момента, когда на краю ямы показалось множество людей с оружием. Пес прекратил прыжки и начал напряженно всматриваться в лица разгневанных солдат.

— Отвратительная тварь.

— И не говори. Сколько же у них еще таких мерзких созданий?

— Архирей говорит, что каждый некромант может управлять как минимум сотней таких. А некоторые даже тремя сотнями сразу!

Люди напряженно смотрели на костяного пса, который, уже не видя выхода из сложившейся ситуации, смирился со своей судьбой и просто сидел на холодной почве, не предпринимая никаких попыток выбраться наружу.

— Добейте его, и мы можем вернуться обратно.

Воины подняли копья и мечи.

— Не будьте идиотами. Это же кость! Возьмите молоты и булавы. Пара ударов и ему конец.

Земля осыпалась вниз, когда в яму спрыгнули сразу три мужчины, сжимающие в руках свое угрожающее оружие. Первый удар обрушился на череп пса, но тот выдержал. Вторым сломал передние лапы, третий перебил позвоночник, четвертый пробил грудину. Уже к пятому удару создание было мертво, а к девятому от его скелета не осталось ни одной целой кости.

* * *

— Хозяин!

Своррена отшвырнуло назад. Некромант стоял посреди большого девятиугольника, начертанного на полу его кабинета. В окружении десятка реликвий, питающих его своей силой, и семи слуг, направлявших его действия во время ритуала, он разделил свое сознание между тремя своими марионетками. Каждое существо получило частичку его сознания. Каждое из них направлялось им ради одной единственной цели.

И каждое из них погибло. Вторым раз в своей жизни эти несчастные существа уничтожались. Они больше никогда не будут призваны в этот мир, а их останки никто не похоронит. Они чувствовали боль от своей второй смерти, но она была ничем, по сравнению с тем, что пришлось испытать Своррену.

Некромант пролетел больше трех метров по воздуху, прежде чем с силой удариться о стеллаж. Мужчина громко вскрикнул, и рухнул на пол. Сверху на него обрушился целый ливень из книг, которые слетали со сломанных книжных полок. Бесценные фолианты и свитки разбросало по полу.

Некромант громко застонал, пытаясь подняться, но у него не получалось. Его подхватили и заботливо усадили в кресло сильные руки слуг, которые с беспокойством всматривались в лицо своего хозяина.

— Господин, вы в порядке? Пожалуйста, не молчите! Да принесите же кто-нибудь воды!

Несколько слуг выбежали из помещения и вернулись с большим графином, наполненным какой-то мутной жидкостью.

— Не нужно, — едва смог просипеть Своррен.

— Хозяин, прошу вас! Вам необходимо выпить, — практически взмолился слуга, поднося к растрескавшимся губам некроманта графин.

— Я сказал, не нужно! — слугу отшвырнуло прочь от некроманта, когда тот нанес ему довольно чувствительный удар. Графин разбился об пол.

Своррен встал на ноги и, шатаясь в разные стороны, зашагал к окну.

— Хозяин, вы в порядке? — слуги помогли подняться своему товарищу, которому не посчастливилось навлечь на себя безудержный гнев некроманта, и вывели его из кабинета.

Молчание затягивалось. Раздавалось лишь тяжелое дыхание некроманта, который через силу выталкивал воздух из своих легких.

— Хозяин?

— Чего тебе, Аннел?

— Вы в порядке?

— В порядке? В порядке?! — некромант в ярости развернулся к слуге, отбрасывая прочь ту слабость, что сдерживала его еще несколько секунд назад. Теперь он вновь являл собой тот идеал мощи, к которому давно привыкли слуги. — Я только что испытал смерть, Аннел! Я три раза умер! Ты можешь себе такое представить? Возможно, ты уже когда-то умирал и возвращался вновь? А возможно ты способен собрать мою душу, что только что была разорвана на части? Представь себе, словно тебя порвали на куски, а затем все это разрезали на еще более мелкие кусочки и собрали заново. Собрали, как попало. побыстрее, чтобы человек не почувствовал, будто бы был мертв. Да вот только ты чувствуешь боль. Каждая секунда, каждое мгновение, что тебя перекраивали заново, отпечатались в твоём разуме так сильно, что ты можешь чувствовать эту агонию даже тогда, когда ее нет. И вот если это с тобой произойдет, если ты испытаешь то, что я только что пережил всего за одно мгновение, тогда и скажи мне, будешь ли ты в порядке после такого, хорошо?

Некромант, тяжело дыша, прошествовал к своему столу и с легким вскриком сел на столешницу. Кости ломило, кожа горела, глаза стекленели, внутренности сжимались в ком. И это было лишь начало. Дальше ему будет хуже. *Намного хуже.* Но ему нужно выдержать это. Выдержать и доложить о своей находке собратьям. Если не ради себя, то ради всех остальных.

— Подготовьте для меня семнадцатый круг. Я должен немедленно поговорить с остальными, — Своррен сплюнул кровь, с трудом прохаживаясь по кабинету. — Я не знаю, что нас ждет, но лучше подготовьтесь к худшему. Пусть все крестьяне в округе придут во дворец, ворота за ними закройте. Выводите из подземелий все экземпляры, которые мы способны контролировать и которые могут оказать сопротивление врагу.

— Врагу, господин?

— Да, Аннел, врагу.

Слуги, недоумевая, выбежали из кабинета и бросились выполнять полученные поручения. Своррен вернулся к своему столу и вытащил из ящика два кольца, сделанных из крысиных черепов. Надев их на пальцы, некромант склонил голову и плотно зажмурился.

— Иеремих! Собирай нас. Собирай всех некромантов, — Своррен раскрыл глаза и печально оглядел помещение. — Пока я еще жив.

* * *

— Возможно ли такое?

Взгляд каждой пары глаз обратился к Своррену. Туман, из которого он здесь состоял, был довольно блеклым, словно бы растерявшим всю свою белизну, а цепи выглядели еще более ржавыми, чем обычно. Да и голос некроманта утратил всю прежнюю властность. Казалось, будто он смертельно устал и желал лишь немного поспать.

— Я видел это своими глазами, Экраон. Армия, равной которой еще не было в этих землях. Ни охотники на монстров, ни бандиты, ни искатели сокровищ не могут даже близко стоять рядом с тем, что я только узрел. Они не простые воины, которые решили пройти через наши земли, и не сбившаяся с пути армия. Они явились сюда лишь затем, чтобы истребить нас. Всех нас. Я видел их карту. Они решали, как будут атаковать. Я буду их следующей целью. Последним будет Экраон, первым был Лерех. Следующим буду я. А в своем разговоре они называли нас слугами тьмы. Словно бы мы какие-то нелюди, желающие людям зла!

— Слугами тьмы? Ты уверен?

— Абсолютно.

После этого в пещере воцарилась гробовая тишина.

— Сколько их? Назови любую цифру, которая по твоему мнению будет наиболее близка к реальной, — потребовал Иеремих.

— Я не знаю. Тысячи. Минимум восемь-девять тысяч. Но скорее всего, больше. Намного больше. Я видел далеко не всех.

— Восемь тысяч! — Иеремих был ошеломлен.

— И правда, мы никогда не сталкивались с подобным, — произнес Ивирион. Он молчал с того самого момента, как объявился Своррен и поведал им о своей страшной находке. — И что будем делать? Мы не можем позволить им разгуливать по нашей земле и вырезать нас одного за другим! Я не собираюсь дожидаться того момента, когда под моими стенами соберется армия и уничтожит все, что я создавал последние двести лет. Я не позволю им погубить все, чего мы добились!

— Успокойся, Ивирион. Мы что-нибудь придумаем, — пытался увещевать его Иеремих, но даже по его голосу было понятно, что он сам не представляет как найти выход из сложившейся ситуации.

— Своррен, как долго ты сможешь поддерживать с нами контакт? — спросил Экраон.

— О чем ты?

— Не притворяйся, будто с тобой все в порядке. Я вижу это, хоть ты и тщетно пытаешься закрыться от нас ширмой силы. Ты ослаб, и это сильно сказывается даже на твоём образе. Ты напрасно пытаешься сделать вид, будто все в порядке. Что случилось, пока ты был там?

Туман колебался из стороны в сторону, словно обдумывая рассказать ли присутствующим всю неприятную правду.

— Я умер, пока поддерживал контроль. Было больно. Очень.

— Сколько раз?

Своррен снова ненадолго замолчал:

— Три.

— Три смерти сразу?

— Да. Поэтому я и попросил созвать вас всех как можно скорее. Если меня не убьют захватчики, то я точно не переживу следующие три дня. Слишком большая нагрузка для одного раза. Слишком много, для одной души.

Своррен замолчал, дав своим братьям время осознать сказанное им. Даже одна гибель существа, которое некромант берет под свой полный контроль, наносит сильнейший удар по жизненной силе человека. Две смерти гарантировали нестерпимую боль, что в течение многих недель преследовала бы некроманта. Три смерти — практически стопроцентная

смерть через неопределенный срок. И Своррен уже чувствовал ее приближение. Его жизненная сила угасала, дух разрывало на десятки мелких лоскутов, которые растаскивались в стороны. Если повезет, он доживет до того момента, как к его дворцу прибудет вражеская армия и сможет оказать ей хоть какое-то сопротивление.

Однако бывали и исключения. Случалось, что сколько бы смертей не наступило, контролирующий существ некромант не несет существенный урон. Ивирион относился к тем немногим исключениям. Благодаря тому, что он был пиррионом, ему не требовалась полная отдача себя, для контроля над существами, в тела которых он переносился. Если Своррен использовал собственную жизненную силу, то Ивирион заменял ее пламенем. Разум контролировал пламя, а пламя контролировало существ. Если существо умирало, то исчезал лишь огонь, а не часть души. Ивирион никогда не чувствовал того, что сейчас испытывал на себе Своррен, и радовался, что ему не доведется пройти через это. Но он не мог не уважать своего собрата за то, что тот через боль и мучения прибыл на собрание и донес до их сведения такую жизненно важную информацию.

— Что ты сможешь им противопоставить?

— Если честно, то я и сам не знаю. Быть может сотню оживленных. Может быть две. Если повезет они даже смогу держать оружие. Я еще ни разу не пробовал приказать им такое. Конечно, больше пользы будет от возвращенных к не-жизни хищников и монстров, но у меня их слишком мало.

— Твои помощники смогут принять участие в битве? Я имею в виду не физически, а в магическом плане.

— Семеро уже овладели основами. Еще двое только начали учиться, поэтому пользы от них не будет.

— И все они — глоссерианы?

— Да.

— Это плохо. Вы мало что сможете им сделать.

— Я тоже так считаю.

— Своррен, — обратился к страдающему некроманту Экраон. — Мне жаль, что с тобой такое произошло, — костяной гигант качнулся, словно бы отвешивая вежливый поклон. — Я уважаю твою решимость. Ты готов драться даже перед лицом смерти.

— Спасибо, Экраон.

После этих слов туман рассеялся, а ржавые цепи рассыпались.

— И вот одним из нас стало меньше, — произнес Иеремих.

— Ты и правда думаешь, что он будет последним из тех, кто погибнет, Иеремих? Мы не воины, не боевые маги, не генералы. Мы не можем драться как солдаты, мыслить как солдаты, действовать как солдаты, — Ивирион оглядел всех присутствующих. — Мы не можем противостоять им, если будем действовать по одному. Нам нужно измениться и объединить усилия. Всем нам.

Иеремих выглядел так, словно был смущен: его движения стали неуверенными, а сам он поворачивался из стороны в сторону, словно искал поддержки у других некромантов.

— Ивирион прав, — пророкотал Экраон. — Возможно, пиррионы и штейгеры еще смогут оказать какое-то сопротивление врагу, а вот остальным будет намного сложнее. Их магия не подходит для каких-либо битв, только для исследований.

— А можем ли мы точно сказать, что эти люди — наши враги?

Все фигуры некромантов резко развернулись, с недоумением воззрились на

говорившего.

— Что ты хочешь сказать, Силирос?

Темная материя, в центре которой сияли миниатюрные звезды, дернулась:

— Мог ли Своррен неправильно истолковать слова этих людей? Быть может, их цель находится где-то в другом месте, а мы просто оказались на их пути, и они приняли нас за своих врагов? Своррен сказал, что они назвали нас слугами тьмы, но ведь это определение не относится к нам! Мы служим людям, а не неведомым силам зла. Просто я хочу сказать: почему бы нам не выслать к ним кого-то из наших слуг? В качестве парламентаря. Быть может, у нас получится с ними договориться?

— Силирос, — Ивирион покачал головой. — Ты жалок. Ты даже не представляешь, как глупо сейчас звучал. Эти люди пришли на нашу землю. Они убили Лереха и еще десяток наших братьев. Они обрекли на смерть Своррена, собственноручно подписав ему смертный приговор. А теперь ты говоришь, что они не хотят причинить нам вреда. Ты что совсем идиот?

Фигура Силироса резко развернулась к Ивириону, звезды в глубине темной материи засияли кроваво-красным светом, выражая всю ту смесь эмоций, что испытывал молодой некромант.

— Побольше уважения, Ивирион! Я также силен, как и ты. И дворец у меня немногим меньше. И...

— И ты жалок, — холодно заметил Ивирион. Зеленые языки пламени закружились, придавая его лицу большую четкость. — Я — могущественнейший пиррион, шавка. Не тебе, ничтожество, перечить мне. Не тебе сравнивать свою силу с моей.

— Да кто ты такой, чтобы указывать мне?!

— Силирос!

Стуток темной материи дернулся и пошел рябью, когда некромант едва не утратил контроль. Экраон поднял руку, прерывая поток слов, готовый вырваться в его сторону:

— Помолчи, мальчик. Ты еще слишком молод, чтобы так разговаривать с Ивирионом. Возможно, его слова были излишне резки, но он сказал правду. Ты жалок. Я понимаю, что ты боишься, ведь вслед за Сворреном, очередь вскоре дойдет и до тебя. Однако оглянись. Тебя окружают твои братья. Геххес, Кассиус, Лосорен. Ни один из них не боится. Ни один из них не заходится в истерике, пытаюсь убедить себя и нас, будто эти люди пришли с миром. Они не боятся! А ведь они намного ближе к границе, чем ты. Сохрани хоть какие-то остатки гордости и заткнись, тогда я не буду разочарован в тебе сильнее, чем сейчас.

Фигура Силироса замерла, красный свет потух. Некромант пару секунд молчал, а затем с неприязнью бросил:

— Экраон. Ты сильнейший и мудрейший из нас, но это не означает, что ты всегда прав. Я верю, что с этими людьми можно договориться. Если необходимо, я один пойду к ним в лагерь и постараюсь понять их. Быть может, я и идиот, но я также знаю, что свою точку зрения нужно отстаивать до конца. Мы всегда должны идти до конца, чего бы это ни стоило.

Ивирион громко фыркнул, уже не в силах сдерживаться:

— Ущербная логика. Ты молод, наивен и глуп. Делай, как знаешь, но если тебя растерзают на куски, когда ты протянешь им руку в качестве жеста дружбы, ко мне можешь не обращаться.

— Уж поверь мне, не обращай.

Молодой некромант взмахнул призрачно-черными руками и исчез. Ивирион еще

некоторое время глядел на возвышение, стараясь понять, куда заведет Силироса его наивность.

Не стоило провоцировать его, Ивирион. Силирос еще молод и глуп, ему недостает гибкости и силы, но не занимать упрямства.

Он слишком зарвался, Экраон. Молод, глуп? Это его проблемы. Нам нужно пытаться спасти положение, а не искать оправдания.

Ты прав. Нам нужно спасти положение...

Умирать не страшно, но больно. Очень больно. Это ощущение вытесняет любые эмоции. Умирающие не боятся смерти, им не до того. Бояться стоит живым — их это еще ждет впереди.

Святой Игнаст на смертном одре.

Своррен рухнул на пол. Холодный камень был расчерчен десятками извивающихся линий, заключенных в один большой круг. Силы некроманта почти иссякли, на большее сейчас он не был способен. Оставалось лишь надеяться, что враг не доберется сюда раньше времени. И что он доживет до того момента, когда дворец будет атакован.

С трудом ухватившись за отполированную столешницу, мужчина подтянул себя наверх и принял некое подобие стоячего положения. Даже такое простое действие, как общение со своими братьями, отняло у него все силы. А ведь ему еще предстояло руководить своими людьми в предстоящей подготовке к битве!

Некромант на нетвердых ногах покинул свой кабинет и направился на улицу. Коридоры были пусты: слуги и помощники Своррена были слишком заняты, чтобы без дела слоняться по дворцу. Выбравшись во двор, освещаемый бледным светом восходящего солнца, Своррен огляделся.

Люди работали. Никто не отлынивал. Одни выводили все новые и новые экземпляры, запертые в его лабораториях и подземельях, другие подкармливали лошадей, которые могли понадобиться людям в любую минуту, а кто-то готовил массивный дубовый засов, который должен был окончательно затворить ворота.

Возвращенные к не-жизни существа шли, объединенные между собой единой волей помощников Своррена. Первыми были выведены те, кто уже давно стал предметом исследований некроманта и был больше всего подвержен контролю. Эти люди уже давно лишились любых отличительных признаков: от них остались лишь голые гладкие кости, удерживаемые между собой с помощью магии. За ними шли более молодые экземпляры, у которых кое-где еще сохранились мышцы, сухожилия, а у некоторых была даже одежда. Последними вывели тех, кто не являлся человеческим существом ни сейчас, ни при жизни. Не было ни одного существа, похожего на другого: двуногие, шестиногие, монстры, похожие на костяных рыб с многосуставными конечностями, и еще более невообразимые твари.

Все это многообразие возвращенных к не-жизни существ пересекло двор и разделилось на две группы. Те, что не являлись людьми остались внизу, под контролем двоих помощников Своррена. Остальные же поднялись на стену, где им вручали то небольшое оружие, что смогло отыскаться во дворце. Ржавые мечи, тупые топоры, трескающиеся молоты, поломанные косы, массивные дубины. В ход шло все, что только могли держать оживленные. Большая часть из них осталась безоружна, но даже в таком состоянии они могли принести хоть какую-то пользу, если их правильно использовать.

Своррен прошел между людьми и спустился в одно из опустевших подземелий. Миновав довольно крутую лестницу, некромант направился в самый дальний угол помещения. Туда, где стоял его рабочий стол.

Темное дерево столешницы уже давно покрылось трещинами, а золотистая роспись на

ножках стерлась. Он перестал приковывать к себе восхищенные взгляды людей и поэтому казался подходящим для душного, заполненного заплесневелыми клетками помещения.

Своррен вынул несколько длинных ящиков и вытряхнул их содержимое на стол, несколько не заботясь о тех бесценных записях, что лежали там. Больше они ему не понадобятся. А если он каким-то чудом выживет, то он легко сможет их восстановить. Множество свитков затопили собой всю поверхность стола. За ними последовали вываленные из второго, а затем и третьего ящика. Некромант продолжал эту процедуру до тех пор, пока не опустошил все восемь.

Своррен был глоссерианом. Он постиг это искусство довольно давно, а затем взялся обучать ему своих помощников. Глоссерианы не были предназначены для битв, но в крайнем случае могли постоять за себя. Проблема была лишь в том, что у Своррена, даже если он вовремя успеет подготовить дворец к битве, не хватит сил на использование могущественнейших свитков. Он просто не успеет восстановиться после трех смертей до того момента, как под его стенами окажется армия врага. Если конечно он сам не умрет раньше. А его помощники еще слишком слабы и не смогут использовать даже половины из того, что имеется в его распоряжении.

Глоссерианы были искусными некрмантами. Их сила была в какой-то степени красива и впечатляюща, но по мощи они даже близко не стояли со штейгерами или пиррионами. Глоссерианы использовали свитки, в которые были заключены их заклятия, а иногда и существа, которых некрманты сочли слишком интересными, а иногда и опасными, чтобы держать в клетках с остальными экземплярами. На создание свитка у глоссериана уходило от одного дня до трех месяцев. Все это время некрмант должен был подпитывать бумагу своей силой, наполняя каждую букву, каждую пентаграмму, каждую линию мощью, которая в будущем должна была быть использована в один миг.

Главная проблема заключалась в том, что для того чтобы использовать свиток, глоссериан должен полностью сосредоточиться на нем. Простые заклинания и существа призывались за несколько секунд, но сложные требовали и более тщательного использования. В бою времени на подобное не будет. Значит, нужно было отобрать лишь те из них, которые будут полезны при обороне, но чтобы при этом их можно использовать как можно быстрее и без риска для глоссериана.

Больше половины свитков Своррен отmel не раздумывая. Еще десяток отложен в сторону. Быть может, позже он и возьмет их, но это будет скорее от отчаяния. Оставшиеся свитки он тщательно рассортировал. Самая большая кучка относилась к атакующим и оборонительным заклинаниям. Вторая — для призыва существ, заключенных и скованных при помощи магических оков. Третья — для тех заклинаний, которые были могущественны, но для их использования требовались сразу два-три человека.

Быстро просмотрев кучки, Своррен достал три мешка и быстрыми движениями заполнил их. Выбравшись обратно на улицу, некрмант прошел к каменной лестнице, ведущей на вершину стены. С трудом переставляя ноги и преодолевая по одной ступеньке за раз, Своррен забрался наверх.

Семеро помощников некрманта быстро осматривали мертвецов, пытаясь найти любые признаки нестабильности. Своррен облокотился на зубчатую стену, осматривая окрестности своего дворца. Он расположился на большом пустыре, окруженном землей, на которой никогда ничего не росло, и торфяными болотами. Не очень хорошее место, чтобы возводить здесь такое внушительное здание, но иного выбора не было. Обладай он большей силой или

более обширными знаниями, мог бы претендовать на территории, которые располагались намного дальше от границы.

Один из помощников заметил своего хозяина и, оставив осмотр мертвецов своим товарищам, бросился к Своррену:

— Господин! С вами все в порядке?

Своррен вместо ответа сплюнул на землю сгусток крови:

— Есть еще глупые вопросы, Хайссен?

— Простите, я не хотел вас...

— Хватит. Не нужно извиняться, ты всего лишь интересовался моим самочувствием. Я просто испытываю сильную боль, и это... Скажем так, я легко могу сорваться. Что с мертвецами?

— Мы вывели из подземелий сто пятьдесят семь человеческих экземпляров и сорок три нечеловеческих. Больше двадцати пришлось уничтожить: потеряли даже те остатки разума, что у них были, и набросились на надзирателей. Двое сильно пострадали, у одного сломаны обе руки. Мы начали вводить во дворец крестьян с окрестных территорий, однако последние придут приблизительно через пять часов.

— Отлично. Вы довольно быстро все проделали. Я доволен. Очень доволен, — Своррен бросил взгляд на помощника, который едва ли не светился от гордости. — Вот, держи, — некромант поднял мешки. — Здесь все свитки, которые могут помочь нам при обороне дворца. Прошу, распредели их среди остальных, а мне отдай оставшиеся.

Помощник взвалил на плечо свою ношу и поспешил к товарищам. Своррен отвернулся и вновь начал всматриваться в окружавший его пейзаж. Вдали показался небольшой отряд людей, движущийся в сторону дворца. Сперва некромант решил, что это могли оказаться враги, добравшиеся до его убежища раньше, чем он предполагал. Однако это был всего лишь отряд всадников, отосланный Сворреном к крестьянам. Пять мужчин на взмыленных от усталости конях ворвались в раскрывшиеся перед ними ворота и немедленно направились к конюшням.

Люди были измождены до предела. Спрыгивая с седел, они без раздумий ложились на землю, пытаясь восстановиться после утомительной и стремительной скачки. Слуги расседлали коней и отвели в конюшни, где их ждал долгожданный отдых, ячмень и освежающая вода. Мужчин немедленно подняли с земли и, заботливо поддерживая их под руки, повели во дворец.

Своррен опустил взгляд, всматриваясь в лица всадников. Справились ли они со своей задачей? Предупредили бедных крестьян о надвигающейся катастрофе? Некромант наклонился вниз:

— Риттер! — хриплый окрик разнесся по двору.

Названный всадник оглянулся; он был измотан, а его ноги дрожали:

— Мы всех предупредили, хозяин. Все три деревни начали сборы. К концу этого дня они придут во дворец. Мы выполнили ваше поручение...

Мужчина, полностью лишившись сил, опустил голову и практически мгновенно потерял сознание. Люди в нерешительности посмотрели друг на друга. Стоило ли попробовать привести всадника в чувство прямо здесь, или лучше дать ему отдохнуть?

— Хватит. Отведите его во дворец, дайте воды и еды. Он справился и заслужил это.

Слуги быстро кивнули и со всех ног бросились к дворцу. Своррен подошел к лестнице и бросил последний взгляд на окружающую дворец местность.

— Пошлите за мной, когда придут гости. Или, если так случится, когда придет враг.

* * *

Силирос с ненавистью захлопнул книгу и отшвырнул ее в сторону. Ничего. Вообще ничего! Ни одного упоминания о воинах с черными крестами на белой одежде или же с буквой X образованной синей и красной линиями. Два бога, архиерей, статуи из красного и синего минерала. Что это за чушь?! Что такое увидел Своррен? Откуда они пришли? Кто они такие?

— Кто они?! — безумный крик эхом разнесся по пустующему подземелью, еще долго не затихая в темноте.

Силирос велел принести из библиотеки все книги, в которых описывались истории различных народов и их верования. Все, что могло дать хоть какую-то информацию о том, что творится с людьми за пределами территорий некромантов. И ничего! Он прочел десятки книг о Семи Богах, Восьми Спасителях, Шестнадцати Ипостасях Воителя Хариила, Хоратьмы, Властителях небес, Едином Боге, Возвышенном Спасителе, Проклятом Самаэле и еще десятке других богов, которые якобы повелевали этим миром. И ведь люди и правда в них когда-то верили. Слабоумные дураки.

Два бога. Два. Почему не один, семь или восемь, как в других религиях. Они были самыми распространенными, но вот числа два не было нигде. Вообще нигде. Или же его сведения были неполными, или эти два бога были относительно новой верой, охватившей умы людей. Черные кресты на белом не были редки в истории. Часто они означали четыре пути, которыми шла душа после смерти; перекресток миров, на котором вершится Последний Суд и многое другое. Что крест мог означать в этом конкретном случае, можно было лишь догадываться.

Нужно было больше информации!

Некромант со вздохом встал, уронив стул на пол. Крысы и пауки, прятаясь в темноте, при звуке шагов, разносящихся по подземелью, начали разбегаться и прятаться по норам. Силирос, с чающим факелом в руках, вихрем пронесся по подземелью и взбежал по лестнице. Вышибив плечом дверь и бросив факел в металлический когтистый держатель, некромант побрел к своей спальне. Он слишком долго пробыл в подземелье, его поручение уже наверняка выполнили.

Возле спальни некроманта возвышались две грозные фигуры. Поднятые из могил и возвращенные к не-жизни существа состояли из одних лишь черепов. Они образовывали им руки и ноги, пальцы и торс. На вершине этого скопления виднелся огромный бычий череп, с ярко пылающим синим огнем в пустых глазницах. Эти существа звались скаллами. На их создание у Силироса ушло больше двух лет. Но бесконечные бессонные ночи, проведенные в лаборатории, десятки неудач, дефектные и уродливые монстры, неспособные передвигаться, правильно стоять, а иногда даже пытавшиеся его убить, не были напрасны. Теперь у него были два скалла. Два стража его дворца. Два существа, которых, как он надеялся, ему никогда не придется использовать.

Быстро дойдя до дверей, некромант взмахнул рукой, оставляя за ладонью призрачный синий свет. Скаллы секунду всматривались в Силироса, прежде чем отступили в сторону. Оказавшись внутри, некромант быстро подбежал к своему столу, на котором были сложены

два довольно объемных тома об истории древних государств. Отбросив книги, некромант подтянул к себе большую чернильницу и пару длинных перьев. Вырвав из небольшой книжицы чистый лист, некромант принялся строчить письмо.

Он потратил на его написание больше получаса. Но наконец, с двенадцатой попытки, у него получилось начертать относительно хорошее послание. В нем Силирос обращался к тем людям, что пришли на территории некромантов. Вначале шло довольно длинное размазывание по бумаге лести, затем добавлялась изрядная порция уважения и так далее. Чем дальше, тем слащавее. Силирос ненавидел писать подобное, но тех, кому предназначалось письмо, необходимо было задобрить. Ближе к концу он переходил к сути. Там он писал, что ни он, ни другие некроманты не являются слугами тьмы, не хотят причинить вред людям и не желают вступать в конфликт. Также он приводил несколько примеров того, чего смогли добиться он и другие некроманты за последние десятилетия. И чем все это могло закончиться для людей во всем мире.

Аккуратно сложив письмо три раза, Силирос коснулся его указательным пальцем и запечатал бумагу. Воск еще был теплым, когда некромант вышел из спальни, направляясь вниз.

Зал для приемов был небольшим, бедно обставленным помещением. Длинный стол с синей скатертью, десяток простых стульев с прямой спинкой, три табурета и высокое кресло, оббитое бархатом того же цвета, что и скатерть. Подсвечники, люстра, камин, все были затушены, и помещение освещалось лишь бледным солнечным светом, льющим из узких оконцев.

В зале присутствовал лишь один человек. На нем была простая серая рубашка и точно такие же штаны, на ногах надеты сапоги из старой растрескавшейся кожи, а в руках он сжимал старый плащ, сплошь усеянный заплатками. Одним словом: ничтожество. Но ничтожество полезное. Особенно сейчас.

Слуга быстро поклонился, нечаянно при этом уронив на пол свой плащ. Ну что за слабак? Но особого выбора не было. Перед ним был лучший из его всадников.

— Господин? Вы хотели меня видеть?

Силирос, не отвечая, прошел мимо и уселся в свое кресло:

— Коней подготовили?

— К...Коней?

— Да, коней! — рявкнул некромант. Он был слишком зол оттого, что не смог найти никаких сведений о тех, к кому будет отправлять парламентаря, поэтому приходилось действовать вслепую. Если он хоть где-то ошибся, то его затея окажется провальной.

— Я... Я думаю да. Да! Они подготовили коней, господин.

— Просто замечательно, — практически неслышно прошептал некромант, после чего протянул слуге запечатанное письмо. — Вот, возьми это.

Слуга с трепетом принял бумагу и с осторожностью прижал к груди обеими руками.

— Что я должен с этим сделать?

— Доставить тем, кто сейчас с огнем и мечом идет по нашим владениям.

— Захватчикам?!

— Они не хватчики! — взревел Силирос, ударив кулаком по подлокотнику. — Они не хватчики. Они просто люди, с которыми у нас возникло недопонимание. И твоя задача — устранить его. Для этого я и дал тебе письмо. Попросишь, чтобы тебя провели к их начальнику, командиру, главарю, королю — мне плевать, кем он окажется, — и отдашь ему

это. Объяснишь ему, кто я такой. Если он согласится с моими словами, вернешься обратно. Но обязательно с ответом! Без их письма, можешь даже не появляться. Если они не захотят тебя отпускать, но и будут не против прекратить свой поход, останешься там. Будешь нашим человеком в их рядах. Кто знает, может ты когда-нибудь станешь нашим главным переговорщиком.

Естественно слуга проглотил всю эту чушь. Силирос сильно сомневался, что, если его послание окажется бесполезным, его слуге дадут уйти живым. Но если он сейчас испугается, то может вообще не добраться до лагерей нападавших, а постарается удрать через леса и болота. Нужно было внушить ему чувство полной безопасности. Даже если это совсем не так.

— Иди отсюда. Собирай людей и отправляйтесь. Чем раньше вы отбудете, тем быстрее закончится это безумие. Уходи.

Слуга еще раз поклонился и быстро выбежал наружу. Силирос устало обхватил голову руками и задумался. Даже если они сейчас же выдвинутся из дворца, до лагеря людей они доберутся через полтора дня. В лучшем случае.

Подойдя к узкому окну, Силирос осторожно выглянул наружу. Слуга с письмом уже был в седле, дожидаясь, пока остальные его товарищи взберутся на своих коней. Ворота раскрылись, и всадники умчались вдаль. Дворец некроманта был сплошь окружен болотами, среди которых имелась лишь одна пригодная для перехода тропка. Именно по ней и устремились к горизонту семь всадников.

Силирос отвернулся от окна, покинул зал и вернулся в библиотеку. Его уже дожидалась новая партия книг, найденных и принесенных специально для него. Слуги, снующие между стеллажей библиотеки, едва заметно выглянули из-под своих укрытий и испуганно посмотрели на хозяина. Всем было известно: если Силирос не в духе, то под руку ему лучше не попадаться. А не в духе он бывал почти всегда.

— Рассик!

Вперед выбежал маленький слуга с глазками, мельтешащими во все стороны.

— Господин?

— Что вы нашли? — некромант махнул рукой на две стопки книг, ожидающие его на столе.

— В основном история. Несколько книг о верованиях народов Древней Асакии. Больше ничего нет. Мы продолжаем искать, но вероятность найти еще что-то новое крайне мала.

Силирос тяжело вздохнул и медленно побрел к двери. Ему уже и самому было понятно, что его затея найти хоть какую-то информацию среди книг в своей библиотеки, была обречена на провал. Но он не мог проявить слабость перед своими людьми. Приказать им прекратить поиски было самым верным решением, но оно подорвет его авторитет.

— Продолжайте искать. Переверните вверх дном всю библиотеку, если понадобится. Найдите мне хоть что-то.

Некромант вышел из библиотеки, напоследок с силой хлопнув дверью. Он понимал, что все бесполезно. В библиотеке не было никакой информации: некроманты слишком долго были отрезаны от внешнего мира. За это время там могло произойти многое. Силирос лишь надеялся, что там не произошло *слишком* много изменений, и ему с братьями удастся договориться с этими людьми.

— Большое спасибо, господин некромант. Спасибо, что приютили нас.

Своррен кивнул и проводил мрачным взглядом прибывших крестьян. Это была уже семнадцатая семья, собравшая свои пожитки и добравшаяся до его владений. Предупрежденные его слугами крестьяне довольно скоро начали приходить к воротам, которые затворили на случай нападения. Каждый раз, когда к дворцу подходила новая партия крестьян, их всех осматривали на предмет оружия. Все уже были предупреждены насчет того, что нападавшие не брезговали проникать во дворцы при помощи маскировки. Именно поэтому слуги были настороже. Помощники Своррена ежечасно проверяли мертвецов. На стенах всегда был кто-то из них на случай, если придется немедленно отдавать мертвецам приказы. Также здесь постоянно ходили пятеро слуг с факелами, готовые в любую секунду поведать об опасности.

Некромант встал сегодня достаточно рано и принялся усиливать защиту дворца всеми возможными способами. Установление барьеров в коридорах, создание новых экземпляров существ, которые присоединялись к остальным на стенах и многое другое. В небольшой кузнице без устали трудились два мастера и три подмастерья. Общими усилиями они смогли выковать тринадцать клинков, которыми вооружили несколько слуг, умеющих обращаться с подобным оружием. Но оружие не было сделано по всем правилам, — да и кузнецы нечасто создавали подобное, — поэтому должно было сломаться уже после трех-четырех ударов. Но может оно спасет чью-то жизнь.

Боль, что терзала некроманта все эти полтора дня, усиливалась с каждым часом. Своррен уже давно истратил весь запас зелий, что притупляли его чувства, поэтому сейчас ему приходилось держаться лишь на силе воли. И на своем ослином упрямстве. Он не умрет тогда, когда его люди в нем больше всего нуждаются!

Ворота дворца вновь заперли, а слуги проводили крестьян во дворец. Стояла ночь, стены освещали десятки факелов и свечей. Несколько помощников послали на землю перед стенами маленькие фиолетовые огоньки, освещавшие территорию в два-три метра вокруг себя. Не густо конечно, но лучше, чем позволить врагам под покровом темноты подойти к стенам.

Некромант еще минут тридцать постоял на стене, внимательно наблюдая за территорией, а затем двинулся вниз по лестнице. Последняя его ночь, возможно, он уже никогда не заснет. Или заснет, но больше не проснется. Никогда.

Своррен уже почти вошел во дворец, когда его настиг истошный крик:

— Господин!

Некромант резко развернулся. Слуга, обходивший стену по периметру, отчаянно махал факелом, привлекая к себе внимание Своррена и своих товарищей на стене. Помощник некроманта, что стоял наверху, мгновенно встрепнулся и, схватив свою сумку со свитками, побежал к слуге. Своррен поступил так же.

— Это крестьяне!

— Что?!

Своррен был уверен, что все крестьяне уже расположились во дворце, и семья, прибывшая тридцать минут назад, была последней. Неужели он о ком то забыл? Такое возможно? В его текущем состоянии — безусловно.

Некромант взбежал по лестнице и бросился к слуге с факелом. И правда. Вдали виднелись темные фигурки людей с пожитками в руках, спешившие напрямик к дворцу. Некоторые из них упали, но остальные остановились и помогли им подняться. Разбрасывая свои вещи на земле, люди бежали к воротам. Почему же они бежали? И при этом так отчаянно?

Своррен бросил взгляд туда, откуда бежали крестьяне. И увидел их. Смутные силуэты людей, едва заметные в темноте. Практически неразличимые. Некромант достал один из свитков и, раскрыв его, направил изображение, аккуратно выведенное чернилами, на горизонт.

Фиолетовый огонек на огромной скорости вылетел из свитка, попутно уничтожив нарисованный символ, и устремился к людям. Пролетев над головами крестьян, он устремился дальше и осветил местность.

Два десятка всадников на быстрых конях преследовали бегущих от них людей. Они громко кричали, гремели оружием и доспехами, пытаясь нагнать крестьян. Всадники вели коней прямо по болотам, отчего те едва могли переставлять ногами.

Крестьяне продолжали бежать, уже не пытаясь удержать в руках пожитки и в отчаянии бросив их на землю. Всадники были уже в тридцати шагах от людей, когда лошади наконец сдались. Они больше не могли бороться с трясинной, что тащила их вниз, и в отчаянии громко ржали и пытались вытащить ноги из вязкого болота.

Всадники не могли добраться до убежавших людей. Они спасены! По-крайней мере так считал Своррен. Всадники выхватили из-за спины луки и наложили на тетиву стрелы. Щелчок! Десять стрел устремились к крестьянам, но ни одна из них не угодила в людей. Еще один залп — и вновь без жертв. Но в третий раз им так не повезло. Две стрелы угодили в спину последнего из крестьян, еще одна попала в ногу впереди идущего. Люди валились один за другим, когда стрелы настигали своих жертв.

Из пятнадцати человек, что пытались сбежать от преследователей, продолжили двигаться всего одиннадцать. Остальные либо уже были мертвы, либо лежали к грязи, крича от боли.

Своррен развернулся и крикнул подоспевшим на шум слугам:

— Откройте ворота! Быстрее, их преследуют!

Люди бросились к воротам дворца, быстро сбросили засов и широко раскрыли створки. Крестьяне были уже у самых стен, когда из темноты показался еще один отряд всадников, который не пошел напролом через болота, а начал аккуратно, избегая непроходимой трясинны, прокладывать себе путь по твердой земле.

Крестьяне наконец-то пробежали между створок, которые слуги в ту же секунду начали закрывать обратно. Своррен вновь посмотрел на всадников, что рвались к входу во дворец. Их было много. Сотня? Скорее всего. Быть может, даже две.

Но почему же они так упорно продолжали рваться вперед? Ворота уже практически закрыты, с собой у нападавших нет ни лестниц, ни веревок, ни чего-либо другого, что позволило бы им взобраться на, пусть и невысокие, стены дворца.

Ответ пришел раньше, чем ожидал Своррен. Печально раньше.

Крики, что раздались во дворе, привлекли внимание некроманта. Своррен обернулся и с ужасом воззрился на белый нагрудник с черным крестом, скрывающийся под одеждой так отчаянно рвавшихся в его дворец «крестьян». Люди сбрасывали с себя остатки рваной и грязной одежды, обнажали клинки, вскидывали булавы и набрасывались на беззащитных

слуг, которые пытались вернуть засов на положенное ему место.

Мечи врубались в незащищенные спины, булавы обрушивались на выставленные в защитном жесте руки. Кровь обильно лилась на холодную землю, падали тела убитых слуг. Пару секунд спустя, деревянный засов был сломан, а его обломки раскиданы в стороны.

Ворота были открыты!

Шок, испытанный некромантом в самом начале, сменился недоумением, а затем и гневом. Они снова сделали это! Они прибегли к обману без каких-либо угрызений совести. Они пошли на такую подлость лишь ради того, чтобы проникнуть внутрь его владений и оставить некроманта и его слуг беззащитными?! Они даже стреляли в собственных людей лишь для того, чтобы он поверил в этот спектакль?!

Воины раскрыли ворота и начали прорываться по двору, безо всякой жалости продолжая разить людей в спину. Конница уже была близко, и не было никакой возможности закрыть ворота, чтобы пресечь эту попытку штурма дворца. Но если они не могут остановить врага за стенами, то встретят его здесь. Своррен не был беззащитен!

Некромант быстро выхватил один из свитков и направил его на двор. Вспыхнуло пламя, и в воздух взвился серый дым. Некромант взмахнул рукой, и тот немедля устремился к нападавшим. Солдаты продолжали рваться вперед, убивая всех без разбору. Число жертв уже измерялось двумя десятками, когда дым добрался до них. Не было ни крови, ни криков. Ничего, что говорило бы об испытываемых людьми страданиях. Однако когда серый дым окутал людей, они перестали двигаться и начали медленно оседать на землю. Оружие выскальзывало из ослабевающих пальцев, колени подгибались, а головы беспомощно откидывались назад. Меньше чем за пять секунд все проникшие во двор «крестьяне» были мертвы.

Своррен с удовлетворением осмотрел результат своих действий и глянул за стену. Всадники уже были в двадцати шагах от ворот. Закованные в доспехи люди плотно прижимались к мощным конским шеям, а в руках их уже поблескивали обнаженные мечи. Подкованные копыта обрушились на зависшие над землей фиолетовые огоньки, которые с легким хлопком исчезали. Темнота начала отвоевывать пространство обратно, следуя напрямиком за всадниками.

Помощник некроманта также достал из своего мешка пару свитков и, сжимая каждый в отдельной руке, прокричал заклинание. Зеленые нити устремились вниз и обрушились на рвущихся вперед врагов. Опутав передних всадников, они с силой сжались, сминая металл и кости с такой легкостью, будто это была бумага. Семеро людей вскричали, их кони зашлись в истошном крике, и вместе они обрушились на землю. Прямо под ноги следующих за ними товарищей.

Началась свалка. Кони не успевали среагировать на возникшую перед ними давку и врезались во впереди стоящих, люди вылетали из седел и вставали лишь для того, чтобы получить удар копытами от пытающихся перепрыгнуть их лошадей. Крики достигли своего пика, когда всадники все же смогли организовать хоть какое-то подобие порядка.

Люди пытались подняться с земли, но их товарищам на конях было все равно. Они неистово рвались вперед, сминая на своем пути все препятствия. До ворот оставалось всего три шага, когда в бой вступили новые противники.

Поднятые из могил мертвецы перешагивали через зубчатый парапет и набрасывались на проносящихся под ними всадников. Неживые падали на людей и тотчас же начинали разрывать их руками. Хлестала кровь, гудели доспехи, ржали испуганные кони, несся

неудержимый поток ругани, когда нападавшие лицом к лицу сталкивались с тем ужасом, против которого пришли воевать.

— Вперед!

Всадники пришли в себя и вновь рванули вперед, силой заставляя коней выполнять команды. Мертвецы подали под тяжелыми ударами мечей и булав, но даже поверженные на землю, они продолжали цепляться за ноги людей и лошадей. Некоторые всадники падали со своих скакунов, утаскиваемые вниз неживыми, где их ждала ужасающая смерть от существ, которые не знали пощады.

Сверху на людей продолжали сыпаться мертвецы и заклинания, насылаемые некромантом, но враги смогли пробиться к воротам. И ворвались во двор.

Своррен гневно выругался и достал еще два свитка, послав вниз несколько фиолетовых молний, поразивших сразу трех всадников. Его помощник тоже старался изо всех сил, но ему требовалось больше времени на выбор необходимого заклинания. Драгоценные секунды уносились неистовым течением битвы, которому Своррен не мог сопротивляться в одиночку. Пора.

Некромант вскинул руки и закрыл глаза. А затем закричал. Его крик, полный боли, отчаяния и гнева, эхом разнесся по двору, заполняющемуся вражескими воинами. Своррен кричал так долго, как только смог. Он вложил в этот крик все свои эмоции, всего себя. И они ответили на его зов.

Мертвые, что не являлись при жизни людьми, выступали из теней, окружавших внутренний двор, и набросились на всадников. Существа бежали так быстро, что у людей не осталось ни единого шанса избежать столь внезапного нападения.

Четвероногие рогатые монстры, которые были внешне похожи на скелеты рыси, набросились на передние ряды, отчего люди начали валиться на землю. Израненные и умирающие лошади падали на своих же седоков, ломая им ноги и спины. Затем на нападавших набросились двуногие существа с копытами, длинными костяными когтями разрывая кольчуги и белую ткань, прикрывавшую начищенные доспехи.

Своррен запустил руку в мешок, судорожно выискивая то, что дало бы ему столь важную паузу. И нашел.

Длинный, пожелтевший от времени, практически ничем не выделяющийся среди остальных свиток. Он ничем не отличался от двух десятков других, что лежали в мешке. За исключением его размера. Чем большая сила была заключена в свитке, тем больше требовалось чернил, тем большего размера была печать. И тем опаснее было существо или заклинание, заключенное в нем. Чтобы создать данный свиток, Своррену потребовалось два месяца практически непрерывной работы. Более полутора метров длиной, он был расписан сотнями символов на языке, который просто не мог воспроизвести человек. А в центре виднелся символ, выведенный его собственной кровью.

Некромант плотно закрыл глаза и с силой сжал зубами язык. Кровь быстро заполнила рот некроманта. Это была плата, за использование этой силы. Но плата более чем справедливая.

Своррен сплюнул кровь на землю. Туда, куда еще не добрались ни всадники, ни оживленные существа. А затем разорвал свиток на две части.

Обрывки бумаги упали во двор, сияя фиолетовым светом. Кровь начала бурлить, словно кипя изнутри, а затем пятно начало разрастаться. Земля, камушки и кровь перемешивались друг с другом, не переставая ни на секунду хаотичное движение. Пятно все увеличивалось в

размерах, и, достигнув двух метров в диаметре, начало двигаться наверх.

Раздались нервные крики всадников, заметивших ненормальное движение в темноте. На людей все так же продолжали насаждать оживленные монстры, а помощник Своррена послал им на помощь мертвецов со стены. Мелькали ржавые клинки, с трудом пробивающиеся через броню людей, когтистые лапы смыкались на незащищенных шеях. Мертвецы мало что могли сделать в открытом бою, но недостаток в умении пользоваться оружием они с лихвой компенсировали количеством и тем ужасом, что внушали животным, отказывающимся слушаться своих ездоков.

Но даже при всем при этом, всадники одерживали верх над мертвецами. Пусть и с большими потерями, но они все же неуклонно теснили их назад, отбрасывая одну волну противников за другой. Разбитый было строй начал восстанавливаться, люди сплывались вокруг своих командиров. По крайней мере до этого момента.

Существо, призванное Сворреном, наконец-то разогнулось во весь свой немалый рост. Трехметровый гигант, состоящий сплошь из крови, земли и камня, шагнул вперед. На большой голове, соединявшейся прямо с туловищем, без малейших признаков шеи, зажглись три кроваво-красных огня, камень под ними расколола трещина, похожая на бездонный провал в земле, из нее полился фиолетовый свет. Из этого некоего подобия рта раздался тихий крик, постепенно перешедший в оглушающий рев.

Лошади окончательно потеряли самообладание и начали отступать, прорываясь к воротам. Передние ряды продолжали наступать на задние, но всадники, не понимавшие причин отступления, упорно рвались во двор, пытаясь добраться до врага, пока мертвецы продолжали атаковать людей в спину.

Существо сделало шаг вперед. Медленный, тяжеловесный. За ним последовал второй. Третий. С каждой секундой оно шло все быстрее, а когда до всадников оставалось всего пара метров, перешло на бег.

Некромант со страхом наблюдал за картиной боя, не решаясь даже выдохнуть. Он призывал Ксафана во второй раз. Второй раз в своей жизни он видел, как это удивительное создание обрушивало всю свою мощь на противника. Во время первого призыва, оно едва не убило самого Своррена, когда некромант потерял над ним даже тот ничтожно малый контроль, что мог обеспечить с помощью усиливающих свитков. Ксафан был неконтролируем. Он жаждал лишь убивать, причинять страдания. Беспольный для исследований, но жизненно важный в подобной ситуации. Своррен был рад, что не уничтожил его тогда, двадцать семь лет назад, когда сумел запечатать существо в свитке. Теперь оно сражалось за него, убивало за него.

Ксафан добрался до людей и с ревом обрушил свои каменные кулаки на головы врагов. Первый всадник погиб от единственного удара, практически оторвавшего ему голову, следующим умер его конь. Ксафан одной рукой легко поднял содрогающееся тело бедного животного, обрушил его в центр построения всадников. И пошел дальше. С каждой секундой, с каждым громopodobным ревом, с каждым всеокрушающим ударом Ксафан продвигался все глубже в строй врагов, пытающихся выжить под атакой гиганта, истекающего кровью.

Существо разорвало пополам одну из лошадей и оказалось в воротах. За спиной Ксафана все еще оставалось несколько живых людей, но с ними быстро расправлялись пришедшие на подмогу хищники.

Своррен с помощником достали пару свитков и послали вниз призрачный серебристый

огонь, охвативший всадников и сжигающий белую ткань, скрывающую их доспехи. К несчастью этот огонь не был так опасен, как казался внешне, однако подобный трюк давал несколько драгоценных секунд, так необходимых для людей во дворце.

Ксафан вырвался из ворот, сломав при этом каменный проем и разбросав обломки деревянных створок в стороны. Три копья вонзились в голову монстра, еще два меча упали на руки, а булавы ударили по покатым плечам. Ксафан даже не замедлил шаг, с легкостью отбросив людей в сторону и вырывая их из седел. Взревев напоследок, монстр сделал широкий замах и обрушил кулак на землю. Из трещин в теле гиганта обильно полилась кровь и, собравшись вокруг существа, разметалась в стороны. Сшибая лошадей, красная волна пронеслась по изрядно поредевшему строю всадников.

Люди стонали от боли, кони разбежались, пытаясь уйти от надвигающегося кровавого потока как можно дальше. Но все было бесполезно. Два десятка всадников оказались поглощены красной жидкостью и, не двигаясь, лежали на земле. Оставшиеся в живых не смогли перенести этого. Быстро разворачивая коней, они мчались во все стороны, стараясь оказаться как можно дальше от преследующего их ужаса.

Своррен с волнением наблюдал за отступающими всадниками, его рука замерла в нескольких сантиметрах от мешка, из которого он намеревался достать очередной свиток. Помощник некроманта, стоящий рядом с ним, радостно вскинул руки, празднуя победу. Вот только победу ли?

Некромант с опаской посмотрел на Ксафана. Истекающее кровью каменное существо стояло на месте, даже не думая преследовать отступающих людей. Интересно. Пытливый ум некроманта быстро заработал, анализируя новую информацию. Плевать, что он был одной ногой в могиле. Плевать, что на подходе армия, которая сметет его и его собратьев так легко, словно ураган, набросившийся на маленькое сухое деревце. Почему Ксафан не двигался? Раньше ему было все равно, находится перед ним друг или враг. Все, что дышало, двигалось и издавало звуки, становилось целью атаки. Быть может все дело в крови? Монстр частично состоял из нее. Возможно ли, что убив такое большое количество живых существ и пролив так много живительной жидкости, монстр удовлетворил свою потребность?

— Господин!

Своррен с сожалением отвернулся от монстра. Какой потенциал! Сколько новых открытий он мог бы сотворить! Плевать. Сейчас важнее было пережить следующие тридцать минут.

Некромант всмотрелся в спины разбегающихся людей. Их было не больше шестидесяти, но даже так, они нанесли защите дворца огромный урон. Многие мертвецы лежали грудой изломанных и расколотых костей. Ворота выбиты, два десятка слуг мертвы. А ведь это была только первая атака! Что же им ждать дальше?

Своррен вынул последний из свитков, что мог осветить территорию. Бумага вспыхнула, в воздух взлетела сияющая птица, которая словно горела заживо. Призрачное существо устремилось в небо. Оно летело ровно туда, куда смотрел некромант, призвавший его. Выше, дальше, быстрее. Птица пролетела больше двухсот шагов, прежде чем высветила то, что пряталось под покровом темноты.

— Во имя Смерти, — прошептал помощник Своррена. — Их же там сотни!

И это было явным преуменьшением. Своррен видел, как *тысячи* людей шагали вперед, сминая на своем пути те немногие кусты, что с трудом выживали в этой богом забытой пустоши. Всадники быстро перегруппировались и устремились далеко на фланг. Там их уже

поджидали товарищи на высоких, статных, полных сил лошадях. Войско медленно продвигалось вперед. Шаг, шаг, еще шаг. Никаких криков, никакой ругани, никаких хаотичных маневров. Все четко, слаженно. Во главе войска шагали десятки знаменосцев. На штандартах развевались белые знамена, с вышитыми на них черными крестами.

— Вот они и добрались до нас, — прорычал Своррен.

Рука некроманта метнулась к мешку и вынула самый маленький из свитков. Простенькое, совсем несложное заклинание, которое сейчас может оказаться полезным. Свиток сторел, а земля перед воротами забурлила. Из-под нее показались отбеленные кости, сплавившиеся между собой воедино. Эта костяная стена в высоту достигала двух с половиной метров и практически полностью перекрывала то, что осталось от ворот.

— Что нам делать? — помощник в страхе обернулся к некроманту.

— Ничего, — прошептал Своррен, обреченно глядя на армию, что пришла его уничтожить. — Мы уже ничего не можем сделать. Только сражаться.

Врагов никогда не бывает много. А если их нет вовсе, значит, на вас всем плевать.

Король Генрих.

— И почему ты хочешь это сделать?

Экраон обернулся к собеседнику.

— Знание — сила, так сказал один из философов Древности. Понять, изучить и объяснить природу мира — вот чего мы некроманты желаем в этой жизни.

— Это не объясняет, почему ты хочешь пойти на Землю Мертвецов. Опасно, глупо, опрометчиво. На тебя это не похоже, Экраон.

— Плевать на опасность. Плевать на опрометчивость. Нужно что-то делать, а Земля Мертвецов — единственное место, которое может помочь нам. А вместе у нас гораздо больше шансов добиться успеха. Ты же знаешь, что с подобным справится только пиррион, но двое других все еще недостаточно сильны. Именно поэтому мне нужен ты.

Ивирион задумался. То, что предлагал Экраон, было безумием. Но, если у них получится...

Пылающая фигура развернулась на месте, пытаясь отыскать среди теней хозяина помещения.

— За спиной.

Ивирион обернулся. При всем своем пугающем величии и массивности, старейший из некромантов двигался совершенно бесшумно. Словно призрак. В темноте засияли сапфировые глаза.

— Когда ты будешь готов?

— Можешь выдвигаться прямо сейчас.

— Хорошо.

— Кто-то еще пойдет?

— Нет. И помощников не бери, это не их дело.

— Хорошо. Буду ждать тебя.

Вспыхнуло зеленое пламя, поглощая фигуру Ивириона.

* * *

Некромант открыл глаза. Ивирион вновь оказался в своем кабинете, окруженный четырьмя затухающими факелами. Вне этого квадрата его уже дожидался Хелион. Волк лежал на столе некроманта, медленно скребя о гладкую столешницу своей лапой. Едва заметив изменение в поведении своего хозяина, волк быстро спрыгнул вниз.

— Я все видел, Хелион.

Волк сел на пол и воззрился на некроманта. Словно пес, который отчаянно пытался убедить хозяина в том, что ваза с его любимыми цветами упала сама. Ивирион вышел из кабинета, Хелион последовал за ним.

Слуги уже ждали снаружи. Они прекрасно знали, что хозяин разговаривает со своим собратом и беспокоить его в такой момент не следовало. Однако вот он вышел, и все взгляды мгновенно обратились к нему.

— Я уйду, — просто сказал Ивирион.

Это заявление повергло прислугу в шок. Такая новость просто не могла оставить равнодушными людей, которые ждали от своего хозяина любых приказов, указаний, условий или требований. Но вот только не таких.

— Не беспокойтесь. Вы не останетесь без защиты. Мои помощники продолжат укреплять дворец в мое отсутствие. Ваши обязанности останутся прежними. Я не знаю, когда вернусь. Если враг подойдет к дворцу меня здесь не будет, можете считать меня мертвым.

— Господин!

— Да, Люсеф. Что ты хотел?

Названный слуга робко выступил вперед, нервно теребя свою тонкую рубашку, едва подходившую ему по размеру.

— Вы... Вы уходите один?

Некромант склонил голову набок:

— Да. Возьму с собой лишь Хелиона. Я при всем желании не смог бы запретить ему следовать за мной. Но на этом все.

— Господин, возьмите с собой хотя бы охрану! — раздался певчий женский голос. Слуги поддержали девушку согласным гулом.

— Возьмите нас с собой. Мы пригодимся!

— Или хотя бы понесем ваши вещи!

— Вы не должны так рисковать.

— Скажите нам, что вам необходимо, и мы все для вас сделаем!

— Тихо! — Ивирион сделал уверенный шаг вперед, пресекая дальнейшие споры. — Мне не нужно сопровождение, и я не буду один. Однако никто из вас не может со мной пойти. Вы все должны быть здесь, в безопасности. Я не прощу себе, если кто-то из вас пострадает из-за того, что я буду слишком занят, чтобы помочь вам.

— Но...

— Никаких но! Разговор окончен.

Ивирион быстро прошел между людьми и устремился к выходу из дворца. Слуги заспешили следом. Проходя мимо лабораторий, Ивирион отметил для себя, что его помощники продолжали свою работу. Отлично. Если он погибнет, они продолжат его дело. Он был спокоен. Его записи довольно легко найти, еще легче расшифровать.

Все будет хорошо.

Некромант взобрался на стену и уставился на горизонт. Его дворец окружал дивный лес с садами, за которыми любила ухаживать прислуга, а маленькие детишки развлекались в них целыми днями. Просто идиллия. Жаль, если война доберется и сюда. Конечно, дворец Экраона практически невозможно было взять приступом, да вот только земля вокруг его замка была в ужасном состоянии. Старейший из некромантов никогда не был озабочен тем, что происходит вокруг него. Для него было важно лишь то, что пряталось вне того, что доступно пониманию людей.

Ивирион простоял так больше двух часов, прежде чем заметил движение среди пышно цветущих деревьев. Одинокий всадник на вороном коне проскользнул среди мощных

древесных стволов. За его спиной колыхался бурый плащ, практически полностью скрывавший всадника. Синие линии на плаще складывались в причудливые узоры, приковывавшие к себе взгляды случайных наблюдателей.

Всадник, сильно натянув поводья, остановил коня в тридцати шагах от ворот и стал ждать. Ивирион вскинул руку в приветливом жесте, человек повторил его движение.

— Я не буду входить, если ты не против!

Ивирион кивнул и поспешил вниз. Хелион же решил не следовать за своим хозяином, предпочтя спрыгнуть вниз прямо со стены и устремившись к долгожданному гостю.

Некромант взобрался на подведенного ему коня и обернулся к слугам:

— Помните то, что я сказал. Не волнуйтесь, не паникуйте. Если хотите, можете уйти из дворца, но я бы не советовал. И никого за мной не посылайте! Все равно не сможете уследить, — некромант посмотрел вперед. — Открывайте ворота!

Створки только начали расходиться, когда некромант оказался перед воротами. Еще мгновение, и он уже был снаружи. Слуги взбегали на стены и печально махали ему вслед. Да, он определенно был популярен среди своих людей; не каждый некромант мог похвастаться подобным.

Конь Ивириона обогнул Хелиона и в три длинных прыжка оказался возле гостя. Человек приветливо протянул руку:

— Ивирион.

— Добро пожаловать, Экраон, — Ивирион с уважением пожал протянутую руку, на которую была надета перчатка из бурой кожи. На кончиках пальцев были вделаны короткие когти, выполненные из светлого кристаллического материала. — Я рад, что ты смог добраться сюда так быстро. Были проблемы в пути?

— Никаких. Они еще не добрались до наших территорий.

Ивирион кивнул и с особой осторожностью отпустил руку собеседника, стараясь не пораниться о когти. Насколько он знал, они содержали в себе осколки душ существ, которых смогли поймать и укротить помощники Экраона. Каждый из них был смертельно опасен. Каждый из десяти.

Экраон откинул капюшон и воззрился на Ивириона. Синие глаза все так же пылали. Лицо некроманта скрывала полоса ткани, оставлявшая на виду лишь верхнюю часть. На лбу его было некое подобие старинной короны, выполненной из черного золота. Седые волосы слегка развевались на ветру.

— Ты готов?

— Да.

Ивирион накинул на голову капюшон, Экраон же не стал так торопиться, позволяя свежему воздуху омыть его лицо.

— Прекрасное место. Признаюсь, иногда мне жаль, что эта территория не моя, — Экраон повернул коня и послал его вперед. — Я даже немного завидую тебе.

Ивирион двинулся следом, стараясь держаться сбоку от своего собрата. Это было нелегко: лошадь не хотела находиться рядом с Экраоном. Конь же старого некроманта был специально выдрессирован и без труда выдерживал ту ауру, что тот создавал вокруг себя. Ивирион был намного слабее и моложе чем Экраон, поэтому с ним таких трудностей не возникало. И в отличие от собрата он *жил*.

— Ты беспокоишься.

— Нет. Все нет.

— Это был не вопрос, — практически прорычал Экраон. — Я чувствую твоё беспокойство. В чём причина?

Ивирион немного помолчал:

— От Своррена давно нет вестей. Он либо погиб, либо его дух не выдержал случившегося. В любом случае это огромный урон для нас. Своррен был отличным некромантом.

— Нет. Не это. Это не основная причина. Ведь есть что-то ещё?

— Думаю да, — Ивирион устало протер глаза, кончики его пальцев слегка покалывало от пламени. — Силирос.

— Силирос? А что с ним? Вряд ли захватчики добрались и до него. Или ты не об этом думаешь?

— Не совсем. Помнишь его слова? О том, что те, кто убил Лереха и остальных, на самом деле вовсе не хотели этого делать. Это же безумие!

— Для тебя и меня — безумие, но для него это та маленькая и тоненькая ниточка, что удерживала остатки его уверенности. Он боится, хоть и не может этого признать. Но его страх... Он может погубить его вернее, чем острие меча в груди.

— Вот и я о том же. Он слаб. Всегда был слаб. Быть может Иеремих и ничтожество, но он не доставляет проблем. А Силирос может нанести нам больше вреда, чем захватчики.

Экраон кивнул, вглядываясь в деревья перед собой. Ивирион не хотел отвлекать его от раздумий, поэтому не стал продолжать диалог. Некромант обернулся. Глядя через плечо, он взглядом проводил волка, скрывающегося за стволами деревьев сбоку от всадников.

— Зачем ты взял его с собой? Он твой питомец?

— Питомец? Нет. Хелион скорее мой друг. Единственный, кому я готов доверить свою жизнь.

— Единственный? Вот оно что, а как же я?

— Ты?

— Сегодня твоя жизнь в моих руках. Я думаю, чтобы совершить задуманное нами, нужно полностью доверять своему товарищу. Ты так не считаешь?

— Я доверяю тебе, Экраон.

— Рад это слышать.

Экраон остановил коня, Ивирион последовал его примеру. Пышный цветущий лес закончился, перед некромантами была лишь бесплодная пустошь, ознаменовавшая собой начало территории другого некроманта.

— Думаю, Ассен не будет возражать, если мы пройдем через его земли без спроса?

— Не будет. А если и будет, мне лично все равно, — Экраон натянул на голову капюшон, отчего его глаза засияли еще ярче.

* * *

Своррен наблюдал за тем, как огромная армия перед его глазами берет дворец в плотное кольцо. Люди скидывали с себя доспехи и брались за лопаты. Прошло чуть больше двух часов, и вот появился неглубокий ров, которого было больше чем достаточно, чтобы не дать жителям даже надежды на то, чтобы атаковать армию. Никакой надежды. Ни единого шанса на спасение.

Слуги уже давно забаррикадировались в своих комнатах. На стенах остались лишь Своррен и его помощники. Мертвецов спустили вниз и выстроили перед сломанными воротами. Помощники Своррена нервно бегали вдоль стен, расставляя все ловушки, на которые только хватало ума и воображения. Сам же некромант предпочел подумать, а не носиться как угорелый.

Ксафан все так же продолжал стоять перед дворцом, не подавая никаких признаков жизни. Быть может, он уже даже не был жив? Или растерял те немногие осколки разума, что существовали в его голове? В любом случае он уже ничем им не поможет.

— Господин, смотрите!

Своррен глянул туда, куда указывал его помощник. К дворцу приближались пять фигур. Пять всадников, облаченных в те необычные синие с белым доспехи, что он видел глазами ворона и пса. Даже отсюда он почувствовал ту уверенность, что сквозила в каждом их движении.

Всадники приблизились на расстояние ста шагов от стен дворца и спешили. Впереди шел тот самый человек, которого Своррен видел в шатре. Архиерей Сиптуаг. Он с любопытством осматривал дворец, явно оценивая его архитектуру и оборонительные возможности, а также прикидывал какие ловушки и войска могли скрываться внутри. А затем его взгляд остановился на Своррене. Некромант понял, что архиерей каким-то образом узнал его. Узнал того, кто следил за ним.

И улыбнулся.

Он улыбнулся! Некромант едва не вскинул руку со свитком, что сжимал в побледневших пальцах. Кровь постепенно отливала от его конечностей, кожа становилась белой как полотно, а виски нещадно сдавливало, будто вокруг головы обернули металлический обруч. Его время утекало, словно мелкий песок через растопыренные пальцы. До сих пор он держался лишь на собственной силе воли, но когда прибыла эта армия... Нет. Когда прибыл *архиерей*. Неужели они и правда обладали какой-то силой? Раньше Своррену казалось, будто они были обычными религиозными фанатиками, но сейчас... Сейчас он был полностью уверен, что эти их два бога не просто слова.

— Что нам делать?

Своррен обернулся и воззрился на одного из своих помощников. Он не мог вспомнить его имя, что и не удивительно.

— Готовьтесь убивать.

Своррен бросил взгляд на Ксафана. Будет ли он биться за них? Если да, то они смогут пережить первый штурм. Может быть.

Люди в доспехах подошли уже так близко, что Своррен мог видеть различные отметины на их нагрудниках. Один обладал серебряной полосой, шедшей поперек груди. Второй — четырьмя. У третьего — золотая. У четвертого — две золотые. И только Сиптуаг имел пять. Пять золотых полос!

Сиптуаг остановился в десяти шагах от Ксафана, откинул полы синего плаща за спину и с силой ударил посохом о землю. Остальные мужчины за его спиной повторили жест своего лидера. Сиптуаг с любопытством рассматривал монстра перед собой. А затем сплюнул.

— Кровь, камни и земля? Тварь, что не должна существовать, возвращенная порочной силой и подпитанная людскими жизнями. Смерть будет для тебя благословением.

Сиптуаг сделал еще один шаг, и Ксафан среагировал на присутствие нового противника. Монстр рванул вперед и занес огромный каменный кулак. Одного удара хватило бы, чтобы

оборвать жизнь архиерея. Одного удара, который так и не был нанесен.

Мужчина поднырнул под кулак, размерами превосходящий его собственную голову и, эффектно развернувшись на пятках, нанес стремительный удар под колено монстра. Металл посоха глухо зазвенел, угодив в твердый камень, но Ксафан все же покачнулся. Монстр обернулся к тому, кто, по его мнению, представлял наибольшую угрозу. И в этом была его ошибка.

Едва только он начал оборачиваться, как оставшиеся воины молниеносно пришли в движение. Двое были вооружены такими же посохами, что и у Сиптуага, оставшиеся сжимали в руках длинные двуручные мечи. Посохи обрушились на плечи гиганта, тогда как клинки были направлены в глаза монстра.

Ксафан извернулся и смог избежать большинства ударов. Огромная лапа с грохотом опустилась на землю там, где еще мгновение назад находился один из обладателей посоха. Монстр был силен, высок и практически неуязвим для людского оружия. Но ему катастрофически не хватало скорости. Он просто не мог угнаться за заведомо более быстрым и ловким противником.

Ксафан наклонился вперед, стараясь схватить кулаком одного из мечников. Этим и воспользовался Сиптуаг, взбежав по спине монстра. Упершись обеими ногами в скользкие от крови плечи, архиерей вскинул свой посох и с силой ударил им по голове существа. Камень раскололся, огонь в глазах померк. А затем разгорелся с новой силой.

Монстр взревел и ухватился за плащ архиерея, так призывно свисавший перед глазами Ксафана. Сдернув мужчину со своей спины, Ксафан с силой обрушил его на землю, но Сиптуаг вовсе не собирался так просто умирать.

Архиерей расцепил пряжки-застежки, удерживающие плащ, и отпрыгнул в сторону. Посох порхал в руках священника, который наносил один удар за другим. К архиерею присоединились товарищи, и теперь монстр оказался в окружении пяти людей, неистово атакующих его со всех возможных направлений.

Ксафан получил новый удар и взревел. Но сейчас это была не ярость, а боль.

Посох пробил каменную кожу Ксафана, эффективно защищавшую его от ударов, и практически отломил массивную кисть монстра. Архиерей замахнулся и вновь опустил свое оружие на покалеченную руку. Как и два других его собрата. Три посоха без труда раздробили камень и оторвали кисть монстра.

Ксафан отступил назад. Из обрубка его руки хлестала грязная кровь. Монстр отступал, а противники устремились следом за ним. Ксафан оперся на костяную преграду перед воротами и с легкостью проломил ее.

Монстр оступился и буквально ввалился во двор.

— Спускайте их! Пустите всех в атаку! — вскричал Своррен, обращаясь к своим помощникам.

Десятки мертвецов зашагали вперед, подбираясь к пролomu. Священники бесстрашно вступили во двор, с отвращением переступая через обломки костей. Сиптуаг вскинул посох, указывая на приближающихся мертвецов:

— Займитесь ими. А я уничтожу эту мерзость, — жесткий взгляд архиерея уперся в раненого Ксафана. — И подайте сигнал войскам.

Два мечника кивнули и, развернувшись друг к другу лицом, нанесли широкие рубящие удары. Два клинка столкнулись с громким звоном, эхом разнесшимся по двору и пустырю перед дворцом.

И войска двинулись вперед. Армия, словно металлическая лавина, захлестнула ров, окружающий убежище некроманта и начала быстро приближаться к дворцу. Люди бежали так быстро, что едва не валились под тяжестью доспехов, клонивших их к земле. Лошади взрыхляли копытами землю, обгоняя пеших воинов.

Сиптуаг со своими братьями рванули на приближающихся мертвецов и с грохотом врезались в плотный строй. Воины без труда крушили хрупкие кости, разламывали черепа, разрывали позвоночники. Архиерей с презрительной легкостью пробился через строй врага и побежал к пытающемуся встать Ксафану.

Монстру стоило больших усилий, чтобы подняться с земли, сплошь залитой его же кровью. Архиерей был всего в шаге от чудовища, когда почувствовал опасность. Развернувшись со скоростью, слишком высокой для человека, закованного в доспехи, Сиптуаг продолжил идти к монстру спиной вперед, на ходу вращая перед собой посохом.

Фиолетовая паутина, созданная одним из помощников Своррена, упала на архиерея сверху, скрыв его от глаз наблюдателей. Но металлический посох с легкостью разорвал призрачные нити, а сам воин даже не сбился с шага.

Добравшись до монстра, архиерей перехватил посох за один конец, а вторым с силой ударил чудовище по ноге. Камень вновь треснул, существо пошатнулось и рухнуло на колени. Сиптуаг продолжил атаку, раз за разом опуская посох на спину и плечи монстра, отчаянно пытавшегося защитить голову.

Своррен в отчаянии наблюдал, как архиерей со своими товарищами уничтожает ту маленькую армию мертвецов, что спустили на них помощники некроманта. Сам же он давно уже израсходовал все свитки, наиболее эффективно подходящие для борьбы с врагами. В его запасе еще оставалась несколько, способных нанести врагу большой урон, но вот только...

— Хисс, Суресс. Помогите мне!

Названные помощники немедленно прекратили все свои манипуляции, побросав свитки обратно в мешки. Своррен яростно шарил рукой среди собственных запасов, так отчаянно стараясь найти то, что могло спасти их положение.

— Помогайте мне! — некромант наконец-то достал столь ценную свою находку из мешка, который тут же бросил себе под ноги.

Помощники некроманта опустили руки на плечи своего господина, приглатываясь к неизбежному поглощению их силы. Своррен развернул свиток, длины которого хватало на полный размах его рук, и с силой зажмурился. Он старался отсеять все звуки битвы, что шла во дворе, выбросить из головы гигантскую армию, что была уже на пороге его дворца и грозила уничтожить все, чего он добивался все эти годы. Единственное, что имело сейчас значение — архиерей и его братья, крушившие его мертвецов.

Своррен призвал всю силу, что оставалась в его полумертвом теле, и направил ее вглубь свитка. В печати, что сковывали заключенную в нем силу. Для того чтобы создать их, требовалась сила некроманта и одного из его помощников. А сломить ее могли лишь трое.

Помощники Своррена стиснули зубы от боли, что сочилась по их венам. Отдача силы давалась им тяжело, но еще тяжелее приходилось самому некроманту.

Он был на грани. Своррен и сам понимал это. Это был простой и неизбежный итог его ошибки. Единственным облегчением было лишь понимание того, что даже если бы он не был изувечен насильно разорванным контролем, он бы все равно погиб в этот день.

Некромант напрягся, когда мышцы его рук испытали болезненную судорогу, практически заставившую его выпустить свиток. Но он не позволил себе даже эту секундную

слабость. Раскрыв глаза, Своррен увидел конец Ксафана. Монстр стоял на коленях, руки его были переломлены и держались лишь на тонких ниточках грязи, смешанной с кровью. Два из трех глаз угасли, а трещина рта больше не изливала из себя никаких иных звуков, кроме болезненных стонов.

Архиерей шагнул вперед. Металлический посох в последний раз сверкнул в свете факелов, расположенных на стене, и раздробил каменную голову гиганта. Останки Ксафана, истекающие темной кровью, еще некоторое время сохраняли вертикальное положение, прежде чем повалились на землю.

Своррен горестно взвыл, видя, как его творение, пусть и не самое удачное, оказывается повержено столь ничтожным врагом. Но ничего изменить уже нельзя. Мертвое существо так и останется мертвым. А вот отомстить за гиганта Своррен мог.

Последние крупницы силы перекочевали из некроманта в печати и, сломив их, выпустили на волю огненную бурю. Это была лишь ничтожная частица пламени, что пиррионы позволили ему запечатать. Но даже этой силы должно было с лихвой хватить на то, чтобы уничтожить любых врагов.

Фиолетовое пламя вылилось во двор, огибая шаркающих мертвецов и устремляясь напрямиком к воинам в доспехах. Огонь обрушился на них, словно гигантская морская волна.

Первые два человека упали на землю, ткань на их доспехах пылала, доспехи трескались, посохи плавилась. Люди катались по земле, отчаянно стараясь стряхнуть с себя охватившее их пламя. Следом огонь добрался и до мечников, рьяно пробивавших себе дорогу сквозь строй призванных некромантом монстров. Мужчины еще какое-то время наносили быстрые рубящие удары, пока не рухнули на колени.

Огонь подошел и к Сиптуагу. Архиерей схватился за посох, плотно прижавшись к нему всем телом и... пошел вперед.

Он шел сквозь пламя!

Своррен содрогнулся. Человек вот так просто шел сквозь сильнейшее из его заклинаний! Он шел так, будто это был лишь легкий ветерок, а ткань на его доспехах даже не подпалилась!

Архиерей продолжал идти, когда мертвецы добрались до него. Взмах посоха, и два изломанных тела падают на землю. Еще один взмах, и третий противник с расколотой грудной клеткой откидывается на спину. Перешагнув через дергающееся тело, Сиптуаг с жестокой улыбкой раздавил сапогом череп мертвеца и перешел на бег.

С легкостью отбросив от себя тянущиеся к нему руки мертвецов, архиерей в один прыжок преодолел четыре ступеньки лестницы, ведущей на стену. Некромант выкинул бесполезный свиток, а его помощники без сил рухнули на холодный камень стены. Оставшиеся двинулись навстречу обезумевшему от ярости священнику, вырывая из своих сумок последние из свитков.

Они не продержались и двух секунд. Архиерей даже не стал использовать свое оружие, вместо этого пустив в ход кулаки. Три удара, три тела падают со стены и с грохотом приземляются на холодную землю. Своррен отбежал назад на почти не разгибающихся ногах. Неважно, убьет его архиерей или последствия разрыва, итог всегда один. Он мертвец. Разница лишь в том, что он еще успеет сделать до того момента, как его сердце перестанет биться.

Некромант потянулся к мешку и вытащил первый попавшийся свиток. Вскинув руки, Своррен прищурился, призывая последние крохи той силы, что еще осталась. Но посох

опустился раньше.

— О, великая Смерть! — взвыл некромант.

Левая рука бессильно повисла, сломанная в районе предплечья. Из рваной раны выглядывал обломок лучевой кости, безжалостно сокрушенной потерявшим всякое подобие контроля над собой архиереем. Мужчина вновь вскинул посох, собираясь добить искалеченного противника. Однако в этот раз некромант оказался быстрее.

Крылатые существа, сотканые из фиолетового огня, вырвались из свитка и угодили в архиерея. Мужчина отшатнулся, а затем с легкостью прошел сквозь окутавшее его пламя.

Сиптуаг свободной рукой схватил запястье некроманта и с силой сжал, ломая хрупкие кости:

— Ничтожная мразь! Думаешь, что твое грязное колдовство сможет сразить меня? Я — архиерей, первосвященник двух богов. Я не могу проиграть такому как ты!

Архиерей обернулся, впечатывая кулак в живот подоспевшего помощника некроманта. Молодой паренек согнулся от боли, но его стоны прервал взмах посоха, перебившего шею помощника.

— Однако, — продолжил Сиптуаг после секундной заминки, — я должен быть тебе благодарен. Теперь я вижу ошибочность своего выбора: грязная магия не способная навредить тем, кто чист телом и душой, но четыре священника погибли. Золотое духовенство пострадало, но оно залечит раны.

С этими словами архиерей вскинул посох над головой:

— Да пожрет Низший твою душу.

* * *

Уже через тридцать минут армия, возглавляемая архиереем Сиптуагом, огненной бурей прошла по дворцу, вырезая живых и уничтожая мертвых. Слуги, тщетно старающиеся забаррикадироваться в комнатах и залах дворца, разбежались в стороны, едва им стоило увидеть приближающихся вооруженных людей.

Мертвецы во дворе были сметены, а выжившие помощники и лаборанты Своррена еще какое-то время пытались сопротивляться неизбежному, осыпая противника заклинаниями. Но они оказались неспособны даже замедлить вражеское наступление.

Единственным препятствием для нападавших стали экземпляры, которые некромант побоялся выпускать на свободу. Своррен, пока ожидал нападения, спустился в одно из подземелий и призвал существ, что были запечатаны в его свитках. Поддававшиеся контролю были отправлены наверх, а остальные оказались заперты в клетках. Некромант надеялся, что успеет освободить их, когда враг ворвется во дворец, тем самым создав дополнительное препятствие между собой и армией вооруженных фанатиков.

Архиерей лично возглавил решающий штурм кабинета некроманта, в котором закрылись немногие оставшиеся в живых слуги.

Дворец был зачищен, и началось разрушение величественного строения, что хоть как-то украшало пустошь. Камни раскалывались, постройки разбирались, нечестивые книги сжигались. Во двор быстро вносились статуи двух богов, которые мгновенно устанавливались на высоких постаментах и освящались помощниками Сиптуага.

Сам же архиерей в это время ходил между трудящимися людьми, останавливаясь и

благословляя тех солдат, что непосредственно участвовали в уничтожении оскверненных людей.

— Архиерей! Господин Сиптуаг!

Мужчина обернулся на крик. Его посох уже был очищен от крови и вновь ярко блестел в свете костров, разжигаемых при помощи толстых книг, выбрасываемых из бесчисленных окон прямо на мерзлую, пропитавшуюся кровью землю. К Сиптуагу подбежал молодой парень, телосложение и легкие доспехи которого красноречиво свидетельствовали о его принадлежности к отряду разведчиков.

— Господин, к нам приближаются несколько всадников.

Архиерей удивленно вскинул брови:

— Разве мы рассылали разведчиков?

— Нет, мы этого не делали.

— Посланники герцога? Он единственный из наших военачальников находится поблизости от нашего отряда.

— Нет. Господин, у них нет знамен и отличительных признаков. Лишь черные плащи, да такие же лошади.

— Черные говоришь? — архиерей несколько раз взмахнул посохом, со свистом рассекая прекрасным оружием воздух, а затем вновь посмотрел на разведчика. — Веди меня. Посмотрим, кого это к нам занесло.

* * *

Ивирион и Экраон направили своих коней вдоль полосы чахлого леса, отделявшего их от вожделенной цели. Некроманты очень спешили, но даже не думали двигаться к пункту назначения напрямик. Эти полумертвые деревца были той границей, переступив через которую ты можешь уже никогда не выбраться из непролазной трясины. Некроманты двинулись в обход досадного препятствия. Это заняло у них больше времени, но лучше так, чем умереть в непроходимой глуши.

Экраон резко пришпорил своего прекрасного жеребца и опередил Ивириона. Конь пирриона не был так же быстр и вынослив, как у его товарища, поэтому ему ничего не оставалось, кроме как наблюдать за удаляющейся спиной.

Всадники миновали несколько неглубоких оврагов, проскакали вдоль небольшого озера, в котором уже давно не водилась никакая рыба. И остановились.

Экраон ловко спрыгнул с коня и привязал его к кольшку, который тут же вбил в землю. Ивирион же просто заглянул своему жеребцу в глаза, отдав приказ оставаться на месте. Животное беспрекословно повиновалось своему хозяину, в глазах которого запыльхало зеленое пламя, практически полностью поглотившее маленькие зрачки.

Экраон прошелся взад-вперед, его сияющие синевой глаза непрерывно скользили по пустырю, раскинувшемуся перед ним. Ивирион подошел к товарищу и откинул с головы капюшон, открывая холодному воздуху бледную кожу своего лица:

— Ну что ж, вот мы и здесь.

— Да, — тихо прошипел Экраон, с заметным волнением и недоверием ступая на черную мертвую землю.

Ивирион с осторожностью последовал за своим собратом, тщательно выискивая путь

среди растрескавшейся почвы. На кончиках его пальцев заиграло пламя, которым некромант освещал себе дорогу.

Экраон с громким треском переломил серую кость, попавшую ему под ногу и мгновенно остановился, готовый в любую секунду прийти в движение. Но ничего не происходило. Пока что. Экраон шумно ругнулся, продолжая идти вперед:

— Земля Мертвецов. Как же я ненавижу это место.

Жизнь — вечный поиск ответов. Это путь, который суждено пройти каждому. Дорога, которая ведет в вечность. И каждый хочет пройти по ней, зная, что никогда не дойдет до конца.

Неизвестный.

Ивирион следовал за своим собратом, тщательно следя за каждым своим движением. Земля Мертвецов по праву заслужила свое название. Ни один из некромантов не решался идти сюда в одиночку. Лишь безумцы, которых уже давно не было в живых, пробовали отправиться на эти земли без сопровождения. Это место было просто идеально для исследований. Столько материала. Столько тайн. Но оно того не стоило.

Когда-то давно это место было другим. Совсем другим. До того как сюда пришла тьма. До того как сюда пришли первые враги.

До того как Экраон перестал жить.

Некроманты довольно долго пробирались по черной земле, пока не достигли своей цели. То, что когда-то было прекрасной рощей, а ныне стало настоящим кладбищем, встретило их более чем прохладно. Ивирион обогнул небольшой пригорок, под которым явно проглядывала целая гора костей. Экраон с любопытством следил за своим более молодым товарищем, который с интересом изучал представшую перед ним рощу.

— Ты ведь раньше никогда здесь не был? — холодно прохрипел Экраон.

Ивирион, согнувшийся над небольшим продолговатым предметом, напоминающим скрученную в агонии лапу животного, взглянул на Экраона. Его глаза прямо-таки горели от любопытства.

— Нет. Я не настолько безумен.

— Я тоже. И, тем не менее, мы оба здесь.

Ивирион разогнулся и поднял руку, пламенем освещая себе чуть большую площадь.

— Если уж на то пошло, ты был здесь и раньше, — Ивирион с любопытством посмотрел на Экраона.

Некромант лишь пожал плечами:

— То было слишком давно.

Ивирион еще какое-то время осматривался, пока не нашел подходящее место. Опустив руку, некромант вывел на аккуратный пылающий круг, в который он затем и сел.

Ивирион опустил руки на землю, его пальцы впились в мертвую землю:

— Хорошо, я готов.

— Прекрасно. Ивирион.

— Да?

— Удачи, — Экраон отвернулся от сидевшего на земле некроманта, в напряжении осматривая окрестности.

— Спасибо.

Ивирион закрыл глаза, расслабил мышцы и отдал себя во власть огня. Маленькие языки пламени поползли по земле, расползаясь вокруг некроманта затаившейся сетью. Огонь охватил всю площадь на расстоянии десяти метров от Ивириона, а затем начал

просачиваться вниз. Проникая все глубже в мертвую почву, пламя начало разрушать землю, устремляясь к своей цели, которую так живо представлял себе некромант.

Достигнув глубины двенадцати метров, пламя замерло, расширяя зону охвата. Это было подобно тому, как разрастаются корни дерева. Вот только дерево не пыталось вернуть к жизни мертвых.

— Я достиг их.

— Отлично. Не спеши, время есть, — Экраон шагнул в сторону, убирая ноги с пути случайных языков пламени, расползающихся по земле. — Главное не подними больше, чем сможешь контролировать.

— Спокойно, Экраон. Это всего лишь птицы.

Ивирион усилил пламя и свой контроль над ним. Огонь уже полностью охватил предплечья некроманта и продолжил двигаться дальше по его рукам. Ивирион нахмурился, отрезая пламени путь наверх. Если оно доберется до плеч, он может случайно вложить в призванных к не-жизни слишком много силы, что приведет к неминуемому разрушению их оболочек.

Некромант сосредоточился, ища малейшие признаки того, что могло бы вывести его к цели. И нашел. Маленькая, продолговатая косточка, захороненная на глубине больше пятнадцати метров. И это только первая из них. Но теперь ему будет легче.

Устремившись к тому, что оказалось лучевой костью, пламя довольно быстро заполонило пространство вокруг нее, отбирая и передвигая другие части скелета.

Ивирион просидел в пылающем круге более двух часов, когда земля перед его ногами внезапно вспучилась. Из-под почвы появилась белая кость, постепенно раскидывавшая вокруг себя мертвую землю. Спустя всего несколько секунд на свет показался скелет ворона, в пустых глазницах которого едва заметно тлели зеленые искры. Затем появилась еще одна птица, а за ней следующая.

Земля продолжала исторгать из своих недр все новых и новых воронов, выжидающе выстраивающихся перед некромантом.

Экраон ненадолго отвлекся от обхода территории и с удовлетворением оглядел все увеличивающуюся армию маленьких птиц. Удивительное зрелище. Старый некромант даже не думал, что Ивирион стал настолько силен за последние годы. Его пламя пылало во всех этих птицах, а ведь это еще не конец! Некромант все продолжал призыв существ из-под земли.

Наконец, когда число птиц приблизилось уже к двум сотням, Ивирион остановился. Пламя, опутавшее его руки, постепенно начало затухать и некромант, вновь открыв глаза, встал перед маленькой армией мертвых.

Ивирион расправил полы плаща и величественно протянул руку, вновь призывая к себе на помощь свою силу. Угольки в глазницах вспыхнули с новой силой и зеленый огонь начал распространяться по голым костям. Не прошло и двадцати секунд, как вся стая пылала потусторонним зеленым пламенем, почти полностью скрывавшим кости воронов. Ивирион сжал кулак, и пламя начало обретать более устойчивую форму, вылепляя поверх костей изящные перья. И вот мертвых птиц уже почти невозможно было отличить от живых.

Ивирион опустил руку, глубоко вдохнул и оглянулся на Экраона:

— Если хоть что-то изменится, вырывай меня обратно.

Синеглазый некромант кивнул, наблюдая, как его собрат вновь опускается на землю. Ивирион запахнул плащ и посмотрел на воронов:

— Ну, давайте поглядим, что произошло с миром в наше отсутствие.

* * *

Стая взмыла в серое небо и устремилась на север.

Минуя несколько деревень с крестьянами, с восхищением наблюдавшими за сияющими птицами, зелеными стрелами пронзающими облака, вороны полетели напрямиком к Звездному лесу. Под ними проносились бесчисленные чахлые рощи и болотистые земли, так обильно устилавшие территорию, принадлежавшую приграничным некромантам.

По пути они пролетели над небольшим отрядом воинов в доспехах, увязших в этих самых болотах. Вооруженные мужчины, с руганью тянувшие на себя поводья, подняли головы, едва бледный свет солнца скрыла огромная тень. Некоторые из них в страхе свалились с ног, другие отпускали поводья, позволяя коням вновь безумствовать от страха быть погребенными в трясине, а некоторые просто тупо таращились в небо, словно не веря в происходящее.

Они не были интересны Ивириону.

Некромант поднажал на то, что осталось от разума птиц, и заставил их ускориться. Миновали Лес Знаний, названный так лишь по той причине, что в свое время один из некромантов нашел там большое захоронение, значительно продвинувшее исследования и эксперименты.

А вот и территории, что раньше принадлежали Гериону и Аррасу. Обоих некромантов наверняка уже не было в живых, поэтому эти места Ивирион хотел миновать как можно скорее. Но, тем не менее, он не мог заставить себя не смотреть. Вот дворец Арраса. По крайней мере то, что от него осталось. На его руинах, почерневших от пламени, что охватило некогда прекрасное строение, теперь лишь белели два десятка шатров, возле которых были возведены те самые статуи двух богов, о которых говорил Своррен.

Ивирион мысленно отделил одну из птиц от стаи и устремился вниз. Он хотел разглядеть все как можно лучше. Ворон распахнул крылья и, паря на потоках воздуха, начал свое движение над лагерем. Безусловно, в шатрах были люди. Не более двух-трех в каждом. Однако больше всего Ивириона поражал сам тот факт, что на развалинах еще хоть кто-то остался. Зачем разрушать дворец, если потом ты хочешь обосноваться в его развалинах? Не лучше ли оставить все как есть, и занять комфортные комнаты, а не спать под открытым небом на обломках камней? Слишком глупо, даже для фанатиков. Ворон развернулся и пошел на второй заход, стремясь пролететь максимально низко.

Однако у него не получилось. Некая невидимая сила не позволяла птице двигаться дальше, постепенно отталкивая ее назад. Ивирион вновь надавил на ворона, но и это не дало ощутимого результата.

Ивирион нахмурился и решил взять дело в свои руки. Приказав стае продолжать двигаться в сторону Звездного леса, некромант полностью сосредоточился на вороне. Пламя разгорелось так сильно, что маленькое существо стало похоже на миниатюрную звезду, упавшую на землю. Кость едва выдерживала жар, но Ивирион и не думал останавливаться. Его пламя должно было пробить эту защиту. Должно!

Ворон вновь устремился вперед, оставляя за собой яркий огненный хвост, что был так легко заметен в ночи. Птица была уже в двадцати метрах от границы лагеря. И вновь

встретила сопротивление. Но в этот раз Ивирион не был намерен сдаваться. Он надавил на разум птицы с такой силой, что остатки разума ворона начали вибрировать. Еще немного, и он будет сокрушен, а некромант полностью утратит контроль над существом. Но прежде чем это произойдет, он осуществит задуманное!

Пламя уже не просто омывало кости, а начало истекать прямо из них. Птица беспомощно взмахивала крыльями, практически замерев на одном месте. Она продолжала рваться вперед, понукаемая чужой волей. Волей, что была сильнее ее собственной. Волей, что призвала ее в этот мир. Волей, что не знала пощады.

Но это ее и погубило.

Сила пламени была слишком велика для столь хрупкого сосуда, поэтому, когда кости больше не смогли выдерживать чудовищной нагрузки, ворон оказался обращен в прах. В одну секунду пламя, охватившее белые кости, разрушило каждую из них, превращая существо, что пролежало под землей десятки лет, в кучку пепла.

Однако у Ивириона еще был шанс. Быстро подхватив пламя, что вырвалось из костей, некромант как смог усилил его и послал вперед. Удивительно, но и сейчас его сил не хватало, чтобы даже близко подобраться к этому лагерю!

Пламя начало затухать, выкачивая из Ивириона драгоценные силы, что он тратил на его поддержание. Некромант еще некоторое время сопротивлялся неминуемому поражению, нанесенному ему неведомой силой, окружившей лагерь, но быстро сдался. Он не мог прорвать эту преграду. Не сейчас.

Пламя затухало, отрывая сознание некроманта от руин дворца, и насильно вернуло его обратно к стае. Ивирион вновь разделил свое внимание между десятками птиц, рассматривая местность сотнями глаз сразу.

Вороны миновали руины дворца, принадлежавшего когда-то Гериону. Звездный лес уже маячил перед взором некроманта, поэтому он позволил себе немного расслабиться и рассеять то давление, что оказывал на оживленных существ. Все было хорошо. Пока что.

Ивирион на секунду отвлекся от контроля над птицами и вернул сознание обратно в свое тело. Хоть он и доверял Экраону превыше остальных некромантов, ему все равно не хотелось слишком расслабляться на Земле Мертвецов. Это место сгубило слишком много людей в свое время. И вряд ли что-то изменится в ближайшие годы. Эта земля просто пропитана смертью, окрасившей почву в черный цвет.

Ивирион раскрыл глаза и, проморгавшись, бросил беглый взгляд на Экраона. Некромант сидел на корточках и водил рукой в перчатке по земле. Когти вспарывали черную почву, выводя на ней изящные символы. Некромант вновь скинул капюшон, обнажив лицо всем ветрам, и осматривал окрестности. И сейчас, когда его собрат считал, что он предоставлен самому себе, Ивирион с удивлением отметил, что синие глаза светились уже не той неудержимой мощью, что исходила из них раньше. Нет, теперь они были наполнены болью. Болью и страданием.

Ивирион не мог винить старого некроманта за эмоции, охватившие его при возвращении сюда. Однако даже сострадание не могло вытеснить из него инстинкт самосохранения. Если Экраон будет слишком отвлечен от окружающей его реальности, значит Ивириону нужно позаботиться о себе самостоятельно. Зеленые огоньки сорвались с пальцев некроманта и окружили пирриона тремя кругами, что постепенно увеличивались в диаметре. Если хоть что-то пересечет любую из этих границ, Ивирион тут же об этом узнает.

— Это вовсе не обязательно.

Ивирион перевел взгляд на Экраона, который продолжал сидеть, не отрываясь от своего занятия.

— Я понимаю твой страх, Ивирион. Но тебе нечего бояться, пока я нахожусь рядом с тобой.

— Я всего лишь хотел обезопасить место вокруг себя. Кто знает, что может забраться сюда. А захватчики, даже не подозревая о сущности этого места, могут просто пойти напрямик, совершенно не заботясь о том, что их окружает.

— Ясно. Не волнуйся. Если произойдет хоть что-то необычное, я немедленно привлеку твое внимание.

— Хорошо.

— А теперь сосредоточься на стае, так мы быстрее отсюда уберемся.

Ивирион кивнул и вновь закрыл глаза, растворяясь в потоках воздуха и устремляясь к улетающей стае. Вороны уже пролетали над Звездным лесом, и Ивирион решил, воспользовавшись моментом, рассмотреть его с высоты птичьего полета.

Название этому месту дал Прародитель. Некромант, исчезнувший задолго до того как на свет появились родители Ивириона, пришел в этот лес и застал удивительное явление, происходившее здесь каждую ночь. Почки, обильно усыпавшие ветви десятиметровых деревьев, источали внутренний серебристый свет. Миниатюрные звезды сияли так, что ночь становилась неотличима ото дня.

Лес все еще был темен, но вскоре он просто засияет неудержимым светом. Но Ивирион не застанет этого момента. Он будет уже далеко отсюда.

Птицы оказались подхвачены мощным восходящим потоком воздуха и, воспользовавшись его силой, взмыли высоко в воздух, постоянно набирая скорость. Ивирион щедро подпитывал пламя, придавая птицам большую силу, чем ранее. Путь к его цели предстоял неблизкий, поэтому Ивирион решил заняться полезным делом.

Чем дальше он будет находиться от воронов, и чем больше будет препятствий между ними, тем сложнее ему будет управлять призванными существами. Поэтому единственным вариантом было дать птицам чуть больше свободы. Им нужно было вернуть чуть больше *разума*.

Каждое существо было индивидуально. Каждый раз, когда некромант осуществляет призыв, он возвращает не только существо, но и часть его разума. Иногда они изначально обладали какой-либо частицей прошлых себя, но чтобы полностью раскрыть их суть, некроманту необходимо было проникнуть как можно глубже в потаенные уголки души существ. К несчастью немногие некроманты решались на такой шаг: столь сильный контакт с существами мог навредить человеческому телу. О чем красноречиво свидетельствовала ситуация, произошедшая со Сворреном.

Но у Ивириона не было проблем с этим. Он был пиррионом, и мог легко позволить себе более сильную связь с призванными существами, чем его собратья. Плюс вороны были слишком слабыми, немощными и маленькими существами, обладающими примитивным разумом, что значительно облегчало его задачу.

Некромант размыл границы своего сознания и отдался во власть пламени. У него будет много работы.

Ивирион закончил работу с разумами воронов ближе к утру. Птицы уже давно миновали Звездный лес, несколько быстрых рек и глубоких озер, и теперь пролетали над территорией, что, несомненно, принадлежала крестьянам. Снизу проносились красивые, ухоженные и богатые урожаем поля, колосья пшеницы слегка сгибались на ветру и блестели от утренней росы.

Солнце еще только начинало вставать из-за горизонта, а люди уже начинали выходить на огромные поля, столь богатые зерном. Тщательно все обдумав, некромант разделил воронов на шесть групп, по тридцать в каждой. Две сотни птиц будут привлекать слишком много внимания, а маленькие разрозненные группы смогут прибыть к пункту назначения незамеченными.

Вороны пролетали над головами крестьян, провожавших их хмурыми взглядами и возвращавшимися к своей работе. Откуда им было знать, что все эти птицы, так внимательно наблюдавшие за ними с высоты, даже не были живыми в прямом смысле этого слова.

Им было все равно. Ивириону тоже.

Вороны разлетелись в разные стороны, но, в конце концов, все они устремились к одной цели. И цель эта была близка как никогда.

Город Йоххар. Вот куда они летели. Вот место, в котором некромант найдет ответы на вопросы, что мучили его. Кто и почему на них напал?

Огромный город, возведенный на месте пересечения трех рек, просто поражал своим масштабом и величием. Он был намного больше, чем дворец Экраона, величественнее, чем дворец Иеремиха, красивее, чем дворец Ивириона. Он был прекрасен.

Гигантские башни возвышались в центре города, десятки больших улиц разделялись на сотни маленьких. Свет восходящего солнца заливал их девственно чистым светом, заставлявшим город сиять. Люди постепенно начинали просыпаться и вливаться в бурлящую жизнь города. Торговцы подготавливали свои палатки, ремесленники раскрывали двери лавок, патрули стражи неспешно обходили улицы.

Стая оживленных птиц довольно легко могла бы затеряться на задворках такого города, поэтому Ивирион даже не стал пытаться скрыть их. Вороны ворвались в небо над городом и рассеялись по его улицам. Они наблюдали: с крыш, водостоков, террас, балконов, мостов, высоких шпилей. Они наблюдали, икали, слушали.

И нашли.

* * *

Йоррен Эллиорс всегда вставал с первыми лучами солнца. Они с легкостью проникали сквозь окно без штор и били в глаза спящему мужчине. Он делал так лишь для того, чтобы встать раньше своих работников.

Потянувшись, Йоррен с нежеланием откинул плед из тончайшего шелка и прошелся по своей комнате. Богато обставленное помещение было его спальней в той же мере, сколь и кабинетом с залом для приема гостей. Кровать от остального помещения отделяла небольшая деревянная перегородка, прямо за которой стоял его личный стол из красного дерева в форме полукруга. Остановившись напротив зеркала в полный рост, Йоррен устало протер глаза и брызнул себе в лицо водой из чаши неподалеку.

Набросив на плечи красный халат, Йоррен сел за стол, быстро просматривая бумаги,

оставленные на нем прошлым вечером. У него было не сильно много времени на то, чтобы внимательно изучить их, но даже так он понимал, что лучших условий, чем те, что были описаны здесь, он вряд ли сможет добиться. Похоже, что другого выбора у него и не было.

Взяв длинное изящное перо и обмакнув его чернильницу, он поставил на документе свою подпись. Свернув бумагу, и взяв подожженную свечу, Йоррен с осторожностью наклонил подсвечник и капнул воском на край листа, после чего плотно прижал к нему кольцо-печатку.

Отложив запечатанное письмо, Йоррен быстро переоделся и спустился вниз. Он надел легкое летнее пальто из светлой ткани, а под ним лиловые штаны с таким же жилетом, украшенным золотыми пуговицами. В одной руке он держал письмо, а во второй маленькую шляпу с узкими полями, какие обычно носят в руках, а не на голове.

Кабинет-спальня Йоррена находилась на самом верху четырехэтажного здания из светлого камня. Остальные же были отведены под нужды купеческой гильдии, руководителем которой являлся Йоррен. Правда, руководил он ею чуть больше четырех месяцев. Раньше он был одним из так называемых «регулярных граждан», ничем не выделяющихся из десятков других, что присутствовали в гильдии. Однако сейчас Йоррен занимал высший пост, какого только было возможно достигнуть среди купцов.

Йоррен как раз проходил мимо третьего этажа, когда услышал странный дробный стук. Купец остановился и в недоумении начал озираться по сторонам. Звучало так, словно по дереву бил клювом дятел.

Еще немного постояв на месте, мужчина двинулся дальше. На первом этаже еще было немногочисленно, лишь некоторые из молодых помощников сновали по коридорам, подготавливая вещи своих купцов. В гильдии за каждым купцом первого ранга приставлялись по два помощника. Второй ранг имел одного помощника. Третий ранг — ни одного. Конечно, далеко не все купцы решались на то, чтобы брать на себя такую ответственность, как два помощника, но и одного мало кто имел. Ведь он являлся лицом купца. Если помощник невежда, значит, его так его обучил купец. Если помощник груб, значит таков и купец. Если помощник ленив, значит, купцу плевать на свои дела, если он не смог выбрать себе более подходящего человека.

У самого же Йоррена не было ни одного помощника, хотя он как глава купцов имел право на четверых. Он никому не доверял свои дела. Ни раньше, ни сейчас. Особенно после того, что случилось недавно.

Йоррен быстро прошествовал по коридору и аккуратно постучал в дверь главного казначея.

— Войдите! — раздался в ответ скрипучий крик.

Йоррен заглянул вовнутрь. Комнатка была обставлена так бедно и плохо, что скорее напоминала заброшенную каморку, нежели рабочий кабинет такого важного человека как казначей. Помещение освещалось единственной свечой, подсвечник с которой стоял посреди стола, просто-таки заваленного бумагами. За столом, согнувшись в три погибели, скрючился Осстен — старый казначей гильдии купцов, занимавший эту должность уже больше тридцати семи лет.

Престарелый казначей поднял голову и, с трудом сфокусировавшись на фигуре вошедшего, слегка улыбнулся:

— А, дорогой мой Йоррен. Заходи скорее, мальчик. И прикрой пожалуйста двери, а то этот сквозняк меня доконает.

Йоррен слегка улыбнулся. Ничего даже отдаленно напоминающего сквозняк в стенах гильдии посреди лета не было, и быть не могло. Однако для ветхого старика любая открытая дверь непременно означала опасность простудиться. Осстену было уже восемьдесят три года, а он все продолжал трудиться. К несчастью за годы, проведенные в темной комнате, в которой он проживал и работал в тяжелые для города времена, его зрение, слух, а самое главное суставы, пришли в ужасающее состояние. Теперь старик не мог долго находиться на солнечном свете — он слепил его. Любые звуки, даже самые тихие, были для него подобны раскатам грома. А уж если на улице лил дождь или шел снегопад, то казначей мог и не встать с кровати из-за боли в ногах.

— Осстен. Приветствую вас, — глава гильдии аккуратно переступал через разбросанные по полу бумаги, одежду и предметы мебели. — О Высший. Неужели вы никогда не хотели прибраться здесь? Хотя бы поднять все с пола. Или убрать на столе, — Йоррен бросил многозначительный взгляд на хаотично разбросанные по столешнице бумаги.

— Йоррен, поживи с мое и поймешь, что если тебе сложно встать помочиться с кровати рано утром, то уж на уборку у тебя тем более не будет сил. Я уже привык работать в таких условиях. И это мне нравится.

— Ну ладно, — едва слышно пробормотал Йоррен, опускаясь на маленький деревянный стул, который был намного меньшего размера, чем требовался для человека его роста.

— Что ты хотел?

Купец протянул казначею запечатанное письмо:

— Хочу, чтобы ты отослал это в храм. Да поскорее. Я буду занят весь день, поэтому не смогу сделать это лично.

— Ну-ка дай сюда, — старик протянул трясущуюся руку и вырвал письмо из пальцев купца.

— Я его только что запечатал!

— Да помолчи ты, — отмахнулся старик, поднося бумагу вплотную к огоньку свечи.

Прищурившись, казначей внимательно вглядывался в буквы, что едва заметно проступали на бумаге. Старик довольно долго рассматривал письмо, глазки его бегали туда-сюда, а губы непрерывно шевелились.

Закончив чтение, казначей бросил сердитый взгляд на Йоррена:

— Серьезно? Вот так просто возьмешь и согласишься? Я ожидал от тебя большего, парень.

Осстен с отвращением отбросил бумагу в сторону, словно не желая касаться ее. Йоррен взял письмо и вновь протянул казначею:

— Пожалуйста, отправь ее в храм. Прошу тебя. Я не могу...

— Нет! — Осстен с силой ударил по столешнице кулаком. По-крайней мере с той силой, на которую был еще способен. — Я не прогнусь под них. И ты тоже этого не должен делать! А если так уж хочется — пожалуйста. Вперед! Но я не желаю в этом участвовать!

— А у тебя есть другой способ решить эту проблему?! — взревел Йоррен, в гневе вскакивая со стула, отчего тот врезался в стену. — Ну, давай. Давай, Осстен! Предложи мне решение, если ты так принципиален. Я с удовольствием выслушаю тебя.

Купец скомкал письмо в руках, с ненавистью глядя на упрямого старика перед собой, который, скривив губы, упорно продолжал смотреть на Йоррена как на пустое место.

— Ты жалок. Ты просто жалок. Как только появляются трудности, ты тут же прячешься в самом дальнем углу, который только способен отыскать. Никакой борьбы, никаких

принципов. Ничего, — старик с огромным трудом смог подняться со своего места и, обойдя стол, встал перед Йорреном. — Знаешь, как я жалею, что они забрали Диттиха? Он был прекрасным человеком. Намного лучшим, чем ты. Ты никогда не был, и никогда не будешь достоин его места. Да вот только иного выбора у тебя нет. Ты мог бы измениться, если бы только достал свои яйца из капкана и хоть на секунду побыл мужиком!

Осстен упер свой тщедушный палец в грудь купца и взглянул в глаза собеседника:

— Я понимаю, что тебе приходится тяжело, но это совсем не значит, что при этом должны страдать остальные. Борись. Борись, как бы тяжело тебе ни было!

Йоррен с негодованием смотрел на старика, пытаясь найти в себе силы на то, чтобы возразить пожилому казначею. Но не мог. В глубине души он понимал, что старик прав. Да вот только что он мог сделать? Противиться тем фанатикам, что веруют в двух богов? Пойти против тысяч верующих, что им прислуживают? Кто он такой? Лишь глава одной гильдии, коих сотни в этом городе. И что дальше? Они уже итак показали, как мало для них важен его статус и положение. Равно как и Диттиха до него. И где он теперь? В лучшем случае — мертв. В худшем... Нет. Он даже не хотел думать о втором варианте.

— Я. Я подумаю над этим, — только и смог пробормотать мужчина, направляясь к выходу из кабинета. Письмо так и было скомкано в его руках.

— Нет.

Йоррен обернулся к Осстену, вновь севшему за стол.

— Не подумаешь. Ты можешь обманывать себя, но итог будет один. Ты сам пойдешь в храм. И отдашь им все, согласишься на любые условия, лишь бы отвязаться от священников. Вот только помни — нельзя отдать что-то и при этом ничего не потерять.

Йоррен отвернулся и покинул кабинет казначея. Ну что же, делать было нечего. Придется идти туда самому. Значит, будет сидеть в кабинете до полудня. Сейчас на улицах будет много народу, а уж в самом храме и подавно. Как-никак утренняя служба. Поднимаясь наверх, он вновь услышал тот странный добрый стук, что почудился ему несколько минут назад. И вновь в том же месте. Неужели он слишком вымотался и переволновался, что ему чудится, будто здание разваливается?

Войдя в кабинет, Йоррен устало опустился на угол кровати и выглянул в окно. Прекрасный день, испорченный его новыми обязанностями. Просто кошмар. Оставалось лишь надеяться, что встреча в храме пройдет лучше, чем прошлая. И позапрошлая. Быть может, хотя бы в этот раз не будет унижений и обвинений в поклонении злу?

Наивные мечты. Глупая надежда. Естественно, его будут оскорблять и запугивать. Причем делать это будут явно прилюдно. Но были ли другие варианты?

Откинувшись назад, Йоррен устало прикрыл глаза, стараясь успокоиться. Все хорошо. Все будет хорошо. Ему всего лишь нужно было отнести это проклятое письмо и больше ничего. И все закончится. По-крайней мере пока.

Йоррен встал и подошел к окну, с интересом смотря на пробежавших на улице людей. Большинство из них спешили в храм, а оставшиеся шли в сторону торговых рядов. Купец улыбнулся, вспоминая, как он раньше был частью этой толпы. Беззаботный, счастливый и безрассудный. Тогда все казалось таким простым. Жаль, что те времена давно прошли. Очень жаль.

На оконный карниз приземлилась маленькая птица и начала стучать в окно своим клювом. Купец отвернулся и пошел к столу, надеясь, что она побалуется еще пару мгновений и улетит. Вот только стук не прекратился. Мужчина раздраженно дернул щекой, но не

прекратил рассматривать большую стопку бумаг, принесенную в его кабинет, пока он ходил к Осстену.

Стук продолжился. Более того, он стал еще громче. Казалось, будто птица пыталась разбить стекло своим клювом! И вот Йоррен не выдержал.

Вскочив из-за стола, мужчина двумя шагами преодолел расстояние, отделявшее его от окна, и рывком раскрыл ставни.

— Проваливай отсюда, пернатое отродье!

Йоррен замахнулся рукой, но, бросив один единственный взгляд на птицу, в ужасе отшатнулся, запнулся о небольшой пуфик и с грохотом упал на пол.

— О Высший! Что ты такое?!

Птица-скелет мягко впорхнула в кабинет и, приземлившись перед глазами мужчины, склонила свою голову-череп. Ярко зеленое пламя, омывавшее кости странного существа, каким-то необъяснимым образом не поджигало кровать.

— О нет. Что тебе нужно?

Хватит!

Йоррен в ужасе замер и прекратил рыдать. Его била мелкая дрожь, лицо бледнело, но он не смел даже шелохнуться. Он знал этот голос. Знал!

Не надо так кричать.

— Господин? Что-то случилось? — раздался встревоженный крик снизу.

Йоррен в нерешительности посмотрел на дверь, а потом вновь на птицу, которую, казалось, искренне забавляла данная ситуация.

Лучше ответь. Не стоит им заходить сюда в ближайшие десять минут.

Йоррен быстро кивнул:

— Я. Я в порядке. Просто увидел паука-песочника. Ничего страшного!

Йоррен был известен своей арахнофобией. Стоило ему увидеть любого паука, размером больше сребреника, как на него немедленно накатывала волна паники, без труда сносившая все препятствия, что пытался выставить голос разума. А уж если это был ядовитый паук размером с половину ладони...

— А. Ясно. Ну, вы зовите, если вам что-то понадобится.

— Да. Да, благодарю, Литер.

На лестнице послышались удаляющиеся шаги, сопровождаемые веселым хихиканьем. Купцы и их помощники давно потешались над причудами своего нового главы, но никогда не делали этого на его глазах.

— Кто вы?

Ворон слегка наклонил череп, словно размышляя над столь неожиданным вопросом.

Подожди немного.

Птица спрыгнула с кровати и оказалась перед закрытой дверью. Проверив, что снаружи нет посторонних наблюдателей, ворон развернулся к купцу.

Они могут зайти сюда без твоего приглашения?

— Могут?

Это я тебя спрашиваю!

— Нет! Нет, я могу затворить дверь.

Сделай это.

Йоррен быстро достал маленький ключик и бросился ко входу, с опаской поглядывая на мертвую птицу, удобно расположившуюся рядом с ним.

Отлично.

Ворон неспешно прошелся по каменному полу, прежде чем замереть напротив окна.

Есть чем закрыть окно?

— Закрывать? Зачем?

Неважно. Есть или нет?

— Я могу накинуть свой плед...

Отлично, он подойдет.

Йоррен схватил плед и бросился к окну.

Подожди. Еще пару мгновений и закрывай.

Купец замер с пледом в руках, дожидаясь того, о чем говорил ворон. Раздался едва слышный шорох, и в комнату Йоррена влетела целая стая проклятых мертвых птиц! Не менее десятка их буквально вломились в кабинет, при этом за каждой из них тянулся огненный след.

Теперь можешь закрыть.

Купец быстро кивнул, затворил окно и набросил на него плед, отрезая себя от внешнего мира и света. Йоррен оглянулся через плечо и едва не упал на пол от ужаса. На полу больше не было тех ужасных птиц. Нет, теперь там была лишь простая куча костей, а над ними возвышалось зеленое пламя! Огонь принимал причудливые формы, все поднимаясь и поднимаясь наверх. В конце концов пламя сформировало человеческий скелет, на который начали напозать птичьи кости. Йоррен едва сдерживал крик, готовый вырваться из его рта. Но он был слишком объят ужасом, чтобы издать хотя бы звук.

Кости сдвигались, переплетались, соединялись и перекачивались. И вот перед купцом встал человек. И при этом он был до боли знаком Йоррену. Купец готов был поклясться, что хоть фигура и была создана из костей, она все равно имела отличительные черты. *Думай. Думай! Кто же это был. Ты же помнил его имя!*

— Ивирион!

Костяная фигура склонила голову. Внутри пустых провалов, что изображали глаза, запылало пламя.

— Верно, Йоррен, — фигура некроманта шагнула вперед, скрещивая руки на груди. — У меня есть несколько вопросов и, надеюсь, что ты ответишь мне на них.

Если религия столь невинна и чиста, тогда почему нам ее навязывают?

Граф Ходдрейл, поджигая храм Белого Волка.

Ивирион прошелся по комнате, оценивая обстановку. Да, здесь и правда все было богато обставлено, именно таким он и представлял себе подобное место. Конечно, оно не шло ни в какое сравнение с дворцом самого некроманта, однако в этом было свое очарование.

— Впечатляет. Действительно впечатляет.

Йоррен напряженно наблюдал за костяной фигурой, будучи на грани нервного срыва.

— Я так понимаю, эта комната предназначена для главы вашей, как вы это называли, гильдии? Верно?

— Да. Все верно.

— Странно. Почему же здесь ты? Что случилось с Диттихом? Я хотел поговорить с ним.

— Его. Забрали, — с трудом выговорил Йоррен.

— Забрали?

— Церковь двух богов. Священники пришли за Диттихом и увели его с собой.

— Почему они сделали это?

— Потому что... Потому что мы вели дела с вами! — в отчаянии вскричал купец.

Ивирион замер и резко развернулся к Йоррену. Пустые провалы глаз запылали еще сильнее, пламя начало распространяться на голову.

— Что это значит?

Йоррен сел на кровать и устало опустил голову:

— Они наказали нас за то, что мы вели торговлю с некромантами. Мы все. Из всех гильдий королевства лишь мы единственные решались на посещение вашей территории. Больше никто и никогда не предпринимал даже попыток пройти через Звездный лес. А мы сделали это. Мы делали это каждый год на протяжении тридцати семи лет. И каждый раз все было хорошо. Нас не хвалили за это, но и не осуждали. Все просто принимали это как данность. Кто-то был, конечно, против. Поговаривали даже, что мы были тайными адептами вашего культа, однако дальше разговоров и перешептываний дело не заходило.

— Что же изменилось?

— Церковь двух богов. Знаете, наш народ никогда не был особенно верующим. Да у нас было множество богов. За прошедшие столетия появилось и исчезло так много религий и верований, что о них просто уже и не вспоминали. Но церковь двух богов была не из таких. Она появилась чуть более двадцати лет назад, и вот уже стала единственной религией. Все остальные были признаны еретическими ответвлениями, а люди, что поклонялись другим богам, объявлялись врагами, еретиками и подвергались гонениям. Вот что такое церковь двух богов. Они не признают никакой другой истины кроме той, что рассказывают сами.

Йоррен замолчал, словно собираясь с силами.

— Как только они узнали, что мы вели дела с некромантами, что живут за Звездным лесом, на нас обрушился их гнев. Они ворвались сюда и в другие наши здания. Они вбегали в склады и избивали наших слуг, друзей, помощников. Диттих пытался возражать. Он пытался

остановить их, но в итоге лишь усугубил ситуацию.

— Каким образом?

— Он пошел в храм. Он обратился к самому архиерею, пытаясь объяснить ему, что мы вели дела лишь на условиях свободной торговли, как и со всеми остальными. Они его даже не дослушали. Диттиха избили, заковали в цепи и бросили в подземелье, что находится под храмом. Единственное, что мы о нем слышали — это то, что срок его заключения изменен до пожизненного. Больше о нем даже не говорили. А мы получили свое наказание. Каждый.

— Что это значит?

Вместо ответа Йоррен скинул с себя пальто, и протянул вперед обе руки. На предплечьях мужчины виднелись два ярких шрама, кольцом опоясывающих руки. Чуть выше располагались еще по два ожога на каждом бицепсе. Расстегнув жилет, Йоррен продемонстрировал еще один шрам, выполненный в форме креста, расположенный прямо напротив сердца.

— Они пришли к нам, сковали и вывели на площадь перед храмом. Это была показательная пытка для тех, кто еще был не согласен с их верованиями. На нас надевали раскаленные кандалы. А в конце они брали длинный жезл с крестом на конце и клеймили нас. Мы кричали, а они не останавливались. Мы умоляли их, но они даже не пытались нас выслушать! — Йоррен сорвался на крик, воспоминания о том дне давались ему очень тяжело. — Мы умоляли, просили, увещевали, рыдали. Но им было плевать!

Слезы хлынули из глаз купца неудержимым потоком, прокладывая на лице длинные влажные дорожки. Потребовалось больше пяти минут, чтобы купец смог успокоиться. Ему было больно. До сих пор.

— Я все еще слышу эти крики. Когда нас выводили вперед одного за другим, а затем швыряли на землю. В грязь. Они клеймили нас по очереди. Сперва мужчин, затем их жен. А после... После они принялись за детей.

Ивирион содрогнулся.

— Они. Они, — некромант пытался произнести то, о чем сам не хотел спрашивать. — За что? Дети... Они невинны. Они не приходили к нам, вы не брали их с собой. Даже ваши жены не посещали нас! Почему они сделали это?!

Йоррен поднял покрасневшие от слез глаза на некроманта:

— Чтобы показать — если мы придем к вам еще раз, то нам будет еще хуже. Как ты думаешь, что со мной сделают, если узнают, что ты был здесь? В лучшем случае меня снова будут пытать раскаленным железом. В худшем — я присоединюсь к Диттиху, а остальных высекут на площади и бросят голодным псам.

— Безумие. Они безумны. Это вера ужасает. Она отвратительна, грязна...

— А вы?! — крик с силой кнута разорвал воздух.

Ивирион недоуменно воззрился на купца:

— О чем ты?

— Ты. Вы. Ваши эксперименты. Те мертвецы, что ходят по коридорам ваших дворцов. Существа, запертые в подземельях. Разве это не безумие? Разве это не ужасает обычных людей?!

— И что дальше?! — взревел Ивирион. — Мы раскапываем тела, собираем их по косточке и возвращаем в этот мир не для своего удовольствия. Не для интереса или чтобы продемонстрировать свою власть над природой! Мы просто хотим найти то, что спасет нас. Спасет всех людей!

— Но людям страшно! Они боятся! Боятся вас, боятся за жизни своих детей и за себя.

Ивирион отвернулся и облокотился на подоконник.

— Раз мы внушаем тебе такой ужас, так почему ты имел с нами дело? Почему год за годом вы приходили к нам, посещали наши замки, ели нашу пищу и спали в комнатах, что мы вам предлагали? Если мы внушали вам такой ужас и отвращение, зачем вы приходили к нам снова и снова?

Йоррен некоторое время молчал, словно обдумывая свой дальнейший ответ.

— Я никогда не хотел приходить к вам. Когда я только стал помощником Диттиха, я даже не подозревал, что именно мы найдем там, куда он ведет нас. Для меня это было первое путешествие, и я ждал его так сильно, как не желал стать купцом. Мечта побывать в землях, куда не ходили люди, одурманивала. Едва мы вошли ночью в тот проклятый лес, я едва не потерял разум от счастья. Первый же дворец, увиденный нами, привел меня в такой восторг, что я едва не бросил коня вперед нашей группы, лишь бы увидеть его поближе.

Йоррен замолчал и прикрыл руками рот, стараясь не слишком поддаваться эмоциям.

— Нас встретили хорошо. Накормили, дали припасов в дорогу, даже разрешили переночевать. Всю ночь Диттих провел в переговорах с одним из ваших. Они сидели там так долго, что мы уснули, не дожидаясь результатов переговоров. Ночью я пошел прогуляться по дворцу. Мне было так интересно, что темные коридоры даже не напугали меня. А затем я спустился в подземелья, — Йоррен некоторое время покачивался взад-вперед, словно вновь проходя через тот ужас, что постиг его в тот день. — Я не знал где я. Я думал, что это какое-то хранилище. Или склад. А нашел их. Мертвецов. Десятки мертвецов. Одни выглядели как скелеты, а вторые — словно их только что достали из могилы. Разлагающиеся, отвратительные, ужасающие.

Купец взглянул на некроманта, безучастно смотревшего на купца:

— Я умолял, умолял Диттиха уйти оттуда. Но он меня не послушал. Я позвал всех остальных наших в это подземелье. Я показывал им все те ужасы, что вы скрывали от нас! Но им было плевать. Они хотели пойти дальше. Им важна была лишь выгода. И после всего этого...

Йоррен больше не смог сдерживаться. Купец разразился рыданиями, содрогаюсь всем телом.

— И это все?

Купец поднял голову.

— Ты думаешь, что мы зло лишь по той причине, что мы поднимаем мертвых? И поэтому, когда они забрали Диттиха, ты с удовольствием выдал им, где находятся наши замки?

— Что?!

— Их воины. Они убили уже где-то с десятков моих братьев. Каждый дворец, что они встречали на своем пути, уничтожался до самого основания. Они не пожалели никого. Они не захватили ни одного пленного. Мужчины, женщины, дети, животные. Все мертвы. А ты сейчас поведал мне такую душераздирающую историю. Вас пытали раскаленным железом, и вы сломались.

— Нет. Я...

— Вы с радостью выдали все наши секреты, я прав? — продолжил Ивирион, даже не удосуживаясь дать купцу договорить. — А после того как они ушли, продолжили жить, как ни в чем не бывало. Конечно, зачем жалеть тех, с кем торговал столько лет и кого так сильно

ненавидел. Ведь теперь же ими займутся ваши фанатики-святоши. Каково тебе теперь, Йоррен? Ведь все твои страхи, все, чего ты так боялся последние годы, уничтожается людьми, которые так любезно согласились помочь тебе с твоей проблемой. Наверняка и сон стал легче. Я прав? Да?!

— Нет!

Йоррен вскочил с кровати, схватил скомканное письмо, сломал печать и протянул некроманту.

— Прочти. Прочти, Ивирион! Вот во что нам обошлась торговля с вами!

Некромант даже не пошевелился. Кости на плечах заходили ходуном, изменяя контуры тела. Сложившись в некое подобие конечности с черепками воронов на конце, все это костяное скопление вырвало бумагу из рук купца и поднесло к глазам некроманта. Ивирион неспешно пробежался взглядом по строчкам, затейливо выведенным пером на слегка похрустывающей бумаге. Спустя некоторое время некромант отбросил письмо в сторону и вернул своей фигуре прежнюю форму.

— И что это должно значить?

— Вы что ничего не поняли? Там же ясно сказано...

— Я все понял, Йоррен. И что дальше. Что такого в том, что ты мне дал почитать. Арест девяти десятых всего имущества? Обязательный осмотр перед всем собранием лекарей храма каждый месяц? Три пятых от всех ваших ежемесячных доходов на нужды храма? Меня это должно разжалобить? — Ивирион наклонился вперед. Его лицо, вылепленное из десятков костей, оказалось в такой близости от лица Йоррена, что купец содрогнулся от отвращения. — Пока ты здесь боишься за свою шкуру и считаешь каждую серебряную монетку, что запрятал под подушкой, я и мои братья ведем войну с этими фанатиками. Пока вас пытаются железом, нас убивают. Одного за другим. А плоды наших трудов, на которые мы потратили столетия, втаптываются в грязь и уничтожаются. Ты не у того ищешь сострадания, Йоррен. Мне *плевать*, что случится с тобой, твоей гильдией или городом.

Ивирион с презрением отвернулся от купца и подошел к окну. Его взгляд уперся в ткань, скрывающую от остальных его присутствие здесь. Как же просто было взять и сорвать ее. Явить себя этому городу. Увидеть их лица! Лица тех, кто втайне его ненавидел все эти годы. Он был среди них, а они даже не знали об этом. Достаточно было просто протянуть руку, и все будет кончено!

— Тогда зачем вы здесь?

Ивирион обернулся. Йоррен уже достаточно успокоился, чтобы начать вести диалог. Купец смотрел на некроманта, буквально прожигая его взглядом:

— Зачем вы пришли, если вам на все плевать? Зачем было приходить в этот город? Приходить ко мне?

— Я же сказал. Мне нужны ответы. Кто напал на нас, я понял, однако я до сих пор не знаю причину. Итак, — некромант сделал шаг вперед. — Назови мне ее.

— А вы не знаете? — Йоррен удивленно воззрился на некроманта. Сейчас он и правда выглядел ошарашенным.

— А почему я должен знать?

Йоррен недолго молчал, прежде чем ответить:

— Аргетовые монстры.

— Кто? — вот сейчас пришла очередь Ивириона удивляться.

— Каждые девять лет на наши земли приходят монстры. Существа, чья кожа сияет

серебряным светом. Монстры, что разрушают и уничтожают все на своем пути. Твари, что выходят из Звездного леса! Неужели вы о них ничего не знали?

Ивирион хотел было заговорить, но слова так и не были сформированы его разумом. Монстры, выходящие из Звездного леса и атакующие людей по эту сторону? Но это невозможно! Звездный лес был безопасен. Абсолютно!

Земля Мертвецов была ужасающим местом. Ее могли населять существа, превосходящие понимание некромантов. Но Звездный лес?! Нельзя было представить себе более прекрасного места, чем это. Даже в собственной спальне Ивирион не мог чувствовать себя безопаснее, чем в лесу.

— Ты уверен? Уверен, что они идут из Звездного леса?

— Да.

— Быть может они просто проходили мимо него? Такое бывает, если существа мигрируют с места на место.

— Нет. Они выходят из леса! Каждые девять лет! Каждый раз, когда это происходит, крестьяне мрут десятками. Урожай уничтожается, гибнут люди и животные. И единственное, что могло противостоять этим тварям — армия короля. Да вот только с каждым разом, людей у него становилось все меньше и меньше. А сейчас. Сейчас от нашей армии не осталось ничего. И тогда, тогда церковь двух богов объявила крестовый поход. Они собрали армию в считанные дни. Они выгребли все запасы оружия и припасов, что были в городе и приграничных селах. Они призвали в свои ряды сотни отчаявшихся людей, пожелавших защитить свои земли от нового нашествия Аргетовых монстров. Они обратились к графам, баронам, герцогам. Они даже надавили на короля! Ко всем, у кого были хоть какие-то влияние и власть, были посланы гонцы с требованием всячески содействовать церкви. А после этого направились к вам. Это все, что я знаю. Клянусь.

Ивирион кивнул, скорее для себя, чем для того, чтобы показать купцу, что верит ему:

— Почему именно сейчас?

— Они приходят каждые девять лет. В один и тот же месяц. В один и тот же день. В одно и то же время. Всегда.

— Так значит скоро...

— Да. Они должны были выйти из леса и вновь принялись бы сеять хаос.

Ивирион нервно сжал костяные пальцы.

— Но это не мы. По-крайней мере я не слышал ни о чем подобном. Мы исследователи и ученые. Да, тебе могут не нравиться наши методы, а наша сила может внушать отвращение, но мы никогда не были безумцами. Мы никогда не переходили на эту сторону Звездного леса. Я первый за многие столетия. И уж тем более мы не посылали сюда полчища монстров.

— Тогда откуда они приходили? Вы — единственные, кто живет по ту сторону. Кроме вас там никого нет, а без вашего ведома ничего подобного не могло бы произойти. Значит, кто-то знал о том, что происходило.

— Нет, — через некоторое время покачал головой некромант. — Это невозможно. Если эти существа настолько сильны, что были способны противостоять целой армии... Нет. Никто из окрестных некромантов не мог сотворить нечто подобное. Это что-то другое. Что-то, способное возвращаться в ваши земли снова и снова...

Ивирион замер, размышляя над тем, что открылась ему. Монстры. Откуда они приходили? Из леса? Сомнительно. Постарался кто-то из его братьев? Тоже нет. Монстры появлялись каждые девять лет, значит, на то была причина. Почему не каждые семь лет?

Или каждый год? А если они просто появлялись в лесу сами по себе? Например, был некий артефакт, что мог создавать этих существ скажем... из земли или деревьев? И если это так, если действительно было нечто, порождающее этих существ, и оно скрывалось в лесу... Тогда армия пришла в земли некромантов лишь для того, чтобы в конце вернуться в королевство, опустошенное этими существами! Кто сможет защитить людей, если армия вошла на земли некромантов? Воины-одиночки? Отряды наемников? Сомнительно.

— Когда должны появиться эти существа? Ты сказал, что они всегда появлялись в один и тот же день. Когда он наступит?

— Через два месяца.

— Значит, через два месяца ваше королевство будет стерто с карт.

— Что?! — в ужасе вскричал Йоррен.

— Не мы причина нападений на вас. Причина в другом. И кроется она в лесу! — Ивирион подошел к окну, сорвал закрывавший его плед и раскрыл ставни. Уже тогда фигура некроманта потеряла былую форму, кости начали разъединяться и опадали на пол подобно ужасающему дождю.

Где я могу больше узнать об этом? У вас есть библиотека, в которой могут храниться записи о подобных происшествиях? Или нечто подобное? Есть?

— Раньше у нас было книгохранилище. Еще больше их было в библиотеке дворца. Но, в свете последних событий, служители двух богов прошлись по всем местам, где были книжные собрания. Большая часть трудов не прошла их, как они выразились, «Отбора чистоты». Теперь все они хранятся в храме. Говорят, у них отведена для этого отдельная область в подземельях, в которой можно найти все что угодно. Подождите, — Йоррен в ужасе взглянул туда, откуда доносился голос некроманта. Кости уже окончательно сформировали воронов, выстроившихся перед раскрытым окном. — Вы что хотите пойти туда? Прямо сейчас?!

Да. А что в этом такого?

— Там служба в самом разгаре! Там будут сотни людей, десятки священников. А сколько стражи, вы даже не можете представить!

Стража в храме? Очень интересное проявление любви ваших богов. Это для того, чтобы люди не забывали, когда нужно кланяться? Обнаженные мечи — неплохой инструмент убеждения.

— Вы все равно хотите туда пойти? — недоуменно заморгал Йоррен.

А почему нет? Если там собраны все книги, значит это именно то место, куда я должен пойти в первую очередь. Я должен узнать, о чем ты говоришь. Иначе погибнут и некроманты, и ваше королевство. А этого я не допущу.

С этими словами голос Ивириона оборвался, словно его никогда и не было, а стая оживленных воронов с шумом вылетела из окна. За каждой птицей тянулся призрачный зеленый огонь.

Купец подбежал к окну и поспешно захлопнул ставни. Он не желал, чтобы эти ужасающие создания вернулись. Бросив взгляд на улицу, Йоррен довольно быстро отыскал улетающих прочь птиц. Их были десятки. А возможно и сотни! И все они направлялись к храму, возвышающемуся над ближайшими строениями. Что же задумал Ивирион? Неужели он правда думает, что способен беспрепятственно и незаметно проникнуть в такое место? Нет, он определенно безумен. Хотя бы поэтому стоило прекратить всякое общение с некромантами.

Ивирион приказал воронам лететь к храму, а сам в это время размышлял над услышанным. Аргетовые монстры. Что это такое? Аргет. Серебряный на наречии Древности. Он уже сказал Йоррену, что эти существа не могли быть созданы некромантами, но что если это не так? Да, сейчас некромантам могло не доставать былой мощи: никто так и не смог достичь уровня Прародителя. Некромант-основатель был велик и обладал огромными познаниями в этом направлении, но даже ему не удалось достичь бессмертия. Однако он задал своим последователям направление к цели, по которому они продолжали двигаться до сих пор. Мог ли Прародитель создать тех существ? Например, для того, чтобы полностью отгородить своих учеников от угроз, что могли прийти к ним? Вполне возможно.

Вот только Ивирион сильно сомневался в этом. Во-первых: для того, чтобы создать подобное заклинание или проклятие, требовалась огромная мощь, а некромант откровенно сомневался, что у Прародителя хватило бы на это сил. Во-вторых: Прародитель — давно исчез, и случилось это сотни лет назад, что подразумевало его гибель. Неважно, какова была его сила — заклинание не могло существовать после его смерти. Тем более так долго. В-третьих: некромант ни за что бы не стал сознательно вредить другим людям, что жили по ту сторону леса. Да, жрецы смерти могли вызвать отвращение у отдельных личностей, как например у Йоррена, или же страх. Однако при всем при этом сами некроманты вовсе не питали подобной неприязни к людям. Наоборот, они всегда вели свои исследования ради одной единственной цели. Прародитель считал, что люди не смогут выжить в этом мире. Постоянные войны, распри, голод. А значит, существовал простой способ решения этой проблемы: подарить людям бессмертие.

Стая воронов приблизилась к храму и начала парить над площадью. Здание было изумительно: выполнено из желтовато-белого камня, входные ворота, высотой под четыре метра, располагались между шестью высокими башнями, по три с каждой стороны. По всему периметру шли огромные витражи, выполненные из стекла синего и красного оттенков. На каждом изображались два бога: в мантиях, доспехах, робах торговцев, одеяниях правителей. Разнообразие просто поражало. Как и красота.

Люди столпились напрямиком на большой площади, что кольцом окружала храм. Цепочка людей тянулась к центральному входу, которую осматривала храмовая стража. Восемь людей, вооруженные длинными узкими мечами, которые они даже не потрудились спрятать в ножны, стояли возле входа, пристально осматривая толпу. Двое из них пропускали в храм людей, но кого-то, как отметил Ивирион, разворачивали и отправляли прочь, бросая вслед злобные взгляды. Вот тебе и общая вера, доступная простому люду. Бедняки никогда не были ее достойны.

Вороны спикировали на крыши шести башен и стали внимательно наблюдать за беснующейся толпой. Ивирион подхватил контроль над четырьмя десятками птиц и направил их дальше. Огонь в пустых глазницах слегка переливался зелеными цветами, выискивая малейшую лазейку. Ага, вот оно! Небольшие круглые отверстия с решетками, которые служили для циркуляции воздуха и не позволяли проникать внутрь птицам. *Живым* птицам.

Вороны подлетали к решеткам и без труда протискивались между металлическими прутьями. Когда от существа осталась лишь кучка костей, подобное не составляло большого

труда. Вороны аккуратно влетали в большой зал с высоким потолком и приземлялись на кованых люстрах, в обилии подвешенных под потолком. Длинные свечи были затушены, но вскоре их зажгут, и они будут освещать это место в ночи.

Ивирион оставил в покое большую часть птиц, а сам, взяв под контроль семь воронов, начал поиск библиотеки. Йоррен упомянул подземелья, необходимо было найти способ попасть в них.

Вороны спустились ниже. Уцепившись когтистыми лапками за металлические подсвечники, расположенные на стенах над витражами, и начали выискивать путь вниз. Большая часть храма была забита прихожанами, тянувшимися снаружи.

Внутри уже было некуда ступить, но люди все равно продолжали рваться через двери. В противоположной части храма за каменной кафедрой стоял высокий мужчина. На нем была надета сине-красная мантия с золотистыми полосами на ткани. Его длинные седые волосы украшал посеребренный обруч, надетый на голову в районе лба. Мужчина сильно жестикулировал, обращаясь к толпе и вычитывая что-то из большой книги, что лежала на кафедре. Периодически из зала доносились громкие аплодисменты, вздохи, ахи и приветственные окрики.

Вдоль стен стояли десятки подсвечников на длинных металлических ножках. Между каждым подсвечником располагалась небольшая иконка, на которой были изображены два бога. Кое-где вместо них располагались небольшие металлические дверцы. Явно заперты на замок. Быть может, библиотека располагалась за одной из них? Нет. Слишком открытое место. Если книги, которые изъяли при обысках, и правда настолько опасны, то это был не лучший способ для того, чтобы скрыть их.

Вороны довольно долго осматривались, прежде чем нашли возможную лазейку. За спиной человека за кафедрой, на стену была наброшена бардовая ткань, прикрывавшая довольно большой участок стены. Если бы он пытался скрыть дверь, за которой располагалась бы библиотека с запретными знаниями, то использовал бы именно это место. Люди не могли добраться сюда, будучи отрезанными от кафедры десятком вооруженных стражников. Идеально.

Ивирион послал одного ворона вперед. Перепрыгивая с подсвечника на подсвечник, птица продвигалась вдоль стены, пока не оказалась рядом с краем ткани. Поднырнув под красный бархат, ворон с осторожностью спланировал вниз и оказался прямо перед высокой железной дверью. Судя по трем замкам, там должно было храниться нечто важное. Открыть будет трудно, но если там и правда скрывалась библиотека... Да, оно определенно того стоило.

Ивирион вновь раскрыл свой разум и, вернув полный контроль над стаей, направил их туда же к скрытой двери. Прошло не больше двух минут, когда рядом с дверью столпилась вся стая из двухсот воронов. Птицам едва хватало места, но худо-бедно им удавалось уместиться, не раскрывая себя перед толпой людей.

Три десятка воронов резко распались и начали образовывать фигуру Ивириона. В этот раз в распоряжении некроманта было чуть больше птиц, поэтому и образ был более детален.

Ивирион протянул руку и прикоснулся к двери. Пламя, пылавшее в глубине костяной фигуры, начало разрастаться, распространяясь на руку. Фаланги пальцев опутали огненные линии, которые затем перешли и на металл. Огненные языки протянулись ко всем трем замкам одновременно. Естественно Ивирион не был научен делу взломщика, однако сейчас это и не было важно. Пламя с легкостью прожигало металл, уничтожая все препятствия на

своем пути.

Спустя несколько мгновений все было кончено, и путь был открыт. Вот только как тихо он сможет раскрыть дверь? Быть может шума и не будет, но все же лучше не уповать на удачу. К счастью, в зале раздалась очередная волна аплодисментов и приветственных выкриков. Вот он его шанс! С силой толкнув холодный металл, некромант напряженно наблюдал за тем, как дверь раскрывается перед ним. Шагнув внутрь, Ивирион оказался перед лестницей, круто уходящей вниз. Да, он нашел его.

Вороны устремились за костяной фигурой. Вся вместе эта странная группа неживых созданий довольно быстро достигла конца лестницы. Единственным источником света здесь было пламя, пылавшее в глазницах и грудных клетках. Путь некроманту перекрыла еще одна дверь, но в этот раз она была уже деревянной. Без труда пройдя через досадное препятствие, Ивирион шагнул внутрь. Прямоком во тьму.

Помещение оказалось довольно большим. По площади оно, скорее всего, было приблизительно равно храму наверху. Высокий потолок терялся где-то во тьме, а перед некромантом высились деревянные полки, столь плотно заставленные книгами, что еще одну среди них втиснуть было бы просто невозможно.

— А они собрали здесь много книг, — задумчиво протянул некромант.

Ни его собственная библиотека, ни библиотеки других некромантов и близко не могли сравниться с этим местом. Но времени любоваться не было!

Ивирион раскинул руки и послал воронов во тьму. Десятки птиц понеслись вперед. Огонь в их костяных телах разгорался все сильнее. Вороны устремились к книжным полкам. Они читали названия книг, рассматривали их, роняли, перелистывали страницы. Делали все что могли.

Некромант взял случайную книгу, прочел название, первые строки и отбросил за спину. Затем взял следующую. А за ней еще и еще. Когда-нибудь ему повезет.

* * *

Некромант отбросил очередную книгу и раздраженно взглянул на полки. Абсолютно пустые. Больше не осталось ничего, что могло бы ему помочь. Он провел в этом месте больше четырех часов, но так и не нашел того, что было необходимо. Вороны уже перевернули вверх дном все что можно, но так и не обнаружили ничего важного. Ивирион, благодаря пламени, мог видеть сразу всеми глазами, поэтому без труда мог читать сразу больше сотни книг.

Но все это бессмысленно, если он не сможет ничего найти.

Ивирион поднял руку, и пламя вспыхнуло между растопыренных пальцев. Должно же быть тут хоть что-то! Если уж не здесь, то больше нигде.

Некромант быстрым шагом двинулся вдоль книжных полок, вокруг которых суетились оживленные вороны. Он не мог поверить, что здесь могло быть так много ненужного. Даже среди сломанных вещей можно найти целую. Даже среди неверующих можно найти кого-то с собственной религией. Значит и здесь должно быть хоть что-то!

Некромант уже делал второй круг по залу, когда услышал шаги. Кто-то приближался по лестнице! Быстро шагнув во мрак, Ивирион пригасил пламя, а воронов послал в дальний конец подземелья.

В библиотеку шагнули двое высоких мужчин в доспехах. Обнажив клинки, они настороженно оглядывались по сторонам, выискивая малейшую опасность. За ними ступил тот самый священник, что стоял за кафедрой. В его чахлах руках был зажат чадающий факел, освещая небольшую область вокруг. Едва заметив разбросанные на полу книги, он содрогнулся всем телом.

— Значит, кто-то все же решился. Проклятые еретики! Идемте, нужно убедиться в том, что фолианты в безопасности.

Люди двинулись в противоположном от затаившегося Ивириона направлении. Некромант пошел за ними. Почему они были уверены, что какие-то книги не были обнаружены? Неужели здесь был тайник? И он его упустил?!

Некромант старался держаться в тених, не позволяя пламени разгораться сильнее. Вороны следовали за своим хозяином, прыжками передвигаясь по книжным полкам.

Довольно скоро люди остановились напротив стены, ничем не выделяющейся на фоне остальных.

— Здесь все цело. Значит, они не добрались до них? — спросил один из вооруженных людей.

— Скорее всего, нет. Но я хочу убедиться.

Старик подошел к стене, достал из складок одежды длинный плоский ключ. Вставив его в едва заметную щель, он резко повернул и толкнул стену.

Открылось большое круглое отверстие ниши, в которой явно что-то лежало. Вот только Ивирион ничего не видел. Все загорали широкие спины мечников. Но там, безусловно, было что-то ценное. Что-то, что стоило прятать в месте, в которое итак был закрыт доступ обычных людей.

— Все в порядке, — прошептал один из мечников. — Они все еще здесь.

— Да. Они все еще здесь.

— Что будем делать, господин? Нельзя так просто оставлять это проникновение.

— Мы и не оставим. Прикажу слугам прибраться. Выясним, что пропало, а что не тронули. Но это, — священник отдал факел мечнику и вытащил из тайника два широких фолианта. — Я возьму с собой. Нельзя оставлять их здесь.

Проклятье! Этот старик решил прихватить книги с собой, а ведь именно они, возможно, и нужны были Ивириону. Нельзя было позволить унести их отсюда. Некромант шагнул вперед, покидая уютные тени. Пламя в его теле разгорелось с новой силой, распространяясь на кости. Десятки огоньков под потолком также засияли в темноте.

Мечники обернулись на шум и, выругавшись, отшатнулись назад, врезавшись в тщедушного старика.

— Что вы делаете? Вы что...

И тут он заметил Ивириона. Некромант, состоящий из сотен костей, с пылающим вокруг них пламенем, был поистине ужасен. Протянув вперед руку, он выжидающе раскрыл ладонь.

— Я бы хотел забрать это с собой.

Первый мечник даже не стал дослушивать его до конца. Бросившись вперед, он обрушил свое оружие на голову Ивириона. Глухой удар эхом разнесся по помещению, когда металл сломал кости.

— Глупо. Очень глупо.

Зеленый огонь полыхнул в изломанном черепе и быстро распространился на оружие.

Мечник громко закричал, когда его руки, затянутые в кожаные перчатки, обьяло хищное пламя. Второй мужчина отлетел в сторону, оглушенный ударом костяного кулака.

Некромант обратил взор пустых глазниц изломанного черепа на старика, сжимавшего в руках две толстые книги:

— Отдай мне это. И тогда не пострадаешь.

Старик испустил сдавленный стон:

— Я не позволю тебе их взять! Ты не можешь...

Зеленое пламя ударило священника, отбросив его в сторону, а птицы подхватили подающие книги. Четыре ворона распались прямо в полете и сложились в некое подобие сетки. По одной на каждую книгу. Шесть воронов ухватились цепкими лапками за эту «сеть» и взмыли наверх.

Ивирион обернулся к старику, в ужасе трясущемуся в углу:

— Бессмысленное сопротивление.

— Глупец. Ты — глупец! Ты думаешь, что сможешь просто так уйти отсюда, мерзкое отродье?! Снаружи тебя уже дожидается больше тридцати стражников и бесчисленное количество верующих. Попробуй уйти отсюда, если получится, мерзость. Тебя уничтожат!

Ивирион в раздражении взмахнул рукой и швырнул старика в стену. Священник без сознания повалился на пол.

Значит, его уже ждали? Прекрасно. Будет возможность произвести впечатление.

Вернувшись на поверхность, Ивирион в раздражении откинул красную ткань, вступая в зал. Стража храма была готова ко всякому, но только не к тому, что предстало их глазам. Высокое существо, состоящее из сотен костей, которые омывались зеленым пламенем. Два ближайших стражника в ужасе отпрянули назад, но наткнулись на своих товарищей.

Зеленое пламя сорвалось с рук Ивириона, обрушиваясь на мечников. Оружие с легкостью плавилось, доспехи трескались. Люди падали на пол, извиваясь и крича от ужасающей боли. Огонь с легкостью сметал препятствия на пути некроманта, почти торжественно вышагивающего среди мертвых.

По-крайней мере пока он не дошел до выхода.

Ивирион почувствовал неладное, едва пламя начало ослабевать. Это было практически незаметно со стороны, но некромант почувствовал это. Зелень начала тускнеть, а затем и вовсе сменилась лишь бледным подобием того огня, что пылал в груди костяной оболочки.

В храм вошел мужчина с длинным металлическим посохом. Окинув царившую вокруг разруху беглым брезгливым взглядом, он вступил внутрь. Обратив свой посох в сторону некроманта, мужчина улыбнулся. Его синий доспех, покрытый позолотой с серебряной полосой на нагруднике, ярко сиял в свете солнца, стоявшего в зените.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты посмел ступить в это святое место?

Ивирион не потрудился ответить. Вместо этого некромант вскинул руку и вызвал новую волну пламени. Но и она начала тускнеть, стоило ей приблизиться к этому человеку.

— Что ты такое? Одно из существ, созданных некромантами? Или ты их приспешник?

Ивирион ничего не ответил. Он нисколько не сомневался в своих силах. Более того, он был уверен, что с легкостью бы одолел этого человека, но всему виной было нынешнее состояние Ивириона. Некромант находился слишком далеко отсюда, а его сила сейчас была разделена на десятки частей.

Некромант также понимал и то, что его враг не был так прост, как могло показаться на

первый взгляд. Как и в случае с развалинами, Ивирион чувствовал некую силу, что гасила его собственные способности. Два бога. Два *реальных* бога.

Ивирион вскинул руки и взорвался тысячей осколков. Кости быстро перемещались и складывались, вновь образуя воронов, взмывших под потолок.

Мне нет смысла сражаться с тобой. Твои товарищи уже ступили на нашу землю, и они вполне могут заменить тебя. Принять на себя гнев, что сами же и породили. Я не боюсь тебя, а презираю.

Полторы сотни воронов вылетели из тьмы подземелья и мгновенно заполнили собою весь зал храма. Сейчас не было никаких причин для того, чтобы скрываться. Никаких.

Мертвые птицы не стали утруждать себя полетом через входную дверь или сквозь решетки под потолком. Десятки маленьких костяных тел врезались в цветные витражи и в вихре осколков уносились прочь.

Человек с посохом заслонил глаза от осыпающихся осколков, но все же успел увидеть груз, что несли птицы.

— Труд еретика! Они украли его! Святотатство!

Но Ивирион уже не слышал его. Он устремился обратно к своему телу. Туда, где он оставил его. И где его дожидался Экраон.

О, ему будет о чем поговорить с собратом.

Бояться — нормально. А если ты ничего не боишься, значит, ты уже мертв.

Неизвестный генерал.

Экраон поддел сапогом ком мертвой земли. Он уже довольно долго ждал Ивириона, но не торопил молодого некроманта. В такие моменты была важна концентрация. Предельная концентрация. Пламя опутывало руки мужчины, не повреждая ткань одежды и не распространяясь выше по телу, а по лицу Ивириона пробежала одинокая капля пота.

Экраон всегда уважал силу пиррионов. Хоть она и с трудом поддавалась контролю, но некроманты, что смогли ее удерживать, были невероятно талантливы и могущественны. Сам Экраон был одлеттианом. Его сила была полностью противоположна той, которой обладал Ивирион. Пиррионы использовали пламя, что зарождалось в их телах. Одлеттианы же использовали то, что было живым когда-то давно. Пиррионы создавали, а одлеттианы использовали. Пиррионы сжигали тела, а одлеттианы разрушали души.

Экраон снял с головы капюшон, осматривая окрестности. Земля Мертвецов была беспощадным местом, не прощающим ошибки. Два некроманта сильно рисковали, приходя в это место. Но лишь оно идеально подходило для этой авантюры. В обычных условиях Ивирион потратил бы намного больше сил и времени, пытаясь взять под контроль столько существ, не говоря уже о том, чтобы привести их в состояние не-жизни. А уж о том, чтобы поддерживать их в этом состоянии на расстоянии нескольких километров не шло и речи. Это было бы просто невозможно.

Лишь сила этого места давала им все необходимые ресурсы для осуществления подобного.

Иногда Экраон благодарил судьбу за то, что с ним произошло, хотя до сих пор слышал крики умирающих людей и холод смерти, затопивший эти земли. То событие породило силу, проклявшую это место, но именно оно дало некромантам столь необходимый толчок в их исследованиях. Да, он оказался ложным, но на какое-то время у некромантов появился огромный стимул для продолжения своих экспериментов. А это было главным.

Некромант еще долго шествовал по кругу, пытаясь уследить одновременно за всей местностью, когда услышал странный шум. Словно сотни птиц быстро приближались к нему по воздуху. Экраон вскинул голову.

И правда. К ним летели десятки ярко-зеленых огоньков, сиявшие в ночи подобно миниатюрным звездам. Вороны спикировали на землю перед Ивирионом, где и разлетались на десятки частей. Перед некромантом довольно быстро образовалась маленькая горка, быстро погружающаяся в почву. Земля брала свой дар обратно, не желая столь легко отпускать своих жертв. Последним на землю опустились две толстые книги, рухнувшие прямо на костяную горку. Экраон быстрым движением подхватил принесенные птицами трофеи, пока жадная почва не затянула и их.

Едва земля вернула в свои недра всех до последнего воронов, как Ивирион открыл глаза:
— Получилось. Я все узнал.

— А это? — Экраон приподнял книги.

— Трофеи. Я возьму их во дворец и внимательно изучу. Думаю, что я много смогу узнать.

— В самом деле? — Экраон обратил взгляд своих сияющих синевой глаз на золотистые буквы, на переплете книг. — Вот это интересно. Ты уверен, что это подлинники?

— Абсолютно.

— Удивительно, — Экраон нехотя вернул книги Ивириону.

Он бы с удовольствием и сам занялся их изучением, вот только у него совершенно не было на это времени: он хотел прибыть к другим некромантам и проверить их дворцы на способность противостоять захватчикам.

— Как долго ты будешь добираться до своего дворца? Сколько времени займет их изучение?

— Я не знаю, но планирую приступить к этому сразу, как только окажусь во дворце. Думаю, меня уже заждались. А если...

Ивирион прервался. Что-то было не так. Он услышал что-то, пронесшееся на самой границе слышимости. Словно кто-то приближался к ним. Словно о землю били с два десятка подкованных копыт.

— Что это?

— Ты что-то почувствовал? — мгновенно насторожился Экраон.

— Да. Ты слышал? Это звук.

— Нет. Но мой слух уже не такой чуткий, каким был ранее.

Экраон вонзил в почву когти на растопыренных пальцах, пытаясь почувствовать малейшее движение почвы. Ничего. Лишь несколько косточек, из которых Ивирион собирал воронов, продолжали свое движение на прежние места.

— Ничего. Они все еще там. Ты уверен, что...

— Нет. Это не движение на глубине. На поверхности. Кто-то приближается. И кто бы это ни был, он даже не старается скрыть свое присутствие.

— Значит это не кто-то из наших слуг. Или некромантов. Они не столь глупы.

— Тогда это должны быть...

— Смерть слугам тьмы!

Ивирион в ужасе распахнул зеленые глаза и резко обернулся. Он был прав: к ним приближались больше трех десятков всадников, каждый из которых плотно прижимался к конским шеем и закрывался руками от проносащихся мимо веток. Обнажив клинки, люди устремились к некромантам сразу с трех сторон, стремясь отрезать им все пути к отступлению.

— Как они узнали, где мы?!

— Сейчас это неважно! — прорычал Экраон, накидывая на голову капюшон и поправляя ткань, прикрывающую лицо. — Быстрее! Пока они и нас не погубили!

Ивирион устремился за Экраоном, даже не пытаясь оглянуться, когда крики за их спинами перешли в испуганные вопли.

— Идиоты. Это Земля Мертвецов. И имя это она получила не просто так, — с ненавистью прошептал он.

Ивирион прекрасно знал о том, что происходило за его спиной. И не мог не улыбнуться. Они пришли сюда, чтобы убить их. А теперь умирали сами.

Баор Боритар был верующим человеком. Глубоко верующим. Два бога даровали ему то, чего он искал всю жизнь. Покой и надежду.

Баор всю свою жизнь посвятил армии. Начиная с оруженосцем у зажиточного лорда, а по прошествии семи лет вступил в ряды городской стражи в столице. Уже тогда, он искал себя, прекрасно понимая, что городской стражник — вовсе не то, чего хотел бы добиться. К тому времени, как у него появился шанс проявить себя, ему было уже двадцать восемь лет.

Король собирал их для противостояния Аргетовым монстрам. Брали всех: от крестьян, что умело обращались с любыми видами оружия, до матерых солдат, что уже давно стали инструкторами и наставниками для своих преемников.

Баор с радостью принял известие о приближении той опасности, что держала в страхе все королевство на протяжении многих лет. Наконец-то у него появился шанс отличиться! У него не было даже малейшей мысли о том, что их постигнет неудача. И уж тем более он не думал, что умрет.

И он не умер. Но тот ужас, что ему пришлось пережить в день битвы, он не забудет никогда.

Вот он с солдатами мчится вперед, его ноги просто утопают в траве насыщенного зеленого цвета, а кольчуга на теле мелко звенит на каждом шагу. Его оружие — алебарда — кажется еще легким, но так будет ровно до того момента, пока он не нанесет первый удар. Они бегут, а позади них слышатся подбадривающие выкрики командиров и звонкое пение труб.

Это были последние мгновения, предшествовавшие катастрофе.

Десятки солдат, что окружали его, друзья, что пошли вместе с ним. Все они погибли. Баор прекрасно помнил тот момент: его алебарда переламывается от всепоглощающего удара, его товарищи гибнут, а сам он валится на землю от сильнейшего рева, что испустило возвышающееся над ним существо.

Тварь была огромна. Поистине огромна. Она с легкостью превосходила силой любого человека, что выходил против нее, а ростом на голову возвышалась даже над самым высоким всадником.

Баор, видя, как вокруг него гибнут люди, сломался. Он шел на эту войну с легким сердцем, мечтая о славе, подвигах и даже не подозревая о том, что может здесь увидеть. Но, когда реальность уничтожила его наивность, он не выдержал. Он лежал в крови, закрывая залитое слезами лицо грязными руками. Он не мог даже думать о том, чтобы подняться на ноги. Сама мысль о том, чтобы напасть на Аргетового монстра теперь ужасала его до глубины души.

Его спас случай. Как раз в тот момент, когда монстр разделался с последним сопротивляющимся ему солдатом и шагнул по направлению к Баору, подоспела королевская конница. Всадники обрушились на монстра, словно стая гончих на загнанное животное. Семь воинов погибли, сокрушенные яростью монстра, но все-таки смогли уничтожить это существо.

В тот день Баор испытал сильнейший в своей жизни ужас, но все же не бросил службу. Он видел, как гибнут сотни людей, и это сломило его. Но Баор оправился от шока и уже через два года смог вступить в ряды армии, где служил и по сей день.

И вот, когда прошло почти девять лет, над людьми нависла новая угроза. Аргетовые монстры всегда являлись в один и тот же день, и этот миг вскоре должен был наступить.

Вот тогда и появилась церковь двух богов. Она существовала уже больше двадцати лет, но лишь сейчас решилась выступить против этих существ. По-крайней мере так думали в самом начале. Оказалось, что священники вовсе не горели желанием противостоять монстрам, когда те вновь выйдут из лесов. Вместо этого священники решили искоренить источник проблемы: уничтожить тех, кто порождает этих тварей.

Баор с радостью вступил в ряды воинов церкви, едва подвернулась такая возможность. Он не хотел вновь испытать то чувство слабости, что появилось у него при виде тех существ. И если и был способ закончить все это, то он с радостью поможет приспешникам двух богов. Даже если тогда он не воспринимал эту новую веру серьезно.

С течением времени он естественно изменил свое мнение и проникся идеей двух богов так сильно, что довольно быстро вознесся по командной лестнице в армии церкви. И стал командиром своего отряда.

Тридцать восемь человек в подчинении. Этим можно было гордиться.

За все то время, что армия победно шествовала по территории врага, Баор уже участвовал в нескольких мелких сражениях, в каждом случае с триумфом выходя из них победителем.

И вот он получил новое задание.

Один из разведчиков, что совершали ежедневные обходы территорий, заметил двоих всадников, быстро мчавшихся в сторону еще неизведанных земель. По всем признакам можно было с большой точностью сказать, что это были некроманты. К несчастью лошадь его оступилась и сломала ногу, поэтому разведчику пришлось возвращаться пешком, теряя драгоценное время, необходимое для того, чтобы найти всадников.

Почему эти люди передвигались на конях, куда они двигались, и почему с ними не было слуг? Ни один из этих вопросов не интересовал командиров. Они немедленно вызвали к себе Баора и приказали следовать за разведчиком.

Они миновали уже множество мелких сел и деревень, что находились в стороне от основного направления, по которому двигалась армия. Баор бросал на перепуганных людей взгляды, полные отвращения. Они жили вместе со столь мерзкими созданиями и считали это нормой! Они видели все те ужасы, что сейчас некроманты бросали против обычных людей и все равно продолжали стоять на их стороне?

Баора воротило от одной мысли о некромантах. Ну ничего, когда они закончат с этими двумя слугами тьмы, то его люди вполне могут позволить себе задержаться, чтобы донести до крестьян всю пагубность их действий.

Всадники миновали небольшой овраг и оказались перед пустынной рощей с черной землей. Лошади в ужасе захрипели, стараясь оказаться как можно дальше от места, куда так стремились их хозяева.

— Да стойте же вы смирно! — один из людей Баора с силой ударил ногами по мускулистым бокам своего коня, стараясь приструнить испуганное животное.

— Что это такое? Почему они так себя ведут?!

Баор и сам не понимал того, что происходило. Эти кони были натренированы для войны. Они не боялись ни стены из копий, на которую их бросали люди, ни хищных животных, а существа, призываемые некромантами, вызывали у них лишь легкое беспокойство. Но это место. Лошади не хотели ступать на эту землю.

— Тихо! — прикрикнул Баор, пытаясь привести хоть какое-то подобие порядка. — Ты уверен, что они направлялись именно сюда?

— Да, — коротко кивнул разведчик, натягивая поводья. — Мы точно проследовали по их следам.

— Каким следам?! Здесь же сплошная грязь!

— А зачем, по-вашему, меня отправили с вами, кретин? Я выслеживал диких зверей и преступников задолго до того, как тебя произвели в командиры!

Разведчик резко пришпорил коня и рванул вперед. Баор недолго смотрел вслед удаляющемуся солдату, после чего последовал за нетерпеливым парнем.

— Он погубит всех нас, если будет вот так бросаться вперед, — пробормотал один из всадников Баора.

— А у нас есть другой выбор, кроме как следовать за ним? — гневно бросил через плечо Баор.

Однако он и сам понимал всю сложность ситуации: они были вынуждены следовать за разведчиком, который был на пять лет моложе самого юного всадника в отряде Баора! Иного выбора у них не было, но Баор все равно предпочел бы иметь в отряде куда более опытного провожатого.

Всадники ворвались в небольшую рощицу, чью землю усеивали сотни белеющих костей. Баор с трудом удерживал контроль над своим конем: бедное животное изо всех сил вырывалось из-под его контроля, пытаясь как можно скорее сбежать из этого места. Командир отряда прикрикнул на животное, отчаянно стараясь углядеть те незаметные следы, что заметил разведчик.

Но увидел куда больше.

Два некроманта в плащах стояли рядом друг с другом и о чем-то оживленно разговаривали. Наконец-то они их нашли!

— Разделиться на три группы! Окружаем их со всех сторон. Не дайте им и шанса скрыться: отрежьте все пути к отступлению!

— Выполнять!

Баор пришпорил коня, и животное рвануло вперед. Прямоком за Баором следовал разведчик, вместе с еще девятью воинами. Некроманты заметили приближающуюся опасность и побежали прочь. Трусы! Глупцы и трусы. Неужели они надеялись сбежать от всадников? Да еще и на практически открытой местности!

Баор с задором преследовал столь ненавистных ему врагов, на ходу выхватывая из ножен свой клинок. Меч был коротким, тяжелым и тупым. Он не очень хорошо подходил для дуэлей, но идеально, если было необходимо за один-два удара сокрушить оборону противника.

Командир всадников был уже в двадцати шагах за спинами некромантов, когда услышал взволнованные крики.

Что это было? Баор резко натянул поводья и обернулся к своим людям.

И увиденное повергло его в ужас.

Его товарищей утягивала вниз целая армия восставших мертвецов! Грязные, выпачканные в черной земле кости впивались в живую плоть, заключая ее в свои объятия. Лошади сходили с ума от страха, люди кричали. Их короткие мечи без устали обрушивались на кость, которая в обычных обстоятельствах не выдержала бы и первого такого удара. Да вот только люди не могли сосредоточиться, поэтому их панические удары не причиняли

мертвецам ощутимого вреда.

Баор наклонился вперед и обрушил свой клинок на череп мертвеца, только что восставшего из-под земли и собирающегося наброситься на всадника. Белая кость с легкостью сломалась под тупым концом меча, угодившего ему точно в лоб и... начала срастаться обратно.

Баор отшатнулся, когда это существо вновь потянулось к его коню своими скрючившимися костяными пальцами. Конь уже был не в силах сопротивляться своим страхам и со звучным ржанием сорвался с места. Он уносил прочь и себя и своего ругающегося наездника, безуспешно старающегося остановить перепуганное животное.

Но вскоре Баор прекратил эти попытки. Наоборот, он даже начал подгонять коня, стремясь выжать из него максимальную возможную скорость. Ведь он скакал напрямик к некромантам! Две фигуры в плащах бежали прочь от развернувшегося за их спинами побоища, полы их плащей взлетали высоко в воздух с каждым шагом.

Баор достал пилум: небольшое метательное копьё, длиной едва превышавшее полтора метра, с узким металлическим наконечником. Перехватившись удобнее, воин сделал широкий замах и метнул свое оружие в противников. Пилум пронзил бурый плащ одного из некромантов и пригвоздил его к черной земле.

Некромант дернулся и, небрежно взмахнув руками, сбросил с себя мертвый груз. Баор уже схватился за второй пилум, но на секунду замешкался. Под плащом обнаружилась одежда дивной красоты. Бурая ткань, черное золото и серебро, некоторые элементы одежды были выполнены из кольчуги собранной из мельчайших посеребренных колец. Это была в одинаковой степени и мантия и легкий доспех. Причем доспех прекрасный.

Некромант вскинул руку, затянутую в когтистую перчатку и с легкостью перехватил второй пилум, что метнул Баор.

— Ивирион, беги отсюда! — прокричал некромант.

Ивирион. Видимо так звали второго некроманта, который даже и не подумал остановиться, чтобы помочь своему товарищу.

— Вы даже не пытаетесь спасти друг друга. Вы отвратительны. Осталось ли в вас хоть что-то человеческое? — прорычал Экраон.

Некромант вскинул когтистую перчатку и резко сжал пальцы в кулак. Баор не понял, чего надеялся добиться некромант, но уже в следующую секунду конь под ним рухнул вниз. Баор мгновенно выдернул ноги из стремян и полетел на землю. К счастью его меч упал рядом с ним.

Баор вскочил на ноги, в недоумении уставившись на своего скакуна, который сейчас без движения лежал у ног своего хозяина. Животное явно было мертво. Вот только на его теле не было ни единой раны!

Некромант вперил взгляд своих сияющих синевой глаз во всадника:

— Не нужно было приходить за нами: теперь вам не выбраться отсюда живыми, мальчик.

— Хочешь проверить это?!

Баор в два прыжка преодолел отделявшее его от некроманта расстояние, на ходу вынимая из-за пояса длинный узкий кинжал. И вонзил его в сердце некроманта.

Баор выдернул кинжал и устремился за вторым некромантом, пробиравшимся сейчас по высокой горе из костей, которые, хвала двум богам, все еще не шевелились. Некромант явно нес в своих руках что-то громоздкое, сильно мешавшее его продвижению. Что ж, если это

было так ценно для него, то он должен был это отнять. И лучше всего, если при этом некромант будет валяться в луже собственной крови.

— И куда это ты так спешишь?

Баор резко развернулся, не в силах поверить собственным глазам. Некромант, в груди которого зияла порядочная дыра, все еще был жив!

— Как ты...

Некромант не дал Баору договорить, рванув вперед и с силой ударив воина кулаком в живот. Кольчуга болезненно впилась в кожу, Баор сложился пополам, отхаркивая кровь. Удар был силен. *Нечеловечески силен!*

Некромант вздернул воина на ноги и занес руку для очередного удара. Баор полоснул по его лицу кинжалом, с легкостью разрывая ткань, что скрывала нижнюю часть лица противника. Некромант отшатнулся, но не разжал рук, продолжая стальной хваткой удерживать Баора. Воин вновь и вновь бил кинжалом в живот некроманта, но даже после пяти смертельных ранений тот продолжал стоять!

Баор выдернул кинжал из своего противника и бросил беглый взгляд на свое оружие. На нем не было ни капли крови!

Некромант растопырил пальцы на второй руке и вонзил когти в грудь Баора.

Никогда в своей жизни, Баор не чувствовал такой боли, даже когда он упал с лестницы и сломал себе руку и ногу. Казалось, будто кровь его превращалась в лед, а кожа горела. Его сердце словно пронзали десятки маленьких ножей, а конечности выкручивала невидимая сила.

Баор широко раскрыл глаза, стараясь унять хлынувшие из них слезы. Из его рта вырвался безудержный крик, который мужчина даже не пытался заглушить. И тогда он и увидел лицо того, кто, по его мнению, уже должен был быть мертв.

— Теперь ты понимаешь, почему твой кинжал не убил меня?

Некромант поднес свое лицо к лицу Баора так близко, что того едва не вырвало от отвращения.

— Теперь понимаешь, почему ты не можешь убить меня? Я *уже* мертв!

Некромант вырвал когти из груди Баора, позволив ему упасть на черную землю.

— А теперь, — словно бы издалека до Баора донесся глухой голос врага. — Мертв и ты.

Последним, что увидел Баор, это ноги уходящего прочь некроманта. А затем и костяные конечности, что, разбрасывая землю, вырвались снизу и начали затаскивать его к себе. Но к тому моменту как его тело окончательно поглотила тьма, Баор уже был мертв.

* * *

Ивирион остановился на вершине горы из костей, что раньше была отрядом наемников, вторгшихся на территорию некромантов более трехсот лет назад. Тогда целью этих людей был захват одного из некромантов.

И тем некромантом был Экраон.

Ивирион оглянулся, наблюдая за тем, как его собрат отбрасывает прочь умирающего солдата и взбирается на гору следом за пиррионом. С Экраона сорвали плащ, обнажив скрывающееся под ним прекрасное одеяние. Древний одлеттиан с презрительной легкостью, недоступной людям, взобрался наверх и встал рядом с Ивирионом. С него сорвали

прикрывающую лицо ткань, и теперь Ивирион мог всю «любоваться» на то, что осталось от его собрата.

Экраон уже давно не выглядел как живой человек, а вместо нормального лица у него было лишь некое его подобие. Губы давно исчезли, и теперь ничем неприкрытые белые зубы хищно скалились. Когда-то белая кожа от времени состарилась, иссушилась и сменила окраску на глубокий темно-серый цвет. Нос также давно исчез и теперь на его месте зиял провал, подобный тому, что можно было встретить на черепах призванных мертвецов. Лишь неудержимый разум, плескавшийся в синих глазах, давал намеки на то, что перед Ивирионом стоит не очередной результат экспериментов, призванный к не-жизни, а вполне живое существо, которое обладает разумом. Хотя живое, можно было сказать с большой натяжкой.

— Все настолько плохо?

Ивирион слегка улыбнулся:

— Лучше, чем я ожидал.

— А ожидал ты увидеть...

— Голый череп, — усмехнулся Ивирион. — Я думал, у тебя уже давно не осталось ничего похожего на лицо.

— Думаю, что до этого недалеко. Я слишком долго существую. Удивлен, что эта плоть вообще еще остается на моих костях.

— Ладно. Уходим отсюда, пока и эти не восстали, — Ивирион бросил взгляд на гору костей под своими ногами.

Экраон коротко кивнул и бросился вперед, подавая пример своему собрату. Ивирион бережно прижал к груди свою ношу и зашагал за некромантом след в след.

Они уже добрались до своих скакунов, когда их нагнал шум за спиной. Некроманты обернулись.

— Да вы издеваетесь, — пробормотал Ивирион.

Солдаты, что преследовали их на лошадях, теперь бегом устремились к некромантам. Из четырех десятков осталось лишь восемь. Израненные, уставшие, в головы до ног покрытые кровью и грязью, они с руганью преследовали некромантов, изредка наклоняясь, чтобы отбить очередную конечность, что тянулась к ним из-под земли.

Экраон шагнул по направлению к новым врагам:

— Уходи отсюда, — прохрипел он.

— Что?

— Я сказал, беги отсюда!

— Я не брошу тебя здесь! Если не они доберутся до тебя, то мертвецы точно займутся тобой.

— Не будь идиотом. Я справлюсь с десятком израненных человечешек. Если этим ничтожествам так хочется сразиться с нами, значит быть посему!

Ивирион все еще стоял на месте, когда Экраон зашагал к пробивающимся к нему врагам:

— Я приду к тебе во дворец, как только смогу!

Экраон бросился на врагов, размахивая своими сияющими когтями:

— Во имя Смерти!

Если есть тот, кого ты хочешь и можешь защитить, то ты не зря живешь.

Неизвестный.

Экраон не дышал уже большую часть своей жизни. Кровь не бежала по его венам, сердце не билось, легкие не раскрывались, желудок не требовал пищи. Он не жил, но существовал. Он ходил, но едва ли осознавал это. Его разум был свободен от оков жизни, но заперт в тюрьме своего тела.

Он не уставал, не терзался сомнениями и не жалел о принятых решениях. Он был идеальным некромантом, за исключением одного: мертвые уже не ищут бессмертия. Оно им просто недоступно.

Вражеские солдаты уже прорубили себе путь через мертвецов, вырывающихся из оков земли, и теперь шагали по раздробленным и переломанным костям навстречу своему главному противнику. Некромант даже не замедлился.

Экраон взмахнул руками, разрывая ткань пространства и призывая всю свою мощь. Экраон был одлеттианом. Его сила основывалась на душах. Или на том, что некроманты подразумевали под этим понятием. Он мог призывать духов существ, которые были доступны ему в том месте, в котором он находился. Он мог воздействовать на сущности живых существ, заставляя их сиять или же тускнеть. А еще он мог изменять ткань пространства, выпуская на свободу существ, что были выше понимания обычных людей.

Когти перчаток засияли, когда из разорванной реальности вырвались призраки невиданных форм. Они набросились на врагов, опрокидывая их на землю и без труда сокрушая любое сопротивление. Два человека все же смогли уклониться от призванных Экраоном существ и атаковали непосредственно некроманта.

Палаш врезался в грудь некроманта, а в живот вонзилась шпага. Люди явно ожидали увидеть, как Экраон падает замертво, но их мечтам не суждено было сбыться. Вонзив когти в грудь одному врагу, Экраон без усилий сокрушил ничтожную защиту, что воздвигла его вера в двух богов и добрался до того едва осязаемого уголька души, что была в его теле.

— Неужели это то, чем вы так гордитесь? Вы считаете себя святыми, воюете за свою странную веру. Но то, что должно сиять у вас в груди, словно маленькая звезда, едва тлеет.

Когти вспыхнули и заглушили то, что осталось от души мужчины. Его товарищ, увидев какая судьба постигла первого, отпустил рукоять шпаги и отпрыгнул назад. Но Экраон вовсе не собирался его давать ему возможности сбежать.

Растопырив пальцы и обратив ладонь к воину, Экраон шагнул вперед.

— Бесполезно, слизняк.

Из ладони вырвалась едва заметная бледная тень и, подлетев к солдату, ворвалась в его грудь. Раздался странный шипящий звук, будто на пылающий костер вылили целое ведро воды. Мужчина дернулся, схватился за свою грудь, словно старался вытянуть из нее то, что так бесцеремонно вторглось в его тело. Но уже через мгновение эти тщетные попытки прекратились, а мужчина повалился на землю, где им тут же занялись выкапывающиеся мертвецы.

Экраон бросил взгляд синих глаз на других воинов, но они уже были неопасны. Придавленные маленькой армией из выкапывающихся мертвецов и призванных Экраоном существей, они безуспешно пытались бороться за свои жизни.

Оглянувшись, некромант увидел удаляющегося всадника в плаще, вокруг которого стелилось ярко-зеленое пламя. На земле лежало несколько обугленных тел, которые раньше явно были вооруженными солдатами. Видимо, кто-то все же смог обойти некромантов, пока они пытались покинуть Землю Мертвецов. Как бы то ни было, они сильно пожалели, когда поняли, с кем имеют дело. Ивирион был столь же беспощаден, как Экраон. А в такие моменты, его злоба могла быть всепоглощающей.

Экраон быстрым взглядом окинул окрестности. Теперь здесь оставались лишь мертвецы, и он не исключение. Костяные конечности вновь разорвали землю и протянули свои грязные пальцы к ногам Экраона. Мощная пятка некроманта переломила их на десятки кусочков. Он не позволит им коснуться себя снова. Не позволит.

Экраон резко развернулся и устремился вслед за Ивирионом. Где-то там все еще ждал его конь. Будь он проклят, если бросит бедное животное в этом месте.

* * *

Ивирион слегка натянул поводья, заставляя коня замедлиться. Он уже давно покинул Землю Мертвецов и сейчас возвращался в свой дворец. Старый одлеттиан был упрям и не потерпел возражений от Ивириона, когда тот отказался покидать его. Безусловно, Экраон был сильнейшим из ныне существующих некромантов. Частично за счет того, что он жил больше трех сотен лет и скопил множество знаний, частично — из-за своей жизни, что балансировала даже не на границе жизни и смерти, а уже за ее пределами.

Ивириону было немного жаль Экраона. Мало кто согласился бы на такое существование, что требовало постоянного контроля над своим же проклятием. Но не мог не признать, что старый некромант по максимуму использовал все открывшиеся перед ним возможности. Он не боялся смерти, не терзался сомнениями и уж тем более ни о чем не жалел. Он просто принимал происходящее как должное и шагал вперед, сокрушая своими стопами любое препятствие, что появлялось на его пути.

Ивирион покидал Землю Мертвецов с легкой душой, надеясь, что ему никогда больше не придется туда возвращаться. Всадники потревожили мертвых, и те явились, чтобы устранить досадную помеху, что мешала их покою. Но из-под земли вышли лишь самые слабые существа, что прятались в ее глубинах. Самые *безобидные*. А истинный ужас все еще продолжал дремать под землей, надеясь однажды вырваться из заточения.

— Нет, этого не будет, — прошептал Ивирион, отчего конь удивленно обернулся на всадника. — Мы не позволим тому, что скрыто под землей, выйти на свет.

С другой стороны, если бы через эту землю прошла вражеская армия, их проблемы были бы решены. Фанатики ни за что бы не отступили, пока не очистили эти места, а существа, что скрывались внизу, просто не могли умереть. И все было бы как и раньше: некроманты продолжали свои исследования, мертвые ходили по земле, люди жили по ту сторону Звездного леса и торговали с некромантами. Все было бы как раньше.

Конь обогнул небольшую рощу, и взгляду Ивириона предстала небольшая деревушка. Совсем крохотная, — всего лишь тринадцать крупных домов, — она легко затерялась бы

среди этих земель, если бы не ее расположение. Через деревню проходили три крупные и с десяток мелких дорог, каждая из которых потенциально вела в любой уголок владений некромантов.

Всадник ступил в деревню и спрыгнул с коня. Взвалив на плечо кожаный мешок, в котором он нес столь ценные книги, Ивирион быстро зашагал между домами. Конь медленно двинулся за спиной своего хозяина, постоянно держась на расстоянии двух-трех шагов.

Добравшись до самого внушительно из неказистых домиков, Ивирион толкнул дверь и вошел внутрь. Веселые голоса, что изливались изнутри, мгновенно смолкли.

Некромант уверенно прошагал к одному из столов и, сбросив с плеча тяжелую ношу, уселся на кое-как сколоченный деревянный стул. К Ивириону тут же подошел хозяин дома.

— Господин. Вы завершили свои дела?

— Да. Думаю да.

— Успешно?

— Более чем, Хоссеп, более чем. Как он?

— Ждал вас, — улыбнулся Хоссеп. — Хотел вышибить дверь, но мы смогли удержать его.

— Приведи его, если не сложно.

Мужчина быстро удалился, а Ивирион, откинув капюшон, оглядел помещение. Небольшая комната, семь столиков по три стула за каждым. Всего сейчас внутри было чуть больше десятка людей и все они с благоговением и обожанием смотрели на Ивириона.

Да, он внушал им уважение. Была ли причина в том, что он — жрец смерти, или же в нем самом? Это было неважно. Главное, что они не считали, что люди, пришедшие на эти земли, стремились истребить некромантов заслуженно.

Громкий шум за спиной заставил Ивириона обернуться. И тут его смяло громадное костяное тело, обрушившееся на него сверху. Звучно рухнув со стула, некромант засмеялся, обхватив руками голый череп.

— Я тоже рад тебя видеть!

Хелион уперся передними лапами в грудь Ивириона и укоризненно склонил голову набок. Ивириону пришлось оставить волка в этой деревне, когда они проезжали через нее. Экраон не желал даже думать о том, чтобы ступить на Землю Мертвецов с существом, возвращенным к не-жизни. Ивирион пытался возражать, но его собрат оставался непреклонен. Конечно, Хелиону вовсе не хотелось бросать своего хозяина тогда, когда над всеми некромантами нависла опасность, но даже он не мог соперничать с силой, что излучал Экраон.

— Все в порядке, Хелион. Теперь, мы можем продолжить путь вместе. Но сейчас, — Ивирион с трудом поднялся с пола, отряхивая плащ. — Сейчас нам некуда торопиться. Хоссеп!

— Да, мастер Ивирион?

— Мы можем заночевать здесь? Или хотя бы передохнуть: я сидел в седле больше трех часов, и мои ноги словно деревянные.

Хозяин дома прямо-таки засиял от радости:

— С радостью примем вас! Я немедленно подготовлю для вас комнату на втором этаже. Обещаю, что никто вас не побеспокоит.

Ивирион слегка улыбнулся и, выждав пару минут, зашагал за Хоссепом. Комнатка

оказалась небольшой и непримечательной: маленькая кровать с подушкой и тонким одеялом, миниатюрное оконце и единственная табуретка, стоящая в дальнем углу. Убого конечно, но в данный момент ему было все равно. Он был слишком измотан, чтобы жаловаться на условия содержания.

Ивирион оставил книги на табуретке, улегся на кровать и закрыл глаза. Хелион сел в углу комнаты, внимательно следя за своим хозяином.

Ивирион и сам не осознал, как провалился в объятия сна.

* * *

Пробуждение было не из приятных. Сильный шум внизу заставил Ивириона рывком встать с жесткой кровати, отбрасывая скомканное одеяло прочь.

Некромант услышал еще один глухой удар, звон разбитой посуды и приглушенные крики. Ивирион рванул дверь на себя и выбежал на лестничную площадку, Хелион последовал за своим хозяином.

В главном зале царил ужасный беспорядок: разбитая посуда, сломанная мебель, разбросанные вещи. Где-то даже виднелись следы крови. Ивирион бросился к выходу. На улице стояло много людей. Слишком много, для такой деревни.

Ивирион замер у дверного проема, прислушиваясь к звукам, доносящимся снаружи.

— Как вы можете? Что мы вам...

— Молчать!

До Ивириона донесся звук глухого удара и чьего-то падающего тела.

— Мы знаем, что вы — приспешники некромантов. Мы знаем, что один из них только что прошел через вашу деревню. Куда он направлялся? Чего он от вас хотел? Что вы ему дали? Воду, еду, лекарства? Отвечайте!

Еще несколько сильных ударов и новые вскрики.

— Я не приказывал стонать, я приказывал говорить!

Новые удары.

— Говорите! Где некромант? Где слуги зла? Если расскажете, то, быть может, вас и не убьют. А если будете молчать — точно умрете. Ну!

Никто не проронил ни слова. Ивирион не ожидал подобного. Да, эти люди жили на территории некромантов, которые о них заботились. Защищали их, обеспечивали едой. А, если была такая необходимость, могли и приютить в своих дворцах. И сейчас они даже не помыслили о том, чтобы выдать Ивириона!

— Здесь никого не было. Никто не проходил через нашу деревню. У вас неверные сведения.

— Ублюдок, — еще один удар. — Не смей лгать нам! Куда направлялся этот ублюдок?!

И вновь не было произнесено ни слова. Люди были напуганы, избиты, но ни один из них ничего не сказал о Ивирионе.

— Значит так, да? Прекрасно. Что ж, если вы так этого хотите, то мы развяжем ваши языки. Священники более чем способны заставить вас говорить. Свяжите их! Если нужно, переломайте им руки.

— Нет. Не надо! Мы ничего не знаем!

— А вот это уже не вам решать.

Эти люди не сломались. Они не сдались, не испугались и не выдали Ивириона. Они знали, что их ждет, но все равно продолжали молчать. Они не сдавались! Будь он проклят, если позволит увести их как скот и прирезать где-нибудь в пустоши! Будь он проклят!

— Если все будет плохо, можешь выйти. Но до тех пор, сиди здесь. Хорошо?

Хелион склонил голову, недолго подумал и наклонил голову.

— Отлично. Теперь и я стал частью этой войны.

* * *

Людей согнали вместе на дороге. Испуганные, испачканные в грязи, они сидели на земле, смотря на окруживших их людей затравленным взглядом. Их окружало чуть больше десятка солдат, угрожая людям обнаженными мечами. Еще двадцать человек стояли поодаль, непринужденно прохаживаясь по дороге.

Едва дверь дома открылась, как солдаты немедленно обернулись. А затем разразился настоящий ад.

Лицо Ивириона было похоже на маску. Такое же неподвижное. Такое же холодное. Такое же угрожающее и обещающее смерть.

В тот момент он был похож на демона.

— Некромант!

— Убить его!

— Лживые ублюдки!

Некоторые из солдат, размахивая оружием, бросились к запуганным людям.

— Нет. Больше вы их не тронете.

Пламя сорвалось с кончиков пальцев некроманта и ударило троих мечников. Огонь в считанные мгновения охватил людей, и вскоре они уже без движения лежали на земле.

— Колдовство!

— Нет, это не колдовство, — прорычал Ивирион, с легкостью шагая вперед, хотя перед ним уже стелилось зеленое пламя. — Это *сила*!

Люди бросились на некроманта, но тот даже не шелохнулся. Пламя охватило вытянутые руки Ивириона и сорвалось с них, устремившись к приближающимся врагам. Сразу восемь солдат закричали от боли, когда нестерпимый жар добрался до их плоти, скрытой легкими доспехами.

Ивирион вновь взмахнул руками, и два зеленых клинка разрубили объятых пламенем людей. Еще два человека с дубинами в руках устремились к некроманту сбоку, надеясь застать его врасплох. Они были глупцами. Огненные копья пригвоздили их к земле.

— Все назад. Назад!

Солдаты бросились врассыпную, стремясь оказаться как можно дальше от взбешенного некроманта.

— Не уйдете!

Растопырив пальцы, Ивирион обрушил правую руку на землю. Усиленное пламенем тело некроманта без труда могло вынести любой урон, без каких-либо последствий для него самого. Земля раскололась, из трещин безудержным потоком хлынуло пламя. Пять огненных фигур вырвались из разлома и понеслись к отступающим солдатам. Прямо на ходу фигуры обретали четкость. И вот уже гигантские волки размерами с человека набрасываются на

спины беззащитных людей.

Ничем не сдерживаемые существа без труда разрывали доспехи и скрывающуюся под ними плоть. Оружие ничем не могло навредить им, поэтому люди фактически оказались безоружны перед столь невозможными созданиями.

Ивирион с удовлетворением наблюдал за бойней, что учинили волки. Жители деревни смотрели на некроманта, а глаза их были наполнены восхищением и обожанием. Они ни секунды не сомневались в нем. Не боялись его, не ужасались тому, что он учинил перед их домами. Они просто приняли это как должное.

Некромант шагал вперед прямо по огненным следам. Ему было все равно, что пламя жадно хватывало его ноги, ведь оно не могло причинить ему вреда. Пиррионы учились не просто контролировать пламя. Они и были пламенем. Нельзя было управлять огнем, если не смог его познать.

Звери еще какое-то время преследовали разбегающихся людей, прежде чем произошло то, чего Ивирион никак не мог ожидать. Один из волков был разрублен пополам.

Некромант, недоумевая, воззрился на затухающие языки пламени, которые медленно опадали на землю. Ивирион в нерешительности замер: как могло создание из огня быть уничтожено?! Здесь не было ни воды, ни камней опустошения. Ничего, что могло бы остановить огненных созданий!

И все же они гибли. Сперва один, а за ним и остальные. Один за другим они распадались на части, когда между ними мелькала едва заметная с такого расстояние фигура. Ивирион настороженно шагнул вперед, готовясь противостоять новому врагу, что вот-вот должен был перед ним появиться.

И он появился.

Человек вышел прямо из пламени, что осталось после гибели пятого волка. Его двуручный меч ярко сверкал. Две серебряные полосы на нагруднике поблескивали от игры света.

Ивирион напрягся: в храме он встретил человека с одной серебряной полосой, а тут противник обладал сразу двумя. И в прошлый раз ему нечего было противопоставить такому противнику. Но тогда он находился на расстоянии в десятки километров. Сейчас все было иначе. Сейчас он был сильнее.

Мечник легко ступал вперед, без особых усилий удерживая двуручный меч всего лишь одной рукой. Он шел прямо по трупам своих товарищей, что еще минуту назад безуспешно пытались сопротивляться волкам, и даже не пытался переступить через окровавленные, разорванные и обожженные останки людей. Он просто наступал на них, словно они были лишь ступеньками на лестнице.

Мужчина остановился в десяти шагах от некроманта и вонзил свой меч в землю.

— Некромант, повелевающий пламенем. Это интересно.

— Интересно?

— Да. До сих пор нам рассказывали только о тех, кто поднимал мертвецов, призывал из маленьких предметов злобных созданий, повелевающих призраками слабаков, что не могли даже поднять меча. Однако ни один все еще не обрушивал на нас пламя.

Вскинув руку, Ивирион прищурился и вызвал новую волну пламени. Он даже не поморщился, когда огонь начал омыwać его доспехи и кожу, и просто прошел сквозь возведенную Ивирионом пылающую стену!

Мелькнул двуручник. Некромант отшатнулся, стараясь оказаться как можно дальше от

своего противника, но тот все равно его достал. Меч без труда разорвал темную ткань плаща и с хлопаяющим звуком впился с левое плечо Ивириона.

Пиррион взревел от боли и, отшатнувшись, упал на одно колено. Его противник уже был близко, но у некроманта не было времени на то, чтобы суметь себя защитить.

Мелькнуло большое костяное тело, с легкостью отбившее сверкающее лезвие. Волк закрыл своим телом хозяина и принял угрожающую позу.

— Хелион, нет! Уходи отсюда!

Волк даже не шелохнулся.

— Прошу. Уходи отсюда. Тебе незачем здесь гибнуть!

И вновь никакой реакции.

— Поразительно.

Ивирион поднял взгляд. Мечник вновь упер свой меч в землю и с любопытством разглядывал волка.

— Для тебя так дорога эта мерзость, что ты готов променять свою жизнь на то, чтобы это ничтожество продолжало свое бессмысленное существование. И в то же время оно не собирается оставлять тебя здесь умирать, а готово броситься под мое оружие, лишь бы ты прожил еще минуту своей отвратной жизни.

— Хелион, назад!

Ивирион встал, срывая с себя разорванный плащ. Под ним оказались лишь штаны из темной ткани; белая кожа окрасилась кровью, медленно текущей из глубокой раны.

— Хелион, назад! Не смей вмешиваться, — прорычал Ивирион.

Хелион оглянулся на своего хозяина. Теперь в его голосе не было той мольбы, что промелькивала еще мгновение назад. Нет, теперь он был сильным, уверенным. Он был тем, кем он и должен был быть. Некромантом — повелителем смерти, служащим ей, но не боящимся ее. И теперь в нем не было ни капли гнева или недовольства. Все эмоции были отброшены назад, словно и никогда не существовали. Словно они были мертвы.

Из пореза на плече начало сочиться салатное пламя, остановившее кровь и прижегшее рану. По рукам побежали едва заметные призрачные языки пламени. Они столь разительно отличались от того насыщенного ярко-зеленого огня, что даже противник Ивириона обратил на это внимание.

— Решил сменить подход?

— Нет, — мертвенно холодным голосом ответил Ивирион. — Я просто стал серьезен.

Призрачное пламя сорвалось с рук и врезалось в сверкающий белизной нагрудник. Если раньше огонь не причинял его противнику никакого вреда, то теперь Ивирион видел — в этот раз результат был.

Священника отбросило назад, призрачный огонь за секунду заставил белый доспех почернеть, отчего серебряные полосы на нагруднике стали едва видны. Отбросив за спину синий плащ, мечник поднялся с земли. Теперь в его взгляде пылал гнев, смешанный с удивлением.

— Но вот что мне любопытно: почему мы слабеем не только рядом с вами.

Огненный шар сорвался с бледных пальцев, однако взмах меча разрубил его, как и волков до этого. Но вот только в этот раз пламя не исчезло. Напротив, оно разгорелось еще ярче и вновь отбросило мечника назад. Плащ в считанные мгновения сторел, но мужчина вовремя успел разорвать цепь на пряжках-застежках и отбросить пытающую ткань подальше от себя.

— И у меня появилась одна теория.

Очередной взмах рукой заставил разойтись землю перед Ивирионом, и из разломов хлынул поток миниатюрных существ размером не больше ладони. Их были сотни, и стая эта рванула вперед.

— Хочешь, я поделюсь с тобой ею?

Мужчина вместо ответа громко выругался, описывая дуги мечом и нашинковывая невиданных огненных существ по десятку за раз.

— Будем считать, что да.

Семь огненных созданий ловко взобрались по ноге мечника. Мужчина пытался стряхнуть их с себя, но не мог ни на секунду отвлечься от более важного занятия — борьбы за собственную жизнь. И не зря.

Эти существа были не так слабы, как могло показаться. Да, они были малы. Да, они выглядели безобидно, по сравнению с призванными ранее волками. Но их сила заключалась совсем не в этом.

Семь созданий впились в бедро воина, защищенное холодным металлом доспеха. И взорвались. Семь ярких вспышек прорезали тьму, скрывая противника с глаз Ивириона огненным облаком.

Ивирион шагнул вперед, десятки созданий перед ним осторожно разбрелись в стороны, пропуская вперед своего хозяина:

— Что, если всему виной вы?

Ступая по оплавленной земле, Ивирион склонился над обожженным человеком. Меч разрушился, доспех покрылся широкими трещинами, из которых толчками выплескивалась темно-красная кровь. Кожа на голове практически почернела, а кое-где едва заметно проглядывалась кость. А нога... Она попусту отсутствовала.

— Верующие, — Ивирион вплотную приблизил свое лицо в своей жертве. Егс собственная белая кожа так сильно контрастировала с почерневшей от огня плотью мечника, что становилось даже странно. — Чем сильнее вы верите — тем сильнее ваша сила. И тем слабее воздействие на вас некромантов.

Ивирион опустил свою ладонь на голову едва живого мужчины.

— Однако вот в чем проблема: вы все веруете в своих богов, однако ваша вера не одинакова. Например, вот эти полосы на твоём нагруднике. Их две, и я уже достаточно проникся твоими... способностями, — Ивирион покосился на рану на плече. — И в то же время я уже сошелся в бою с твоим товарищем. Но у него была лишь одна серебряная полоса.

— Как ты...

— И вот в тот раз я тоже почувствовал силу. Вот только тогда мой противник был явно слабее. Намного слабее. И еще один любопытный момент. Я проник в ваш храм. В место, наполненное верующими. В место, в которое, если следовать моим рассуждениям, я не смог бы попасть. Никак! Даже теоретически. И вот отсюда у меня возникает вопрос: что ошибочно? Мои выводы или же ваша вера?

— Т... ты не... Я теб...

— И вот мой вывод: ваша вера не ошибочна. Равно как и мои выводы. Значит, из этого может быть только один вывод, — прошептал некромант. — Люди, что ищут утешения в вашей вере, вовсе не проникаются ею. Они не верят в двух богов. Они не верят в то, что ваше дело правое. Они не верят вам!

— Будь ты проклят!

Рука обожженного мужчины взметнулась наверх. В скрюченных пальцах все еще была сжата рукоять меча с небольшим зазубренным куском, оставшимся от некогда опасного оружия.

Обломок меча впился в раскрытую ладонь, выставленную Ивирионом в качестве защиты. Брызнула кровь, но некромант не отступил. Пламя в считанные секунды охватило руку некроманта и быстро перекинулось дальше на запястье противника.

Мужчина истошно закричал, когда огонь начал пожирать его руку.

— Это было не очень умно, — словно не замечая боли в руке продолжал некромант. — Сейчас ты ничего не можешь мне сделать. *Ничего!* Ну а я, — пламя уже полностью охватило руку едва живого человека, но Ивирион загасил его. — А я могу. И я вытащу из тебя все, что только возможно.

Ладонь на голове мужчины засияла зеленым светом, по белой коже пошли мелкие темно-зеленые трещины. Словно мрамор, подвергшийся разрушению. Мельчайшие щупальца огня распространились по голове едва живого мужчины, устремляясь к глазам и ушам, рту и шее.

— А теперь, ты расскажешь мне все. И я не намерен слушать твой религиозный бред, которым явно забита твоя голова. Дай мне узреть *истину!*

И мужчина закричал.

* * *

Образы. Сотни. Тысячи расплывчатых едва ощутимых образов, что пронеслись мимо него. Вот что он увидел. Вот что представляло собой сознание человека. Какие-то из них сияли, а другие были замутненными. Что-то было более четким, что-то менее.

Ивирион оказался посреди всего этого водоворота, пытаясь сосредоточиться. Что скрывал этот человек? Почему? И какие сведения в его голове были ему нужнее всего?

Детство? Все может быть. Как-никак церкви двух богов двадцать лет. А ему? Тридцать два. Быть может, он был свидетелем возвеличивания церкви? Рождение, рождение брата и сестры, жизнь на ферме, а затем и в большом городе.

Нет. Не то.

Тогда как? Как он стал одним из тех, кто носил синие доспехи? Быть может в юношестве?

Первая любовь, гибель родителей, смерть брата, жизнь в трущобах.

Нет. Снова не то.

Тогда когда? После двадцати трех. Вот оно. Жизнь в трущобах сломала его. Дальше. Голод, нищета, убийство за кусок хлеба. А мясо вообще роскошь. Дальше, глубже, быстрее. Ага. Раскаяние. Он раскаялся и пришел в храм. Пришел и что? Как он стал таким?

Еще сотни воспоминаний. Испытания, тренировки. Каждый день новая пытка. Каждый день один из его друзей ломался и умирал. Телом или разумом. Неважно, все они, так или иначе, гибли. Его эмоции. Что он чувствовал, когда видел их тела?

Пустота. Никаких эмоций. Сопереживание? Отсутствует. Злость? Отсутствует. Радость? Отсутствует.

Нет. Такого просто не может быть. Каждый испытывал от убийства хоть что-то. Неважно убил он сам, наблюдал за этим или слышал от кого-то другого. Даже некроманты,

хоть в этом никто бы не признался, испытывали при виде смерти хоть что-то. Боготворили, уважали, восхищались, боялись. Эмоции были!

А здесь? Пустота. В чем же была причина? Глубже. Еще глубже.

Нет. Такого просто не могло быть. Их ломали. Он понимал это. Избиения, мучения, эмоциональное давление. Он мог все это понять. Он мог понять, что человек ломался и при меньшем, но чтобы настолько... Тогда что было дальше? Если эмоции исчезали, то что же становилось на их место? И как они проявлялись обратно? Тот, чей разум он сейчас исследовал, явно ненавидел его. Его и всех остальных некромантов. Презрение, злость, ярость.

Ясно. Вера. Она заменяла ему то, чего он лишился. А затем? Сотни часов в молитвах, тренировках тела и духа, новые мучения, чтобы закалить его как морально, так и физически. А после — обретение силы. Силы, что позволяла ему драться с обычными людьми и с легкостью побеждать их. Силы, что вела его вперед, как бы сильно он ни уставал и в каком бы состоянии ни был. Силы, что позволяла противостоять некромантам.

Ладно, с этим все было более-менее понятно. Что дальше?

Две серебряные полосы. Да. Как он их получил, и что это означало?

Поиск вновь оказался сложным. Этот человек поражал его: он помнил сотни текстов молитв, тысячи строк, что для обычного человека бы слились в сплошную мешанину. Так, что же еще? Восхваления двух богов. Это уже интересно. Так, духовенство. Он мог узнать о санах этих фанатиков.

Сперва все, что он видел, не представляло для него ничего интересного. Слишком много лишнего, пафосного и приукрашенного. Людям вливали в головы некие идеи, основанные на верованиях церкви двух богов. И они в них верили. Он в них верил. Разум этого человека настолько пропитался этой идеей, что Ивириону становилось даже тошно. Но не это было ему нужно. Он искал вовсе не это.

Но вот оно. Золотое, серебряное и черное духовенства. Что это такое?

Черное. Хм, интересно. Похоже, что к черному духовенству относились все те святоши, что не участвовали в этом походе. Точнее не так. Все кто не брался за оружие, и чьим единственным способом несения веры было проповедование из-за кафедры. А если коротко — тщедушные старики и трусы. Слабые, безвольные. Именно его он, скорее всего, встретил там в храме. Именно он отпер тайник с книгами.

Серебряное. Именно к ним и относился этот мечник. Так. А вот это уже интересно. Серебряное духовенство — прирожденные воины. Их находили везде: в трущобах и бальных залах, в городах с многотысячным населением и в деревнях на пару десятков домов. Их брали в любом возрасте: детстве, юношестве и даже взрослыми. Их разлучали с друзьями, пытали, ломали, а в конце собирали то, что от них осталось, и превращали в настоящего монстра. Но вот только этот монстр должен был следовать какому-то неизвестному высокому идеалу.

А что дальше? Человек становился одним из серебряных. Что же с ним происходило потом? Испытания. Новые и новые. Каждый раз человека испытывали на прочность. Если выдерживает — новое испытание.

Одна полоса означала двадцать испытаний, пройденных человеком. Две — сорок пять. Три — семьдесят. Четыре — сотня. А вот насчет пятой полосы все не было так однозначно. Скорее всего, ее давали уже за личные качества. Вот только за какие именно? За скорость чтения молитвы? За способность простоять на коленях перед алтарем без еды и воды в

течение целого дня?

Нет, здесь было что-то другое. Но этого не знал даже сам серебряный.

Хорошо, осталось лишь золотое духовенство.

И вот здесь то и появилась сложность. Он ничего не знал о них. Ничего. Никаких знаний о золотом духовенстве. Ивирион расширил область своих поисков и просеял каждое воспоминание, каждую мысль и чувство, что испытывал этот человек. И не нашел практически ничего.

Вот что он знал: золотое духовенство — сборище священников с высшими санами. Диакон, архидиакон, иерей, протоиерей и архиерей. Все они были святыми в глазах этого человека. Нет. В глазах всех, кто их видел!

Больше. Ему нужно было узнать больше!

Последняя попытка. Ивирион превратился в огненный вихрь, сокрушающий все на своем пути. Он пронесся по сознанию измученного человека с ужасающей силой, уничтожая все те воспоминания, что случайно оказывались на его пути. Детство, юношество и много чего еще. Все это было вытеснено из сознания человека болью. А затем сломались и последние мысленные барьеры, что создало его угасающее сознание. Ну же!

Архиерей. Высший сан. Им мог обладать один единственный человек. Не было возможности его передать по наследству. Архиерей обладал властью. Абсолютной властью. Если выражаться простым языком — он был главой церкви двух богов. И это он привел их на земли некромантов.

Имя. Нужно было узнать его имя!

Ну же. Ну же, оно должно быть где-то здесь. Должно быть!

Сознание мужчины начало угасать. Он был слишком изранен, слишком измучен боем, а теперь еще и разум его уничтожался по кускам. Плевать!

Сиптуаг. Архиерей Сиптуаг. Он узнал имя, увидел лицо и успел даже рассмотреть его оружие и стиль боя, прежде чем тьма окутала все вокруг.

Слишком поздно. Он умер.

* * *

Ивирион шумно вдохнул, отпуская голову мертвого мужчины. От того теперь осталась лишь пустая оболочка. Он стал бледным подобием того, кем являлся ранее.

Хелион подошел к своему хозяину, но некромант мягко отстранил его прочь.

— Я в порядке. — Пробормотал он, направляясь к своему коню, оставленному за домом. — Нам с тобой нужно уходить, к утру я хочу вернуться во дворец.

Ивирион остановился, словно вспомнив про что-то важное.

— Хелион. Поднимись в комнату и принеси мне книги. Но прошу тебя — будь с ними бережен. Они важны для меня. Для нас. Быть может, они помогут нам спастись.

Убедившись, что волк выполнит его просьбу, Ивирион направился к напуганным крестьянам. Люди все еще пребывали в шоковом состоянии, но понемногу приходили в себя.

— Вам нужно уходить отсюда. Расположение вашей деревни делает ее желанным местом для их армии, — Ивирион бросил взгляд на окружавших его мертвецов. — Тем более после произошедшего. Пламя явно было видно очень далеко. Я бы посоветовал вам не задерживаться в деревне.

— Но господин! Куда же нам идти? Кому мы нужны? Нас некому защитить в дороге, да и еды у нас не хватит на долгое путешествие. А дети? Они не смогут выдержать много дней в дороге.

Ивирион слегка наклонил голову, размышляя над поднятыми вопросами:

— Насчет еды и детей ничем не могу вам помочь. А вот о защите можете не беспокоиться.

Пламя сорвалось с рук некроманта и устремилось к мертвецам. Огонь за секунды охватил людей, а затем, не причинив их телам никакого вреда, бесследно впитался в их тела. А затем мертвецы стали подниматься, шаркающей походкой направляясь к жителям деревни.

— Они помогут вам. Их нельзя убить, они смогут пользоваться оружием и защитят вас от любой угрозы.

— Но куда нам...

— Направляйтесь к моему дворцу. Уверен, что за три дня вы легко сможете до него добраться. Он находится достаточно далеко отсюда, поэтому армия еще не скоро туда доберется.

Мертвецы замерли за спиной своего повелителя. Ивирион опустил руку на плечо ближайшего из них.

— Защищайте этих людей ото всех опасностей. Помогите им добраться до моего дворца. Несите их вещи, защищайте их жизни. И, быть может, заслужите покой для своих гнилых душ.

Некромант легко вскочил на своего скакуна, разворачивая его к дороге. Хелион выбежал из дома и, сжимая в пасти две толстые книги. Ивирион бросил их в мешок.

— Собирайтесь как можно скорее. Если на пути вам будут попадаться еще воины, не подходите к ним близко. Конечно, мертвые вам помогут, но большого количества врагов они не одолеют. Не берите с собой ничего тяжелого и громоздкого. И лучше всего заберите с собой все ценное или личное. Кто знает, вернетесь ли вы сюда в будущем или нет.

С этими словами некромант прищпорил коня и унесся в подступающий к деревне туман.

*Сражаешься — выживешь. Сдашься — умрешь.
Зачастую все зависит от этого простого выбора.*

Король Аркий глядя, как горит его город.

Конь под Экраоном содрогнулся и, натужно хрипя, повалился на землю. Некромант ловко спрыгнул со своего вороного жеребца за мгновение до того, как тот раздробил бы его ногу. Боли это бы не причинило, но передвигаться с такими повреждениями было бы затруднительно.

Экраон взглянул в глаза умирающего животного. Они горели надеждой. А еще в них был страх.

— Прости, но я ничем не могу тебе помочь.

Едва заметное движение рукой, и душа умирающего животного покинула ставшее бесполезным тело. А затем вернулась обратно в свое изнуренное тело. Вот только больше он не был жив.

— Прости, но я должен добраться до дворца Харонтара. Даже если ты будешь уже мертв.

Путь Экраона лежал через Лес Теней. Огромное скопище высоких деревьев разделяло земли некрмантов подобно естественной границе. Всадник в изорванном буром плаще мчался между густыми деревьями, устремившись к дворцу Харонтара. Мудрый и сильный глоссериан, владеющий дворцом, расположенным на скале, с трех сторон окруженной озером. К нему вела лишь одна естественная дорога, проходящая через ущелье. Идеальное место, если собираешься дать бой врагу.

Поэтому-то Экраон и хотел прибыть туда как можно быстрее. Он боялся, что его собратья могли погубить их всех.

И он не ошибся. Стоило только некрманту вырваться из густого леса на своем оживленном коне, как на него обрушилась целая лавина звуков.

Звуков войны.

* * *

Иеремих волновался. Всегда. Были ли это эксперименты над новым экземпляром, решение сложнейшей задачи или неожиданные новости, что обсуждали его собратья. Формально Иеремих был лидером некрмантов. Он начинал их собрания, руководил ими и подводил итоги.

Но он никогда не был среди них главным. По-настоящему. И все остальные прекрасно это понимали. Он не мог быть лидером. Хотел бы. Мечтал бы. Но не мог. В нем не было ничего из того, чем должен был обладать лидер.

Но он пытался измениться.

— Ты и правда так поступишь?

Иеремих хмуро посмотрел на своего собеседника.

— Да. Это тебя удивляет, Дедор?

— Еще бы. Никогда не думал, что доживу до такого момента. Ты решил проявить свои лидерские качества? Показать характер? Рассказать бы об этом другим, но меня же засмеют.

— Но рассказать придется.

— Ты же знаешь, что мы плохо действуем вместе. Именно поэтому у каждого из нас собственный дворец, а наши лаборатории закрыты для всех гостей. Да, мы делимся своими открытиями, но приди к нам наш собрат — мы его даже близко не подпустим к экспериментам.

— Мне плевать! — Иеремих с силой ударил кулаком по столу, отчего бокал в его руке раскололся. — Быть может я и не способен руководить вами, но я требую, чтобы вы все перестали вести себя как дети. Мы находимся на грани уничтожения!

Дедор нахмурился. Такой реакции от своего собрата он ожидал в последнюю очередь.

— Неужели все настолько плохо?

— Еще хуже.

— С кем ты связывался? Я имею в виду после того как Своррен пропал. Хоть кто-то все еще поддерживает с тобой контакт?

— Таррин погиб. Равно как и Осодвир, Георлас, Эльрин и Фаор. И это только те о ком я знаю. Может быть остальные также мертвы. И не надо говорить мне о плохом взаимодействии между нами! Если мы хотим выжить, то нам нужно объединиться. Нужно!

— Я тебя понял. Что ты хочешь от меня?

— От тебя? Ровным счетом ничего. Скорее наоборот — я хочу, чтобы ты оставался в своем замке, если все пойдет наперекосяк. Разошли воронов и голубей ко всем, кто находится рядом с тобой, а я свяжусь с остальными.

— И что ты им скажешь? Они никогда не согласятся объединиться. Даже сейчас.

— Я смогу их убедить.

Дедор кивнул, ожидая продолжения. Но его не было. Иеремих молчал, всем своим видом показывая: их беседа окончена.

Он сделал свой выбор.

* * *

— Зачем мы здесь?

Голос Туриона эхом разнесся по залу. В помещении находилось более пяти десятков некромантов. Кто-то пришел со своими помощниками, которые сейчас столпились в дальнем конце помещения и молча глядели на своих хозяев.

— Затем, что мы ведем войну, Турион.

Иеремих прошел меж некромантов и встал напротив товарища.

— Войну? И с кем же? Что мы знаем об этих людях? Почему они на нас напали? Сколько их? Как они будут нас атаковать? У нас есть хоть что-то?

— Нет. Именно поэтому я и собрал вас всех здесь. Чтобы найти выход из сложившейся ситуации. Именно поэтому вы и пришли сюда. Вы *поверили* мне.

— Да. Поверили, — Турион сложил руки на груди и подозрительно посмотрел на Иеремиха. — Но я уже жалею об этом.

— Не стоит.

— Итак, — вперед вышел Харонтар. — Почему ты решил собрать нас всех здесь?
— Потому что твой дворец — лучшее место для обороны.
И зал взорвался криком.

* * *

— Что это значит?!

Харонтар схватил Иеремиха за горло и вздернул наверх. Хозяин дворца был почти таким же массивным, как и Экраон, и столь же нечеловечески силен. Его одеяние, составленное из золотых и обсидиановых ромбов, соединенных между собой тончайшей серебряной леской, громко звенело от каждого движения некроманта.

— Ты привел их на мои земли? К моему дворцу?!

Бледное лицо Иеремиха начало отдавать синевой — ему не хватало воздуха. Ноги свободно болтались над полом.

— Отвечай, отродье!

— Да, — просипел задыхающийся.

— Харонтар! Отпусти его!

Мощная рука легла на плечо взбешенного некроманта.

— Отпусти!

Цидариас выплеснул на хозяина дворца свою силу, что в секунду охватила разум рослого некроманта. Гигант пошатнулся, пальцы его разжались, но он устоял.

Цидариас обошел собрата и склонился над Иеремихом.

— Почему ты это сделал?

Сплюнув, Иеремих со стоном поднялся с пола:

— Вы не оставили мне выбора.

— Так это мы виноваты в твоём предательстве?! — взревел Харонтар, вновь теряя самообладание.

— Заткнись! — Цидариас взмахнул рукой, повергая Харонтара на колени. — У тебя будет время высказаться, брат. Но пока что нам нужны ответы.

— Ответы? — Иеремих оттолкнул от себя Цидариаса. — Это ты хочешь ответов? А может, вы дадите их мне? Почему вы отказались объединяться? Почему вы попрятались в собственных дворцах, глядя, как ваши братья гибнут один за другим? Почему даже находясь здесь, вы все равно так стремитесь сбежать?!

Иеремих с ненавистью воззрился на двух некромантов, что уже шагали по направлению к выходу.

— Я бы не стал этого делать.

Мужчины резко остановились.

— Вы думаете, что я просто так созвал вас здесь? Нам *нужно* объединиться! И если этого не поняли вы, то для меня это яснее ясного. Вы — идиоты, если думаете, что война минует вас стороной. Эти люди придут за всеми нами. Все некроманты, по их мнению, должны быть убиты. Скольких мы уже потеряли? Двадцать? Тридцать? А скольких потеряем на следующей неделе? В следующем месяце? Не мне вам объяснять всю важность наших исследований, но, видимо, именно я должен научить вас сотрудничеству.

Некроманты зашевелились. По рядам людей пронесся тихий ропот, готовый перерасти в

настоящую бурю.

— Что ты имел в виду, когда сказал, что не стал бы уходить на нашем месте?

Иеремих обернулся к Цидариасу:

— Я связал вас. Всех.

И после этого он понял, что значит по-настоящему испытать на себе ненависть и презрение от такого множества своих братьев.

Больше Цидариас не собирался его защищать. Нет, теперь он испытывал к нему такую ненависть, что едва не убил своего товарища. Своего *лидера*.

Тагуировки на руках Цидариаса вспыхнули, заставляя Иеремиха упасть на колени. Боль, подобной которой он не испытывал он никогда ранее, заставила его со скрипом стиснуть зубы. Цидариас был сильнейшим штейгером из ныне живущих. И он даже не пытался сейчас сдержаться.

— Ублюдок! — голос Цидариаса был страшен. Сейчас он был похож на Экраона как никогда раньше, но все же повелителя одлеттианов боялись все, даже Цидариас. — Отмени это. Оборви связь!

— Не могу, — прошипел Иеремих, падая на пол.

— Что?! — удивление Цидариаса было так сильно, что он случайно разорвал контакт с Иеремихом, позволив тому подняться с пола.

— Есть лишь один способ разорвать связь.

— Какой?!

— Приведите сюда своих мертвецов, — Иеремих оглядел всех собравшихся. — Всех до единого. Тогда я и позволю вам уйти отсюда.

* * *

Иеремих был слабаком. Среди всех он, в лучшем случае, был немногим сильнее некромантов с окраин. Однако именно он был избран лидером.

Почему? Этого точно никто не мог объяснить. Быть может, потому что эта должность ничего не значила? Или потому что к ней никто и не стремился? Может быть, он просто оказался в нужное время в нужном месте? А может у него были некие далеко идущие планы, о которых он впоследствии забыл?

Никто не знал, что двигало некромантом Исоргиллом, когда он передал Иеремиху титул старшего просветителя, но именно он «возвысил» своего собрата. Хорошо, что Исоргилл не дожил до того момента, когда его преемник взял в заложники собственных братьев. Он бы не пережил подобного бесчестия.

* * *

— Я сделал это. Чего ты хочешь еще?

Иеремих устало склонился над столом, его лицо было бледнее обычного и слегка блестело от пота.

— Будем ждать. Пока ваши помощники не приведут их всех, я никому не позволю покинуть этого места.

Цидариас оглянулся на остальных некромантов, что молчаливо наблюдали за происходящим.

— И что дальше? Что будет, когда они придут? Что ты будешь делать с этой армией? Пошлешь их на людей? Или пойдешь походом на те земли, из которых они прибыли?

Иеремих скривил губы:

— Так вот что я, по-твоему, делаю? Я собираю армию для собственных нужд?

— А разве это не так?

Иеремих не удостоил его ответом. Вместо этого некромант прошел в дальний конец зала, и уселся на один из стульев.

— Мы будем ждать.

— Чего?

— Прибытия «моих» мертвецов.

И некроманты начали ждать. Минуты перетекали в часы, а те переходили в дни. Четыре дня некроманты ожидали в залах дворца Харонтара. Четыре дня Иеремих, сжигаемый собственной силой, сидел в приемной у хозяина дворца. Четыре дня некроманты нервно бродили по коридорам, обсуждая безумный поступок Иеремиха.

Четыре дня, которые и решили их судьбу.

Иеремих был одлеттианом. Но одлеттианом слабым. Он не мог призывать духов, не мог вырывать души из тел хозяев. Даже простой призыв давался ему с невероятным усилием. Однако он использовал эту слабость и создал новую силу.

Он назвал ее «связь».

Одлеттианы видели души не так, как они выглядели на самом деле. Для большинства некромантов внешний вид призрака соответствовал и внешнему виду тела. Но одлеттианы не различали их по внешним признакам. Для них души представляли собой простую мешанину из эмоций. Какие-то были ярче, какие-то — темнее. И именно на этом и основывалась сила Иеремиха.

Он брал эмоции. Самые яркие из всех, что испытывало живое существо. А затем привязывал их к собственной душе. Убрать эту связь без фатальных последствий было невозможно. Всегда страдал связующий или связанный. Иеремих крайне редко пользовался этой силой, но каждый раз клялся никогда больше этого не повторять.

Душа Иеремиха страдала. Ежесекундно. Представьте, что вам пытаются отрезать руку. Или ногу. В руках у человека, что пытается сделать это, маленький тупой нож. Естественно таким ножиком конечность не отрезать, но человек все продолжает и продолжает. Подобную боль и испытывал Иеремих, стоило чужим эмоциям прикоснуться к его душе. Вот только сейчас это было не одна эмоция. И даже не две. Их были десятки.

Каждый из некромантов был силен. А Иеремих собрал здесь пятьдесят три сильнейших некроманта. По-крайней мере из тех, с кем смог связаться.

Как же ему сейчас не хватало Экраона и Ивириона! Сильнейший пиррион и могущественнейший одлеттиан. Два некроманта, что могли решить исход предстоящей битвы. Где они пропадали?!

Но даже при всем при этом нагрузка на его душу и организм была чудовищной. И именно поэтому он сейчас чувствовал себя так, словно уже давно должен был умереть. И он наверняка погибнет, стоит ему разорвать эту связь. Но сперва он хотел сделать кое-что важное. Кое-что достойное звания лидера. Сделать хоть что-то правильное.

Мертвецы выходили из леса. Сперва это были небольшие разрозненные группки костлявых шаркающих существ, с трудом обходящие деревья. Первыми шли более молодые и оттого менее подверженные разложению мертвецы. В руках многих было сжато оружие.

Прошло чуть больше двух часов, и вот из Леса Теней вышло уже около трех тысяч мертвых, которые устремились к дворцу Харонтара.

Иеремих наблюдал за этим шествием с неким внутренним трепетом. Еще бы, на его глазах создавалась самая огромная армия мертвецов за всю историю существования некромантов.

— Ты получил что хотел, Иеремих. Разорви связь.

— Нет. Слишком рано.

— Что?!

Турион резко развернул к себе измученного одлеттиана.

— Ты должен разорвать эту проклятую связь! Я не намерен оставаться здесь до тех пор, пока ты не захочешь погеройствовать. И уже тем более не хочу пялиться на тех ублюдков, что придут сюда нас прикончить!

— Тогда ты поздно спохватился.

Иеремих шагнул вперед, пошатнулся и без сил рухнул на пол. Ни один из некромантов не бросился к нему на помощь. Они его ненавидели, и испытываемая им боль лишь была тем, что они желали своему «лидеру».

— Вы ненавидите меня. Я не виню вас, вы имеете полное на это право. Однако поблагодарите меня хотя бы за то, что я собрал вас всех вместе. Впервые за все время существования некромантов мы действовали сообща! Пусть и под принуждением, но вы согласились работать друг с другом.

Иеремих поднялся на ноги, с его лица градом лился пот, а во рту обильно скапливалась кровь.

— Я умираю, Харонтар. Когда мое сердце остановится — связь будет разрушена. Не волнуйтесь. Вы не пострадаете от этого. Но я хочу, чтобы вы подумали над произошедшим. Сейчас перед вами стоит самая великая армия, которую мы с вами только способны поднять. Больше не будет. Меньше — легко. Но больше не будет никогда! Сейчас я хочу лишь, чтобы вы наконец перестали быть проклятыми единоличниками. Ведите эту войну поодиночке, если хотите, но тогда вы просто обречены на истребление. Мы обречены на истребление! И все из-за того что вы не смогли принять помощь от своих же товарищей! Хотите, чтобы все наши труды пропали? Пожалуйста! Это ваш выбор. Но я же умру с осознанием того что сделал все от меня зависящее, чтобы обеспечить выживание нашего рода.

И Иеремих сдался. Некромант позволил мертвецам подойти к самым стенам дворца Харонтара и лишь тогда разорвал связь. Сначала он испытал истинное облегчение, когда смертельный груз, придавливавший его к земле, ушел прочь.

А затем упал за смертью. Душа некроманта Иеремиха просто перестала существовать. Ни один одлеттиан не смог бы отыскать даже частичку, что могла бы от нее остаться. Душа Иеремиха умерла, равно как и его тело.

Но он уже выполнил свой долг. Он объединил некромантов, оставив им лишь один выбор. Сражаться.

Однако его собратья еще не знали об этом.

* * *

Мертвецы скопились под стенами дворца, ожидая дальнейших приказов от своих повелителей. Они глядели на множество окон, за которыми виднелся тусклый свет, обдуваемые всеми ветрами. Ни один из них не шелохнулся. Ни один из них не смел послушаться простой команды — ждать.

Некроманты воззирали на распластавшееся у их ног тело Иеремиха, не решаясь заговорить. Их собрат умер. Погиб еще один исследователь смерти. Как бы они не возненавидели Иеремиха за его поступок, он все еще оставался их собратом. И его смерть просто не могла оказаться незамеченной.

Турион устало протер глаза и направился к выходу.

— Я уйду. Мертвецов, Харонтар, я жду к завтрашнему дню. Я надеюсь, ты вернешь мне их в целостности и сохранности?

— Уходишь?

— Да, Цидариас. Мне нечего тут делать. Иеремих может и сошел с ума, приведя сюда нас всех и угрозами заставив следовать его планам, но он мертв. А я вовсе не мечтаю участвовать в той игре, что он успел организовать перед смертью.

Рука Туриона толкнула дверь, но та осталась неподвижной. Еще один толчок, но вновь никакого эффекта.

— Харонтар! Открой эту проклятую дверь!

— Дверь не заперта, — Харонтар недоуменно оглянулся. — Я не приказывал слугам ее трогать.

— Тогда почему я не могу выйти?!

— Ты не уйдешь отсюда, пока мы не обсудим все произошедшее сегодня.

Некроманты удивленно обернулись на властный голос, звучащий, казалось, из самой Преисподней. Цидариас склонился над Иеремихом, аккуратно прикрывая тому веки.

— Цидариас! Нечего тут обсуждать. Иеремих спятил! Он обезумел и решил втянуть нас в свои замыслы. Проявить себя раньше у него не получалось, зато сейчас он отыгрался на нас на полную. Что еще тебе нужно?

Турион схватил Цидариаса за темный плащ.

— Выпусти меня отсюда. А иначе...

— Иначе что?!

Мощная волна силы отбросила Туриона прочь. Цидариас давил до тех пор, пока его собрат не ударился о стену, а затем начал поднимать его. Спина Туриона заскользила по стене, когда его потащило наверх.

Не смей угрожать тому, кто сильнее тебя во всех отношениях!

Цидариас даже не раскрывал рта. Слова сами проносились в сознании всех присутствующих.

— Цидариас.

Иеремих умер. Ты понимаешь это, червь? Он умер! Его больше нет! Еще один некромант погиб, а враги все еще идут сюда в надежде нас уничтожить! Иеремих проклял нас, но вместе с тем дал шанс на спасение. Ты понимаешь это? Он. Дал. Нам. Шанс!

— Цидариас!

Некромант прекратил волоочь Туриона по стене и позволил ему соскользнуть вниз.

— Иеремих умер, но привел к нам армию. Армию мертвецов, которой у нас никогда не было. И которую мы никогда не подумали бы собрать. И вместо того чтобы вот так просто отвергать этот дар, мы должны им воспользоваться. Как бы нам ни было это противно.

Некроманты воззрились на Цидариаса, не решаясь проронить ни слова. Они были поражены случившимся: Цидариас всегда был спокойным человеком. Да, у него случались вспышки гнева, но он никогда бы себе не позволил так неуважительно общаться с собратом. И уж тем более не попытался бы размазать его по стене, словно назойливую муху.

Раздался дробный стук, открылось одно из окон. Внутрь влетел крупный костяной голубь, объятый фиолетовым светом.

Так значит, он все же умер?

— Дедор?

Да. Это я.

— Что с твоим голосом? Тебя слишком плохо слышно, даже для такого способа связи.

Сложно. Далеко. Много посторонних эмоций. Много препятствий.

— Что ты здесь делаешь, Дедор? Почему ты не явился на зов Иеремиха как все остальные?

Он не просил меня прийти.

— С трудом верится. Ты же был его единственным другом. Да и ваши дворцы расположены довольно близко, — Турион подошел ближе. — Как ты не мог знать об этой встрече? Плюс, ты сейчас находишься здесь. А я не верю в совпадения.

Я не говорил, что не знал об этой встрече. Просто Иеремих не просил меня прийти на нее. Даже не так. Он настоял, чтобы меня здесь не было.

— Что?!

— Ты знал о том, что задумал Иеремих, и даже не потрудился нас предупредить?

Он попросил меня.

— Да плевать на то, что он попросил! Ты был обязан предупредить нас! Отговорить его от этого.

Не обязан. Более того, я поддерживаю его. Если бы вы не объединились сейчас, то у нас не было бы ни шанса. Если уж кого и обвинять, так это вас. Вы так погрязли в своих исследованиях и тайнах, что совсем забыли как работать вместе. Иеремих понимал все это и объяснил мне свою идею. Он создал то, что по-настоящему заставило вас сотрудничать. Угрозу. И он отлично справился со своей ролью.

— Отлично справился? Он нас шантажировал! — взревел Турион.

Шантажировал? Вот же негодяй! Посмел шантажировать нашего великого Туриона, властителя смерти.

— Ты...

Турион, помолчи. Твоя гордость задета? Ну так смирись с этим. Тебя оскорбили? Никто не принесет тебе никаких извинений. А если в моих словах тебя что-то задело или обидело, значит, у тебя совсем не осталось мозгов.

— Довольно. Я не намерен больше выслушивать этот вздор! — Турион вновь рванул к двери, в гнев забыв, что ее до сих пор удерживал Цидариас.

Если хочешь уйти, то лучше поторопись.

— Это угроза?

Нет. Лишь простая констатация факта. Через два часа здесь будет армия захватчиков. И они идут сюда вовсе не для разговоров.

Харонтар резко выпрямился:

— Они идут сюда? Сейчас?!

Да. И они уже близко. Видишь, Харонтар? Ты был бы следующим. Но сейчас у тебя появился шанс. У нас всех появился шанс! Вы можете дать бой тем, кто убивал ваших братьев. Тем, кто огнем прошелся по нашим землям. У вас больше не будет возможности сделать подобное. Сейчас под стенами этого дворца стоит три тысячи мертвецов! И это благодаря тому, что вы все объединились! Пусть под угрозами, пусть обманом, но вы создали эту армию, нравится вам это или нет. Смиритесь с мыслью, что вам никуда от этого не убежать и примите бой!

— Тебе-то легко рассуждать, Дедор! Ты не с нами. Не ты будешь стоять перед ними. Не ты будешь бросать вызов намного превосходящим силам. Ты сидишь в своем дворце и лишь надеешься на то, что мы решим эту проблему за тебя и остальных!

Я тоже не сижу на месте. В данный момент я общаюсь с остальными. Мы пытаемся решить, что будем делать в случае вашей неудачи. Мои помощники уже создают новых мертвецов, часть вашей армии, кстати, послана мною.

— Сколько? Сколько их идет сюда?

Чуть больше трех тысяч, Цидариас. И еще несколько отрядов на быстрых конях. Разведчики, я полагаю. Они только вошли в Лес Теней, поэтому я могу ошибаться относительно времени прибытия. Но вы еще можете успеть подготовиться.

— А если я все равно захочу уйти? — не унимался Турион.

— Никто не будет пытаться тебя остановить, Турион, — проговорил Цидариас. — Однако я сильно сомневаюсь, что тебе удастся ускользнуть отсюда незамеченным. Но если желаешь — можешь рискнуть.

С этими словами штейгер махнул рукой, заставляя деревянные створки бесшумно раскрыться.

Взгляд каждой пары глаз был устремлен на Туриона, в нерешительности застывшего у двери. Дедор быстро оценил сложившуюся ситуацию: сейчас все зависело именно от Туриона. Осознавал он это или нет, но именно он сейчас мог разрушить весь план Иеремиха.

Если Турион шагнет за порог, то, скорее всего, все будет кончено. Остальные некроманты, увидев в этом свой шанс, последуют за собратом. Но если он останется, тогда у них появится надежда. И вовсе не потому, что Турион был силен. Нет. Все дело как раз в его трусости. Если уж он сможет не сбежать перед лицом вражеской армии, то и остальные это выдержат.

— Хорошо, — Турион с сомнением взглянул на дверь, но, с сожалением покачав головой, направился обратно. — Я остаюсь.

* * *

Две шеренги мертвецов стояли на стенах, безмолвно наблюдая за территорией. Пять сотен восставших стояли, уперев оружие в пол. Еще две сотни мертвецов стояли на лестницах, что вели из двора наверх. Оставшиеся столпились во дворе, ожидая приказа.

Цидариас и Харонтар стояли на стене меж мертвецов, мрачно оглядывая лес. Лес, что

казался таким тихим, но на самом деле таил в себе огромную опасность.

— Как думаешь, — Харонтар облокотился на стену, — сколько их будет? Дедор сказал, что не меньше трех тысяч, но как сильно он мог ошибиться? На тысячу? Две? А скольких из них мы сможем сразить до того, как они подойдут к стенам?

— Материализаторы создали множество ловушек. Они остановят самых торопливых. Ну а пиррионы и штейгеры будут сдерживать их так долго, сколько смогут.

— Два пирриона — гигантская сила. Безудержная мощь и безграничный потенциал. Идеальные некроманты.

— Идеальные? Возможно. Вот только они еще слабы. Из всех троих пиррионов у нас нет того единственного, что и правда обладал огромной мощью!

— Ивирион не придет, Экраон не придет. Но у нас есть ты, Цидариас. Один из трех сильнейших некромантов — это уже что-то. Два пирриона, ты и еще пять штейгеров — большего нам и не надо.

— Большого у нас и нет.

Цидариас еще некоторое время наблюдал за горизонтом, а затем резко разогнулся:

— Вот и они.

* * *

Вражеская армия, словно белая приливная волна, хлынула из темной чащи леса. Десятки разрозненных отрядов всадников, ровный строй из многих сотен копейщиков. Лучники вышагивали за плотным строем мечников, а позади них следовало множество знаменосцев. На флангах выступила бронированная конница.

Войска людей надвигались медленно, но угрожающе. Солдаты осознавали ту мощь, что являли собой. Они не допускали и мысли о том, что враг может оказаться сильнее.

Отряды разведчиков устремились вперед. Их целью был поиск ловушек, что могли выставить их враги. Некроманты уже не раз демонстрировали эту отвратительную черту, упорно не желая сойтись с людьми в честном бою.

Но ничего не случилось. Ни один из всадников или их скакунов не пострадал. Не замедлился, не умер, не получил серьезной раны.

Это было странно, но люди, воспрянув духом, продолжили движение к дворцу.

* * *

— Вот и все.

Цидариас пошел вдоль стены, на ходу стягивая с себя плащ. Обнажилась бледная кожа рук, на которой почти не осталось ни одного свободного от татуировок места. Кожаная безрукавка была плотно запахнута, скрывая торс штейгера, но всем было прекрасно известно, что татуировки были и там.

— Еще немного, и они будут в ущелье.

— Знаю. Пусть проходят. Ловушки задержат их ненадолго. Дадут нам время.

Цидариас запрыгнул на прямоугольные зубцы дворцовой стены и, широко расставив ноги, расправил руки. Он словно зазывал врагов. Он жаждал встречи с ними.

— Идите сюда! Давайте! Служители Смерти ждут вас, а вы жаждете встречи с нами. Идите сюда и познайте смерть так, как познаем ее мы!

Тучи над дворцом начали сгущаться, закрапал мелкий противный дождь. С каждой секундой он все усиливался, и вот с неба обрушился уже настоящий ливень, способный породить наводнения. Такого земли некромантов не видели давно. Дождь был редким явлением, происходящим скорее по случайности, нежели по прихоти природы.

Татуировки на руках Цидариаса запылали потусторонним оранжевым светом. Капли испарялись, стоило им прикоснуться к горячей коже мужчины.

— Смерть ждет вас, так примите же ее объятья. Хватит прятаться, братья. Сегодня мы с вами будем бороться за жизнь! Сегодня мы покажем врагам, как бессмысленно угрожать нам смертью. Сегодня мы с вами шагаем на путь бессмертия! И пройдем его до самого конца!

Мертвецы на стенах вскинули костлявые конечности.

«Словно солдаты, приветствующие своего полководца», — произнес внутренний голос Харонтара. — «Вот что значит быть высшим некромантом. Вот что значит не бояться смерти. Вот что значит стремление бороться за идею до самого конца».

Цидариас запрокинул голову, подставляя свое лицо освежающим каплям дождя, а затем резко спрыгнул вниз. Во двор, где его уже дожидались остальные некроманты.

— Готовьтесь, братья, ибо сегодня мы познаем, что такое смерть!

* * *

— Отправляйся в бездну! — возопил противный голос.

— Только после тебя, — прорычал Цидариас.

Кулак некроманта обрушился на голову очередного врага, повалив его наземь. Цидариас вскинул глаза на лестницу, на которой все еще продолжал бушевать бой. Десяток солдат тщетно пытался удержать поток мертвецов, изливающийся на них прямо со двора.

Пиррионы выступили вперед и обрушили на людей целую лавину волну огненных стрел, сразившую сразу всех врагов. Их обожженные тела еще долго соскальзывали по ступеням.

— Они у ворот!

Цидариас развернулся и побежал на крик. Его путь лежал через несколько мелких дуэлей, что все еще продолжались во дворе: люди в доспехах совершенно не собирались сдаваться, даже если оказывались в полном окружении превосходящего врага. Некромант подбежал к разбитому проему ворот, перепрыгивая через изломанные доски, что некогда были двумя могучими створками.

— У нас закончились свитки! — обратился к Цидариасу один из трех глоссерианов, что прикрывали ворота. — Нам необходимо отступить!

Штейгер кивнул:

— Возвращайтесь во дворец. У Харонтара еще должны быть запасы для вас.

— Мы скоро вернемся. Держись! — вскричали некроманты и, перепрыгивая через лужи, бросились к входу во дворец.

Цидариас взгляделся в людей, что прорвались через ущелье и шли по дороге, ведущей к воротам. Первыми шагали копейщики, за ними мечники и лучники. Всего чуть больше сотни воинов. Будет сложно, но он привык справляться с трудностями.

— Давайте. Подходите ближе. Я покажу вам истинный лик некромантии. Вашим

товарищам, — Цидариас оглянулся на десятки мертвых тел, лежащих за его спиной, — это не сильно понравилось.

Татуировки на руках некроманта засияли, испуская мощную волну жара, заставившую воду вокруг вскипеть. Тяжелые капли дождя обращались в пар в нескольких метрах над землей, и вскоре некроманта окружило небольшое облачко.

— Начнем, — прошептал Цидариас.

Вскинув руки, некромант плотно зажмурился, когда с ладоней сорвались две ослепительно-белые полосы и вонзились в ряды шагающих солдат. Послышались крики и стоны — десяток мужчин рухнул в грязь, но их товарищи даже не замедлились. Цидариас стиснул зубы и резко рубанул руками сверху вниз — еще пять воинов рухнули замертво, когда неведомая сила ворвалась в их тела и заморозила кровь.

Цидариас застонал от усилий. С начала боя прошло уже несколько часов, и его тело с трудом выдерживало ту мощь, что сочилась сквозь него. Татуировки горели нестерпимым жаром. Цидариасу даже казалось, будто они прожигают его кожу.

— Еще не все. Мне нужно больше.

Сорвав с себя кожаную безрукавку, он вышел за ворота. Явившиеся взору солдат татуировки ничем не отличались от предыдущих. Вот только для Цидариаса это означало совершенно другой уровень силы.

Сияние с рук перешло на торс. Мощные мышцы груди запылали, затем огонь перешел и на спину. Цидариас прикусил язык, отчего рот наполнился кровью, и сделал резкий взмах рукой. И в ту же секунду десять вражеских лучников выпустили стрелы в спины своих товарищей.

Первые мечники, принявшие на себя удар, даже не успели осознать происходящего. Три воина упали в грязь, а из их спин торчали по несколько стрел. Оставшиеся мечники ошеломленно обернулись. Еще один залп — два человека падают на землю, но следующие за ними добиваются до лучников и начинают сеять в их рядах смерть.

Цидариас ухмыльнулся: он без труда смог заставить лучников увидеть перед собой тех некромантов, что они так боялись, отчего их сознание не выдержало и приняло это как данность. Пять мечников мертвы, умрут все лучники. Количество нападавших стремительно сокращалось, что не могло не радовать. Но врагов все еще было слишком много.

За спиной Цидариаса раздались шаги; вернулись глоссерианы. Некроманты на ходу скидывали свитки и обрушивали на врагов одну волну тьмы за другой, пока наконец не заставили наступающих солдат остановиться.

— Не стоило тратить на них свитки. Я бы и сам смог их остановить.

— Но не остановил же, — огрызнулся один из глоссерианов, скидывая очередной свиток и призывая двух мертвецов с мечами.

Цидариас бросил полный неприязни взгляд на наглого глоссериана и преградил дорогу своим собратьям.

— Оставьте их мне, займитесь теми, что лезут на стены!

— Не тебе нам приказывать, Цидариас...

Глаза штейгера запылали красным:

— Я и не приказываю. Я *требую!* Пошли на стены!

С этими словами Цидариас бросился вперед, оставив глоссерианов одних. Он знал, что они последуют его приказу. Они *обязаны*. Им может это не нравиться, но они подчинятся. Все до единого.

Цидариас сделал еще один шаг и окунулся в приветливую тьму, созданную глоссерианами. И стал с ней един.

* * *

— Что это за мерзость?

— Я ничего не вижу. Я ничего не вижу!

— Где они? Куда идти?!

— Молчать!

— О Низший! Они ослепили меня!

— Как мы будем атаковать их, если нам ничего не видно?!

— Я сказал, молчать! Все заткнулись!

Сержант Сазер вынул из ножен меч и поудобнее перехватил щит.

— Сомкнуть строй! Продолжаем двигаться вперед! Когда-нибудь эта тьма рассеется.

Что с лучниками?

— Все убиты, сержант!

— Проклятье! Копейщики! Продолжать движение! Мечники идут за ними. Доходим до ворот и убиваем все живое и неживое.

Солдаты продолжили двигаться вперед. Слева и справа от Сазера шагали мечники. Даже в такой непроглядной тьме он чувствовал их присутствие. Запах пота, тепло разгоряченных от быстрого бега мышц, тяжелое, слегка прерывистое дыхание. Сазеру не нравилась эта тьма, но он контролировал свой страх. Как-никак он был сержантом и должен был вести своих людей вперед.

Двадцать шагов по грязи и в абсолютной тьме. Он никогда не думал, что это будет так тяжело. Нога Сазера скользнула, и он упал на колени. Следующий за ним мечник ударился о своего командира и, ругнувшись, рухнул в грязь.

— Внимательнее мать вашу!

И тогда-то он и услышал крики. Крики боли.

— Что это такое?!

— Уйди от меня! Прочь!

Сазер поднялся:

— Что такое? Что случилось?!

— Я ничего не вижу в этом...

— Да уже всем понятно, что здесь ничего не видно, идиот! Кто кричал? Что происходит?

Сазер бросился вперед, расталкивая солдат на своем пути. Он едва держался на ногах, ведь предательская грязь так и норовила вновь принять его в свои объятия.

Внезапно он увидел его. Свет. Алый свет. Как это было возможно? До сих пор солдаты не могли ничего разглядеть, а теперь появилось это.

Сазер пошатнулся, когда вспышка ударила по его глазам.

— А-а-а!

На лицо сержанта брызнуло что-то горячее. Не вода. Что-то имеющее металлический привкус, что-то горячее и липкое... Кровь?! Сазер отшатнулся и споткнулся обо что-то развалившееся у его ног. Тело? Кто-то умер? Но как? Как?!

— Что происходит?!

Тьму пронзил новый крик боли. Сазер обернулся на звук, но увидел лишь новую вспышку. Сержант безуспешно пытался разглядеть хоть что-то, что позволило бы ему сориентироваться и найти врага. Его меч так и не сделал ни одного взмаха или выпада.

И внезапно тьма рассеялась.

Сазер остановился, проморгался и закричал. Он с головы до ног был покрыт кровью, а вокруг него лежали десятки тел. Мертвых тел. Его солдаты не просто были убиты, они оказались растерзаны, словно среди них только что пронесся дикий зверь, в своей необузданной ярости уничтоживший людей.

Сазер отшатнулся и побежал. И лишь тогда его взгляд упал на фигуру полуобнаженного человека, что стоял посреди этой бойни. Его тело покрывали сотни татуировок, белые волосы слиплись от крови и пота, а руки его держали за горло двоих подчиненных Сазера.

А затем он просто бросил их на землю. Сазер пригнулся, крепче ухватился за щит и рванул к некроманту. Он не пробежал и трех метров, когда что-то ухватило его за ногу. Сазер оглянулся. Ему в глаза смотрел один из солдат, его лицо было залито кровью, в груди зияла огромная рана, ноги оказались переломаны, но он все еще был жив.

— Помоги, — прошептал он. — Сержант, помоги. Пож...

Сазер ударил его мечом, оборвав страдания умирающего мужчины. Он развернулся, чтобы атаковать некроманта, но не успел: тот был уже прямо перед сержантом.

Рука некроманта перехватила взметнувшийся меч. Он ухватился за клинок голой рукой! Прямо за лезвие! Вспыхнули татуировки, и Сазер рухнул на колени от боли. Ему казалось, будто ему в живот вбили раскаленный прут.

— Больно, да? Очень не это надеюсь.

Последовал еще один удар, и нога сломалась в колене.

— Ублюдок! — Сазер сделал неловкий выпад, но меч вновь оказался отбит в сторону.

Некромант наклонился и положил ладонь на голову Сазера.

— Давай, сопротивляйся.

Разум Сазера словно начал гореть. Воспоминания, страхи и сомнения: все это вылилось на поверхность сознания мужчины и поглотило его. Сержант ужаснулся тому, что видел, но ничего не мог с этим поделать. Он знал все свои недостатки, но теперь, когда все это в одно мгновение на него обрушилось, не выдержал.

Сазер ударил кулаком, но это было ничтожной попыткой. Ему не удалось нанести некроманту хоть какого-то урона, а вот он ему в ответ сломал руку.

— Ты бесполезен. Никогда не думал, что встречу настолько никчемного человечешку.

— Может быть, я и никчемный, но моя смерть послужила двум богам. Архиерей уничтожит вас. Вы все сегодня умрете!

— Оглянись, идиот. Ваша армия уничтожена, ваши люди бегут, командиры убиты, а твои товарищи сейчас присоединяются к нашим воинам. Что вы можете нам противопоставить?

И вот тогда-то Сазер и рассмеялся.

— Ты и правда думал, что перед тобой сейчас была вся наша армия? — слова вырывались у Сазера между влажными смешками. — Жалкие три тысячи двести солдат? Seriously?

Некромант схватил солдата за горло и вздернул вверх. Сазер рассмеялся:

— Они идут сюда, ублюдок. Мы справились со своей задачей: ослабили вашу оборону.

Архиерей выжжет вас как паразитов, коими вы и являетесь! Вы все умрете! Понял меня, ничтожество?! Вы все умрете!

Последнюю фразу Сазер уже даже не прокричал, а буквально провизжал. Поэтому некромант не стал церемониться с противником и убил его. Ему хватило для этого одного лишь взгляда.

* * *

Цидариас переступил через труп. Услышанное повергло его в шок. Еще одна армия захватчиков идет сюда? Да и одна ли?

Хотя этому не стоило удивляться. Нет. Это был полностью его просчет. Что говорил Своррен? Восемь тысяч солдат. А они убили три тысячи? Чуть больше?

Цидариас взмахнул руками и быстро побежал вперед по ущелью. Его татуировки на руках и торсе пылали, а через мгновение загорелись и на ногах. Он пронесся по ущелью с невозможной для человека скоростью. Его ноги отталкивались от камней и валунов, от трупов мертвых солдат и разрушенных оболочек мертвецов.

Взбежав на пригорок, Цидариас резко остановился. В ступни впились небольшие камушки, кровь обильно побежала из заработанных во время стремительного забега порезов, но некромант не обратил на это никакого внимания.

Огни.

Сотни факелов, что приближались к замку из Леса Теней.

— Они уже здесь, — с ужасом прошептал Цидариас.

Прямо на глазах у изумленного некроманта из леса выходили сотни людей, и число их постоянно росло. Вскоре они уже занимали гораздо больше места, чем предыдущая армия, что с таким трудом была побеждена некромантами.

Это была армия, равной которой не видело ни одно королевство. И несла она лишь смерть.

Войны не могут быть приятны, но человечество начинает их снова и снова.

Святой Микей.

Силирос не спал уже много ночей. Волнение не оставляло его ни на секунду. Его слуги шарахались по дворцу, выполняя свои повседневные обязанности, а он все никак не мог успокоиться.

Все ли верно он сделал? Доставил ли его слуга послание? Или же решил сбежать, словно бесхребетное существо, коим он, по сути, и являлся?

Конечно, он доставил. Разве могло быть иначе? Среди слуг некроманты считались едва ли не богами. А для таких умственно отсталых слабаков и вовсе были теми существами, что сотворили мир и теперь им управляли.

Силирос отбросил от себя мысли о провале и поднялся с табурета. Нужно было как можно скорее привести себя в порядок. Как давно он не мылся? А когда в последний раз принимал пищу? Воду он пил не переставая, но и пища была важна. А сон? Он уже и забыл, что значит спать. Ему определенно нужен был отдых.

Но стоило некроманту подойти к своим покоям, как его окликнул визгливый голос:

— Господин!

— Чего надо? — он явно был не в настроении.

— Всадник!

Всадник? Здесь?

— Как выглядит? Похож на некроманта? Или на одного из прибывших в наши леса? На нем есть доспехи?

— Нет. Только рваный плащ. Больше ничего.

Рваный плащ? Мог ли это быть...

— Откройте ему ворота. Я сейчас приду!

Силирос ворвался в комнату, схватил свой плащ и несколько мешочков с костями и, выйдя наружу, приказал скаллам следовать за собой.

Во дворе уже столпились слуги и немногочисленные помощники. Силирос без промедления приказал скаллам расчистить путь для него, что ужасные существа выполнили с большим энтузиазмом. Собранные из черепов монстры без труда разбрасывали людей, пока их хозяин шел прямо за ними.

Добравшись до ворот, некромант остановил скаллов и, оставив их по ту сторону стены, вышел за ворота. К замку и правда приближался всадник. На нем был тот самый плащ, который он надел в дорогу: рваный, весь в дырах и заплатках.

Вот только он был совершенно один.

Силирос был уверен, что с его слугой отправлялись товарищи. Вот только, сколько же их было? Четверо? Пятеро? Он не помнил. Ему было абсолютно все равно, сколько их покинет дворец, важен был лишь результат.

Всадник странно качнулся в седле. В одну сторону, затем в другую. Лошадь под его весом неловко наклонялась, пока наконец и всадник, и его скакун не выровнялись.

И вот тогда-то Силирос и заметил. Его слуга не держался руками за поводья. Их у него просто не было!

— О нет.

Скакун под его слугой замедлился и остановился возле ошарашенного некроманта. И Силирос увидел, что сотворили с его посланником. Руки слуги были отрублены в районе плеч, а рваные раны прижгли, чтобы мужчина не истек кровью. Глаза отсутствовали, на их месте зияли два обожженных черных провала. В седле мужчину удерживали с десятков жестких кожаных ремней.

— Быстро все сюда! Снимите его! Перережьте эти проклятые ремни. Быстрее, я вам сказал!

Ошеломленные слуги бросились к мертвому всаднику и довольно быстро сняли его. Скакуна отвели во дворец, а слугу уложили на землю. Сейчас Силирос смог лучше разглядеть все те следы пыток, что перенес его посланец. Лицо все в ожогах, зубы вырваны, язык, по-видимому, тоже. Колени были сломаны, а лодыжки изрезаны едва ли не до кости.

На исполосованной порезами и рваными ранами груди был прибит большой листок пергамента. Силирос протянул руку и аккуратно сорвал бумагу с груди мертвеца.

— «Никаких сделок с порождениями зла. Так завещали нам боги. Два бога. Две силы. Вы — мерзкие порождения чумы, что снедает наши земли. Вы — болезнь в здоровом организме людей. Вы должны быть уничтожены, и боги благословили нас на это. Смиритесь и примите смерть как освобождение. Смиритесь и умрите».

Силирос опустил бумагу. Он чувствовал себя опустошенным. Словно из него только что испарились все эмоции, что поддерживали в нем оптимизм до этого момента. Словно он лишился надежды.

— Господин! Там есть еще кто-то!

Слуга отчаянно махал руками, указывая на горизонт, скрытый легким туманом. Силирос растолкал людей. Быть может, это остальные? Может хоть кто-то из его слуг все-таки выжил? И действительно, вдалеке виднелись размытые фигуры всадников. Слишком многих всадников...

— Нет. Этого не может быть. Как они прошли через болота? Как?!

И вот тогда он и понял, что только что своими действиями погубил себя. Себя и всех остальных некромантов.

— Все назад! Во дворец. Живо!

Силирос уже взбегал по ступеням дворца, когда все же решился оглянуться. Ворота почти закрылись, но он успел рассмотреть творившееся по ту сторону стен. Многотысячная армия людей, устремляющаяся к его дворцу.

И в их приходе виноват лишь он.

Земли, доставшиеся Силиросу, были с одной стороны полностью окружены болотами, а позади начинались уже территории его собратьев. У него были абсолютно непригодные для жизни владения, однако на них не мог прийти ни один непрошенный гость. Если только он не знал той единственной дороги, что вела через болота. Земли Силироса отделяли почти треть его собратьев от всего остального мира и, чтобы пройти к ним, нападавшим пришлось бы приложить немало усилий и понести огромные потери. А эти люди просто-напросто проследили за тем, куда вернется конь слуги!

И теперь у них был безопасный проход к остальным. Силирос сам подписал смертный приговор себе и другим некромантам.

— Все назад! Уходите!

Некроманты и слуги отступили от бушующего штейгера и бросились прочь. Цидариас взревел и бросился на наступающих солдат. Татуировки пылали, глаза сияли, а на теле кровоточили множественные раны. Сейчас он даже близко не был похож на того мудрого и сдержанного некроманта, которым всегда слыл. Война все меняет, а добротой не победить жестокость.

Кулаки Цидариаса без труда сокрушали приближающихся солдат. Он с легкостью оставлял в тяжелых щитах впечатляющие вмятины и разрывал кольчугу. Некромант разбросал плотный строй солдат, но их товарищи в ту же секунду бросились в атаку.

Цидариас получили еще три резаные раны на предплечьях, но смог сразить еще двоих солдат. Но бой был неравным. Слишком неравным.

— Пора закругляться.

Растопырив пальцы, некромант с силой ударил по стене и обрушил ее на подступающих врагов. Дверной проем завалило почти мгновенно, погребя под обломками пятерых солдат, которым не повезло оказаться впереди. Это ненадолго задержит захватчиков, вот только как быстро они разгребут завал? Это был не единственный путь, что вел на следующий этаж, и Цидариас сомневался, что у остальных хватило бы сил на то, чтобы сдержать нападавших во всех местах сразу.

Некромант ворвался наверх как раз в тот момент, когда его собратья вновь начинали бежать. Некроманты все же не смогли сдержать врагов, и теперь они захватывали этаж, активно прорубаясь через небольшой отряд мертвецов.

Цидариас оказался как раз за спиной и одного из нападавших, поэтому у него появился шанс изменить ход боя. Хотя бы на несколько минут.

Сорвав шлем в солдата, Цидариас схватил его за голову. Юнец истошно закричал, от испуга уронив меч на пол. Цидариас ворвался в разум солдата, а затем резко опустошил его, оставив одну единственную мысль.

Убить своих товарищей.

Солдат с воплем подхватил упавшее оружие и набросился на бывших друзей, неистово орудуя клинком. Он успел сразить двоих, прежде чем в него вонзился клинок. Вот только если люди надеялись, что это его убьет, то они жестоко ошибались. Цидариас не только изменил сознание этого человека, он еще и вытянул из него большую часть души, оставив от нее лишь рваный лоскут, который служил лишь для убийства врагов некромантов. Иначе говоря: он сделал свою жертву настолько примитивной и обладающей настолько недостижимым болевым порогом, что солдат будет продолжать сражаться, даже если ему отрубят голову.

Цидариас кивнул сам себе и бросился к оставшимся некромантам:

— Живее, идиоты! Что встали? Быстро наверх, пока они отвлеклись! Пиррионы!

Два некроманта обернулись на голос взбешенного Цидариаса.

— Сожгите все на этаже, если понадобится, но задержите их!

— Но дворец...

— Плевать на дворец — он уже потерян! Сейчас главное уйти отсюда.

Цидариас бросился к лестнице, а за его спиной уже вовсю бушевало синее и фиолетовое пламя. Оставшиеся некроманты устремились вслед за штейгером.

— Торведд! Остановись!

Цидариас резко развернулся. Оба пирриона уже спешили наверх, а за их спинами языки пламени захватывали все большую территорию, а в его ловушке гибли солдаты. Но не это привлекло внимание Цидариаса.

Мужчина в сине-белом доспехе с развевающимся за спиной синим плащом и металлическим посохом в руках без колебаний ступил в огненный ад и прошел к бушевавшему солдату. К тому моменту в марионетке Цидариаса уже застряли два длинных меча, одна стрела прочно засела в бицепсе, а количество ран превосходило все видимые пределы. Воин с посохом без труда прошел сквозь огонь и остановился в нескольких шагах от воина.

— Торведд, хватит. Остановись. Пожалуйста.

Воин сделал один неуверенный шаг по направлению к новой угрозе.

— Торведд! Прошу тебя, не нужно этого делать. Что бы ни овладело тобой, ты можешь с этим бороться. Можешь этому противостоять. Никто не владеет твоей душой, твоим телом! Ты единственный его хозяин.

— Аррр... хии... ерреййй.

Цидариас в шоке наблюдал за происходящим. Этого не могло быть! Просто не могло! Он же уничтожил большую часть души этого человека. Разорвал ее, оставил ничтожную часть, а все остальное отбросил прочь! Он не мог даже шевелить глазами, не то что разговаривать!

— Я слышу тебя, сын мой.

— Арррр... больнооо... как больнооо... Эта боль... Она... она...

Марионетка сделала еще один мучительный шаг.

— Архиерей... остановите это... Пожалуйста... Сиптуаг... Пожалуйста!

Сиптуаг печально склонил голову, прикрывая рукой глаза.

— Да будет так.

Архиерей резко перехватил посох, размахнулся и обрушил его на голову несчастного солдата.

Цидариас бросил последний взгляд на труп марионетки и взбежал по лестнице. Он не видел того, как архиерей проследил за ним и, не дожидаясь остальных солдат, шагнул в огонь.

* * *

Некроманты отступали больше часа. Зал за залом. Коридор за коридором. Комната за комнатой. Десятки оживленных мертвецов усеивали пол, среди них во множестве лежали убитые захватчики. Потери нападавших были огромны. По-настоящему огромны. Сейчас по оценке Цидариаса им пришлось столкнуться больше чем с пятью тысячами солдат, и будь он проклят, если хотя бы половина их не полегла во дворце.

Из всех некромантов выжили лишь десять: Цидариас, оба пирриона, Харонтар, Турион, три штейгера и два материализатора. Тут же стояли и два чудом уцелевших помощника,

взявшие под контроль оставшиеся пять десятков мертвецов. Ни один из слуг не выжил. Нападавшие не брали пленных и не щадили ни женщин, ни детей. Даже если они добровольно им сдавались.

Цидариас в отчаянии бросался на приближавшихся врагов, раз за разом оттесняя их назад и выигрывая время для своих товарищей. Ни одна такая атака не проходила для него даром, поэтому количество ран на его теле заметно увеличилось. Еще немного и даже ему придется сдаться. Он не может сопротивляться вечно.

— Уже скоро.

Цидариас поднял голову.

— Что?

Харонтар опустил на пол и устало оперся на руки:

— Нам недолго осталось. Сколько некромантов выжило? Десять. Скольких противников мы убили? Треть их армии, может немного больше. А сколько этажей у нас в запасе? Ни одного! Нам некуда отступать. Мы — трупы, Цидариас. Нужно признать это.

— Нет. Мы все еще живы, а это что-то да значит.

— И скольких ты еще собираешься убить? Десяток? Три? Сотню?

— Пятьдесят двух. Но намереваюсь добраться до семидесяти одного.

— Ты серьезно?

— Абсолютно.

Харонтар некоторое время смотрел на Цидариаса, а затем рассмеялся:

— Ты и правда удивителен, Цидариас. Если честно, я не думаю, что все вместе взятые некроманты убили сегодня столько же, сколько ты.

— И я должен этим гордиться? Мы — творцы. Не разрушители. Да, мы обладаем силой позволяющей уничтожать врагов, но это вовсе не означает, что нам нужно это делать. Мы — исследователи смерти. И мы создаем бессмертие. Вот только закончим ли мы свою работу, если нас всех убьют?

Раздался глухой удар — покачнулась дверь, но дерево выдержало натиск.

— А что будет, если мы победим? Выживем, но что дальше? Сколько братьев мы потеряли? А записей? Подопытных? Ты представляешь, сколько всего было уничтожено за эти дни?

Еще один удар — по двери пошла длинная трещина, но она выстояла. Мертвецы подошли поближе.

— А если мы умрем? Будет ли хоть кто-то продолжать наше дело? Будет ли хоть кто-то жалеть о нашей смерти? Нет. Мы совершенно одиноки.

Третий удар — створка почти развалилась, дверной косяк уже едва держался.

Цидариас распрямился.

— Мы — исследователи смерти. Но что это значит? Что мы ее боготворим? Или боимся? А может, мы стремимся сами стать воплощениями смерти? Чтобы добыть знания мы идем на крайние меры. И знаешь что? Убийство — тоже один из способов познать смерть. Вот только это ни на шаг не приблизило нас к бессмертию.

Четвертый удар — дверь сломалась. И в помещение хлынули враги.

Основной удар на себя приняли мертвецы. Пятьдесят оживленных шагнули вперед, едва внутрь комнаты ворвались первые солдаты. Их костяные руки били в щиты, пальцы цеплялись за металлические края. Мертвецы сразу по нескольку висли на врагах, стремясь утянуть их на пол. Свалить, а затем добить. Вот и все на что они были годны.

Да вот только это не сработало.

Удар щитами разбросал мертвецов в стороны. В ход пошли молоты и булавы, без труда ломающие хрупкие кости. Мечники следовали за своими товарищами, подошвами сапог превращая обломки костей в пыль.

— Убирайтесь из моего дворца!

Харонтар вскинул два свитка, и нападавших разбросало в стороны, когда мощный взрыв пламени вспыхнул прямо в центре построения. Мертвецы вновь бросились в атаку, которая оказалась успешнее предыдущей. Десяток бойцов был погребен под грудой мертвецов, прежде чем солдаты вернули инициативу.

Но к тому времени в бой вступили пиррионы и штейгеры.

Огонь изливался с раскрытых ладоней, вспыхивали татуировки. Три штейгера набросились на солдат подобно опаснейшим хищникам и разметали их строй за считанные секунды. Щиты прогибались, мечи ломались, кольчуга разрывалась. Штейгеры дрались, не сдерживая сил. Больше им ничего не оставалось.

Сразив двадцать третьего врага, штейгеры остановились, выбирая себе нового противника. И умерли. Все трое.

Архиерей ступил в помещение, объятый магическим пламенем, поэтому штейгеры не стали его атаковать. Естественно, ведь всякий, кто оказывался жертвой пиррионов — труп. Но огонь не причинил вреда последователю двух богов, а его посох без труда сразил трех штейгеров разом.

Перешагнув через убитых, Сиптуаг бросил взгляд на оставшихся некромантов.

— Во имя Высшего!

Рванув вперед, архиерей в считанные мгновения пересек комнату. Для человека в тяжелых доспехах и с таким массивным оружием в руках он двигался слишком быстро. Мертвецы протягивали к нему свои костлявые руки, но лишь падали на пол. Им не удалось задержать его. Ни на секунду.

Сиптуаг с яростью набросился на пиррионов, обильно поливавших его пламенем. Металлический посох сверкающей дугой обрушился на голову первого из них. Некромант повалился на пол, а его собрат отступил назад. Пирриону удалось вновь призвать пламя, которое, приняв форму лисы, прыгнуло на архиерея.

И вновь Сиптуаг даже не поморщился, приняв на себя этот удар. Посох ударил пирриона в живот, отчего некромант согнулся и упал на пол.

— С дороги!

Цидариас растолкал некромантов и бросился на выручку своему товарищу. Татуировки на руках засияли, раны раскрылись, из них вновь полилась кровь. Отбив в сторону посох, Цидариас сгреб за плащ упавшего пирриона и с ревом отбросил за спину.

— Унесите его отсюда!

Цидариас немного отступил и выжидающе поглядел на архиерея. Сиптуаг, ничуть не смутившись, взмахнул посохом.

— А я тебя запомнил. Это ты заставил Торведда пойти против товарищей, да? Ты овладел его телом, принудил убивать своих друзей. Но ты не смог побороть его дух. Его душа

оказалась сильнее твоей магии!

— Его душа? — Цидариас ощерился и, подняв руку, заставил камни вокруг себя воспарить над полом. — Я разорвал ее на части!

Цидариас так распалился, что едва не пропустил выпад посохом. Сиптуаг даже не стал дослушивать некроманта — ему было противно даже само общение с таким мерзким существом.

Камни взметнулись наверх, устремляясь в голову архиерея. Сиптуаг слегка покачнулся, взмахнул посохом и с презрительной легкостью отмел их в сторону. Оружие запорхало в руках архиерея, устремившегося к Цидариасу.

Штейгер с яростью бросился к противнику. Враги обрушивали друг на друга десятки ударов, стремясь как можно скорее убить или покалечить друг друга. Цидариас крушил своими кулаками камень, прогибал металл и всячески изощрялся, чтобы нанести своему противнику один точный удар.

Но полагаясь на грубую силу, он не забывал применять магию. Каменные обломки, брошенное оружие, уцелевшие кости — все это стало его оружием, устремляясь к архиерею со всех возможных направлений. Параллельно с этим Цидариас без устали бил по душе и разуму Сиптуага, но его старания все равно не увенчались успехом. Никогда раньше штейгер не встречал такой мощной защиты. Он словно пытался пробить лбом гору.

Сиптуаг бросился вперед. Кулак архиерея обрушился на лицо некроманта. Падая, Цидариас ухватился за синий плащ священника, и оба противника повалились на пол. Штейгер вывернулся, ударил Сиптуага коленом и вырвал посох из его рук.

Торжествующий возглас некроманта прервал крик боли. Штейгер обернулся и увидел гибель Харонтара. Израненный глоссериан стоял на коленях, в руках его все еще были сжаты свитки, а вокруг стояло множество врагов. Солдаты бросались на него, но не могли подобраться достаточно близко, чтобы нанести решающий удар. Но вот вперед бросился очередной смельчак. Некромант замешкался всего на секунду, и его горло пронзило копье.

— Нет!

Цидариас попытался подняться, когда Сиптуаг вбил в его спину кинжал. Холодный металл пробил лопатку и прочно застрял в ней. Боль была ужасающей, и штейгер рухнул на пол. Его взгляд метнулся в сторону. Вот Турион, которого заживо выпотрошил какой-то юнец, которому некромант годился в прадеды. Вот пиррион, вокруг которого разлилось пламя, а изуродованный ожогами старик раз за разом обрушивает на его голову массивную палицу. Вот штейгер бросается вперед, но его жизнь прерывает опустившийся топор.

Цидариас взвыл, наблюдая, как убивают его братьев. Отчаяние, страх, ненависть, жалость — эти эмоции били по некроманту, ломая его, круша все барьеры здравого смысла, что создавал разум. Его мир рушился прямо на глазах, а он ничего не мог с этим поделать.

Сиптуаг поднялся на ноги и вскинул меч, который подобрал с пола:

— Во имя двух богов!

— Будь прокляты твои боги!

Цидариас ударил. Сила покидала его тело, а сам некромант был вымотан до предела. Татуировки уже не сияли как раньше, а ужасные раны не позволяли больше биться с врагом. Но он пересилил себя. И атаковал так, как никто не мог ожидать.

Кулак некроманта ударил в пол, используя те крупицы силы, что у него оставались. Камень пошел трещинами, раздался ужасающий грохот, а затем начался хаос.

Люди падали вниз, вокруг них летели обломки камней и изломанное оружие. Цидариас

вскричал, когда кинжал в его спине сломался после очередного удара, а затем рухнул на холодный камень. Рядом с едва живым некромантом падали умирающие солдаты, мертвые некроманты, а вокруг них валялись обломки того, что раньше было полом.

Штейгер пошел вперед, когда пол накренился. Стены пошли трещинами, колонны начали крошиться. Цидариас закашлялся от пыли. Его глаза слезились, а сам некромант едва мог видеть во тьме среди разрушений, что сам вызвал. Своей отчаянной атакой он, видимо, повредил несколько стен, и началось дальнейшее разрушение дворца Харонтара.

Штейгер заскользил вниз, но вовремя уцепился за длинную щель в полу, предотвратив свое неминуемое падение в пропасть. Некромант подтянул себя наверх, поднял голову и... ужаснулся. Сиптуаг шел к нему, огибая неустойчивые участки пола и постоянно держась одной рукой за стену. Невозможно. Невозможно!

Штейгер застонал от боли и посмотрел вниз. Если он останется здесь, то архиерей убьет его, а если разожмет пальцы... Смерть от меча, или от удара о водную гладь? И то и другое сулило ему гибель, но если он соберется с силами, то у него появится шанс. Призрачный, ничтожный.

И он выбрал падение. Ободранные до крови пальцы вырвались из щели, и некромант заскользил вниз. Погасшие было татуировки начали сиять, но света от них было до обидного мало.

«Больше мне и не нужно», — подумал Цидариас.

Резко бросившись вперед, штейгер прыгнул вперед. Под ним была пропасть, а дворец за спиной продолжал рушиться. Татуировки вспыхнули в последний раз, распространяясь по воздуху и образуя за спиной у некроманта некое подобие крыльев, не позволивших ему камнем рухнуть вниз.

Сиптуаг подошел к самому краю и с ненавистью смотрел на снижающуюся фигуру некроманта. Первого, кто смог от него сбежать. Архиерей выругался и начал взбираться наверх, пока это крыло дворца не обрушилось окончательно. Он не проиграл, но и не выиграл. Погибли сотни хороших людей, но он не смог убить того единственного врага, который был действительно опасен! Архиерей проклинал себя за медлительность и излишнюю осторожность, но понимал, что им еще предстоит встретиться. И в следующий раз он ему не уступит. Ни за что. Боги не позволят этого.

* * *

Экраон наблюдал за тем, как армия сминает оборону дворца Харонтара. Стены заполнялись солдатами, каменные барельефы и величественные статуи ломались и обрушивались вниз. Воины тоненьким ручейком устремились через ущелье и входили в разрушенный проем ворот.

Деревянные лестницы убирались и складывались в стороне, тела павших аккуратно перемещались. По-крайней мере тех, кто принадлежал победившей армии. Мертвых некромантов либо сжигали, либо сбрасывали в озеро. Что делали со слугами? Быть может, их пощадили, но, скорее всего, все они уже мертвы.

Некромант двинулся вдоль кромки леса, внимательно разглядывая вражескую армию. Три тысячи солдат? Четыре? А сколько же их было изначально?

Экраон поражался, что его собратья смогли хоть как-то противостоять этой мощи. Они

проиграли, но это тоже было результатом. Есть большая разница в том, как ты терпишь поражение. Сдаешься при виде более могучего противника, или все рано, не смотря на обстоятельства, продолжаешь бороться? Они боролись.

Насколько мог судить Экраон, во дворце все еще велись бои, но солдаты не спешили внутрь. Значит, они были уверены в победе своих товарищей. Кто же еще сопротивлялся?

Экраон еще долго стоял среди деревьев, когда услышал сильнейший грохот. Часть дворца начала рушиться, среди обломков мелькнула человеческая фигура. С крыльями? Нет. Это были татуировки? Штейгер?!

Экраон пришпорил своего скакуна и устремился к озеру. Армия уже почти полностью вошла в ущелье, на одинокого всадника никто не будет обращать внимание.

Некромант быстро снижался и вот, находясь уже у самой водной глади, несуществующие крылья потускнели, а мужчина обрушился вниз, с громким плеском нарушив водную гладь.

* * *

Цидариас судорожно вцепился слабеющими пальцами в землю и вытянул себя на берег. Некромант лишился сил, татуировки потускнели и теперь были едва видны, из десятков ран обильно лилась кровь, а уставшие мышцы сводило судорогой.

Выбравшись из озера, Цидариас откашлялся, сплевывая воду вперемешку с кровью, и перевернулся на спину. Над ним возвышалась скала, за которой начиналось ущелье. Даже отсюда некромант видел, как пламя постепенно начинает захватывать верхние этажи дворца.

Вот и все. Конец единственной армии в руках некромантов, что могла уничтожить захватчиков. Сколько его братьев уцелело после этого? Чуть больше двух десятков. Или даже меньше.

Цидариас попробовал пошевелить рукой. Рваная рана на бицепсе нещадно болела, не позволяя согнуть руку. Пока его поддерживала сила татуировок, Цидариас мог не обращать на это внимания, но сейчас боль, усталость и отчаяние брали над ним верх.

— Давай убьем его, пока он не очнулся!

— Нет. Нужно доставить его архиерею.

— А если он придет в себя, а? Нашлет на нас проклятие и будем с тобой харкать кровью. А эта мразь улизнет!

Цидариас с трудом раскрыл глаза и перевернулся на живот. В двадцати шагах от него стояли семеро солдат в кольчугах до колен и с алебардами в руках.

— Он очнулся! Говорил же тебе!

Цидариас с трудом смог сфокусировать взгляд на вражеских фигурах. Он был слаб. У него не было ни шанса сбежать, не то что убить их всех.

— Надо его добить!

— Да поскорее!

Солдат побежал вперед; оружие взлетело наверх и резко опустилось вниз.

— Умри!

Лезвие алебарды разлетелось на десяток осколков. Цидариас с удивлением поднял взгляд и узрел картину, которой даже не мог бы представить. Над ним стоял

полупрозрачный воин в ледяных доспехах. Лица у него не было — лишь голый череп. В руках красовался большой двуручник, который сейчас был уперт в землю.

— Что это?!

Солдаты в удивлении отпрянули назад, кто-то даже побежал прочь, но остальные остались на месте.

— Я узнаю эту силу, — прошептал Цидариас.

Ледяной гигант, будто услышав некроманта, разогнулся и мощным ударом меча сразил солдата, что так и стоял с древком алебарды в руках.

— Что это такое?

— Это? Всего лишь призрак войны, которую вы принесли на эти земли.

Солдаты в ужасе оглянулись. Экраон отбросил в сторону обмякшее тело убитого им солдата. Взмах рукой — трое упали на землю. Серые сущности их тусклых душ были вырваны из оболочек и мгновенно оказались во власти Экраона. Взвыв от страха, двое оставшихся солдат попытались сбежать, но их довольно быстро настиг ледяной клинок.

Экраон присел подле Цидариаса.

— Пора уходить, друг мой. Мы еще будем бороться.

Цидариас слабо кивнул и прикрыл уставшие глаза. Он уже начал проваливаться в сон, но смог расслышать Экраона.

— Клянусь тебе, ты еще увидишь нашу победу после этого поражения.

Что ты будешь делать, если узнаешь правду? Если поймешь, что я лгал тебе? Если поймешь, что ты — ничтожество? Будешь ли ты продолжать жить, или сдашься на милость судьбы? Это твой выбор, и за тебя его делать никто не будет.

Граф Орл своему сыну.

— Думаю, мы на месте.

Ветер отбросил непослушные волосы Ивириона, полы плаща рвануло наверх. Некромант поднял руку, мягко поводя ею по воздуху. Едва заметная рябь сотрясла пространство, с деревьев осыпалась листва.

— Да. Это точно здесь.

Зеленые глаза медленно обвели округу, постоянно упираясь взглядом в мощные древесные стволы.

— Можете спешиться и немного отдохнуть!

Довольный гул голосов еще долго звучал за спиной Ивириона, пока он прокладывал дорогу. Некромант тщательно осматривал местность, взгляд его ярких глаз просматривал каждый миллиметр в поисках подсказок.

— Господин!

Ивирион оглянулся.

— Что такое, Маттиас?

— Ваши... экземпляры.

— Что-то не так?

— Ну. Просто они стоят и все. Это немного нервирует слуг.

Ивирион глянул через плечо Маттиаса. И действительно — мертвецы так и стояли там же, где он их оставил. В их костлявых руках были сжаты большие мешки с вещами некроманта. И все бы ничего, но мертвецы окружили слуг таким плотным кольцом, что им с трудом удавалось протиснуться между ними.

— Да, я совсем о них забыл. Прошу прощения.

Небрежный жест — мертвецы расступились в стороны и побросали свою ношу на землю.

— Теперь все хорошо?

— Да. Благодарим вас, милорд.

Ивирион лишь отмахнулся и присел на покрытый мхом камень. Звездный лес был прекрасен. Хотя сейчас и был полдень, а деревья не сияли как ночью, но он все равно поражал своим величием. Пиррион был готов часами сидеть в этом месте, если бы не обстоятельства, что привели его сюда.

Некромант подхватил с земли брошенные мертвецами мешки и пошел прочь от своих слуг.

— Оставайтесь пока здесь. Нельзя нарушить круг.

— Да, господин.

Ивирион отошел от лагеря на сто шагов и, побросав большую часть мешков на землю,

начал готовиться к ритуалу.

* * *

«И в тот день я познал истинную боль. Не физическую, которую я мог с легкостью преодолеть. И даже не эмоциональную. Душа. Душа моя болела. Я не знал такого никогда. Я не думал, что способен испытывать хоть какие-то эмоции. Только не сейчас. Я зашел слишком далеко за ту грань, что отделяла человека от монстра. Нет, я не был монстром. Но и человеком уже не был. Так кто же я? Ангел или демон? Свергнутое божество или глупец, возомнивший себя всесильным? А может быть — сумасшедший? Если смерть — ничто, то почему же я так боюсь ее? Почему?»

Ивирион перевернул очередную страницу и, не выдержав, протер глаза. Над головой некроманта вились семь зеленых огоньков, что давали ему идеальный для чтения книги свет. Это было просто невероятно. Читать подобную книгу... Нет, в мире не было слов, что могли бы описать все те эмоции, что охватили Ивириона.

Пожелтевшие от времени страницы, идеально ровные, слегка угловатые буквы, черные с синевой чернила. Эти книги просуществовали сотни лет и все равно были в отличнейшем состоянии. Они были бесценны. По-настоящему бесценны.

Он многое из них узнал, но этого все равно было недостаточно.

Некромант резко перелистнул сразу треть книги и принялся перечитывать текст, что видел много часов назад.

«Сегодня я впервые попробовал применить свои теории на практике. К несчастью итог оказался провальным. Ни одна из теорий не нашла подтверждения. Ни один подопытный не выжил. Но время еще есть.

Новый день, новые результаты. Я был не прав. Оказывается, что мои исследования вовсе не беспочвенны. Я нашел книги. Книги моих предшественников. Кто-то уже пытался сотворить то, что сейчас пытаюсь испробовать я! Но почему же эти знания скрывались от нас? Я хочу это выяснить.

Что же это значит? Я пытался найти ответы на свои вопросы, но со мной не хотят говорить. В чем причина?

Я пообщался с Исидором. Он мой лучший друг, надежный товарищ. И он — единственный, кто решил искать ответы вместе со мной. Остальные отказались. Я не могу винить их. У меня была навязчивая идея, но это вовсе не значило, что им это сколько-то интересно.

Исидор сдался. Очень жаль. Он действительно хотел помочь мне, но ему не хватило сил. Я не могу винить его. Если хоть частичка того, что мы обнаружили — правда, то наши поиски действительно тяжелы. А если результат будет именно таким, какой мы и ожидали — то и неоправданно опасны».

Ивирион перелистнул сразу через десяток страниц.

«Сложно. Это слишком сложно. Клянусь, мне иногда хочется сдаться. Больше двух лет усилий потрачены практически впустую. Но я не отчаиваюсь. Хотя нет. Это самообман. Отчаяние поглотило меня. Но именно оно и двигает меня вперед. Я просто не могу потерпеть неудачу!

Первый успех! Первый результат! Я знал. Я верил! Даже не могу передать тех эмоций,

что охватили меня в момент триумфа. У меня получилось! Подопытный смог просуществовать более двенадцати секунд. И пусть это лишь хомяк. Пусть. Важен лишь сам факт того, что мои исследования могут принести пользу!

Я постарался увеличить время существования объекта. Я использовал все, но не достиг никаких результатов. Пока что.

Я истратил все свои запасы. Лаборатория опустошена, мои ученики больше не могут брать из хранилищ новые ингредиенты — их пропажа начинает беспокоить остальных. Никто не догадывается о том, что я пытаюсь сотворить. Да и зачем им это? Всем было плевать раньше, а я сомневаюсь, что их мировоззрение успело так резко перемениться.

Шесть недель опытов, а результат все тот же. Ничто не способно удержать хомяка в этом мире дольше, чем на двадцать секунд. Быть может это максимум для умершего тела? Или есть еще какой-то фактор?»

Ивирион заворожено перелистывал страницы, пробегаюсь сияющими глазами по строкам. Читать этот труд было для него настоящим благословением. По-другому он не мог описать это.

«Я понял! Я все понял! Душа. Вот что это может быть! Ранее все мои эксперименты касались лишь оболочки, но я никоим образом не пытался воздействовать на дух существ, которых пытался вернуть к жизни. Пора изменить подход. Пора!

Исидор вернулся. Не знаю, для чего он это сделал, но явно не из любопытства. Я больше не чувствую в нем того пыла, что присутствовал в самом начале. Я уверен, что ему неинтересен результат моих исследований. Тогда зачем он здесь? Думаю, скоро я это выясню.

Исидор помогает мне в исследованиях уже больше недели. Я все еще не слишком понимаю его цели, поэтому не знаю, стоит ли рассказывать ему о моих выводах, касательно связи душа-тело. *Пока* не знаю.

К сожалению даже у Исидора не хватило средств и знаний, чтобы продвинуться далее. Я все еще ничего не говорю ему о своих собственных изысканиях. Но он не давит на меня. Ему прекрасно понятны мои сомнения.

Я все-таки узнал причину, по которой Исидор изменил свое решение. Банальное предчувствие скорой смерти. Болезнь снедала его уже несколько месяцев. Он думал, что справится с ней обычными — традиционными — способами, но видимо что-то пошло не так. Но я не понимаю, почему он все еще не проявляет особого желания со мной работать. Мои исследования способны спасти ему жизнь, и, будь я на его месте, я бы ухватился за такой шанс обеими руками.

Я рассказал Исидору о некоторых секретах, что я узнал. Теперь его исследования, а вместе с этим и вся наша работа, пошли быстрее. Но нам все еще не хватает средств и ресурсов. Нужно что-то придумать, иначе у нас больше не будет возможности продолжать наше дело.

Сегодня я отказался брать себе новых учеников. Событие, немислимое в наших рядах, породило среди наших с Исидором товарищей настоящий хаос. Никогда еще ни один из наших предшественников не делал подобного. Но я смог. Коллегия пребывает в состоянии полной беспомощности. Силой заставить меня они не могут. А претендентов было немало. Не знаю, кому от моего решения будет хуже, но уж точно не мне. Нынешние мои ученики уже задавали слишком много вопросов, на которые я не мог дать ответы. Моя работа не была большим секретом, но посвящать в нее кого попало я тоже не собирался.

Ко мне пришла коллегия. В полном составе. Они заявили в мою лабораторию прямо во время очередного неудачного эксперимента. Я и Исидор пытались произвести материализацию душ нескольких змей, но у нас ничего не вышло. Или почти. Если яркую вспышку, разрушившую половину лаборатории можно считать результатом, то у нас более чем получилось. Коллегия как раз была в дверях, когда это произошло. Если бы не печальный результат, я бы наверное не смог удержаться от смеха при виде их лиц.

Нам с Исидором пригрозили. Причем сделали это довольно глупо. Либо мы принимаем новых учеников, либо мы отдаем тех, что у нас имелись на данный момент. Я дал ответ в ту же секунду, как поступило это предложение. У меня просто не было на них времени. Я полностью посвятил себя работе и не мог оторваться от нее ни на минуту. Исидор все еще размышляет, но, думаю, он тоже им откажет.

Исидор ушел. Забрал все свои наработки, учеников, экземпляры. Ничего не понимаю. Наши исследования — его единственный шанс на спасение. Почему же он решил оставить это просто так?

Эксперименты не дают результатов. Опять. Экземпляры саморазрушаются. Опять. Я в отчаянии. Опять. На меня давит коллегия. Опять.

Я решил оставить свои исследования. Точнее сделать небольшой перерыв. Я довольно давно не выходил на улицу, не виделся с коллегами, учениками. Передохну несколько недель и вернусь в лаборатории».

Ивирион вновь перевернул несколько страниц, которые ему, как некроманту, было сложно читать. Там автор книги описывал свой период отдыха, которым он искренне наслаждался. Ивирион не отдыхал никогда. Его исследования шли одно за другим. Перерывами служили лишь сон да собрания некромантов. Поиск бессмертия стал смыслом его существования.

«Коллегия запретила мне приходить на похороны Исидора. Ничтожные старики! Исидор — мой друг и товарищ! Именно по их вине он сейчас лежал в гробу! Я был так зол, что вышвырнул в окно стол. А ведь он мне нравился.

Я все-таки пришел попрощаться с Исидором. Сказать, что мое появление было встречено холодно, значит не сказать ничего. Его ученики пытались меня буквально вытолкнуть вон из зиккурата, в котором проходило прощание. Пришлось напомнить им об их месте. К несчастью я был довольно груб, и коллегия явно призовет за это к ответу. Но это будет потом. Сейчас я горевал.

Коллегия созывает всех магов в цитадели. Меня ждет наказание. Ослушался их распоряжений и пришел в зиккурат, едва не избил нескольких учеников. Наказание — это минимум. Но я не явлюсь к ним. Пусть делают, что пожелают. Моя работа была важнее. У меня появилось несколько идей.

Прекращение моих экспериментов — вот какое наказание они придумали для меня. Коллегия больше не могла выносить моего решения, во что бы то ни стало изучить законы жизни и смерти и найти в них лазейку. Мои выводы никого не интересовали, равно как и результат.

Я не прекратил исследований. Больше я не состою в Высших Сферах, прекратил всякое общение с Кастой Звезд и ушел из Кюльта Огненных Божеств. Пусть все они катятся в Бездну.

Три недели опытов. Ни один экземпляр так и не смог существовать дольше минуты. За это время возвращенные к жизни зверьки не могли дать мне никаких ответов. Они практически не реагировали на мое присутствие, не тянулись к еде, не пытались удрать.

Раньше я считал, что это было связано с малым сроком жизни — двадцать секунд на осознание того, что ты вновь живешь. Даже человеку было бы мало. Но минуты, как по мне, должно было бы хватить. Да и первичные рефлексы, выработанные годами, должны были брать верх. Но ни мыши, ни хомяки, ни змеи совершенно не реагировали на угрозу. Ни тапок, ни молоток, ни топор, ни, даже, алебарда не могли их напугать. В чем же причина?

Пришел Хидан — Развоплощенец Высших Сфер. Пытался убедить меня отказаться от моих исследований. Сказал, что я стал одержим. А как иначе? Я — одержим. Одержим идеей понять то, что никто не смог. Познать то, что вселяло страх в сердца людей. Я постарался объяснить ему, что не безумен. Просто я был один. Если бы хоть кто-то из них согласился мне помочь, тогда был бы совершенно другой результат!

Хидан прислал ко мне Инфернальную Стражу. Они разнесли всю лабораторию, уничтожили каждый экземпляр, что только смогли найти. Все записи свалены в деревянные ящики и заброшены в пыльные кладовые. Я даже предложил им заковать меня в кандалы. Ну, чтобы совсем уж наверняка. Стража лишь отмахнулась — им было не до того.

Я продолжил работу. Найти мышей и хомяков для опытов очень легко, а вот отнятые у меня записи не вернуть. Хорошо хоть оставили этот фолиант — так я смогу восстановить хоть что-то.

Хидан явился вновь. Высшие Сферы больше не могли мириться с моим бунтом. Так они это называли. С этого момента мне запрещалось покидать свои покои — у дверей выставят стражу, чтобы не допустить этого. Все что я могу делать — это ждать их решения. И что же они будут со мною делать? Вышвырнут отсюда? Да я и сам готов уйти. Бросят в темницу? Так я стану лишь еще одной проблемой.

Ночью я решился. Больше мне здесь нечего делать. Я уйду. Инфернальная Стража безусловно постарается меня остановить. Пусть попробует. Мне уже нечего терять.

Шесть дней в дороге. Шесть дней, наполненных лишь страхом и верой в собственную правоту. Хидан не смог меня остановить, но и не позволил мне уйти безнаказанным. Три дня я зализывал раны в маленькой деревушке, назвавшись путешественным сказителем. Благо я знал больше легенд, чем кто бы то ни было. Люди там живут хорошие.

Двенадцатый день в пути. Я по-прежнему не знаю, что буду делать дальше. Быть может, мне удастся еще найти место, где моя сила будет востребована, но я сильно в этом сомневаюсь. Значит нужно все сделать самому. Хотелось бы конечно иметь под рукой помощников, но и без них я чего-то да стою.

Кажется, что у меня появилась надежда. Сегодня вечером, прямо перед самым привалом я заметил в глубине леса что-то похожее на стены замка. В деревне, через которую я проходил утром, ничего об этом не сказали, так что место может быть покинутым или даже забытым.

Это и правда был замок. Давно покинутый, окутанный сетями паутины и покрытый толстым слоем пыли. Кое-где проглядывали белеющие кости.

Замок мал, убог, половина помещений или разрушена, или завалена всяческим мусором. Чтобы разобрать здесь все понадобятся недели. Но торопиться мне некуда. Время было на моей стороне.

Есть несколько интересных находок. Потайные ходы, тайники с книгами и старинными монетами, а одно помещение явно служило камерой пыток. Довольно неприятно. Придется все это очищать».

Ивирион вновь перевернул с десяток страниц.

«Эксперименты проходят успешно. Поймать с десятков крыс оказалось довольно просто, а вот с животными побольше пришлось повозиться. В этой местности практически никого нет. Два оленя, небольшой лось, три волка — вот и все, что мне удалось добыть. Мне удалось увеличить продолжительность жизни подопытных — теперь они существуют почти две минуты. Ничтожно мало, но это хоть какой-то прогресс.

Была буря. В замке полный бардак, экземпляры оказались затоплены в подвале, в котором я обустроил лабораторию. Еда тоже на исходе. Придется уйти отсюда — если подобное повторится, нет гарантий, что я переживу это.

Семнадцать дней в пути. Я ужасно хочу есть. Одежда вся изорвана, мне едва удается держать эту книгу в порядке. Вдалеке видно небольшое село. Надеюсь, они меня примут. Хотя бы на время.

Эти люди оказались очень добрыми. Дали мне еду, кров, даже новую одежду. Я объяснил им, кто я такой и чем мне приходится заниматься. Вроде бы я им понравился.

После того как я поймал в амбаре мышь, убил ее и начал проводить эксперименты, меня заметила одна из дочек хозяина таверны. Я так и не смог убедить ее отца в том, что не делаю ничего мерзкого. Меня избили. Все село пришло посмотреть на то, как меня унижают. Стоя на коленях в грязи, окруженный десятком мужиков, я только и мог думать о несправедливости этого мира. Множество синяков на лице, сломанная скула, разбитая губа — и это плата за поиски вечной жизни для всех людей?!

Меня вышвырнули. Так легко, словно я был вором, пойманным на краже еды у сирот. Не дали с собой никаких припасов. Хорошо хоть разрешили оставить одежду, которой со мною поделились.

К середине осени я подошел к лесу. Дивному, прекрасному, древнему. Мне больше некуда было идти. Быть может это мой шанс найти новый дом?»

Еще два десятка страниц промелькнули перед взором Ивириона.

«Эксперимент двести тридцатый. Олень просуществовал более десяти минут. Я смог осуществить небольшие манипуляции с его душой и снять поверхностный слой мыслей. К несчастью я ничего не смог почувствовать. Быть может, сила печатей слишком мала? Или я слишком сильно надавил на бедное животное? Необходимо повторить эксперимент после очередной проверки.

Нет. Этого не может быть! Годы исследований, сотни опытов, тысячи записей! И все это напрасно! Я смог пробиться в разум животных, но не обнаружил там ничего! Абсолютно ничего! И тогда я понял. Я не хотел в это верить, ведь тогда все мои эксперименты были напрасны и излишне вычурны. Ни одно из призванных мною существ не было живым! Я не оживил ни одно из них! Они все были лишь отвратными пародиями на тех благородных животных, какими являлись при жизни. Реальной жизни! Как я мог быть столь слеп?!»

При чтении этой записи в груди Ивириона болезненно сжалось сердце. Их Прародитель ненавидел то, что создавал. От этого каждому было бы не по себе. Это было похоже на ненависть родителя к своему чаду, что не оправдало вложенных в него усилий. Слишком больно, для него. Слишком.

«Я в отчаянии. Уже семь дней я не захожу в собственный кабинет и не возвращаюсь в лабораторию. Что меня сковывало? Страх? Гнев? Возможно и то, и другое. Мне нужно было время, чтобы осознать все произошедшее. Мне нужно отдохнуть.

Прошло уже больше месяца, прежде чем я вернулся в лабораторию. Я много думал, и у меня появилась теория. Я проводил эксперименты с телами, опираясь лишь на одну ступень.

Душу. А что если это не все? Я не добился желаемого и в результате моих ошибок на свет появились эти корявые пародии, но ведь и это был успех! Малый, ничтожный, в чем-то даже отвратный. Но успех! Покажите мне хоть одного человека, что смог осуществить подобное. Хотя бы одного! Вот то-то же. Я просто обязан продолжить эксперименты. И добиться успеха. Если не ради себя, то ради Исидора, которому дал обещание.

Оболочки распадаются. Находясь в этом состоянии — которое я назвал не-жизнью — животные не просто существовали, а продолжали процесс разложения. Выглядело отвратительно. Но что еще могло происходить с ними, если они все еще были мертвы? Попытки остановить разложение результатов не дали. Но у меня есть еще несколько теорий.

Уже не в первый раз я отчетливо понимаю — мои эксперименты продвигаются медленнее, чем было необходимо. Существовало несколько вариантов развития событий: я умру раньше, чем удастся добиться результата; я выясню все что необходимо и позволю людям жить вечно; я найду себе последователей и разделю с ними свое знание. И эта мысль до сих пор не оставляет меня.

Добиться своего за оставшийся мне срок или постараться продлить собственную жизнь? Сколько отведено людям? В среднем пятьдесят-шестьдесят лет. Сколько могли прожить маги? Восемьдесят-девяносто. Тикондий жил сто двадцать два года. А сколько проживу я? Сейчас мне пятьдесят восемь. И оставшегося времени мне явно не хватит. Решено — постараюсь увеличить отведенный мне срок. Даже десяток лет будет весомой каплей удачи в моем море отчаяния.

Провел несколько ритуалов собственной разработки. Также применил к себе несколько ранее не опробованных заклинаний и благодатей — также собственной разработки. Как результат — я чувствую себя более собранным, живым и готов продолжить работу. Попутно с экспериментами над животными буду испытывать и свое собственное стареющее тело.

Удивительно, но эксперименты над собой делают меня все более живым. Я словно обретаю вторую молодость. Исследования неживых животных продвигаются успешно, и вскоре я хочу перейти к более взрослым и большим зверям.

На днях нашел трех мертвых волков. Судя по следам разложения — их убили несколько недель назад. А как эксперт по мертвецам — три недели назад. Получится ли вдохнуть искру жизни в них? Не знаю. Я все еще не решался на подобный эксперимент, предпочитая работать с проверенными и недавно умерщвленными собственными руками экземплярами.

Волков удалось ввести в состояние не-жизни. Поразительно, но даже в таком состоянии они были ничем не хуже других моих подопытных. Кости крепко держались друг с другом, мышцы наливались некоей силой, никак не связанной с кровотоком тела. А сможет ли пройти подобное с полностью лишенными всяких тканей животными? С их скелетами?

Невероятно. Просто невероятно! Скелеты тоже могут существовать в этом мире! Неделя проверок, опытов, тестов. Как результат — скелетообразные животные ничем не отличались от тех, какими они были изначально. Это внесло огромные коррективы в мои исследования. Я был обязан изучить этот парадокс!

Прошло уже два месяца с момента последней записи. Я целиком погрузился в работу, поэтому пришлось завести еще одну книгу. В ней теперь будут собраны все мои магические формулы и заклинания, названия существ и идеи для создания новых. За это время я слишком отошел от изначальных моих планов, но ни на секунду не забыл об истинной цели. Достижение бессмертия — реально! Я уверен в этом. Недавно я доказал, что тело может существовать вне зависимости от того, в каком оно состоянии. Теперь все сводилось ко

второй задаче — вдохновению в него жизни. Настоящей. Не-жизнь — парадокс мироздания. Жизнь — его основа. А что есть бессмертие? Оно — способ разрушить эти законы. Сокрушить их и подстроить под себя. Представьте, что каждый сможет измениться, ведь для этого у него будет вечность! Представьте себе всех тех детей, чьи сердца разрывает незримая боль и горечь по утерянным родным. Представьте людей, страдающих неудержимыми и неизлечимыми болезнями. Представьте стариков и изувеченных калек, тщетно пытающихся существовать в мире, что обернулся против них. А теперь дайте им то, чего они так жаждали! Не будет горечи утраты, не будет страха завтрашнего дня, не будет разрушенных надежд! Люди смогут достичь всего, чего только пожелают! Всего!

Как это ни странно, но даже в этих местах живут люди. Вчера ночью к стенам моего небольшого дворца подошли два десятка людей. Десять мужчин, восемь женщин, два ребенка. Их дома обрушились под сильным снегопадом, и они ушли в леса, зная об этом дворце. Правда они надеялись, что тут никого не будет, и им без труда удастся обустроиться здесь».

Ивирион вновь перевернул страницы, подбираясь к интересующей его части книги. К части, которую он перечитывал уже с десятков раз.

«Пиррионы, одлеттианы, штейгеры, глоссерианы, материализаторы. Пять ипостасей смерти. И я — шестая ипостась, что объединила вокруг себя все остальные. Я ни в коем случае не призывал называть себя так, но мои ученики не терпят возражений. Вместе мы трудимся уже семьдесят девять лет. Успехи в нашей работе поражают, но мы так и не достигли нашей цели. Поэтому я решил сменить подход. Я уйду. Сегодня я объявил об этом ученикам. Разумеется, они все хотели пойти со мной. Но кто-то должен был продолжать нашу работу. Последний день. А затем я вернусь туда, откуда пришел. И будь что будет.

Мой верный конь с огромной скоростью несет меня над землей, мои питомцы указывают мне путь, солнце светит в спину, а приятный ветер освежает лицо. Я медленно, но верно продвигаюсь по нашим землям, на которые не претендовало ни одно королевство или правитель: кому нужны болота? Мы заботились о них, здесь появилось множество деревень и сел. А кое-где даже начинали возводить дворцы мои ученики. Разумеется, каждый выбирал себе территорию получше.

Сегодня я ступил в лес, отделявший нас от остального мира. Когда-то я уже входил на его территорию, и тогда он поразил меня тем чудом, что таилось в его глубинах. Сияющие словно миниатюрные солнца почки. Звездный лес. Вот так я его назвал. Две ночи я проведу в нем, а затем двинусь дальше. А оттуда еще два месяца в пути. Но я мог и задержаться в этом месте.

Первая ночь была довольно странной. Я никогда не видел снов. Хотя, это не совсем правильно. Я перестал их видеть, стоило мне приступить к поискам бессмертия. Но вчера... Вчера я их увидел. И они были ужасны. Я никогда раньше не видел ничего подобного. Кошмары, ужасы, мерзости и первобытная ярость. Ненависть и гнев. Я словно окунулся в сосуд, доверху наполненный безумием. Что это было? Я не испытывал подобного, пробираясь по этому лесу в первый раз. Ничего не понимаю. Придется провести эту ночь без сна — не смогу вынести этого еще раз.

Пот градом сбегает по моему лицу, мутной пеленой застилая глаза. Кровь вскипела, а сердце билось так сильно, что я с трудом мог различить его такт. Что-то было не так. Что-то определенно было неправильным в этом месте. Нужно покинуть этот лес. Немедленно!

Я наблюдал за адом. Никогда не думал, что подобное способно существовать на самом

деле. Вода пылала, земля умирала, деревья гнили изнутри. А люди вопили от боли. Десятки мертвых тел устилали землю, их дома разламывались на части могучими руками, настолько толстыми, что легко могли соперничать со стволами многовековых деревьев. Что же это такое? Я бежал из Звездного леса, когда это начало происходить. На самой границе леса открылось что-то внешне напоминающее портал. Кроваво-красный в центре и темно-оранжевый по краям. Я несколько мгновений изучал это невероятное явление, когда из этого портала выступило *нечто*. Серебряная чешуя, сверкающие синевой клыки, корящие огнем глаза, две массивные ноги, сплошь усеянные шрамами, четыре руки, на которых просто-таки не было свободного от перекачивающихся мышц места. За их спинами развевалось некое подобие плащей из стекла и тьмы, а в руках они сжимали дым, который непрерывно менял форму. Они выступили из порталов и устремились из леса. Прямо на небольшое селение. Пятьдесят счастливых жителей. Пятьдесят мертвых жителей. Эти монстры погубили все, до чего только смогли дотянуться. Белое пламя вырывалось из их пастей и уничтожало многочисленные тела, ковром устилавшие землю. Я смотрел на все это и ужасался. Вот что значит бояться? Бояться по-настоящему.

Я наблюдаю за ними уже больше двадцати часов. Я ожидал нападения, любого проявления агрессии. Но ничего подобного не случилось. Они лишь шли. Шли, шли и шли. На пути им попался караван из двадцати повозок — они растерзали всех торговцев и их лошадей. А затем просто двинулись дальше. Я старался держаться в стороне, но они постоянно шли за мною. Они шли по моим следам, словно жаждали крови. Моей крови.

Впереди был город. Большой и густозаселенный. С тысячами жителей! Я был обязан остановить этих существ! Они придут туда завтра. Мне нужно напасть на них ночью. Благо, что я способен не спать несколько дней подряд, поэтому смогу бороться с ними.

Три дня прошло с момента битвы. Три дня с мгновения, когда я перестал быть простым исследователем. И стал убийцей. Это было тяжело, но я справился. Я уничтожил этих монстров до того, как они обрушили свою ярость на беззащитных людей. Но это противостояние не прошло для меня бесследно. Я заработал две серьезные раны, но все еще живу. Довольно странное ощущение. Видеть в своем животе дыру, из которой хлещет кровь, и при этом оставаться в сознании и не чувствовать боли. Валюсь на землю и беспомощно смотрю в небо. Стараюсь не потерять сознание, но сказывается большая кровопотеря. Пищу это из последних сил. Быть может я уже не смогу ничего написать.

Больно. Как же это больно. Я все еще не чувствую левую руку, а правая нога едва сгибается. Дышать получается с трудом — сломаны ребра. Но я все еще жив. Как это ни странно. Я с трудом смог отползти под большое дерево, когда пошел сильный дождь. Я накрыл книгу своим плащом, а сам сейчас лежу на голой земле. Очень больно.

Кем были эти существа? Я до сих пор этого не понимаю. Некими сущностями из мира мертвых? Демонами, призванными безумными магами? Порождениями алхимиков? Я никогда этого не узнаю. Придется изучить этот феномен в будущем, когда я смогу вернуться к своим ученикам. Надеюсь, что это произойдет как можно скорее».

Ивирион закрыл книгу и протер уставшие глаза. Ему придется отправиться в Звездный лес и понять. Понять всю серьезность ситуации с этими Аргетовыми монстрами. И постараться все исправить.

Круг был завершен. Предметы разложены на отведенные им места, свитки расстелены на земле и прибиты к деревьям. Несколько мертвецов Ивириона стояли в дополнительных кругах, которые должны были стабилизировать магию некроманта. Сам же Ивирион окружил себя десятком печатей и защитных свитков.

Слуги до сих пор не могли подойти близко, поэтому довольствовались наблюдением издалека. Хелион прошествовал вдоль круга, тщательно следя за его целостностью. В будущем ритуале нельзя было допустить ни малейшей промашки, иначе может произойти непоправимое.

Подойдя так близко, как только мог Хелион обратился к своему хозяину.

Круг цел и нерушим. Мы в безопасности.

Никогда еще Ивирион не чувствовал связи с волком так явно. Быть может, всему виной была та сила, что буквально пропитала это место?

— Приступаем.

Руки некроманта взметнулись, ладони окутало пламя, глаза засияли. Несколько быстрых движений оставили в воздухе едва заметный след. Ткань реальности пошла рябью, воздух начал густеть, температура повышаться. Надписи на свитках загорелись, чернила потекли, а бумага начала рваться. Два, три, десять. Двенадцать свитков не перенесли ритуала, три предмета из кости, разложенные в кругах, были обращены в прах.

Ивирион поморщился, но не прервался. Это была плата за ритуал. Большая, уничтожающая множество его ценностей, но справедливая. Даже более чем.

Очередной взмах — ладонь пронзила боль. На землю обильно потекла кровь. Откуда она взялась? Кожа на руке была в порядке. Никаких кровоподтеков, синяков. Ничего! Ивирион взмахнул ладонью, еще раз проведя ею по тому же самому месту. Новая боль, новая струя крови. И вновь без единого следа.

Необычно. Быть может, это так изменялась ткань реальности? Быть может, именно это предшествовало появлению портала?! Ивирион сосредоточился, явственно представил себе, как его руки терзают призрачные ножи. Кровь льется на землю, клинки обагрят живительная жидкость, они начинают сверкать. Что же такое было на той стороне? Что же там творилось?

Три минуты прошло с момента, когда на землю упала первая капля крови. Две минуты — с последней. И вот тогда Ивирион смог лицезреть плоды своих стараний.

«Кроваво-красный в центре и темно-оранжевый по краям». Кажется, так было написано в книге? Это именно оно. Ничем иным это и быть не могло.

— Время пришло. Я выясню правду.

Он раздвинул руки так, словно пытался распахнуть шторы на окне. И портал раскрылся. Неудержимая мощь хлынула наружу. Некромант беспомощно вдыхал раскаленный воздух, иссушающий его легкие. Его пламя не шло ни в какое сравнение с тем, что сейчас изливалось из пролома в реальности. Он должен сосредоточиться! Вспомни, что случилось с теми, кто пытался стать пиррионом и лишь на секунду утрачивал контроль! Вспомни о пламени! Вспомни, будь ты проклят!

Жар начал спадать, портал приобрел четкие формы, опустошающее душу чувство пропало. Ивирион вновь стал контролировать себя.

— Таррес! Давай!

К кругу подошел названный Ивирионом мужчина и вскинул руки. Глоссериан распахнул свое сознание, позволяя силе портала течь сквозь свое тело. Длинный свиток на земле

затрепетал, символы на бумаге засияли, стараясь поглотить силу. Но не могли.

— Не получается. Ивирион! Я не могу этого сделать!

— Что?!

— Оно... Оно слишком сильно! Я не смогу его запечатать. Никто из глоссерианов не сможет! У нас просто нет таких сил!

Ивирион скрипнул зубами, сплевывая на землю. Вот и начались проблемы! Он предполагал, что сила, скрытая в портале будет огромна, но такого даже они с Тарресом не могли предугадать.

— Что ты можешь сделать?

— Не знаю! Я никогда не сталкивался с подобным. Никогда!

В голосе Тарреса уже явственно слышалось отчаяние, помноженное на гнев и страх. Ивирион ослабил свое давление на аномалию и постарался очистить сознание.

— Осколок.

— Что?

— Осколок. Тень портала. Возьми его! Ты ведь способен запечатлеть тень магии на свитке? Сделай то же самое и с этим!

Таррес кивнул и вновь сосредоточился.

— Ослабь хватку! Снизь давление на портал, я не могу различить ваши с ним силы!

— Если я это сделаю, тогда он может закрыться!

— Сделай это! Я успею его запечатать! Оттиску не нужен постоянный приток силы! Мне хватит и его остаточного следа в этом месте.

Ивирион оглянулся на Тарреса. Глоссериан вспотел и казался бледнее, чем обычно. Его сила была основана на свитках и печатях — он просто не смог бы пропустить через себя все то, что сейчас контролировал Ивирион. И именно поэтому глоссериан старался покончить с происходящим как можно скорее.

— Хорошо. Готовься.

Ивирион ухватил нити силы, связывающие его с порталом. И перерубил их. Порожденная при этом вспышка едва не ослепила пирриона. Но он все равно успел увидеть. Увидеть когтистую руку, закованную в серебряную чешую и тянущуюся к portalу. Он ее увидел!

— Таррес, скорее!

— Я закончил!

— Что? — Ивирион увидел, как глоссериан без сил падает на землю, уже сворачивая свиток. — Тогда почему портал все еще не закрылся?

Когтистая рука все еще продолжала тянуться к некроманту. Ивирион взмахнул ладонью, посылая в портал россыпь зеленых огоньков, отбросивших ее прочь. Некромант вновь обратился к удерживающей портал силе. Он больше не тратил ни капли своих сил на поддержание его существования, но тогда, во имя Смерти, почему он все еще существовал?!

Что же делать?

— Ивирион, — прохрипел глоссериан. — Остановись. Хватит его удерживать!

— Что? Я тут не причем!

— Ты подпитываешь его, идиот! Он выкачивает из тебя силы. Ты — источник его сил!

И вот тогда-то Ивирион понял, что именно делал с ним портал. Некромант оборвал нити, и это позволило глоссериану запечатлеть тень портала на свитке. Вот только теперь связь создал не он. Семь серебрястых нитей соединили его душу с оранжевым нутром,

постепенно увеличивая количество заимствуемой у него силы. Нет, ее не заимствовали. Ее крали и пожирали.

— Проклятье!

Ивирион отшатнулся и, уничтожив первый из окружавших его кругов, и ступил во второй. Три нити разорвало, но оставшиеся лишь немного истончились.

— Проклятье, проклятье, проклятье!

Два шага назад, три уничтоженных свитка, а вместе с ними еще и шесть разломленных реликвий. Еще три разорванные нити. Но одна — та, что соединяла портал с его сердцем, — упорно оставалась нетронутой.

— Да будь оно проклято!

Ивирион в отчаянии ударил ребром ладони по последней нити. Пламя вспыхнуло на окровавленных пальцах, волна боли прокатилась по телу ивириона.

— Я не подохну здесь!

Призрачное пламя впилося в нить, окутало ее. И разорвало. Ему удалось!

На самой границе сознания Ивириона промелькнуло отчаяние, смешанное с гневом. Кто бы ни пытался вытянуть из Ивириона его силу, сейчас он испытывал огромную боль. По крайней мере он так надеялся.

Портал закрылся, мертвецы в кругу рассыпались, множество свитков разорвало в клочья. Ивирион упал на спину, слуги рванули к своему хозяину.

— Господин!

Ивирион открыл глаза и повернул голову.

— Ты смог? Ты сумел его запечатать?

Таррес хромая подошел к собрату и протянул ему свиток:

— Все получилось. Четкая тень портала, лучше я бы не смог сделать. Никто бы не смог.

Ивирион кивнул, принимая свиток и пробегаясь по нему глазами. И правда, заключенная в нем сила просто ужасала. Даже сотни печатей едва хватало для того, чтобы сдерживать эту мощь.

— Отлично. Благодарю тебя, Таррес.

— Ты мне должен, Ивирион.

— Я знаю, — прошептал Ивирион, бережно прижимая полученный свиток к груди, в которой дико билось сердце. — Я знаю.

Смерть — начало нового пути? Ложь. Нет никакого нового пути. А если я не прав, то докажите мне обратное.

Некромант Крадсен.

Экраон остановил своего скакуна:

— Мы прибыли, — коротко бросил он через плечо.

Цидариас кивнул и неловко соскользнул вниз. Ноги все еще плохо слушались его, но штейгер не просил помощи.

— Спасибо за помощь, Экраон. Я никогда этого не забуду.

Штейгер махнул рукой, при этом едва скривившись от боли в руке, и побрел к своему дворцу.

— Цидариас. Что ты будешь делать дальше?

— Я не знаю.

— Тогда зачем возвращаться сюда?

На плечо штейгера легла тяжелая рука одлеттиана.

— Остановись. Ничего еще не кончено.

Цидариас стряхнул руку собрата и взгляделся в его сияющие глаза.

— Нет, Экраон. Мы — проигравшие. Нам не победить. Не после такого провала. Мы потеряли пятьдесят некромантов. Пятьдесят могущественнейших братьев! Они все мертвы! Я жив, а они мертвы. Все до единого! Понимаешь? Я единственный, кому не хватило духу принять свою судьбу!

Цидариас с силой ударил Экраона в грудь, заставляя того отступить на пару шагов.

— Мои братья мертвы! Они сражались рядом со мной, убивали рядом со мной, и умерли рядом со мной! Враги окружили меня, попутно разрубая их мертвые тела прямо на моих глазах! А я только и мог, что стоять в ступоре и искать спасения!

Еще один удар:

— А потом я сбежал. Я убил тех, кто погубил моих братьев? Я сразил их лидера? Я помог сбежать слугам? Я обрушил на захватчиков дворец? Нет! Я не смог ничего! Только сбежать. А после всего этого, я еще и не смог убить тех солдат на берегу. Если бы не ты, я бы сейчас кормил червей. Я сильнейший — а теперь единственный — штейгер! Последний из своей ипостаси! Что ты можешь об этом знать? Ничего!

После этого Экраон уже не смог сдержаться. Сорвав с лица изорванную ткань, старейший некромант схватил Цидариаса за горло и вздернул в воздух.

— Я ничего не знаю о смерти братьев? В самом деле, Цидариас? Ты рассказываешь мне о том, как тяжело терять товарищей, но при этом ничего в этом не понимаешь! Ты, может быть, не помнишь, как я стал таким? Или о том, чем мне пришлось пожертвовать ради собственного выживания? Ты хотя бы на секунду задумывался о том, какое жалкое существование я влачу?

Холод пальцев некроманта чувствовался даже сквозь когтистую перчатку. Острые кромки кристаллов до максимума натянули кожу.

— Ты даже не представляешь себе, через какие муки моя душа проходит каждый день,

чтобы просто существовать в теле, которое уже давно мертво и которое меня отвергает! Ты потерял пятьдесят человек? А я потерял всех! Всех!

С силой отшвырнув Цидариаса, Экраон разбросал полы бурого плаща и вскинул руки к небу. За его спиной начал клубиться туман, деревья покрывались инеем, в воздухе мелькали души недавно убитых Экраоном солдат.

— Я познал боль. Я познал страх. Я познал отчаяние. Я познал все это раньше, чем ты родился, мальчишка!

Холодная волна силы ударила пытающегося подняться Цидариаса, вбивая его в землю. Он был могущественным некромантом, но его сила заключалась в татуировках и была сильно ограничена рамками жизни. У Экраона подобного не было. Он уже давно ступил за черту, до которой простирались возможности живых. Но цена, уплаченная им за это, оказалась слишком высока.

— Я живой труп, существующий в этом мире лишь по какой-то злой насмешке мироздания. Я тот, кому больше никогда не познать ни благ жизни, ни покоя смерти. Я тот, кого презирают и одновременно уважают все некроманты. Я тот, кто видел Смерть!

В ответ на последнюю фразу Экраона, небеса разразились бурей. Десятки молний били в деревья, уничтожая и без того бедный пейзаж. Ветер растрепал седые волосы Экраона, отбрасывая плащ прочь. Прекрасная мантия была вся изорвана и изрезана. Глаза некроманта сияли уже так сильно, что едва не ослепляли Цидариаса, но тот все-таки не закрывал глаза. Не мог.

— Я никогда не забуду испытанного мною ужаса, Цидариас. Равно как и боли от утраты, горечи от поражения, отвращения от самого себя. Я не забуду этого.

Экраон немного расслабился, позволяя миру восстановить свою власть в этом месте. Туман и призраки пропадали, холод сменился теплом, а гнев некроманта — сочувствием.

— И ты не забудешь этого. Не сможешь. Воспоминания об этом дне будут преследовать тебя, постоянно ввергая в отчаяние и окуная в океан гнева. Однако ты можешь не дать этому чувству поглотить тебя. Обрети над ним власть, повелевай своею судьбой. Лишь тогда ты сможешь стать достаточно сильным, чтобы что-то изменить.

Экраон запустил руку под свою мантию и протянул лежащему Цидариасу небольшой сверток.

— Мы можем сдаться, а можем бороться. Я не прошу тебя идти за мной, потому что я так сказал. Но я могу попросить тебя не отчаиваться и помнить о том, что ты обладаешь силой, которая может изменить все.

Цидариас развернул сверток, уже начиная догадываться о скрытом в нем предмете. Алый фиал едва заметно сиял в бледном свете. Он казался очень малым — небольшой сосуд в форме капли с парой едва заметных рун на гранях — для той силы, что в нем таилась. Он буквально истекал ею!

— Это...

— Моя кровь. Последние крохи. Единственное, что я успел взять до того, как мое сердце окончательно остановилось.

— Я. Я не знаю что сказать.

Цидариас потрясенно вертел в руках фиал, стараясь не повредить столь хрупкую вещь.

— Ничего не надо говорить. Просто возьми его и сделай новую татуировку. А затем мы с тобой ступим на путь, с которого невозможно сойти.

— Выносите все столы. Стулья тоже. Оставьте лишь свитки и реликвии — остальное можете выбрасывать прямо во двор.

— Хорошо, господин.

Мимо Ивириона прошествовала маленькая армия слуг, с невероятной скоростью и проворством начавшая выполнять распоряжения хозяина. Высочайшая башня дворца некроманта служила ему лабораторией для особо опасных экспериментов. Иногда к нежизни возвращались довольно странные, страшные, а подчас и опасные существа. Именно для таких и было создано это место. Пол, стены и даже потолок покрывали сотни символов, кругов, печатей, пентаграмм и рун. Полки со свитками и древними реликвиями, столы с книгами для заметок, простые деревянные стулья. Под самой крышей виднелись два небольших прямоугольных окошка, зарешеченных с внешней стороны. Ивирион очень гордился этим местом — в свое время эту башню посетили более двадцати некромантов и каждый из них внес свою лепту в усиление этого места.

— Позовите меня, когда закончите.

Ивирион спустился по ступеням и вернулся в кабинет. Хелион уже дожидался его, надеясь помочь своему хозяину.

— Не надо, Хелион. Я слишком сосредоточен на этом ритуале, чтобы отдавать тебе указания. Если хочешь, можешь посторожить снаружи и предупредить меня, когда придут слуги.

Волк медленно повернул голову, словно подобная просьба сильно удивила его. Поразмыслив пару мгновений, Хелион скользнул рядом с Ивирионом, попутно лизнув языком пламени бледную руку некроманта, и выбежал наружу. Ивирион закрыл дверь и уселся за стол.

— Нужно подумать. Что я еще мог упустить?

Руки некроманта заперхали над столешницей, перебирая сразу десяток бумаг и свитков. Приготовления к ритуалу были тяжелыми, нудными, но очень важными. Если Ивириону удастся сотворить задуманное, у него появится новая информация для исследований. Возможно, это поможет некромантам в их цели, возможно, позволит противостоять захватчикам. Как бы то ни было, он решил продолжить исследование. Прислуга готовилась к будущей битве, а он сделает все, лишь бы дать некромантам шанс на выживание. Если придется, он проведет всех оставшихся в живых через этот портал, даже если на той стороне их совсем не ждут.

Он поднял свиток к глазам.

— Что же ты прячешь на той стороне? Что ты там запер? Кто тебя создал?

Дверь тихонько приоткрылась. Ивирион скосил глаза, ожидая увидеть Хелиона. Но это был не он.

Маленькая девочка. Маленькая девочка зашла в его кабинет!

Ивирион резко вскочил со стула. Она медленно обвела взглядом его кабинет, затем ее глаза уперлись в некроманта. И улыбнулась. То была счастливая улыбка невинного ребенка, еще не испорченного суровым миром вокруг.

Ивирион думал, что знал обо всех слугах и их детях в собственном дворце, но он совершенно не помнил этой девочки. Черные до плеч волосы, слегка растрепанные от ветра.

Грязноватое платьице, но на ногах были довольно хорошие кожаные сандалии с медными застежками.

— Как ты сюда прошла?

Девочка удивленно вскинула брови.

— Через дверь.

Ивирион едва не улыбнулся. Вот она детская наивность.

— А что с моим волком? Я попросил его постоять снаружи.

— А! Это та большая собачка из косточек?

— Нет. Он волк. Его зовут Хелион.

— А я говорю — собачка.

Уголки рта Ивириона сами собой поползли наверх.

— Хелион!

Дверь приоткрылась, в узкую щелку заглянул объятый пламенем череп. Пару мгновений мертвый хищник озирался по сторонам, а затем его взгляд уперся в девочку. В это мгновение Ивирион был готов поверить, что волк шокирован увиденным.

— Скажи этой юной леди кто ты. Волк или же собака?

Хелион удивленно склонил череп, словно размышляя над этим вопросом. Но при этом он ни на секунду не сводил взгляда с маленькой девочки, застывшей в трех шагах от него.

— Хелион!

Девочка без страха подошла к застывшему волку, положила ему руку на череп и улыбнулась.

— Ты хороший. Ты мне нравишься.

Хелион содрогнулся всем телом, мгновенно отскочил назад, а затем и вовсе побежал по коридору.

— Хелион. Хелион!

Ивирион выбежал в коридор, но волк так и не отозвался на голос своего хозяина.

— Странно. Он никогда так себя не вел.

И это была истинная правда. Хелион был существом, которое не знало страха. Волк просто не мог его испытывать физически! Он выступал против стольких возвращенных к нежизни созданий, что Ивирион уже давно потерял им счет. Никогда еще волк не боялся, не ослушивался его приказа и не удирал, словно за ним гналась вся Преисподняя.

Никогда. Пока не встретил этого ребенка.

Девочка подошла к столу некроманта, с трудом взобралась на стул и теперь перебирала бумаги. Маленькие цепкие пальчики ухватили свиток с тенью портала.

— А что это такое? Оно жжется.

Ивирион бросился через все помещение. Вырвав свиток из рук девочки, он немедленно поднес их к своим глазам.

— У тебя ожоги!

Маленькие ладошки покраснелись, кожа пошла пузырями.

— О нет! Как же так? Как это произошло?

Свиток был холодный. Он просто не мог испускать жар! Или мог? Была ли эта девочка слишком восприимчива к магии? Быть может, этот свиток источал настолько много силы, что она смогла повредить ребенку? Вполне вероятно. Дети были лишены какой-либо защиты от магии.

— Ты в порядке? Прости, я не знал, что такое может с тобой произойти. Я никогда бы

не оставил его на столе, если бы знал о том, насколько он опасен!

— Ничего страшного. Мне совсем не больно.

— Но у тебя ожоги!

— Все хорошо. Они пройдут.

Ивирион внимательно взгляделся в лицо девочки. Такая маленькая, но такая пугающая.

— Я...

— Господин!

В кабинет некроманта ворвались сразу трое слуг.

— Все готово, господин! Мы закончили. Вы можете проводить ритуал. Мастер Таррес уже не может дожидаться. Грозится начать, невзирая на ваше отсутствие.

— Начать ритуал в моем собственном замке, да еще и не дожидаясь моего же согласия.

Он чересчур самонадеян. И это при том, что свиток у меня в кабинете.

Ивирион покачал головой. Таррес был сильным некромантом, но даже близко не стоял с Ивирионом. Однако он был единственным глоссерианом, с которым смог связаться Ивирион.

— Я уже иду, — оглядываясь, пробормотал Ивирион.

И застыл. Куда подевался ребенок? Его бумаги все еще в полном беспорядке были разбросаны на столе, свиток портала лежал там же. Лежал на столе!

Ивирион поднял свою руку. Он был уверен, что держал его всего мгновение назад. Но ладонь была абсолютна пуста.

— Где Хелион?

Волк протиснулся между ног слуг и воззрился на своего хозяина. В его пламени Ивирион почувствовал искреннее любопытство и нетерпение. Но ни единого признака страха! Что здесь происходило?!

— Господин? С вами все хорошо?

Ивирион нервно моргнул, внезапно осознав, что его лицо покрылось испариной.

— Да... Да я в порядке. Идемте. Не будем заставлять ждать нашего гостя.

* * *

Кожа горела огнем. Возникло чувство, будто в его тело впились раскаленные иглы, которые теперь медленно погружались в нежно прожаренную плоть. Жар этот не распространялся, полностью сконцентрировавшись в одной единственной точке. Но оттого не было менее больно.

— Ты в норме?

— Да. Все будет в порядке, — плевков в сторону — во рту обильно скапливалась кровь. — Дай мне немного времени.

— У нас нет его. Нам нужно спешить. Если хочешь, я попробую помочь тебе.

— Не нужно. Я справлюсь. Всегда справлялся.

Цидариас поднялся с пола, безуспешно пытаясь сдержать слезы.

— Каково это? Что чувствуют штейгеры, нанося себе новые татуировки?

— Боль. Боль и силу. Власть и могущество. По-крайней мере так тебе сказали бы другие. Я же чувствую лишь слабость. Сила, равно как и ее осознание, приходит много позже. Но сперва ты чувствуешь себя полным ничтожеством.

— И оно того стоит?

Цидариас оглянулся.

— Конечно, стоит! А твоя сила, Экраон? Стоила ли она всего того, чем тебе пришлось пожертвовать? А пиррионы? Скольких кандидатов охватило пламя смерти, прежде чем хотя бы один научился им управлять? По сравнению с ними, штейгерам еще повезло.

Цидариас вновь сплюнул кровь и поднялся на ноги. Слуга уже оборачивал красным бархатом инструменты, использованные для нанесения татуировки.

— Спасибо тебе, Киль. Можешь оставить их здесь — не думаю, что в будущем мне еще доведется нанести себе хоть одну татуировку.

— Я сомневаюсь в этом, мой господин. Уверен, что вам еще выпадет такая возможность. А я буду обязан помочь вам в этом.

Цидариас лишь усмехнулся, видя, как его доверенный слуга откинул назад непослушные седые пряди, и, взяв чемоданчик с инструментами под мышку, побрел на выход.

— А он хорош — прекрасный результат. Дивный рисунок.

Цидариас рефлекторно схватился за лицо — новая татуировка была сделана прямо над правой бровью. Что-то среднее между пламенем и молнией обвивало его глазницу неполным кругом. Это была первая и единственная татуировка, которую он решил выполнить на лице.

— Жаль, что у тебя оставалось так мало крови.

— Хорошо, что я смог сохранить хоть что-то. Будем надеяться, что она придаст тебе достаточно сил для предстоящей битвы.

Штейгер кивнул и пошел вслед за своим слугой. Экраон, до сего момента державшийся в тени, ступал за ним. Синие глаза некроманта внимательно следили за Цидариасом. Штейгеры избрали довольно странный путь: черпали силу из татуировок, нанесенных на их телах. Вот только вместо чернил они использовали кровь. Кровь живых существ. Чем сильнее было существо, тем сильнее татуировки терзали своего владельца во время их нанесения. И тем большую силу получал штейгер. Для татуировок редко использовалась кровь других некромантов, но Экраон решил, что другого подобного случая у них больше не будет.

Уже стоя посреди двора двое некромантов мрачно наблюдали за приготовлениями и сборами слуг. Мешки с едой забрасывались на лошадей, бурдюки с водой раздавались всадникам, а кувшины плотно складывались в крытых телегах. Одежду было решено оставить, как и любые украшения, книги и многое другое.

Цидариас легко взобрался на своего скакуна и выехал за ворота. Она не любила суеты, но именно она сейчас и творилась в его дворце. Суета и хаос.

— Не любишь шумихи?

Экраон встал подле Цидариаса, за его спиной медленно ступал оживленный конь.

— Не терплю сборы. Не желаю наблюдать за хаосом.

— Аналогично.

— Люди говорят, что война меняет. Открывает самые потаенные эмоции и желания. Посмотри на меня сейчас: я всегда был спокоен, мне нравилось творить и познавать этот мир. А сейчас? Меня охватывает гнев. Всегда ли я был таким? Ведь еще до битвы я едва не размазал Туриона по стене, позволив чувствам овладеть мною. Я еще не участвовал в этой войне, но уже тогда начал изменяться. Война не делает нас такими — она просто позволяет нам стать теми, кем бы мы никогда не были в обычной жизни.

— Я тебя понимаю. До своего «бессмертия» я даже помыслить не мог о том, что буду способен сотворить подобное. Смерть меняет людей. Война делает то же самое. А мир изменяется вслед за нами.

Экраон подошел к ближайшему дереву, положил на него руку, постарался расслабиться. Он уже и забыл, когда в последний раз ему доводилось отдыхать.

— Что это?

Экраон поднял голову, его зрение позволяло без труда видеть сквозь густой липкий туман, сгущавшийся вокруг некромантов. Высокая фигура, шатаясь из стороны в сторону, брела между деревьями, изредка ударяясь о могучие стволы.

— Это человек?

— Нет, — Экраон пошел вперед, расталкивая в стороны множество ветвей. — Скалл.

Результат диких экспериментов Силироса. Существо из черепов с трудом шагало вперед, едва ли не каждый шаг сопровождался неловким качанием из стороны в сторону. У него отсутствовала левая рука, а на груди явно не хватало нескольких крупных черепов.

Скалл остановился в десяти шагах от Экраона. Синий огонь в пустых глазницах бычьего черепа сменялся красным и оранжевым, один из рогов был отломлен, на уцелевшей руке отсутствовал один палец.

— Предательство... Опасность... Хозяин послал предупредить...

Скалл опустился на одно колено, по-прежнему держась за ствол дерева.

— Убиты... Все убиты... Смог прорваться... Люди в белом... Много... Убивали некроманта... Убивали хозяина... Больно... Кричали... Боялись... Бежал...

Экраон обернулся к Цидариасу.

— Я чего-то не понимаю? Как он может говорить?

— Без понятия, — пожал плечами шейгер. — Быть может какие-то остаточные эмоции?

— Возможно, — с сомнением пробормотал Экраон. — Силирос мертв?

Череп медленно опустился и поднялся.

— Убит в спину... Когда отдавал приказ... Не смог сохранить... Не смог защитить...

— Как ты можешь говорить?

Скалл опустил руку на череп в центре груди.

— Последняя воля... Последняя часть души хозяина... Создателя... Позволит общаться... А затем разрушится...

— Удивительно. Я еще не разу не слышал, чтобы возвращенные к не-жизни могли общаться.

— Я тоже, — Цидариас склонил голову. — Быть может, Силирос не был таким уж ничтожеством?

— Все возможно. Но если Силирос и правда пал...

Экраон быстрым движением развернулся, вскочил в седло и ухватился за поводья.

— Нужно идти к Ивириону! Если они смогли добраться и до Силироса, то у нас практически не осталось союзников. Ивириону не продержаться в такой ситуации даже нескольких часов. На него обрушится вся мощь их армии, причем сразу с нескольких сторон.

Экраон закрыл лицо тканью и пришпорил коня. Им нужно было торопиться.

Таррес сцепил зубы, отсекая оглушительный визг разрывающейся реальности. Свиток в его руках уже давно излил свою энергию и создал копию портала из Звездного леса.

— Это сложнее, чем я думал.

— Я понимаю, но мы должны продолжать.

Таррес едва заметно усмехнулся. Он и не ожидал, что Ивирион будет его жалеть или разрешит прерваться. Пирриону были нужны ответы. Причем немедленно.

— Ивирион! Мне нужен источник!

— Я делаю все что могу!

И это была правда. Тарресу критически не хватало сил, и держался он на силе воли. Силе воли и силе Ивириона. Пиррион беспощадно черпал свои огромные запасы, дарованные ему пламенем, и отдавал их глоссериану. Но этого все еще было слишком мало.

Пламя не продержится так долго, чтобы у Тарреса получилось открыть портал!

Ивирион опустил одну из рук и положил ладонь на череп Хелиона.

— Нам нужна твоя помощь, мой друг.

И волк помог им. Зеленое пламя в жаровнях взлетело до потолка, пентаграммы и защитные круги засияли, а тело Тарреса наполнилось новой силой.

— Это... Это ты?!

— Не совсем?

— А...

— Нет времени! Используй проклятую силу и воссоздай мне этот портал!

Таррес кивнул, сосредоточился и закрыл глаза. И вовремя. Порожденная использованием свитка, вспышка едва не ослепила Ивириона. Защитные руны запылали, некоторые из них погасли, а другие расколола трещина. Свитки разрывало на жалкие клочки бумаги, а ритуальные кости едва выдерживали приток неправильной силы портала.

Ивирион отпустил Хелиона и прошел вперед.

— Что ты делаешь?! Он еще нестабилен!

— Я знаю. А ты хотел, чтобы он был стабилен?

Ивирион прошествовал мимо Тарреса и встал в центре семи защитных кругов, окруженных двадцатью шестью огненными рунами.

— Ивирион!

— Замолчи! Ты уже сделал свое дело, а теперь позволь мне делать свое!

Огненные линии устремились к еще не сформировавшемуся portalу, оплели его края и начали раздвигать в стороны. Сейчас это было похоже на попытку растянуть лоскут старой кожи. Сравнение грубое, примитивное и неуместное, но у Ивириона получалось именно это. Он *растягивал* магию.

— Невероятно, — прошептал Таррес.

Никогда еще он не видел силу, способную вот так легко манипулировать мирозданием. Никогда он не думал, что найдется человек, способный на подобное.

Портал дергался из стороны в сторону, менял цвета, пытался загасить собственный огонь. Он пытался задавить себя. Уничтожить, сжать. *Он не хотел раскрываться.* Но Ивирион ломал его. Ломал сопротивление, пресекал малейшие попытки противостояния.

И он победил.

Портал приобрел четкую естественную форму. Его красное сияние залило башню, омывая Ивириона энергией.

— Получилось. У нас получилось!

Широко улыбнувшись, Ивирион обернулся к Тарресу.

— Мы сделали это!

— Сделали что? Что ты хочешь с ним сотворить?

— Пока не знаю, но этот портал — ключ ко всему, что с нами произошло. Если мы выясним причину, сможем устранить следствие. А может, сможем его использовать. Сможем спастись!

Дальнейшие слова некроманта поглотил дикий рев. Так мог рычать зверь, насильно разбуженный во время долгой спячки. Портал пошел рябью, его огненное красное нутро взорвалось тысячами цветов, на пол посыпались сотни искр.

— Что это?

Ивирион не стал отвечать на вопрос. Он не знал, что конкретно могло произойти, когда им удастся раскрыть портал, но был готов ко многому. Именно поэтому он выбрал эту башню. Что бы ни вышло из портала, ему ни за что не покинуть ее.

— Что это, Ивирион?! Что ты хотел призвать?

— А вот это мы сейчас и увидим.

Портал расширился, увеличился в размерах. А затем исторг из себя серебряный ужас.

* * *

Архиерей Сиптуаг положил руку на голову коленопреклоненного воина:

— Пусть Высший укажет тебе путь. Встань, архидиакон Ловенс.

Мужчина поднялся с колен. Он был полностью обнажен, на спине виднелся десяток свежих порезов, образовавших крылья. Темная кровь капала на ткань, подложенную под новоиспеченного архидиакона.

— Прими свое новое оружие, архидиакон. Низший благословил его, пусть оно несет смерть твоим врагам и не предаст тебя с решающим моментом. Два бога, две силы, одна религия, один путь.

— Во имя двух богов, архиерей.

Двое слуг шагнули вперед, держа на вытянутых руках длинный двуручный меч. Приняв это прекрасное оружие, Ловенс официально переходил на новую ступень духовенства. Раньше он относился к серебряному, но теперь стал золотым. Золотое духовенство. Эти слова ласкали его язык, словно изысканное блюдо.

Слуги принесли доспехи, кольчугу, поддоспешник, ножны и синий плащ. Сиптуаг молча наблюдал за Ловенсом, мысленно пробираясь по тем событиям, что случились за последние дни. Некроманты бежали от них. Они бросали свои дворцы, слуг и мертвецов, стремясь спасти собственные шкуры. За прошедшие дни отряды разведчиков нашли еще два брошенных дворца. Конница барона Штенна опустошала деревни, а Виконт Вранн со своим братом захватили последний дворец в землях, ранее считавшихся недосягаемыми. Герцог Иден разорил земли на западе, с легкостью сломив сопротивление разрозненных отрядов людей и мертвецов.

Война шла хорошо. Они захватывали огромные территории, но в попытках убить некромантов или отследить их передвижения пропало множество разведчиков, а несколько собратьев Сиптуага уже пали. Архиерею было больно видеть, как один святой воин сменяется другим, но таков был их путь. Придет время и он тоже умрет, а его место займет

новый архиерей. Быть может через год, быть может через пять. Но он намеревался увидеть смерть последнего некроманта. Чего бы то ни стоило.

Архиерей покинул палатку и уселся прямо на холодную землю. Вокруг него пылали десятки костров, сновало множество солдат и оруженосцев. Люди готовились к новой битве, которая скоро должна произойти. Они уже близко подступили к очередному дворцу, но Сиптуаг хотел задержаться. Уже утром к ним прибудет барон Штенн, и вместе с ним Сиптуаг намеревался сокрушить следующий оплот ереси. Конечно, и сейчас у него хватало людей для этой задачи, но он не хотел напрасно терять солдат. Только не сейчас, когда у них итак были огромные потери.

Сиптуаг достал бурдюк и отпил немного воды. Было жарко. Порыв ветра сорвал с ближайших деревьев листву, громыхнул гром. Сиптуаг удивленно поднял голову, когда на него внезапно обрушился удар такой силы, что бросил его на землю. Кровь начала гореть, сердце забилося так сильно, что было готово выпрыгнуть из груди.

— Архиерей!

Сиптуаг поднял кровоточащие глаза. Его окружали обеспокоенные солдаты.

Сжав кулика и вбив их в холодную землю, Сиптуаг начал подниматься. Скрипели зубы, бежала кровь, голова словно разрывалась, мышцы едва выдерживали напряжение, а сухожилия растягивались, но он продолжал бороться. Он архиерей! Он был источником вдохновения этих людей! Он — лидер золотого духовенства! Он — первосвященник!

Рывком разогнувшись, архиерей вскричал и ухватился за приятно холодящий металл посоха.

Давление исчезло, позволив Сиптуагу вздохнуть полной грудью.

— Архиерей!

— Все в порядке, — на руки священника легло множество ладоней. — Я в порядке!

Разбросав испуганных солдат в стороны, архиерей тяжелым взглядом окинул лагерь.

— Еще кто-то пострадал?

— Нет, господин. Только вы.

— Архиерей!

К нему бежал архидиакон Ловенс, уже полностью облаченный в новые доспехи.

— Там! За лесом. Смотрите!

Молнии. Сотни черных молний били с неба, а над ними в это время клубился темно-серый дым.

— Что за колдовство?

Сиптуаг в гнев смотрел, как исчезают молнии. Если это была магия, значит, он испытал на себе последствия ее применения? Неужели их только что всех пытались уничтожить, а аура архиерея приняла на себя всю мощь этой атаки?

— Собирайтесь.

— Господин?

— Мы немедля уничтожим этого ублюдка. Нельзя дать ему сотворить заклинание.

* * *

Экраон мощным ударом свалил всадника на землю, где до него мгновенно добрались полупрозрачные призрачные воины. Цидариас в это время расправлялся сразу с двумя

противниками, мощными порывами силы сорвав с них части доспехов, а затем выбив и оружие.

— Цидариас! У нас нет на это времени!

Некромант кивнул, татуировка над глазом вспыхнула, некромант шагнул вперед, растопыривая пальцы. А затем резко их сжал. Мужчин исполосовала сразу сотня глубоких порезов, хлынула кровь, враги повалились. Падали они еще живыми, а вставали уже мертвыми.

Мертвецы рванули вперед, вцепились окровавленными пальцами в последнего своего товарища, стащили его с коня. Цидариас отвернулся, игнорируя крики раздираемого человека.

Рана на бицепсе вновь открылась, прочертив на татуированной коже алые дорожки.

— Это последний?

Цидариас огляделся.

— Да. Все мертвы.

— Хорошо. Продолжаем наш путь. Что с твоим скакуном?

Цидариас недовольно скривил губы. Как только некроманты наткнулись на этот отряд разведчиков, его конь получил удар копьём. Сейчас животное уже не дышало, но кровь все еще продолжала покидать его тело.

— Мертв, — с сожалением покачал головой Цидариас, поднимая руку. — Но это не проблема.

Вспышка, по телу мертвого животного прошла судорога. Затем еще одна. И еще. Конь медленно поднимался на ноги, которые вновь наливались силой.

Ужасный грохот заставил некроманта замереть. С неба били черные молнии, разрывая саму ткань реальности и уничтожая все живое, чему хватило неудачи коснуться их.

— Во имя Смерти! Что это такое?

Экраон поднял руку, словно пытался что-то нащупать. И это что-то его ужаснуло.

— Это... Я никогда не чувствовал ничего подобного. Тьма и свет, злоба и ярость, ненависть и надежда, отчаяние, боль и удовольствие. Как могут смешаться такие эмоции?

— Сила. Ты ее чувствуешь? Она словно...

— Словно разрывает наш мир. Словно пытается пробиться сквозь дверь, которая была заперта вечность, но теперь стала открыта. И это происходит во дворце Ивириона!

— О нет, — Цидариас вскочил в седло и проследил за рукой Экраона. — Что же ты натворил, брат?

* * *

Ивирион стоял в защитном круге, окруженный замершими в ужасе слугами. За его спиной суетился Таррес, а вне круга стоял Хелион. Волка мелко трясло, пламя вокруг его костей то распалось, то ослабевало. Но никому не было до этого дела. Ведь всеми овладел такой страх, что ни один из них не мог заставить себя пошевелиться.

Серебряный ужас ступил в чертоги некроманта, призвавшего его. Тварь возвышалась над Ивирионом. Она была добрых четырех метров ростом. И продолжала увеличиваться! Синие клыки клацнули в нескольких сантиметрах от лица Ивириона. Четыре пылающих глаза уставились на человека, казавшегося лишь жалкой букашкой на фоне этого монстра.

Серебряная чешуя постоянно двигалась, словно перетекая по всему телу. Четыре когтистых, бугрящихся мышцами руки устремились к потолку, словно пробуя его на прочность.

— Аргетовый монстр.

Монстр обернулся на шепот, но его взгляд не задержался на Ивирионе.

— Ивирион?

— Чего тебе?

— *Что это?!*

Ивирион обернулся, глаза его буквально сияли от восхищения.

— Он — причина, по которой сюда пришли захватчики. Он — Аргетовый монстр. И судя по записям, — Ивирион указал на книгу Прародителя, — они уже многие годы атакуют людей по ту сторону Звездного леса.

— И что дальше? Зачем ты его призвал?!

— Я...

А ведь и правда. Зачем он призвал это существо? Оно даст ответы? Сомнительно — до сих пор оно не проявляло к некромантам даже малейшего интереса. Но оно уже многие годы атаквало людей. Его видел Прародитель! Оно было той ниточкой, что связывала эту эпоху с давно минувшей.

— Оно даст нам ответы, — уверенно произнес Ивирион. Голос его был наполнен силой, не терпящей никаких возражений. — Оно расскажет нам все! А после — если у меня получится — я использую его для борьбы с захватчиками.

— И что же ты хочешь у него узнать?

И правда, что?

Разум Ивириона взорвался тысячами образов. Образов, которые ни он, ни какой-либо другой человек никогда не смог бы представить.

Ты искал этого? Или чего-то другого?

Новая волна боли пронеслась по агонизирующему разуму некроманта, заставляя его кричать.

Доволен?

— Ублюдох!

Зеленое пламя ударило в клыкастую пасть, заставив монстра отшатнуться. Огонь быстро распространился по гигантскому телу, опутывая множество конечностей зелеными полосами.

— Знай свое место! Я тебя призвал. И я же тебя выброшу обратно в Бездну, если ты еще хоть раз сделаешь нечто подобное!

Монстр пошатнулся, согнулся, а затем взревел с такой силой, что стены башни пошли трещинами.

Это было... необычно. Не больно, но необычно.

Ивирион убрал пламя и прикрыл глаза. Ему необходимо было оставаться спокойным. Полное спокойствие — его единственный шанс хоть что-то узнать от этого существа.

Ты интересный. Пламя. Что-то напоминает, что-то очень знакомое.

Аргетовый монстр наклонился ближе, его морда оказалась в считанных сантиметрах от лица Ивириона. Пиррион замер, боясь даже пошевелиться. Боясь... Он боялся? Некромант испытывал страх? Невозможно. Невозможно!

Жрец смерти, верно? Ищущий бессмертия и отчаянно боящийся встретиться со своей собственной госпожой? Твоя сила, твоя магия. От нее прямо-таки смердит. Ее зловония не

выносят даже боги.

Ивирион пошатнулся, словно его со всей силы ударили в грудь. Аргетовый монстр не стеснялся показывать свое превосходство в силе, постоянно пытаясь прорвать ментальную защиту некроманта.

— Что ты такое?

Монстр наклонил голову. Ивирион был готов поклясться, что это существо сейчас испытывает что-то сродни веселью. Некромант еще раз бросил взгляд на защитный круг, который давал ему хоть какое-то подобие уверенности в контроле над ситуацией.

Ты создал это подобие портала, но даже не знаешь кто я?

Монстр разогнулся, дым опутал его торс, скрыв от глаз некромантов серебряное тело.

Удивительные вы создания, люди. Всегда лезете туда, где вас не хотят видеть. Изучаете, смотрите, наблюдаете. Вмешиваетесь в естественный порядок вещей, старательно делая вид, будто это ваш долг. Ваша судьба. А на деле вы лишь часть мира, который называете своим, но при этом даже не можете его контролировать.

— Что ты такое?

И зачем мне говорить.

Пламя вновь ударило в могучую грудь, огненные хлысты опутали руки; Аргетовый монстр довольно зарычал, испытывая веселье при виде злящегося некроманта, который ничем не мог ему навредить.

Сколько бы ты ни пытался, как бы часто ни бил — это бесполезно. Я испытываю боль постоянно. Каждая секунда, каждый миг моего существования наполнен ею. Жар пламени не может навредить тому, кто был рожден в нем. Магия не ослабляет того, кто создан ею.

Ивирион сжал кулаки. Он думал, что сможет выбить ответы из подобного монстра? Надеялся, что сможет сломить его, а затем использовать? Насколько же сильно он ошибался? Как он мог допустить подобное?

— Ивирион! Отпусти его. Пусть проваливает в свой мир!

Пиррион оглянулся. Таррес стоял на коленях, из его носа бежала кровь. Мощь монстра давила на его, хоть он и создал вокруг себя несколько охранных печатей.

Именно так реагируют на мое присутствие обычные люди. А вот с тобой такого не происходит. Ты силен. По-настоящему силен. И, быть может, однажды достигнешь своей цели.

— Моей цели?

Бессмертия. Все некроманты ищут его. И ты не исключение. Но тебе еще многое нужно постичь. Ты должен стать сильнее.

Ивирион замер. Сильнее? Для чего? Некроманты — исследователи. Сила пирриона уже сама по себе была огромна, а он смог достичь ее предела. Никто не мог управляться с пламенем так легко, как это получалось у него. Никто не мог творить того, на что он был способен. Никто.

А что если бы я сказал, что могу помочь тебе?

Ивирион вскинул голову и взглянул прямо в пылающие глаза монстра.

— Помочь?

Да. Пусть это будет моя плата за то, что ты разрушишь барьер, свернешь портал и позволишь мне исчезнуть. Мне довольно неприятно быть здесь. Существовать там, где меня не должно быть... утомительно.

— Как ты можешь помочь мне? Ты разве бессмертен?

Нет. Однако я не говорил, что подарю тебе знание о вечной жизни. Я лишь подтолкну тебя к нему. Дам сделать первый шаг по этой дороге, полной боли и страданий. И если ты готов испытать все это, тогда я могу помочь тебе. Если нет — делай что хочешь.

Ивирион нервно моргнул. Бессмертие? Он мог достичь его? Правда ли это? Нет! Это все наверняка было ловушкой. Ложью, которую любой пленник в клетке с радостью будет изливать из себя. Но что если это правда? Вдруг это существо не лгало? Ведь каким-то образом оно появлялось снова и снова, нападая на людей. Чем еще это могло быть, кроме как возрождением? Это существо возвращалось из мира мертвых и до сих пор могло хоть по земле!

Бессмертие. Правда или ложь? Истина или обман? Он должен был сделать выбор, который может изменить все. Соблазн. Такой соблазн. Просто поверить этому существу и заключить с ним сделку. Цена ошибки будет небольшой, но награда...

Ивирион сделал шаг вперед.

— Ивирион, что ты делаешь?

Голос Тарреса доносился словно бы издалека. Он был глух, слаб. Ничтожен.

Еще один шаг.

— Ивирион! Остановись!

Рука схватилась за плечо пирриона. Раздался крик. Ивирион не стал оборачиваться, когда пламя ударило в Тарреса, отбрасывая глоссериана прочь.

Еще один шаг. Бессмертие — истина или обман? Портал завладел взглядом Ивириона, а обещание монстра вытеснило все остальные мысли.

Аргетовый монстр подался назад, как бы приглашая Ивириона. Некромант сделал последний шаг, оказавшись всего в двух метрах от портала. И только в эту секунду он осознал всю глубину своей ошибки.

Когтистая рука обрушилась на его шею, серебряная чешуя мгновенно распоролла кожу, и на пол полилась кровь. Массивные пальцы монстра сжалились в капкан, не позволяя Ивириону ни двинуть головой, ни отойти от ужасающего создания.

Ты хотел познать бессмертие? Ты хотел увидеть ту сторону реальности? Так получи же!

Монстр развернулся, по-прежнему крепко удерживая Ивириона. А затем поднес его к portalу. Лицо некрманта оказалось в жалких сантиметрах от магической субстанции, чей жар уже начал сжигать его кожу.

Ты ведь так хотел этого? Ну так смотри. Смотри и наслаждайся. Смотри и ужасайся. Смотри, для того чтобы больше никогда этого не видеть! И лишь тогда ты познаешь всю боль этого мира!

Ивирион силился закрыть лицо руками. Он не разжимал веки, оставляя для себя хотя бы малейший шанс на выживание. Малейший шанс. Который был уничтожен.

Неестественная сила раскрыла глаза Ивириона, заставив некрманта взглянуться в пугающие пучины портала. В последние мгновения своей жизни он успел заметить ту самую девочку, что была в его кабинете. Она стояла и смотрела на то, как монстр подтаскивает некрманта к portalу. Она с ненавистью смотрела на монстра, но искренне наслаждалась происходящим.

Узри силу, что ты искал. Узри боль, что ее сопровождает. Узри свет, что темнее ночи. Узри, человек.

И Ивирион узрел. И умер.

* * *

Черная молния вновь разорвала небо и ударила в башню. Пламя мгновенно охватило холодный камень и, вопреки всем законам логики, начало с ужасающей скоростью распространяться.

Экраон и Цидариас находились уже перед самыми воротами, когда это произошло. Разум некромантов подвергался невероятной нагрузке. Это было сродни непрерывной атаке, которую вел враг, против отлично защищенного замка.

Экраон содрогнулся и прикрыл глаза.

— Мы должны поторопиться. Что бы ни сотворил Ивирион, мы еще можем остановить это.

Цидариас кивнул, его лицо было искажено гримасой боли. Татуировки штейгера слегка потускнели, позволяя разглядеть бледную кожу под ними.

— Я думаю, что никто не откроет нам ворота.

Цидариас положил ладонь на деревянные створки, сосредоточился и сокрушил податливый материал.

Во дворце царила настоящая паника. Казалось, будто страх и безумие полностью завладели сознанием людей. Слуги бежали в разные стороны, животные заходились в непрерывном вое, а немногочисленные мертвецы на стенах лежали, обхватив руками собственные ноги и раскачиваясь из стороны в сторону. Совсем как живые.

— Где Ивирион? Где он?! — Цидариас схватил за руку одну из поварих. — Где ваш хозяин?!

— В башне! В горящей башне!

— Проклятье, — прорычал Цидариас. — Что будем делать?

— Спасать его.

Экраон рванул к башне, Цидариас последовал за ним.

Перепрыгивая сразу через три-четыре ступеньки, некроманты взбегали на верхний этаж. Следы разрушения виднелись даже здесь: разбитые ступени, истрескавшийся камень стен, необъяснимо пожирающее камень пламя. Что же сотворил Ивирион?

Когда-то давно в этой башне побывали и Экраон, и Цидариас. Оба осматривали это место с огромным вниманием. Оба согласились помочь Ивириону. Оба усилили защиту этой башни. Но видимо это нисколько не помогло пирриону. Что бы ни призвал Ивирион, оно было намного сильнее тех барьеров, что воздвигли некроманты.

Раздался грохот, Экраон пошатнулся и едва не упал вниз, но вот Цидариас наоборот ускорился. Дверь оказалась завалена, но огромная физическая сила, многократно увеличенная татуировками, без труда позволила ему прорваться в комнату.

Этаж был разгромлен. Защитные круги, пентаграммы, руны — все было уничтожено.

— Цидариас?

Штейгер опустил взгляд и застыл.

— Таррес! Что ты здесь делаешь?!

Глоссериан зашелся кашлем, на пол обильно брызнула кровь. И лишь тогда Цидариас увидел, что в груди глоссериана чего-то недостает.

— Где твоё сердце?

Я его уничтожил. Решил, что оно ему не нужно.

Цидариас только начал двигаться, когда огромный кулак обрушился на него, мгновенно впечатывая шейгера в стену. Камень раскрошился, острыми краями разрывая кожу некроманта.

— Цидариас!

Мощная сила отшвырнула нечто от шейгера, позволив ему мешком рухнуть на залитый кровью пол.

Экраон вздернул товарища на ноги:

— Поднимайся! Нужно уходить!

— Нам нужно найти Ивириона!

— Тогда у нас возникла проблема.

Даже отсюда Экраон видел, что Ивирион лежал за спиной огромной серебряной твари. Был ли жив пиррион или уже нет? На нем не было ни следа крови, ни ран. Ничего, что указывало бы на его смерть. Но вот он Таррес — глоссериан без сердца, который уже давно должен был быть мертв, но продолжал стоять и говорить. Что здесь происходило?!

— Таррес, что вы сделали?

Они открыли портал. Они призвали меня. Они допустили ошибку.

Монстр шагнул вперед. Дым вокруг его конечностей становился то густым, то прозрачным. Огненные глаза сияли, с огромных когтей капала свежая кровь.

Они были глупы. И погибли из-за этого.

Монстр поднял одну из рук и бросился вперед.

А теперь умрете и вы!

* * *

Стена башни треснула, во двор обильно посыпались камни. Дворец, наполненный паникой, оглушил наполненный яростью вопль. Люди бежали прочь, а грохот за их спинами лишь усиливался. Верхушка башни взорвалась, среди обрушивающихся камней мелькнули две фигуры.

Экраон сосредоточился и выбросил вперед правую руку, разорвав материю и швырнув в противника пригоршню силы. Серебряная кожа монстра с легкостью отразила столь жалкую атаку, а сам он ударил в ответ. Клубы дыма обволокли Экраона и затекли в легкие некроманта.

Вот только Экраон уже давно не дышал.

Одлеттиан схватил несколько обломков и швырнул их в монстра. Камни ударили в бок существа с невероятной силой, отбросив его назад.

Экраон схватился было за еще один осколок, когда наконец долетел до крыши. Удар оказался сильнее, чем предполагал некромант. Его левая рука выгнулась в другую сторону, но Экраон мгновенно вернул ей правильное положение. Нога провалилась под черепицу, схватив лодыжку подобно стальному капкану.

Монстр обрушился на меньшую из башен, превратив ее в груды обломков. Когтистые конечности подтянули его вверх. Экраону хватило одного беглого взгляда, чтобы осознать всю сложность ситуации.

Щелчок пальцами — перед некромантом сформировался воин из льда; внутри доспехов все еще бушевала скованная душа, стремясь разорвать собственную клетку. Воин бросился на защиту своего повелителя, дав Экраону время достать ногу. Единственным преимуществом некроманта была магия и возможность призывать подобных воинов, но если ему не удастся воспользоваться этой паузой, то монстр довольно быстро сокрушит призванное создание.

Ледяной меч описывал изящные серебристо-синие дуги, постепенно сплетая вокруг существа невидимую сеть.

Когти со свистом рассекли воздух и ударили по мечу. Экраон находился всего в двух шагах от сражающихся, когда монстр переломил оружие призрачного воина и разрубил лед наплечника. Экраон шагнул в сторону. Один удар. Ему был нужен лишь один удар. Серебряная кожа переливалась на свету, мощные мышцы под ней перекачивались. Кристаллические когти вонзились в руку гиганта, пробили серебро и впились в мясо. Получилось! Экраон усмехнулся несуществующими губами, когда по его пальцам пробежала едва заметная дрожь.

Рука монстра дернулась, когда стремительно сокращающиеся мышцы начали перемалывать твердые кости. Серебро кожи потускнело, теперь она начала походить на чешую. Хотя Экраон не мог сказать, было ли верно называть это кожей *изначально*.

Существо взревело, отбрасывая Экраона в сторону. Кристаллы когтей вцепились в черепицу, и некромант смог предотвратить свое неминуемое падение.

Еще никто не наносил мне подобной раны!

Экраон поднял глаза. Монстр уже пришел в себя и теперь возвышался над ним. Одна из рук полностью почернела, но разрушение плоти уже остановилось.

Это было больно. Никогда не знал, что способен испытывать подобное.

Монстр раскрыл клыкастую пасть, намереваясь оторвать некроманту голову.

Цидариас обрушился на монстра с силой камнепада. Его татуировки пылали на всем теле, а кулаки прекратились в размытые пятна. Крик боли существа не был материален, и еще долго отдавался в разуме Экраона.

Цидариас взмахнул рукой — черепица разлетелась в стороны, и монстр провалился во внутренние помещения дворца. Цидариас вздернул Экраона наверх.

— Где ты был?

Цидариас оглянулся. На крыше лежали два тела. Одно из них принадлежало Тарресу, который все еще продолжал подавать признаки жизни, а второе — Ивириону.

— Как он?

— Без понятия, — нахмурился штейгер. — Я ничего не понимаю. У Тарреса в груди дыра, но он еще жив! А у Ивириона нет вообще никаких повреждений, но я не чувствую биения его сердца, и он не дышит.

— Он мертв? — с горечью переспросил Экраон. Ему не верилось, что сильнейший пиррион мог пасть так легко.

— Да. Но это странно. Я все еще чувствую отголоски его пламени. Возможно, он еще придет в себя?

Экраон прикрыл глаза — он тоже почувствовал это, но до сих пор не понял причину происходящего. Ивирион умер, а пламя осталось. Как?!

Раздавшийся грохот отвлек его от раздумий. Сияющие глаза обратились к дыре в крыше: — Похоже, что ему там не нравится.

— Нужно уходить.

Экраон бросил взгляд во двор. Десятки людей уже покинули пределы дворца и оказались за стенами. С вещами и без, с детьми и родителями. Они бежали от ужаса, призванного их хозяином.

— Мы должны им помочь. Они верили в нас, доверились нам. И хоть Ивирион умер, мы обязаны преуспеть там, где он не смог.

— Тогда помоги им, пока я буду сдерживать эту тварь — Цидариас подошел к краю дыры и прыгнул вниз.

— Хорошо.

Экраон уже уходил, когда заметил появление еще одного существа.

— Хелион?

Костяной волк прошел по крыше и остановился возле тела Ивириона. Голова-череп склонилась над мертвым хозяином и беспомощно уткнулась в плащ.

— Он умер, Хелион. Оставь его здесь и уходи. Защити слуг своего хозяина. Он бы хотел этого.

Огонь вспыхнул в пустых глазницах. Волк яростно ударил лапами по крыше и вцепился клыками в рваный плащ.

— Хелион, оставь его!

Но волк упрямо продолжал дергать плащ, подтаскивая Ивириона к краю крыши.

— Хелион! Он мертв!

— А мы с тобой нет?

Таррес поднялся и шаркающей походкой подошел к Экраону.

— Если хочет — пусть тащит его на себе. Ты не сможешь заставить питомца бросить своего хозяина. Мертв, жив — ему плевать. Он не примет никакого другого ответа.

Глоссериан приложил руку к дыре в груди.

— Быть может, у него еще есть шанс как у меня?

Хелион изогнулся, запрокинул голову и втащил тело Ивириона на спину.

— Хорошо. Ты можешь идти?

— Не знаю. У меня нет сердца, а еще я лишился почти всей крови. Твое мнение?

— Ты мертвец — вот мое мнение.

Громыхнуло — одна из несущих стен покрылась сетью трещин, а через секунду обрушилось целое крыло дворца.

— Цидариас развлекается.

— Я в этом даже не сомневаюсь.

Еще один удар — одна из малых башен обрушилась, погребя под собой конюшню вместе со всеми находящимися в ней лошадьми. Раздавшийся после этого рев оглушил прислугу, которые побежали еще быстрее.

Они уходили прочь из дворца, что служим им домом.

* * *

Цидариас зажал рану, пытаясь унять кровь. Тварь подобралась слишком близко и едва не разорвала его на части, но ему удалось отделаться лишь десятком глубоких порезов.

Их борьба была ужасающей. Ее последствия виднелись в каждом углу, на каждой стене.

Кровь, изломанная мебель, проломленные стены, разрушенные помещения. Цидариасу удалось заманить монстра в одно из подземелий и худо-бедно сковать того с помощью магии. Некромант держался из последних сил, и его не хватило бы на продолжение этой драки.

Человек! Ты уходишь? Нам же было так весело. Я уже давно так не развлекался.

Цидариас отшатнулся. Даже сейчас мощи монстра хватило для того, чтобы без проблем прорваться сквозь его ментальную защиту.

— Ухожу. А вот ты останешься здесь до тех пор, пока я не пойму что с тобой делать.

Ложь. Ты боишься и знаешь, что это не сможет удерживать меня вечно. Я с легкостью могу сокрушить твою слабенькую ловушку. Мне стоит лишь пожелать этого.

— Желаю удачи, ублюдок, — Цидариас взбежал по ступеням.

Тебе не спастись. И не спасти ваш род. Некроманты исчезнут, а вас распнут на обломках ваших дворцов! Вы слабы! Всегда были слабы. А этот ваш Ивирион... Уверен, что сейчас он горько раскаивается в содеянном. Его душа ступила на путь, с которого невозможно сойти. Не смог ни один из вас!

Цидариас замер на полушаге. Путь? Какой путь? Неужели Ивирион все еще был жив? Нет, невозможно. А Таррес? Что же произошло с ним?

Ошибка. Неудача. Моя оплошность. Я уничтожил его сердце, но позволил душе остаться в теле. Насильно привязал к мертвой оболочке. Могу и с тобой проделать подобное.

— Пошел прочь!

Цидариас пошел дальше, обдумывая услышанное. Привязать душу к телу. Это было возможно — Экраон живое тому подтверждение. Но у Экраона было сердце. Он был жив на момент совершения своей ошибки! А Таррес? Отсутствующее сердце явно не могло пойти тому на пользу.

Поднявшись во двор, штейгер оттолкнул то небольшое, что осталось от двери. Снаружи его уже ждал Экраон.

— Я рад видеть тебя живым.

— В самом деле?

Взгляд Экраона обратился к горизонту:

— Нам нужно уходить. Они уже близко.

— Их уже видно?

— Нет. Ближайшие всадники в двух километрах отсюда. Но они быстро приближаются, а пересчитать их не представляется возможным.

— Откуда такая уверенность?

Вокруг руки Экраона взметнулись полупрозрачные тени, опутывая некроманта словно змеи.

— Ясно, — Цидариас принял из рук собрата темный плащ. — Тогда уходим.

* * *

Сиптуаг ступил через разломанный проем ворот. Дворец выглядел так, словно его уже атаковала другая армия, а вокруг виднелись следы разбегающихся в спешке людей. Что бы здесь ни произошло, оно заставило обитателей дворца спасаться бегством.

— Осмотрите здесь все. Ищите любые следы. Я хочу знать о том, что здесь случилось. Всем ясно?

Солдаты разошлись в стороны. За ними последовало золотое духовенство. Армия шла во всеоружии, и священники помогали им на каждом шагу.

Сиптуага окружили десять мечников. Хоть он и был архиереем, солдаты до сих пор считали, что ему необходима защита.

Изломанные стены, разрушенные комнаты. Уцелело так мало мебели, что Сиптуагу даже становилось не по себе. Даже его солдаты не доходили до подобного. Половина коридоров оказалась настолько разрушена, что через них невозможно было пройти. Еще часть была завалена обломками, на разгребание которых архиерей просто не хотел тратить время.

— Идем в разрушенную башню. Она самая высокая, видимо там и был проведен ритуал. Верхушка башни оказалась не просто разрушена. Она почти отсутствовала. Сквозь черноту гари едва виднелись нарисованные на полу руны и пентаграммы.

— Что здесь случилось?

Архиерей поддел носком обломки столешницы и отбросил их в сторону. Все уничтожено. Не осталось ничего хоть сколько-нибудь важного и интересного. Сплошной мусор.

Пройдясь к центру башни, Сиптуаг резко вдохнул. Ему показалось, будто он засунул голову в печь. Сухой воздух обжигал глаза и язык, а зубы стали невообразимо болеть.

— Что это такое?

Рука архиерея провела по воздуху, оставляя за ладонью явственный красновато-оранжевый след.

— Здесь творилось колдовство, — Сиптуаг сделал шаг назад, оглядываясь на мечников. — Однако ритуал вышел из-под контроля. Похоже, что они не смогли совладать с силами, что призвали в это место.

— Архиерей, смотрите!

Солдат разбрасывал доски и камни, стремясь достать нечто, похороненное под ними.

— Что там?

— Я не уверен, — пробормотал солдат, аккуратно разгребая мусор.

Стоило ему убрать верхний слой грязи и пепла, как что-то ярко блеснуло на солнце. Словно золото.

— Это... Книга?

Сиптуаг подался вперед, пытаясь разглядеть хоть что-то, но сильно мешал пепел. Воин снял кожаные перчатки, аккуратно достал книгу, обтер ее ладонью.

— Я не знаю такого языка, — он с сомнением оглянулся на товарищей.

— А я вообще не умею читать, — пожал плечами другой, не проявляя к книге никакого интереса.

Сиптуаг прищурился.

— Эй! Тут есть еще одна! — воскликнул он, отдавая книгу одному из ближайших мечников.

Солдат вновь запустил руку в пепел — на этот раз практически по локоть — и вынул еще один толстый том. На его переплете тоже были золотистые буквы. И вновь ни один из воинов не понял языка. Кроме Сиптуага.

— Я...

— Брось ее!

— Архиерей?

— Брось книгу! Немедленно! — Сиптуаг схватил солдата за плечо и быстро оттащил в сторону. — И ты тоже! — обратился он ко второму.

Солдат поспешно отбросил свою ношу, уставившись на нее с таким видом, словно это была ядовитая змея.

— Никто не трогает ее! Всем ясно? Если хоть кто-то из вас ослушается меня, я немедленно прикажу высечь вас на глазах у всей армии. И будьте уверены, вы с позором будете изгнаны сегодня же, если посмеете ослушаться приказа. Все всё поняли?!

Солдаты согласно кивнули и для уверенности отступили еще на пару шагов. Сиптуаг обернулся к нашедшему книги воину.

— Протяни мне свои руки. Быстрее!

Солдат выполнил столь странный приказ.

— Ладони наверх!

Никаких задержек или вопросов — команда выполнена. Сиптуаг наклонился вперед. Его бритая голова отражала неровный свет единственного факела, а украшенный бородакой волевой подбородок едва заметно подрагивал.

— Разверни их.

И снова никаких вопросов. Сиптуаг провел в таком положении больше пяти минут, заставляя мечника поочередно поднимать и опускать руки, растопыривать пальцы.

— Кажется все хорошо. Но я хочу, чтобы ты спустился вниз. Найди протоиерея — пусть он проведет процедуру очищения.

— Но господин! Я ведь должен охранять вас!

Сиптуаг покачал головой:

— Сейчас для тебя главное — сохранить чистоту души.

— Но...

— Никаких но! Или ты идешь вниз и выполняешь мое распоряжение, или и немедленно отрубая тебе кисти рук! Можешь подумать, прежде чем ответить.

Сиптуаг резко развернулся, расцепил пряжки застёжки, стянул синий плащ и, сложив ткань в четыре слоя, медленно поднял с пола книги. Укутав их, Сиптуаг быстро пошел к лестнице.

— Я закончил здесь. Можете еще осмотреться, но не думаю, что получится найти еще хоть что-то.

Архиерей спустился во двор и постарался найти хоть кого-то из золотого духовенства. Архидиакон Ловенс занимался осмотром стен, протоиерей уводил в лагерь мечника, а диакон спускался в подземелье. Иерей отсутствовал — помогал герцогу Идену. Все были при деле.

Сиптуаг оперся на свой посох. Хоть он и не мог не радоваться разрушению этого памятника скверны, его до сих пор не покидало чувство неправильности. Что же сотворили некроманты, что им пришлось бежать из дворца? Он до сих пор мог чувствовать в воздухе присутствие чужой силы. Мощи, столь невообразимой и яростной, что она вызывала у него сильную тошноту. Силу столь знакомую, но столь отвратительную...

Послышался громкий крик, из подземелья выбежали солдаты и, теряя по дороге оружие, устремились к архиерею.

— Господин! Там. Там! Оно там!

Сиптуаг мгновенно насторожился:

— О чем вы?

— Аргетовый монстр! — взвыли солдаты. — Он в подземелье!

Двор мгновенно пришел в движение. Солдаты бросились к своим товарищам, вышедшим из подземелья. Архидиакон и диакон остановились и заспешили обратно.

Сиптуаг бросил книгу на землю и положил руки на плечи воинов:

— Вы уверены?

— Да. Он огромен, изранен, лежит на полу. Но это определенно один из них.

— Он? Он что там один?

— Да, больше никого нет.

Сиптуаг бросился к подземелью:

— Золотое духовенство идет со мной! Еще семь мечников и столько же копейщиков.

Остальным оставаться во дворе!

— А серебряное духовенство?

— Остаются у входа.

* * *

Монстр был мертв. Его серебряная кожа-чешуя уже давно начала тускнеть, когти расслаивались, а крупные клыки растрескались. Из многочисленных ран изливалась серебристо-синяя кровь. Одна из рук почернела, огонь в глазах давно потух, и теперь они напоминали четыре бездонных озера.

— Он был мертв еще до того, как мы пришли во дворец.

— Согласен. — Сиптуаг опустился на колени возле отвратительного существа. — На его теле десятки ран, но сомневаюсь, что хотя бы одна из них стала для него смертельной.

— Может быть большая кровопотеря?

— Нет. У солдат ни разу не получалось взять их измором. Сколько бы ран они ни наносили, эти твари все равно продолжали идти вперед.

— Тогда что послужило причиной его смерти? — диакон склонился над почерневшей рукой.

— Быть может, неправильное проведение ритуала? — предположил один из копейщиков.

— Возможно. Они сами заманили его сюда, после чего убили. Но он сопротивлялся.

— Но почему они решили уничтожить его?

— Быть может он вышел из-под контроля, — пожал плечами Сиптуаг. — Сейчас это не имеет значения, важен лишь сам факт того, что они его призвали.

Сиптуаг поднялся с колен и взглянул в глаза своих воинов:

— Если раньше у кого-то из нас и могли быть сомнения, то теперь от них не осталось и следа. Некроманты — создатели Аргетовых монстров. Они призывают их в наш мир, дают им силу и власть, а затем обрушивают этот ужас на незащитных людей, живущих подле леса. Теперь они больше не смогут прятаться за пеленой лжи! И они готовы использовать их вновь!

Сиптуаг выбежал из подземелья и обратил свой пылающий верой взгляд на столпившихся во дворе солдат:

— Приспешники грязного колдовства призвали Аргетовых монстров!

Всеобщий вздох ужаса почти оглушил архиерея. Он выдержал паузу, позволив воинам успокоиться, прежде чем продолжил.

— Я понимаю ваши чувства, ибо испытываю их сам. Враг не раз призывал этот ужас для того, чтобы он сеял в наших сердцах страх. Он уже многие десятки лет обрушивает их на наших родных и близких. На людей, ничем не заслуживших подобного. На безвинных! И здесь и сейчас они призывают их вновь! И все для того, чтобы попробовать остановить нас! Остановить наш святой поход. Поход во имя двух богов! Во имя людей! Людей свободных. Людей благословленных. Убивавших по нужде, а не из прихоти! Они призывают этих монстров, но нам не стоит бояться. Мы не будем бояться, мы не будем отступать! Ведь мы с вами боремся за своих близких и за все королевство. За всех людей!

Сиптуаг вскинул свой посох. Он чувствовал веру этих людей. Веру в него, веру в их дело, веру в двух богов. И это придавало ему еще больше сил. Воздух буквально стал живительным. Вдыхая его, Сиптуаг чувствовал, как сердце начинает биться сильнее. Кровь побежала по венам, наполняя мышцы силой.

Это было явственное проявление могущества богов. Это была сила, которую они дали людям. И он намеревался воспользоваться ею, для уничтожения некромантов.

Боль — самое естественное ощущение, которое только может испытывать человек. Вот только легче от этого ему не становится.

Некромант Цидариас.

Боль. Такая боль.

Холод сковывал руки, ноги погружались в пламя, торс пронзали тысячи мельчайших игл, а глаза пытались провернуться внутрь черепа.

Мое тело разрывалось в тысячи сторон и в то же время вдавливалось само в себя. Десятки клинков рубили меня, а нити связывали обратно.

Я попытался закричать, но обнаружил, что мой рот даже не способен раскрыться. Его заперли, словно дверной замок.

Боль преследовала меня. Она была всюду. Я пытался сбежать, но лишь чувствовал, как петля, удерживающая меня на месте, затягивается сильнее. Я рвался вперед, но не мог сдвинуться. Я бежал, но не пробежал ни метра. Я видел лишь тьму, каждую секунду взрывающуюся невыносимо слепящим светом.

Как же больно!

Оковы на руках затянулись. Ноги свело судорогой. Я упал на землю. Я падал в пропасть. Бездонную и безжалостную. Бездна была полна шипов, они рвали меня на части. Я пытался схватиться за них, пытался остановить свое падение, но лишь получал новые раны. Колющие, режущие, рваные.

Я не могу это терпеть! Никто не способен выдержать эту боль. Никто!

Да, она будет с тобой вечно.

Кто это сказал? Что это... Агх! Огонь. Снова огонь! Да сколько же можно?!

Я не смогу. Не смогу!

Ты прав — не сможешь. Никто не смог.

Голос был холоден и раздавался одновременно со всех сторон.

Голос? Ты думаешь, что я голос?

Холодящий душу смех раздался внутри моей головы. Глаза остекленели, неведомая сила вбила меня в стену. Стену? Разве стена могла резать? Разве стена могла сжигать?

Боль в выворачиваемых конечностях была невообразимой. Одна за другой, мои руки ломались, разрывались, мышцы горели, отмирали, снова горели, срастались и вновь разрывались.

Когда же эта боль закончится?! Чем я ее заслужил?!

Держись. Это будет тяжело, но ты должен терпеть.

Кто это сказал? Кто это сказал?! Голос был так не похож на предыдущий. Он не был ни холоден, ни безжалостен, ни угрожающ. Он был... успокаивающим.

Ты сможешь это вытерпеть. Сможешь. Главное верить в себя.

Как мог человек такое вытерпеть? Ни одно живое существо не способное выдержать подобное!

Верно. Но помни — ты больше не человек, и ты не жив.

Что это значило? Как ты можешь такое я говорить? Я жив. Я жив!

Нет, ты не...

Вспышка света ослепляла. Она отняла у меня даже то небольшое, что я мог видеть. Теперь я лишился зрения. И слуха. И осязания. Я чувствовал, как крючья рвали мою плоть, густая кровь лилась на землю. Или в пропасть. Неважно. Или она даже лилась обратно на меня? О нет! Я ничего не чувствовал!

Я не знаю хуже это или лучше. Чувствовать боль, или не чувствовать ничего?

Успокойся. Ты должен успокоиться. Это все иллюзия. Боль — лишь иллюзия, создаваемая нашим слабым разумом. Не жалея себя, не бойся, не отчаивайся, и она отступит. Ты поглощал яд, испытывая на себя проклятия, входил в клетки к обезумевшим существам. Ты даже растерзал собственную душу!

Последняя фраза потрясла меня настолько, что я на мгновение забыл обо всем. Я не мог в это поверить. Никто не знал об этом. Я не посвящал в этот секрет ни единого человека! Ни некромантов, ни слуг!

Как ты смеешь?!

Снова этот голос. Он снова был здесь! Только не это!

Как ты смеешь здесь находиться? Как ты смеешь общаться с этим ничтожным существом?!

А почему бы и нет? Он мой собрат. Я должен ему помочь.

Он — ничтожество. Зарвавшаяся букашка, посмевавшая вмешаться в законы мироздания и покорить их!

Да плевать! Он не должен за это страдать! Это не его вина. И не он ответственен за произошедшее.

В самом деле? Ты смеешь противиться моему решению?! Ты смеешь оспорить мое право на душу этого человечешки?!

Раздавшийся грохот вырвал из меня крик полный боли и отчаяния. Вспышка света прожгла тьму, заставив меня плотно зажмурить веки. Руки уперлись во что-то липкое и тяжелое, порезы на запястьях вновь начали кровоточить. Стоп что?! Я мог видеть? И слышать? А еще говорить и чувствовать боль и предметы?

Да! Теперь ты понял? Ты способен сделать все что угодно! Боль, страдания, ужас, отчаяние — это все создано лишь для того, чтобы сломить тебя.

Нет. Не смей!

Но второй голос уже не ослабевал, а лишь наполнялся силой, заставляя Ивириона бороться.

Не сдавайся. Не бойся. Борись за жизнь, борись за смерть, борись за душу! Никогда не ослабевай натиск, если знаешь, что можешь победить!

И я не сдался. Мои колени ужасно болели и кровоточили, но я смог их разогнуть. Мои руки сковывали неведомые кандалы, но я смог их разорвать. Мышцы сводило нестерпимой судорогой, но важнее то, что они у меня были. Я обратил свой взгляд к свету.

— Я ухожу отсюда! Слышите меня?! Я ухожу!

Ты не сможешь. Я не позволю.

Мы не позволим.

Ты останешься здесь. Останешься с нами.

Мы не дадим тебе уйти. Ты посягнул на недоступное. Ты должен понести наказание.

Он свободен! Вам его не удержать!

И он был прав. Меня уже невозможно было сковать. Меня невозможно было замедлить. Никто не мог меня остановить!

Я сделал шаг. Один единственный шаг, но он казался таким тяжелым, словно я пытался сдвинуть целый хребет. Но этого хватило, чтобы провалиться в бьющий из тьмы свет.

Я слышал за спиной рев. Крики ярости, рык злости, лай ненависти. Неважно. Я смог уйти оттуда, а это главное. Я был свободен.

* * *

Вдох. Первый вдох в моей жизни. *Новой жизни.*

Мои руки уперлись в холодный камень, желудок взбунтовался, пытаюсь выплеснуть из себя принятую еду, вот только я не ел уже несколько дней.

Холод камня вернул меня к реальности. Я поднялся на ноги и огляделся. Мои глаза не видели большей части того, что меня окружало. Расплывчатые предметы, нечеткие фигуры. Холодный камень стен начал крошиться. Широкие, высокие колонны устремлялись в непроглядную тьму, видимо поддерживая недосягаемый для меня потолок.

— Что это за место?

— А ты еще не догадался?

Я резко обернулся. Пустой зал все еще продолжал быть таковым, а тени за колоннами начинали понемногу расступаться в стороны. Откуда шел этот звук?

— Кто здесь?

Ответом мне была тишина.

— Кто здесь? — мой голос приобрел былую силу и уверенность. — Я слышал твой голос. Это ты помог мне?

И снова молчание. Тьма не желала выдавать ему всех своих секретов.

Мои босые ноги зашлепали по камню. Я шел наугад, даже не пытаюсь найти осмысленный путь. Бегло бросил взгляд на собственное тело. Замер, но уже через мгновение вновь продолжил идти.

Я был обнажен, мою кожу покрывали новые шрамы, но выглядели они так, словно давно зажили. А что я еще хотел увидеть? Плащ? Штаны?

Я приблизился к колоннам. Моя рука заскользила по камню, который оказался на удивление теплым. Изящные линии образовывали довольно любопытные символы. Линии, треугольники, семиугольники. Между ними было нечто вроде слабо нарисованных человеческих фигурок.

Довольно любопытно. Во мне даже сейчас пылал огонь, подпитывающий душу исследователя. Даже после всех перенесенных мною пыток, мучений и лишений, я все еще искал ответы на возникающие у меня вопросы.

Колонны отличались друг от друга сильнее, чем я думал ранее. Рисунки повторялись, но их стиль хоть и имел множество сходств, все-таки сильно различался.

Еще меня поразила пульсирующая в них сила. Мягкая, едва различимая, но оттого не менее заметная. Я буквально ощущал, как она протекала через мои пальцы, проникала в каждую клеточку тела и оставляла отчетливый след в самой сердцевине моей души.

Прошло больше часа, когда я все же остановился, хотя что могло значить время в этом месте? Колонны были довольно удивительны, но они являлись лишь частью декорации, что

отвлекла меня от моей главной цели.

Тьма была столь густа, что я мог пощупать ее пальцами. Она не рассеивалась как ранее, но и не сгущалась. Она оставила попытки завоевать пространство вокруг меня в тот же миг, когда я вспыхнул.

Я хотел заглянуть в эту тьму. Я *желал* этого.

Мой взгляд опустился на собственную руку, которая недоверчиво сжималась и разжималась. А получится ли у меня? Есть ли во мне еще та сила, которой я владел? Вряд ли. Но не попытаться было бы попусту глупо.

Я прикрыл глаза, сосредоточился и...

— Не нужно.

Мои веки распахнулись. Я рывком ушел в сторону, но лишь глубже погрузился во тьму.

— Кто это сказал?! Что вам от меня нужно?!

— Тебе и правда нужен ответ на этот вопрос?

— Кто ты?!

Щупальца тьмы окружили меня. Они схватили мои руки и ноги, насильно распахнули заледеневшие веки. Я закричал, но они подавили все мои возгласы. Я рвался вперед, упирался ногами в гладкий камень пола, царапал ногтями колонны, но не мог с ними бороться.

— Кто ты?

В этот раз это был не мой вопрос. Голос из темноты задал мне его так тихо, что я едва смог его расслышать. Холод почти полностью окутал меня. Мои воспоминания, мечты — все испарилось в этом ужасе. Я пытался бороться, отринуть ее. Но не мог. Я не мог!

— Кто ты?

И снова. Он спрашивал меня, а я спрашивал себя. Кто я? Человек? Дух? Мечта? Отголосок? Тень? Осколок?

— Кто ты?!

Мои глаза уже не видели. Мои уши не слышали. Мой рот не раскрывался. Но мой разум боролся с неведомым, противился чуждой силе. Он боролся, сражался, цеплялся за каждую ниточку, ведущую к спасению. «Кто я? Ты спрашиваешь, кто я?» — пронеслось в моем разуме.

— Я Ивирион! Я первый пиррион! Я некромант, лик смерти, олицетворение жизни. Я властитель всего живого, повелитель мертвого! Я владыка пламени! И я жив!

Пламя разлилось подо мной. Руки превратились в сияющие факелы, глаза стали подобны солнцу. Я шагал вперед, с легкостью разрывая тьму. Она больше не имела власти надо мной, не мучила меня. Теперь она разбегалась, и я чувствовал ее ужас. Я был силен как никогда и не намеревался останавливаться на этом. Огонь изливался из каждой поры моего тела, каждая частичка меня буквально сгорала и вновь перерождалась в этом пламени.

Я шагал вперед до тех пор, пока не наткнулся на дверь. Она была черна и сделана из металла столь твердого, что ее не смог бы взять ни один таран. Я чувствовал это, но я был сильнее. Пламя с легкостью расплавало эту досадную преграду на моем пути.

Я шагнул вперед, ступая в длинный коридор, сияющий фиолетовым светом тысяч кристаллов. На моем пути стояла одинокая фигура.

— Кто ты?!

Темный капюшон спал, его холодные глаза посмотрели на меня, лицо расколола легкая улыбка.

— Добро пожалось в чертоги мертвых, Ивирион. Мы рады приветствовать тебя здесь. Могу я сопроводить тебя на твоём пути?

И хоть он задал мне этот простой вопрос, я не нашел на него ответа. И все потому, что я смотрел на собственное отражение.

* * *

— Ты не выглядишь удивленным, — заметил человек, выглядящий в точности как и я. — Ты ожидал меня здесь встретить?

— Нет. И я даже не знаю, где сейчас нахожусь.

— Но догадываешься?

— Верно.

Моя копия усмехнулась:

— В тебе всегда сиял разум исследователя.

— Ты назвал это чертогами мертвых. Загробный мир? Я умер — это я могу сказать практически со стопроцентной точностью.

— Верно. Что-то еще?

— Тот монстр. Что бы он ни сделал, я явно больше не привязан к своему телу. Сейчас я не больше чем дух, вырванный из собственной оболочки.

— Верно, — удовлетворенно кивнул мой двойник. — Однако это лежит на поверхности. Что же ты еще понял?

— Какая разница? Если я мертв, то уже ничего не имеет значения.

— Напротив, все всегда имеет значение. Если ты мертв, это вовсе не означает, что все на этом заканчивается.

— Хочешь сказать, что смерть — начало новой жизни? Крадсен бы с тобой не согласился.

Мы какое-то время молча шагали по длинному коридору, стены которого были сотканы из фиолетового тумана. Изредка в нем мелькали огромные разрывы, словно ведущие куда-то за грань этого места.

— Что это такое?

Мой собеседник оглянулся, взгляделся в мерцающую тьму, улыбнулся.

— Нам туда не надо.

— Мы не сможем туда войти?

— Сможем, но лучше не стоит. Это не приветствуется. Эти места отведены не для нас, и подобные вторжения обязательно будут иметь тяжелые последствия.

— Но они не перекрыты, на них нет ни ворот, ни дверей.

— Верно. Но если у тебя есть хоть капля здравого смысла, страха и почтения, то для тебя они не нужны. Совсем не обязательно выпивать яд, чтобы убедиться в том, что он смертелен. Есть двери, которые нельзя открывать. Замки, которые нельзя взламывать. Сокровища, которые нельзя трогать. Ну и сила, которой нельзя пользоваться, — при этих словах он невольно покосился в мою сторону.

Я нахмурился, но не подал вида, что заметил этот взгляд.

— Понимаешь, все при смерти попадают туда, — его рука махнула на очередной разрыв. — Человек, насекомое, животное, бог. Умирают все. Но если происходит что-то

экстраординарное, то ты минуешь это место. И оказываешься там, откуда тебе удалось вырваться.

— Куда мы идем?

— Тебе понравится. Ты один из немногих, кто смог зайти сюда.

— Один из? А кто остальные?

И снова эта проклятая ухмылка! Неужели я и сам так делал?

— Ты далеко не первый, шагающий по этому коридору. И даже не второй.

— Третий?

— Верно.

Я сбился с шага.

— Здесь побывали еще двое?

— Совершенно верно. Это тебя так удивляет?

— Кто же еще смотрел в этот портал?

— Ты стал первым.

После этого я остановился.

— Тогда как сюда попали остальные?

— Есть несколько способов. На данный момент известны три, но их может быть много больше.

— Куда мы идем?

— А я уже и забыл, что ты такой нетерпеливый. Уже скоро.

Мы некоторое время помолчали. Я старался собраться с мыслями, но у меня не выходило. Было ли тому виной волнение, или же просто я все еще не оправился от произошедшего?

— Вот мы и пришли.

Я удивленно поднял голову, мой взгляд уперся в красивую арку из черненого золота и розового мрамора, сияющего мягким серебристым светом. Я с интересом огляделся. Нас больше не окружал туман — за спиной осталась лишь непроглядная тьма. Я протянул к ней свою руку, но мой двойник решительным движением остановил меня.

— Лучше этого не делать. Просто поверь мне на слово.

Я лишь усмехнулся и вновь взглянул на арку. Когда это у нее появились две металлические створки?

— Я так понимаю, ты именно этого и ждал?

Он не ответил мне. Я оглянулся, но мой двойник исчез. Растворился в воздухе практически на моих глазах!

— Хорошо, — прошептал я, подходя к арке и кладя руки на леденящий кожу металл.

Створки не поддавались. Как бы сильно я не давил, как бы ни упирался, как бы ни пыхтел — они не сдвинулись ни на миллиметр.

— Значит, физическая сила бесполезна.

Я бросил взгляд за спину и увидел, что тьма начала сгущаться. То, что раньше заставляло меня испытывать любопытство, теперь начинало по-настоящему пугать.

Я решил призвать пламя. Огонь позволил мне прийти сюда, спасал меня, давал мне жизнь. И он сделает это еще раз.

Мои ладони начали распространять пламя по створкам. Раньше я без труда мог расплавить любой металл, жаром сломать любой камень, искрами воспламенить даже находящееся под водой дерево. И сейчас я был уверен, что справлюсь с досадным

препятствием за пару секунд.

Вот только металл не поддавался. Шли секунды, минуты, а я все еще стоял перед двойными створками. По моему лицу градом лился пот. Я прикрыл глаза, постарался успокоить сердце. А когда открыл их вновь, то передо мной уже виднелся сияющий проход. Створки исчезли, металл впитывался в невидимые щели в камне. Мягкий свет освещал мое нагое тело. Я чувствовал его мощь. Власть, что он обещал, могущество, что дарил, знание, что жертвовал. Он готов был дать мне все это. Оставалось сделать лишь шаг.

И я сделал его.

Я никогда не чувствовал себя лучше.

* * *

— А вот и ты, Ивирион. Ты заставил нас изрядно понервничать.

Я открыл глаза. Сила и слабость, мощь и беспомощность, величие и ничтожность. Я был одновременно всеми и никем. Я был жив и мертв. Я был некромантом. Родителем жизни и жрецом смерти. Я был спасителем, а стал уничтожителем.

Я поднялся. Пола не было. Я парил прямо в воздухе. Передо мной стояла фигура мужчины, но я не мог разглядеть его лицо. Попытка встать оказалась неудачной, и я неловко рухнул вниз. Тьма отступила, мгновенно выделяя мне свободное пространство. Каким же я был ничтожным!

— Не стоит так думать.

Я поднял взгляд. Он подошел ко мне, протянул руку. Она казалась такой знакомой. И его лицо. Лицо!

— Герион!

— Верно, друг мой. Совершенно верно.

Я рывком поднялся, совсем забыв о полном отсутствии подо мною земли.

— Как? Что ты здесь делаешь?!

— Вообще это я хотел спросить тебя об этом, — Герион взмахнул рукой, и мне на плечи упал кусок ткани. — Прикройся хоть немного.

Я огляделся.

— Где мы?

— Там, куда никто из нас не стремился попасть. Место, которого мы всеми силами пытались избежать.

— Значит, я все-таки мертв, — прошептал я. — И что же будет дальше?

— Дальше тебе нужно кое с кем встретиться. И поверь мне: эта встреча изменит все.

* * *

Мы шли по длинному темному коридору. Было ощущение, словно нас окружала неведомая сила, хотя я отчетливо различал за тьмой стены. Словно пещерный тоннель. Эта мысль немного отрезвила меня, поэтому я с удвоенным интересом начал изучать обстановку.

— Такое чувство, словно мы в подземном царстве.

Герион обернулся, ожидая продолжения мысли.

— Когда-то я читал о религии Хассикской империи. Несмотря на то, что их империя простиралась на многие километры, у них была лишь одна религия. Никаких поблажек, никакого инакомыслия. И они не принуждали людей силой. Довольно необычно учитывая то, что происходит сейчас.

Я усмехнулся, вспоминая страх на лице Йоррена. Было ясно, что купец не слишком рад обратиться в веру двух богов.

— Люди, населявшие эту империю, верили, что после смерти есть три пути. Первый был самым лучшим — попадаешь в чудесное место, наполненное светом звезд. Там нет ни несчастий, ни горя. Ничего, что напоминало бы о прежней жизни. Люди там были счастливы. Второй — тьма, наполненная самыми болезненными воспоминаниями. Люди мучились до тех пор, пока боги не решали простить их, тогда они попадали к тем, кто шел первым путем.

Я замолчал. Тьма, в которой я пребывал всего несколько минут назад, была слишком похожа на то, о чем я сейчас рассказывал.

— А третий путь?

— Третий путь — путь работяг. Знаешь, есть люди, которые работают всю жизнь. Годами они пашут, занимаются ремеслом, охотятся. В-общем делают то, что и при жизни. Они полностью обеспечивали существование тех, кто шел первым путем, а также служили тюремщиками тем, кто шел вторым. Самое интересное, что ни один не возмущался подобным! Люди продолжали работать, даже будучи в загробном мире. Они могли уйти в любой момент, но все-таки продолжали выполнять свой долг. Но вот что мне запомнилось: они копали туннели. Постоянно. Да, кто-то продолжал сажать и сеять, добывать дичь и строить здания, но основная масса умерших занималась созданием подземных переходов.

— Почему они это делали?

— О, для того было две причины. Первая — людям нужны были территории. Именно в этих туннелях создавались новые места, в которых шедшие первым путем проводили жизнь. Вернее не так. В туннелях создавались карманы, которые постепенно расширялись, и лишь тогда там создавались условия для жизни. Вторая — шедшие первым путем должны были как-то общаться. Они ходили через эти туннели друг к другу и радовались жизни. Пока одни страдали, а другие постоянно работали, третьи продолжали жить.

Я подошел к стене туннеля и, невзирая на сгущающуюся тьму, прикоснулся к камню.

— У меня такое чувство, что мы идем по этим самым туннелям. Ты — рабочий, что создал это место. Я — тот, кого бросили во тьму страдать, а теперь простили и ведут на свет.

Я поглядел на Гериона, который размышлял над услышанным.

— Это так, Герион? Я действительно прощен и теперь могу жить дальше?

— Ты никогда и не нуждался в прощении. Я был послан лишь для того, чтобы указать тебе путь, пока ты не затерялся в собственной боли и безумии. Я — посланник, не тюремщик. Я тот, кого выбрали для того, чтобы ты сделал шаг навстречу судьбе. Но твой путь еще не определен. Ты можешь сам творить свою жизнь, сейчас все зависит лишь от того, какой выбор будет сделан.

Герион печально посмотрел на свою руку:

— Со мной покончено, Ивирион. Но не с тобой. Только не с тобой.

И только сейчас Я заметил, что мой погибший друг был полупрозрачен. Руки, ноги, торс — все просвечивало, за счет чего можно было видеть стены туннеля, по которому они шагали.

— Ты заметил?

— Что с тобой такое?

— Мое время подходит к концу, и вскоре я стану подобен им.

— Кому?

Герион махнул рукой, указывая на что-то, сияющее немного дальше по туннелю. И лишь приблизившись к источнику сияния, я осознал, что же подразумевал его собрат.

Вдоль туннеля стояли некроманты. Погибшие некроманты.

— Нет, — прошептал я, потрясенно вглядываясь вдаль.

Иеремих, Ардаль, Своррен, а также Кадахсис, Элюэй, Лаффет, Малах — некроманты, что умерли за десятки лет до моего рождения. И были здесь другие. Те, чьи лица оказались затемнены. Словно кто-то не хотел, чтобы их узнали.

Некроманты стояли вдоль всего туннеля, насколько я только мог видеть. И ни один из них не обращал на нас внимания. Они просто стояли, иногда поворачивались друг к другу. Быть может они так общались, но слов я не слышал, как не чувствовал и колебаний магии, которые должны были быть, ведь я находился в окружении себе подобных.

— Они мертвы, Ивирион.

— Знаю, — я подошел к Своррену и попытался прикоснуться к прозрачному образу мертвого глоссериана, но мне помешал Герион.

— Они мертвы, — повторил некромант, удерживая руку. — Мертвы. Окончательно, Ивирион. Их нельзя оживить. Это просто невозможно.

— Почему? В чем причина?

— Наши исследования. Магия, смерть, жизнь и управление ими искалечило наш дух. Но мы не признавали этого. Не признавали раньше, не признаем и в будущем. Даже сейчас, полностью осознавая все то, что я с собою сотворил, я все равно сделал бы все то, что раньше. Любой из нас повторил бы прошлые эксперименты, выпади нам такой шанс. И вот ни один из нас теперь не является тем, кем был при жизни.

Я опустил руку.

— А ты? Ты все еще тот, кем я тебя помню?

— Пока что.

— Почему?

— Потому что я пожелала этого.

Из темноты коридора выступили фигура. Глаза Гериона расширились, весь его вид выражал обожание и трепет, которого я никогда не замечал у брата при жизни. Это была девушка. Она оказалась столь прекрасна, что на миг мне показалось, как мое сердце забилось вновь. Ее кожа была фиолетовой, а тело закутано в серебряную одежду. Ее глаза сияли, а темные волосы доставали до пояса.

— Госпожа! — Герион опустился на одно колено, не смея даже поднять взгляд.

Я же застыл, полностью осознавая, что должен был опуститься на колени, что должен был пасть ниц перед той, кому посвятил свою жизнь. Но не мог. Я не мог этого сделать, хоть и страстно желал.

— Спасибо тебе, Герион. Ты сопровождал нашего гостя и спас его из пучин безумия. Прости, но тебе придется вновь стать одним из них, — девушка махнула рукой в сторону мертвых некромантов. — Прости.

— Я все понимаю. Мое время истекает, а вы истратили слишком много сил, чтобы дать мне даже эти несколько часов жизни. Спасибо вам за этот шанс. Спасибо.

Герион отошел в сторону и встал между несколькими давно умершими некромантами. Только сейчас я понял, что среди них было свободное место. И теперь его занял Герион.

Я встретился взглядом со своим убитым собратом. Герион улыбнулся:

— Ничего страшного, Ивирион. В смерти есть что-то... притягательное. Но не стоит стремиться попасть сюда. Никогда не стоит. — Герион плотно зажмурился, когда его тело начало распадаться. — Отомсти за нас, Ивирион. Убей этого ублюдка. Заставь его страдать. Сожги Сиптуага. Сожги его...

Герион замолк, тело стало абсолютно прозрачным, а соседи его тут же повернули головы к вернувшемуся собрату, словно ведя с ним диалог.

— Идем, Ивирион, нам пора. Это место губительно для тех, кто здесь быть не должен.

— Куда мы идем?

— Туда, где я расскажу тебе все. И покажу.

* * *

Дворец был прекрасен. Его башни уходили в бесконечность, сотни мостов соединяли каждый их этаж, а в воздухе кружили призрачные существа, отдаленно напоминающие птиц.

Я следовал за Смертью, пока та вела его по своим владениям. Необъятные сады, множество заполненных душами залов, мрачные, но величественные статуи и картины.

— Картины?

— Нет. Фрагменты воспоминаний. Лучшие из тех, что я смогла отыскать.

— А статуи?

— Творения воображения. Зачастую люди не могут довести свою работу до совершенства, постоянно мечтая и думая о том, как бы что-либо улучшить. И вот они здесь. Эти статуи можно изменить в любой момент, достаточно лишь пожелать. Души умерших постоянно ходят здесь, наблюдают за реакцией на скульптуры и совершенствуют свои творения. Постоянно.

Души. Так много душ. Они ходили здесь, бродили по коридорам, залам, мостам. Они были свободны настолько, насколько это вообще возможно, а мои братья стояли там внизу, отрезанные от этого прекрасного места.

Мы еще какое-то время шли по залам, пока внезапно не оказались одни. Совсем одни в комнате, в которой раньше не находились.

— Я обещала поговорить с тобой, Ивирион. Я обещала рассказать тебе правду. И я не солгала.

Смерть присела на невысокий трон, что стоял прямо напротив балкона, и взглянула прямо в мои глаза.

— Садись, Ивирион. Задавай мне любые вопросы, и я дам тебе на них ответ. Я могу рассказать тебе обо всем, что не касается бессмертия.

Я присел на появившееся передо мною кресло и устало оперся локтями о колени. Мой разум разрывался на части от открывавшихся возможностей. Знания? Ответы на вопросы?

Я открыл внезапно пересохший рот, но не смог выдать из себя ни звука.

— Я так многого не могу понять, — наконец смог прохрипеть я. — Так много того, чего я не способен постичь. Знания, сила, власть. Противостояние богов и смертных. Их указания и наказания. Они веселятся, наблюдая за тем, как мы рвем друг друга на куски, словно дикие

звери. Они смеются, а рыдаем мы. Аргетовые монстры, два бога, некромантия, Прародитель — все это скрывается от меня. Ускользает от моего взора раз за разом. Я близок к цели, но как только начинаю думать, что все уже кончено...

Я замолчал, из глаз побежали слезы, а тело начало слегка дрожать. Эмоции, которые я считал похороненными на самых задворках собственной души, начинали брать верх. Жалость, отчаяние, страх. Я хотел забыть их все, желал стать лучшим, сильнейшим и могущественнейшим. Не только среди пиррионов, а из всех некромантов. И не для себя, а ради нее.

— Все, — прошептал я, поднимая свои глаза на Смерть и встречаясь с нею взглядом. — Я хочу знать все.

Она мягко улыбнулась, принимая мое желание и ощущая мою решимость.

— Хорошо, я расскажу тебе все.

* * *

— Ты доволен?

Я медленно кивнул, прежде чем осознал это действие. Груз ответственности, знаний и вины лег на мою душу. Он давил меня вниз так, словно пытался сломать. Я пытался держать себя в руках, но это было подобно противостоянию самому богу. Как я мог оставаться прежним после всего того, о чем сейчас узнал?

— Никак, Ивирион. Знания — сила, которая управляет многим из того, что материально.

Смерть наклонилась вперед. Сейчас ее лицо находилось прямо напротив моего. Как же она была прекрасна! Фиолетовая кожа сияла мягким внутренним светом, серебряные глаза излучали настоящую радость, а изящные тонкие губы изогнулись в красивой, немного дерзкой улыбке.

— Жизнь и смерть. Смерть и жизнь. Все это единое целое. Не круг, не цикл, не череда событий. Смерть едина с жизнью и не может существовать без нее точно так же, как жизнь не существует без смерти.

— «Смерть, еще не доказательство того, что этот человек жил» — так сказал один из вассалов короля Кахиса, стоя над телом убитого им же сюзерена. — Я слегка улыбнулся, когда вспомнил эти слова.

Прекрасная повелительница мертвых отодвинулась в сторону и подошла к окну. Снаружи уже взошла луна. Такая неправильная и такая притягательная, она заслоняла практически весь горизонт. Невозможно было представить, что такое может существовать на самом деле.

— Как ты думаешь, Ивирион, способен ли человек жить без страха? У животных вы это называете инстинктом самосохранения. Человек кормит — он хороший, человек бьет — к нему не нужно подходить. И больше ничего. Животные чисты, безвинны, но они слишком просты и не могут осознать всего окружающего их мира. А люди? Если вы обжигаетесь, то боитесь и становитесь аккуратнее. Вы понимаете, что будет, если вы повторите свою ошибку. И именно страх вас заставляет идти дальше и переступать через препятствия. Но он же и может вас остановить.

Ее рука заскользила по воздуху. Смерть словно пыталась дотронуться до далекой луны.

— А если бы человек забыл о страхе, стало бы у меня больше гостей? Заполнились бы эти залы душами отцов и матерей, воинов и правителей? Насколько я знаю, многие некроманты полагали, что в первую очередь нужно избавляться именно от страха. А затем и от оставшихся эмоций.

— Но тогда человек станет мертв, — осмелился прошептать я.

Ее серебристые глаза бросили в мою сторону полный любознательности взгляд.

— Продолжай.

— Эмоции. Именно они всегда отличали живое от мертвого. Камень не может сострадать, вода — сопереживать, песок — радоваться, стекло — бояться. Они просто существуют. И человек без эмоций будет точно таким же. Эмоции должны быть. Всегда! Радость, печаль, страх, ярость, ненависть — если ты способен испытывать это, то все еще жив.

— Именно, — она опустила на деревянную скамью. — Я рада, что ты это понимаешь. Без эмоций невозможно жить, а их отсутствие подобно смерти.

— Их путь был ложным с самого начала, — пробормотал я, мысленно прокручивая в голове историю наших исследований. — Как долго?

— Что?

— Как долго они шли этим путем? Удаление эмоций, их стирание из человеческой души. Сколько лет?

— Тридцать два года.

При этих словах мое сердце сжалось.

— Сколько потеряно времени!

— Верно, но сейчас все изменилось. Теперь у вас появилась надежда. Вы сможете достичь того, что уходило от вас так долго. Вы — новые звезды на небосводе. Ты и Экраон. Я видела вас. Ваши нити давно уже играли в музыке мироздания, словно звуки арфы. Экраон был первым, ты — вторым. А теперь в музыку вплетаются и новые участники. Цидариас и Таррес. Оба — ошибки мироздания, которым дан второй шанс. Первый получил большую силу, когда Экраон решился на отчаянный шаг, второй — по ошибке извращен тем, кого ты призвал. Серебряный ужас, вырвавшийся в реальность, не просто изменил положение на игровой доске. Он добавил новые фигуры, а старые оказались отброшены прочь.

Серебряные слезы проложили на фиолетовых щеках сияющие дорожки.

— Если бы вы только знали, что за силу призывали в тот миг.

— Я не знал ничего, именно поэтому так и поступил. Мне так хотелось узнать ответ, что я не стал задумываться ни на секунду. А последствия, — я оглядел свое тело, еще несколько часов назад прошедшее через ужасающие муки, — оказались страшнее, чем я мог предполагать.

Смерть кивнула, вытерла слезы и положила мне на щеку теплую ладонь.

— Вы так близки, Ивирион. Так близки. Ваше время пришло. Вы — будущее своего мира. Эра некромантов стала близка как никогда раньше. Эра бессмертия. Вечной жизни. И вы те, кто заставит ее наступить.

— Можно спросить?

— Конечно.

— Зачем? Мы поклоняемся вам, боготворим вас, боимся вашего касания, но каждый день продолжаем ходить по краю пропасти. Но почему вы хотите, чтобы мы добились бессмертия?

— А ты разве еще не понял?

Смерть аккуратными шажками отошла от меня.

— Все что живет — умирает. А все что умерло — когда-то жило. В день погибают сотни тысяч людей, еще больше животных и растений. А уж о других существах я даже говорить не хочу. Каждый день, каждое мгновение я ощущаю их боль. Их страдания ни с чем не сравнить, а их ужас грозит поглотить меня.

Она плотно закрыла глаза.

— Даже сейчас я ощущаю ту тяжесть, что мне приходится нести. Эта боль неопишима. А их ненависть, — она взглянула на меня. — Ты понимаешь каково это, каждую секунду осознавать, что ты ненавидим всеми? Дети, у которых отняли родителей, родители, потерявшие детей, жены погибших солдат, друзья заболевших — все они ненавидят меня. Ненавидят и боятся.

Смерть содрогнулась, ее кожа слегка потемнела.

— Я больше не могу этого переносить. Просто не могу. Именно для этого мне и нужны были вы. Некроманты — последний мой шанс. Моя надежда. Скажи мне, что случится, если вы добьетесь своей цели? Если бессмертие станет доступным для всех, что случится с миром?

— Люди перестанут бояться? Они начнут жить в счастье и достатке. Бедные смогут изменить свою жизнь, нищим больше не нужно будет валяться в грязи ради куска хлеба. А солдатам больше не нужно будет сражаться, ведь все смогут жить в мире.

— Это верно. Но что станет со мною?

— С вами?

Она печально улыбнулась.

— Если ты станешь бессмертным, а затем и все люди, что будет со мною? Что случится со Смертью, если все перестанут умирать?

Я открыл рот, но слова не слетели с моего языка. А ведь и правда, что? Что случится с той, что очищала этот мир от излишеств? Что будет с той, к кому больше не явится ни одна разъяренная душа, стенающая о несправедливости мира?

— Именно. Добившись бессмертия, вы совершите немалый подвиг. Вы сделаете так, чтобы никто больше не страдал. Вы совершите самое грандиозное убийство. Вы убьете смерть.

Я почувствовал, как по моей спине пробежал холодок.

— Убить... Смерть?

— А какова, по-твоему, цена бессмертия? Отсутствие смерти значит то, что ее больше нет. А если чего-то нет — оно мертво.

Смерть резко развернулась; в ее серебряных глазах теперь пылал огонь.

— Вопрос лишь в том, способны ли вы на это? Пойдете ли вы до самого конца ради своей мечты? Ради мечты, которую отвергают ваши убийцы. Ради моей мечты.

Я молчал, осознавая всю тяжесть принимаемого мною решения. Готов ли я? Смогу ли? Идти до самого конца, не считаясь ни с чьим мнением, разрывая все законы и условности. Смогу?

— Да. Да, я смогу.

Я с силой сжал кулаки.

— Я пойду до конца. Я уничтожу всех на своем пути, я сокрошу все препятствия и исполню вашу мечту. Я смогу!

Ее руки легли на мое лицо. Она оказалась так близко, что я едва не рухнул на колени.
Серебряные слезы счастья стекали по щекам.

— Я знаю. Ты не подведешь меня.

Ее губы коснулись моих.

А теперь возвращайся. Возвращайся и спасай свою мечту, мой жрец.

Религия — прекрасная вещь. Она помогает правителям контролировать тех, кто предпочитает их воле божественную. Ведь кто такие люди, чтобы спорить с желаниями своих богов?

Король Лирр общаясь с вселенским понтификом.

Его тело лежало на жесткой каменной плите, покрывшейся сетью трещин. Труп скрывала темно-синяя ткань, пропитавшаяся влагой подвала. Рядом с плитой лежал волк-скелет, неотрывно следя за телом. Надежда на положительный исход не покидала разум воскрешенного животного. Надежда на то, что его хозяин все еще был жив.

Изморозь покрыла стены помещения, старая паутина рассыпалась сотней осколков. Хелион вскинул свой череп и начал озираться по сторонам, ожидая появления врага.

Ткань дернулась и упала на пол.

— Так ты был здесь все это время?

Хелион замер. Одно бесконечно долгое мгновение он не двигался, силясь поверить в произошедшее. А затем бросился вперед. Череп уткнулся в обнаженную мускулистую грудь, лапы легли на плечи хозяина. Ивирион погладил голову своего любимца:

— Все в порядке. Теперь все будет в порядке.

Ивирион поднялся с холодного камня. На нем не было одежды, лишь рядом валялась тот грязный и рваный плащ, в котором его нашли собратья.

— Одежда. Я только что вернулся из царства мертвых, а первое о чем я подумал — одежда, — прошептал Ивирион, с удовольствием проводя пальцами по ткани. Такое простое чувство, а такое приятное.

— Что произошло, пока меня не было? Что с войной?

Хелион отошел в сторону. Огонь в его глазницах сменил цвет, переливаясь желто-синими оттенками.

— Ясно.

Приложив ладонь к собственной груди, пиррион замер, ощупывая пальцами твердые мышцы, скрытые под холодной кожей. Ничего. Ни единого удара сердца. Удовлетворенно кивнув самому себе, Ивирион пошел на выход.

— Идем, Хелион, нам необходимо выиграть самую главную битву в жизни. Битву с богами.

* * *

Экраон с Цидариасом стояли возле стола с картой. Рядом толпились несколько помощников одлеттиана, а на балконе спорили двое приглашенных некромантов. Оба были последними материализаторами. Таррес — единственный выживший глоссериан — во дворе руководил подготовкой. Вот и все, что осталось от некогда могучего братства.

— Так мало, — печально прошептал Экраон.

— Согласен, но большего у нас нет. Силирос умер, а заодно погубил и многих других.

Его ошибка стоила нам слишком дорого.

— И с этим мы собираемся противостоять врагу? Три живых некроманта, один мертвый, и еще один без сердца? Скольких мертвецов мы смогли собрать?

— Пока неизвестно. Помощники все еще продолжают поиски захоронений и безымянных могил, но счет уже идет на единицы, а не десятки.

— Нам нужно больше, Цидариас. Гораздо больше. наших сил едва хватает, чтобы прикрыть стены, но что будет, если враг ворвется во двор?

— Тогда их встретят слуги и крестьяне, — решительно отменил любые сомнения Цидариас. — Эти люди потеряли все, Экраон. Им просто уже нечего бояться. Нечего терять. Они будут драться.

— Хорошо, — Экраон провел пальцами по карте, выискивая любую возможность для улучшения их положения. — Поля. Мы можем поджечь их, тогда у нас получится отрезать врага сразу с двух направлений. Им придется идти в обход, а у нас будет дополнительное время. Сомневаюсь, что нам доведется еще хоть раз собрать с них урожай.

— Не уничтожим мы — враг получит дополнительное зерно. А на его сборы у нас совершенно нет времени.

— Придется обрушить мост, — указал Экраон на небольшую метку на карте. В его владения вело великое множество дорог, но будь он проклят, если не уничтожит самые очевидные пути подхода, а на остальных не замедлит продвижение захватчиков!

— Мы сможем сделать это.

Материализаторы наконец закончили свои приготовления и теперь подходили к столу. У каждого за плечами висел большой мешок, доверху наполненный костями и артефактами.

— Будет несложно. На всякий случай оставим несколько ловушек.

— Как же я рад, что даже в такой ситуации вы все равно продолжаете бороться!

Слуги с криками бросились врассыпную, некроманты встревожено обернулись. Никто и не думал следить за дверью. По-крайней мере до этого момента.

Широко улыбаясь, Ивирион ступил в кабинет Экраона:

— Никогда бы не подумал, что некроманты будут вместе сражаться за свою мечту.

Молчание затягивалось. Напряжение было настолько сильно, что его можно было ощущать физически. Воздух практически дрожал от едва сдерживаемых эмоций. Неверие. Шок. Радость. Гнев. Ненависть.

Первым пришел в движение Цидариас. Татуировки вспыхнули, ноги поджались, а затем выбросили некроманта вперед. Одним этим движением преодолев разделявшие их четыре метра, Цидариас с силой ударил Ивириона в лицо. В эту секунду его физический потенциал был невероятен. Он был сильнее любого смертного существа, его пальцы с легкостью были способны раскрошить камень. Но в тот момент, когда его рука ударила Ивириона, он понял, что попытался сломать несокрушимое.

Пиррион — или создание, принявшее его облик — даже не дернулся. Ивирион лишь моргнул, и зеленое пламя отбросило Цидариаса в сторону, впечатывая некроманта в стену.

Следующим атаковал Экраон. Сияющие кристаллы его когтей разрубили воздух, посылая на Ивириона десяток стенающих душ. Они принадлежали захватчикам, до которых смог добраться Экраон. Даже в смерти эти воины жаждали отмщения, и сейчас у них появилась такая возможность.

Бестелесные духи атаковали мечами, столь же нематериальными, как и они сами. Призрачные клинки рубили конечности врага, кололи его спину, но их оппонент лишь

продолжал улыбаться, полностью игнорируя подобные атаки.

Экраон не стал медлить — происходящее выходило за рамки возможного, но он ни на секунду не засомневался в том, что существо перед ним не являлось Ивирионом. Он просто не мог быть им!

Кристаллические когти погрузились в живот и грудь мужчины, обрекая его на самую ужасную смерть, что знал Экраон.

Вот только в этот раз его жертва даже не вздрогнула. Цепкие бледные пальцы обхватили запястье Экраона. Резко рванув руку некроманта в сторону, Ивирион с легкостью поднял одлеттиана и отбросил в сторону.

Двое материализаторов выступили вперед, кости в их пальцах уже начинали сиять.

— Хватит!

Кости взорвались сотнями осколков, бросая некромантов о стену. Цидариас, уже поднявшийся на ноги, вновь оказался повергнут на колени. Мощная волна жара швырнула Экраона к балкону и, если бы он не успел вцепиться в стену, обязательно бы рухнул во двор.

Ивирион легко шел вперед, а сбоку от него ступал Хелион.

— У нас совершенно нет на это времени.

Прислуга в ужасе замерла, не решаясь вмешаться в противостояние некромантов. Глаза Ивириона обвели поверженных собратьев, задержавшись на каждом на время, достаточное для того, чтобы сделать соответствующие выводы.

— Надеюсь, вы закончили?

— Хелион? — прохрипел Цидариас. — Что ты делаешь?! Это не Ивирион!

Волк оглянулся на Ивириона, а затем решительно встал между бушующим штейгером и своим хозяином.

— Что это значит?

— А ты еще не понял? — Экраон встал на ноги и осмотрел когти на перчатке. — Мои когти не навредили ему, хотя ничто еще не могло перенести подобной раны. Даже тот серебряный монстр страдал от контакта с ними.

Экраон сжал кулак и взглянул прямо в глаза Ивириона. В зеленые глаза, у которых не было даже намека на зрачки.

— Моя сила способна сокрушать жизнь, но она не может навредить тому, что уже мертво. Твое сердце не бьется, Ивирион. Я ведь прав? С самого момента, когда ты ступил в эту комнату, ты не сделал и вдоха. Твои веки не двигаются, глаза холодны, а кровь давно утратила прежнюю теплоту и перестала двигаться по телу. Ты — труп, утративший все признаки живого существа. Ты стал подобен мне.

— Верно.

Экраон еще долго смотрел на пирриона, слуги не решались даже шелохнуться, чтобы не нарушить хрупкого спокойствия. Старый одлеттиан хотел задать множество вопросов, которые распирали его, но сдержался. Когти перчатки заскребли по камню: Экраон пытался успокоиться.

— Хорошо. Теперь у нас появился шанс на победу. Возможно, мы даже сможем пережить эту бойню.

— Нет Экраон, — решительно прорычал Ивирион. Сила, мелькнувшая в его голосе поразила одлеттиана своей невероятной мощью и решительностью. — Мы победим. Иного исхода просто быть не может.

Мертвые вышагивали единым строем, постепенно заполняя стены. Скелеты и еще не начавшие разлагаться тела, разнообразные хищники и монстры. Экраон выпускал все, что скопилась в его темницах и подземельях за последние столетия.

Связанные души вызволялись из своих клеток, связывающие их печати ослаблялись ровно до такой степени, чтобы они могли самостоятельно передвигаться. Придет время, и некроманты позволят им обрушить всю свою ярость на врагов. Но до тех пор их силы были сильно ограничены.

Материализаторы ушли расставлять ловушки, Таррес подготавливал свитки, Цидариас проверял призванных мертвецов. Ивирион и Экраон общались в самой высокой башне дворца.

— Как ты оказался там?

— Не знаю, но полагаю всему виной портал, что раскрыли я и Таррес. Быть может, это была судьба. Сила портала оказалась настолько древней, что легко смогла бы исказить мою душу. А уж про Тарреса я вообще молчу. И теперь у нас есть уже третий бессмертный некромант.

Ивирион печально улыбнулся и взглянул на Экраона.

— Ты понимаешь, что теперь у нас есть шанс? Ты и я. Нашей силы достаточно, чтобы сломить хоть сотню воинов сразу. А мощь гнева Цидариаса так велика, что он с легкостью сможет биться наравне с нами, если не лучше. Таррес и остальные смогут управлять неживыми, но победа будет вырвана нашими руками.

Экраон мрачно поглядел на армию мертвецов.

— Это будет бойня. Я видел, что произошло у дворца Харонтара, а ведь там была объединенная армия нескольких десятков некромантов. Что же будет здесь? Мертвецов в нашем распоряжении явно недостаточно, однако мой дворец хоть и не имеет великолепного стратегического расположения, лучше остальных подходит для ведения обороны.

— Я тоже так считаю. Не думаю, что они захотят вести затяжную осаду. У них считанные дни до момента появления Аргетовых монстров. Они полагают, что мы — причина их появления, поэтому постараются закончить все как можно быстрее.

— Думаешь, они пойдут на приступ сразу? Без всякой подготовки?

— Возможно. Но пробные атаки все же будут. Возможно одна-две, а затем окончательный штурм.

Ивирион решительно сжал кулаки.

— Мы не можем проиграть, Экраон. Просто не можем. И причина вовсе не в том, что я боюсь умереть. А в нашей цели. Добиться ее — наша основная задача. И больше ничего. Станет ли ценой этому наша жизнь или жизни этих фанатиков — мне без разницы.

Пиррион закрыл глаза, пылающие невероятной зеленью. Огонь — его оружие. Им он создавал смерть и творил подобие жизни. С его помощью он уничтожал и создавал. А теперь огонь будет способом спасти их мечту.

— Они уже близко.

— Откуда ты знаешь?

Ивирион улыбнулся одними глазами.

— Я слышу их страх.

Они приближались сразу с трех направлений. Конница, копейщики, мечники, обычные фанатики, вооруженные чем попало.

Разведчики бросились вперед. Изредка они натыкались на ловушки, случайно запуская их действие. На лошадей бросались разлагающиеся мертвецы, из-под земли вырывались когтистые лапы, в воздухе мелькали едва видимые сущности.

Количество жертв были небольшим, но ряды разведчиков сильно поредели. А некоторые отряды оказались уничтожены. Но это было подобно капле в океане.

Некоторые призраки еще долгое время бушевали на отведенной им территории, пока до них не добрались серебряное и золотое духовенства. Священники разрывали призванные сущности на клочки, уничтожали всех измазанных в грязи мертвецов, что только осмеливались к ним приблизиться.

Сиптуаг просто втапывал в грязь всех, кто встречался на его пути. Его посох без устали поднимался в воздух и обрушивался на черепа, дробил кости, рвал ткань мироздания, окружающую призраков. Он уничтожал все, что вставало между ним и его целью, что была столь близка.

Последний дворец, принадлежащий последнему некроманту, являющемуся последним врагом людей. Никто еще не был так упорен в борьбе за свою веру, никто еще не был ему так отвратителен. Некроманты поражали его. Глупостью, силой, ненавистью. В том, как они цеплялись за свое поклонение смерти, было что-то отталкивающее, но в то же время он не мог не уважать их стремления сражаться.

Солдаты в белых плащах прорывались к дворцу последнего некроманта, ставшему нечестивым символом этих мертвых земель.

И они намеревались его уничтожить.

Ивирион оказался прав. Армия захватчиков разделилась на четыре: одна огромная и три маленькие. Первая окружила дворец, отрезая все пути к отступлению. Остальные скопились в двухстах метрах от дворца, находясь при этом прямо напротив трех ворот, что вели во дворец.

Три армии. Три отряда на передовой. Мечники, копейщики, всадники, лучники — всего больше тысячи солдат. Пропел рог, и вся эта ошеломляющая мощь двинулась вперед. Уже с первых шагов лошади перешли на галоп, люди — на бег. За ними следовали немногочисленные боевые псы, еще не получившие команды от своих хозяев. Впереди бегущие солдаты держали в одной руке щиты, а второй сжимая длинные деревянные лестницы. У них была проста задача — выжить и добраться до стены, обеспечив прорыв всем остальным.

Люди ожидали всего: нападения призраков, атаки мертвых, броска монстров. Да хотя бы простого обстрела стрелами. Но их никто не тронул.

Лестницы уперли в землю, дюжие воины навалились и за считанные мгновения приставили их к дворцовым стенам. Солдаты бросились вперед, и уже через несколько

секунд карабкались вверх.

Все три отряда подошли к стенам. Все три приставили лестницы. Все три жаждали убийства.

И лишь когда они находились на середине пути, некроманты сделали свой ход.

Они не стали обрушивать на врагов свою силу. Не насылали заклинания или проклятия, а мертвецы на стенах не сдвинулись ни на сантиметр. Вместо них все сделали призраки. Спущенные с привязи, эти нематериальные монстры обрушились на бедных людей, разрывая их доспехи и плоть, замораживая кровь и обжигая хладом кожу. Солдаты кричали от боли; немногочисленные раненые, совершенно забывая о всякой осторожности, начинали размахивать оружием и падали на головы своих товарищей, добавляя сумятицы во всеобщий хаос.

Атака захлебывалась, люди переставали контролировать себя, не решаясь продолжать бой. Но кое-кто еще сохранял самообладание. Всадники устремились к воротам, в их руках были зажаты факелы. Они должны были использовать их лишь, когда солдаты доберутся до стен, но ни один план атаки никогда не шел гладко. Всадники подобрались к воротам и обрушили на них свою ношу. Огонь нехотя охватил дерево и начал распространяться по толстым доскам.

Ровно до тех пор, пока Экраон не остановил его. Огненные языки, охватившие было дерево, оказались уничтожены, а ворота отныне покрывала легкая изморозь. Одлеттиан стоял на стене, наблюдая за тщетными попытками противника и направляя призраков туда, где они были нужны.

Немногочисленные солдаты одного из отрядов все-таки добрались до стены и с воинственными криками спрыгнули с лестницы. Но лишь для того, чтобы их разорвали мертвецы. Воины были вооружены тяжелыми тупыми мечами, идеально подходящими для ломания костей, но сейчас на них вышли мертвецы, еще не поддавшиеся разложению. И внезапно оказалось, что оружие, которое было эффективно против мертвецов ранее, сейчас не приносило никакой пользы! Тупые лезвия бессильно били гниющую плоть, ломали кости под ней, но не могли свалить ни одного противника. Удерживаемые волей некромантов мышцы даже будучи разорванными все равно двигали мертвецов вперед. Навстречу их противнику.

Мертвые не боялись, не отступали, не сомневались. Они набрасывались на врагов по трое-четверо за раз. У них не было морали, они не ведали жалости, а просто уничтожали все, что их повелители считали опасным.

Мечники отступали назад, пытаясь сохранить хоть какое-то подобие порядка. Они потеряли многих, но не могли просто взять и сбежать. Им не позволяла гордость.

Некромантам же было плевать на их чувства. Цидариас обрушился на мечников. Его ладони сомкнулись на голове первого из них. Мышцы напряглись, вены вздулись. Секунду мужчина пытался сопротивляться невероятной силе некроманта, а затем его голова оказалась оторвана от тела.

Его товарищи отступили, их глаза были расширены от ужаса. Они не могли поверить в увиденное. Просто не могли!

— Проваливайте с этой земли!

Растопыренные пальцы некроманта пробили грудную клетку следующего врага и вырвали все еще брызжущее кровью сердце.

— Проваливайте с этой стены!

Разум нового противника сокрушила волна безумия, выплеснутая Цидариасом прямо в сердце его души. Он видел ужасы, сотворенные им. Испытывал боль, причиненную им.

— Проваливайте из этого дворца!

Последний мечник попытался проскользнуть мимо Цидариаса и вновь забраться на лестницу, но мощный удар ноги прервал его попытку к бегству, а позвоночник мужчины оказался переломлен зубцом стены. Он еще отхаркивал кровь, когда над ним навис Цидариас.

— Добро пожаловать в ряды защитников, — едва слышно прорычал он, после чего быстрым ударом перебил ему горло.

* * *

Последние нападавшие бросили свое оружие и побежали назад. Их товарищей постигла незавидная участь, и теперь они стояли там, на стене, рядом с немногочисленными защитниками. Несколько всадников устремились к головным силам армии. Их уцелело до обидного мало. Из чуть более полутора сотен выжили лишь тридцать. Остальные угодили под удары Экраона и его призраков.

Сиптуаг вышел вперед, оставляя всех остальных командующих за спиной. Золотое и серебряное духовенства следовали за своим повелителем, оставаясь при этом на почтительном расстоянии.

Командир всадников остановился в нескольких метрах от архиерея и рухнул на землю. Белая ткань, скрывавшая его кольчугу, пропиталась кровью. Под ней все еще виднелись осколки льда, пронзившие плоть.

— Господин... Простите нас, — отхаркивая кровь и слюну, прохрипел всадник. — Они... Они подготовились... Мы даже не смогли проникнуть во двор... Даже не повредили ворота...

— Хватит, — на голову едва живого мужчины легла ладонь.

Сиптуаг встал сбоку от солдата, его яростный взгляд был устремлен на дворец. Он оценивал, размышлял, просчитывал варианты. Результат этой пробной атаки его совсем не радовал. Никто и не думал, что они возьмут дворец с первой же попытки, но в этом и не было цели. Солдаты должны были атаковать, разбить или поджечь ворота, оценить обстановку за стенами замка и быстро вернуться обратно.

Но ни один из тех, кто проник на стены, не ушел с них живым, а ворота так и остались стоять. Их не взяло ни пламя, ни сталь. Даже отсюда было слышно, как боевые топоры со свистом врубаются в дерево, а затем ломаются на части.

Что бы ни сделали некроманты, они были готовы выложить все свои козыри. У них больше не было надежды, ведь этот дворец стал последним оплотом их нечестивой магии. Скоро миссия святого воинства будет окончена.

— Еще раз. Атакуйте еще раз. Пошлите две тысячи солдат, но на этот раз лишь с одного направления. Выбейте ворота. Зажгите пламя нашего гнева. Будьте молотом, что сломит любое сопротивление на наковальне нашей церкви!

* * *

Серебряное духовенство вело их в бой. Две тысячи солдат шагали навстречу битве, которая должна была вскоре стать самым тяжелым испытанием в их жизни. Тысяча мечников, шестьсот копейщиков и алебардщиков, четыреста лучников.

Десять воинов серебряного духовенства шли в самом сердце построения, не переставая подбадривать солдат на битву. Священники. Воюющие священники.

Триста шагов. На таком расстоянии от дворца замерли солдаты, ожидая приказа атаковать. Они *жаждали* этого приказа.

Мертвые стояли на стенах так плотно, что не было видно даже бреши в их рядах. Цидариас и Экраон были здесь же. Материализаторы и Таррес проверяли мертвецов и созданные ими ловушки, а Ивирион с балкона наблюдал за приближением врага.

Зеленые глаза некроманта едва заметно двигались, стараясь оценить весь масштаб надвигающейся угрозы.

— А их стало больше.

Хелион оперся передними лапами на перила. Пламя вокруг его костей было довольно слабым. Ивирион заметил это, едва только к стенам дворца начали подступать первые солдаты.

— Они сильны. Очень сильны. Их вера, их решимость, их надежда. Они так хотят убить нас, что эта жажда затмевает все остальные чувства, — Ивирион раскинул руки, словно наслаждаясь исходящей от нападающих угрозой. — Их ярость, гнев, ненависть. Они питаются этим. Сами того не замечая эти люди порождают новый ужас, что захлестнет их мир.

Пропел рог — армия двинулась вперед. Люди кричали от ярости, ревели от восторга.

— Ничего. Я укажу им всю ту опасность, что таит мир, — Ивирион запрыгнул на перила; ветер развеивал его длинные черные волосы. — Я покажу им боль и радость. Отчаяние и надежду. Смерть и жизнь!

Некроманты начали оглядываться. Они почувствовали силу Ивириона и то, что последует за этим. Почувствовали и ужаснулись. Их собрат уже не был человеком. Не был ни живым, ни мертвым. Он стал тем, чего они боялись, и на что надеялись.

— Он монстр, — прошептал Цидариас. — Он просто монстр.

— Нет, это не так. Он не монстр. Он стал тем, кем и хотел. Олицетворением самой Смерти.

Ивирион стоял над пропастью, под ним находились слуги и крестьяне. Стены заполонили мертвецы, а снаружи стояли враги. И он должен был убить их. Убить их всех.

— Умрите. Станьте частью бессмертия.

* * *

Они бежали вперед. Земля под их ногами дрожала, оружие бряцало. Доспехи гремели на каждом шагу. Поддоспешник пропитывался потом, людям становилось жарко. Так жарко, что хотелось сбросить с себя эту ношу.

В балладах часто рассказывалось о тех подвигах, что совершили рыцари и другие герои. Они были сильны, быстры, а их доблести и благородству могли бы позавидовать боги. Но ни в одной из них не рассказывалось о том, как тяжело было носить эти доспехи. Бежать в них было пыткой. Даже обычная ходьба доставляла множество хлопот. Поэтому многие

обменяли свои доспехи на более легкие варианты: кольчужные рубахи и кожаные доспехи. Солдаты уже давно поняли, что у некромантов не было такого оружия, что смогло бы повредить им, поэтому и не видели смысла в подобной защите.

Двести шагов. До сих пор никакого ответа на атаку. Земля здесь уже была так избита, что казалась камнем: конница не пощадила ни единого ее сантиметра.

Сто пятьдесят шагов. Первые следы недавнего побоища. Несколько трупов тех, кто смог отступить, но был слишком изранен, чтобы продолжать идти.

Сто шагов. Дыхание сбилось окончательно. Ноги едва передвигались, но никто не останавливался. С губ слетала слюна, солдаты хрипели, заставляя себя двигаться на последних крупицах воли.

Семьдесят шагов.

— Смотрите! Наверху!

Не было приказа остановиться. Никто не крикнул «Стоять!». Никто не предупреждал об опасности. Однако армия — все две тысячи атакующих — застыла на месте. Даже серебряное духовенство на мгновение обратило свой взор к небу, после чего каждый из его представителей замер. Долгое мгновение люди смотрели, силясь поверить в происходящее. А затем все пришли в движение.

— Разбегайтесь!

— Все в стороны!

И вот тогда на них обрушился огненный дождь.

Солдаты бежали, спотыкались, падали на землю и снова принимались бежать. Они никогда еще не были так напуганы. Даже когда против них выходили мертвецы, они все равно продолжали сражаться. Потому что они могли противостоять врагу! А что они могли сделать падающему на них аду?

Огонь обрушился прямо в центр построения. Малые сферы упали на фланги, заставляя людей сбиваться в центре. Зеленый огонь без труда раскалял доспехи и кольчугу. Мечи и наконечники копий раскальвались, не выдерживая ужасающего жара. Люди кричали, наблюдая за гибелью своих товарищей, которые падали на землю в абсолютном молчании.

Огонь пожирал тела убитых и рвался дальше. Он, словно живое существо, стремился распространиться и настигнуть так много людей, как получится. Солдаты бежали, бросали раненых товарищей, скидывали загоревшиеся плащи и обжигающую кожу кольчугу.

В центре построения атака возымела самый ужасающий эффект. Десятки людей умерли в первые же мгновения. Огненные шары и пылающие глыбы проложили с десятков просек, забирая при этом множество жизней. Серебряные священники пытались восстановить хоть какое-то подобие порядка, когда очередной пылающий шар погубил сразу троих из них.

Зеленое пламя в секунду поглотило плащи, доспехи пошли трещинами, мечи рассыпались. Их плоть сторала, они пытались кричать, но не могли — пламя полностью поглотило легкие и уничтожило голосовые связки.

Солдаты даже не пытались им помочь, слишком увлеченные попытками сохранить собственные жизни. Они, не разбирая дороги, бежали в стороны, затаптывая своих товарищей насмерть или сминая их в ужасающей давке. Они отступали, огибая пылающие костры, что остались после огненной атаки. А затем мертвецы набросились на них.

«Убитые пламенем, в пламени и рождаются» — так сказал однажды Ивириону один из пиррионов. Тогда он лишь усмехнулся, но сейчас ему удалось воочию увидеть, что же значат эти слова. Обожженные кости начинали двигаться, конечности подниматься, пальцы

впивались в растрескавшуюся землю. Они выползали из кратеров и набрасывались на людей.

Пылающие пальцы мертвецов смыкались на жертвах, вцеплялись в кольчугу, рвали плоть. Отчаяние сменилось бесконечным ужасом. Бегство стало повальным — никто не мог устоять перед горящими мертвецами, что еще минуту назад были их товарищами.

И лишь серебряное духовенство продолжало бой. Их мечи и посохи сокрушали мертвецов с такой же легкостью, как и десятки подобных существ до этого. Семь выживших священников продолжали упорное сопротивление вопреки всем ужасам, что обрушились на ведомую ими армию.

Люди переставали отступать, видя то, как их командиры продолжают упорную борьбу. Закованные в сверкающие доспехи священники шагали вперед, ступая прямо по пылающей земле и нанося удар за ударом. Ни одного блоки, ни единой попытки отступить. Они были лучом надежды посреди безбрежной тьмы. И это помогло: солдаты стали пробиваться к ним, желая помочь благословенным воителям в их битве.

Очередной сгусток пламени рухнул прямо перед священниками; огонь поглотил сразу десяток людей, мгновенно прервав нити их жизней. Серебряное духовенство собралось продолжить бой, когда вдруг из пламени выступило нечто.

Его рост достигал пяти метров, а пылающие пальцы рук были больше, чем многие из людей. Собранный из костей убитых, пылающий рогатый монстр шагал вперед, его кулаки обрушились вниз, вбивая в землю нескольких несчастных, что не успели оправиться от атаки пламенем.

Пальцы существа сомкнулись на оружии первого из серебряных священников, когда тот попытался зайти ему за спину. Мужчина мгновенно отпустил раскалившееся докрасна оружие, но не успел среагировать на удар кулака, отбросивший его в сторону. Кости треснули, когда на плечи монстра обрушились сразу два посоха. Уцелевшие священники окружили монстра. Их осталось всего шестеро, но этого было более чем достаточно, чтобы одолеть подобное существо. Если бы оно было их единственным противником.

Из пламени за спинами священников выступила фигура, созданная из изломанных костей, объятая зеленым огнем. Люди были слишком заняты боем с монстром, чтобы заметить его появление. Сжав кулак, копия Ивириона шагнула вперед. Огонь охватил голову одного из священников, заставив несчастного оступить и угодить под ногу гиганта, который даже не заметил досадной помехи на своем пути. Один из священников бросился на нового противника, оставив своих товарищей бороться с монстром.

— Умри, мерзость!

Я уже умер.

Удар меча пришелся ровно в голову, развалив ее на десяток частей. Секунду тело еще пыталось сохранить форму, но внезапно развалилось на кусочки. Кости взвились в воздух. Пламя угасло лишь затем, чтобы вновь возникнуть там, где ему явно не было места.

— Во имя...

Остальные слова поглотил огонь, вырвавшийся прямо изо рта священника. Пустые обожженные провалы на месте глазниц еще некоторое время наблюдали за тем, как обломки костей вонзаются в его тело, разрывая плоть и обнажая бушующее в его теле пламя.

Ивирион встряхнул своей новой рукой, сбрасывая остатки доспеха на землю и ступая дальше. Священников осталось всего четверо, а монстр продолжал надвигаться на них, с каждым шагом, взмахом или ударом отбрасывая врагов назад.

— Он слишком силен! Нам нужно отступить!

— Нет, не сметь! Мы уничтожим его здесь и сейчас. Мы не покроем себя позором отступив перед этой тварью.

Рев сотряс округу, заставив священников умолкнуть и вновь отступить, избегая удара. Ивирион шагал прямо за созданным им монстром, попутно швыряя горсти огня в мелькающих солдат. Каждая такая атака убивала практически мгновенно, что лишь добавляло мертвецов к и без того уже немалому отряду прямо посреди армии.

Некромант вышагивал прямо по еще не поднявшимся трупам, внимательно наблюдая за схваткой. Монстр неуклонно шел вперед, тогда как его противники неизменно уворачивались от смертоносных ударов и отступали.

Вы не сможете убежать от него вечно.

Слова не покинули его костяного рта, но они все равно были услышаны теми, для кого предназначались. Двое священников оступились и, пошатнувшись, потеряли равновесие. А затем их смел огромный кулак.

Ивирион обошел монстра и приготовился добить выживших священников, когда почувствовал странное давление. Если бы он находился здесь сам, а не в облике этой угасающей оболочки, он бы сказал, что его с силой ударили о водную гладь. Он уже понял, кто пришел сюда, хотя и надеялся избежать боя. У него не было ни малейшего желания сражаться с ним сейчас.

Но Сиптуага мало волновали его желания. Сверкающий зелеными отблесками посох ударил по руке монстра, без труда раскрошив кость, до того неподвластную никакому оружию. Сиптуаг обрушился на пострадавшее существо с яростью урагана. За его спиной развеялся синий плащ, а следом шагали остальные золотые священники.

Ивирион с восхищением наблюдал за тем, как Сиптуаг кружит вокруг созданного им существа, раз за разом нанося быстрые удары. Монстр взмахнул единственной уцелевшей рукой, стараясь поспеть за более ловким противником, но лишь заработал новую порцию ударов, обломивших один из его рогов.

Великолепно.

Сиптуаг резко развернулся, вглядываясь в костяную фигуру некроманта и, одновременно, подныривая под падающую ногу гиганта.

— Грязное отродье. Тебе не сломить нас!

А я и не собирался.

Сиптуаг бросился к копии некроманта. Пока остальное золотое духовенство добивало монстра, их повелитель хотел уничтожить того, кто представлял для них наибольшую угрозу.

Вы варвары, несущие просвещение. Довольно странно, ты так не считаешь?

— Заткнись! — Сиптуаг взмахнул посохом, разорвав огненную стену, отделившую его от противника.

В ответ Ивирион лишь рассмеялся. Посох пробил его грудь, кости вывернулись наружу, пламя хлынуло во все стороны. Ударом кулака Сиптуаг повалил Ивириона на землю. Пустые глазницы оболочки засияли, рука схватила посох, мешая попыткам архиерея вернуть свое оружие обратно.

Убиваете из страха. Разрушаете из фанатизма. Уничтожаете от непонимания. Если бы в вас было хоть что-то разумное, вы бы ужаснулись сами себе. Вскрыли бы собственную грудь, чтобы вырвать сердца, лишь бы не осознавать своего невежества. Вера творит безумие. Из безумия рождается страх. Страх убивает разум. Ваша вера смехотворна. И...

Кованый сапог опустился на череп Ивириона, без труда сокрушив ставшие хрупкими от пламени кости.

— Заткнись! Не смей даже говорить об этом! Вера — маяк человечества. Без веры мы никто.

Славно. Верующий фанатик столкнулся со знающим истину повелителем смерти. Лжец. Кто же из нас кого обманывает? Давай же выясним это, маленький священник. Приходи во дворец, проломи ворота, взберись на стены, разорви плоть своих врагов, сотри в порошок их кости. Проложи дорогу и окропи ее кровью. Пробей путь через все препятствия на своем пути. И вот тогда, когда твои руки будут по локоть в крови, а у моих ног будет лежать прах твоих братьев по вере, мы встретимся. И выясним, кто же из нас прав, а кто был безнадежно обманут.

Челюсти изломанного черепа заходили ходуном, а воздух прорезал жестокий смех. Ледяной, безжалостный, потусторонний.

Мертвый.

* * *

Ивирион раскрыл глаза. Немногочисленные выжившие все еще боролись за собственные жизни. Моральный дух солдат был сломлен, втоптан в грязь и превращен в кучку пепла колдовским пламенем. Пиррион не пожалел сил на эту атаку, стараясь нанести максимальный ущерб. И у него получилось.

Сколько он убил? Чуть больше семи сотен? Уже неплохо. Сколько солдат в страхе бежали с поля боя без малейшей надежды на возвращение? Быть может сотня. Но самое главное — он практически полностью уничтожил то небольшое, что осталось от серебряного духовенства. Священники несли тяжелые потери в этой войне. Они были на передовой и являли солдатам образ бессмертных воинов, готовых на все ради своей веры. Но, как бы они не были сильны, они все еще были людьми. Одаренными, сильными, воинственными, упорными, но людьми.

Ивирион желал уничтожить их. И ему это почти удалось. Еще быть чуть-чуть, и серебряные оказались бы выжжены, и основными противниками некромантов стало бы золотое духовенство. Ивирион ненавидел Сиптуага, но признавал, что он был могущественным противником. Его сила веры была настолько абсолютна, что пламя пирриона практически не возымело на него эффекта. Конечно, это объяснялось еще и тем, что Ивирион находился там лишь в виде несчастной копии, но это все равно впечатляло.

— Я должен убить его, — прошептал некромант, оглядывая вражеское войско. — Он силен. Ни один из его священников даже близко не подошел к нему.

Зеленые глаза Ивириона обвели некромантов. Кто из них был способен противостоять Сиптуагу? Таррес? Нет. Материализаторы? Нет. Экраон? Цидариас? Возможно, но лишь в том случае, если выйдут против него вдвоем. А поодиночке? Он их уничтожит и даже не замедлится. А он сам? Сможет ли он сразить этого человека? Безусловно.

— Ты мой, Сиптуаг. Я уничтожу тебя, сожгу твою душу, а обескровленное тело брошу со стены. Я сломаю хребет твоей веры, пролью твою кровь, опустошу тебя морально и физически. Люди увидят, что ты — обычный человек. Если ранить бога, то люди отвернутся от него. А если ранить человека? Сдадутся ли остальные? Бросят ли они тебя на

растерзание? Отвернется ли от тебя твоя армия? Пошатнется ли их вера? А твоя?

Улыбка Ивириона превратилась в звериный оскал.

— Я жду тебя, Сиптуаг. Я жду.

* * *

Сиптуаг разбил посохом череп последнего мертвеца. Зеленый огонь уже давно угас, но враги остались, продолжая нападать на людей. Постепенно их поток иссяк, а болезненные вскрики практически прекратились.

Сорок минут битвы измотали солдат. Многие падали там же, где стояли, едва было объявлено о том, что опасность миновала. Немногочисленные уцелевшие лучники были посланы вперед для охраны.

Сиптуаг утер лицо ладонью. Его глаза заливал пот, обритую голову покрывала засохшая кровь солдата, выпотрошенного десятком вырвавшихся из кратера мертвецов. Твари напали внезапно, подло ударили в спину проходящему мимо отряду и, если бы не золотое духовенство, непременно уничтожили бы всех.

— Скольких мы потеряли?

— Еще неизвестно. Слишком много раненых, еще больше сбежало в ужасе, — прорычал Ловенс. — Жалкие неудачники! Они должны были проложить нам путь внутрь, чтобы мы выпотрошили врага, а вместо этого решили бежать! Это позор! Я немедленно вышлю отряды с боевыми псами. Их схватят, разденут и погонят впереди нашей армии. Это послужит уроком для остальных.

— Нет. Не нужно этого делать.

— Господин?

Сиптуаг обернулся к архиdiaкону.

— Нельзя винить людей за их стремление выжить. Нельзя карать тех, кто страшится смерти. Именно поэтому мы здесь. Однако, если их вера так слаба, то пусть уходят. Они не получают ни еды, ни воды. Им негде будет прятаться. Они вернуться к нам в любом случае, но вернуться изменившись, как это случилось однажды и со мною. Сейчас для них важно понять всю суть нашей веры.

Сиптуаг развернулся и пошел прочь от побоища.

— И что же нам делать, архиерей?

— Собрать всех выживших. Накормить, ободрить. А затем мы уничтожим это место, — в глазах Сиптуага читалась такая решимость, что Ловенсу стало не по себе. — Ни сегодня, ни когда-либо еще некроманты не одержат верх над людьми. Мы сломим их этой атакой. Последней атакой.

Я видел огонь. Он медленно пожирал землю, устилая пепелище тысячами трупов. Обугленные скелеты, чьи растрескавшиеся кости тут же осыпались прахом, представляли собой сплошное море. Они были везде. Куда бы я ни смотрел, я видел лишь их. Мертвецы. Они кричали, умоляли, стонали. Из пламени вышел человек. И он рассмеялся. Он смеялся над каждой отнятой им жизнью. Он был тем, кого я был просто обязан уничтожить. Но кто же он такой?

Архиерей Сиптуаг.

Стоило архиерею дать сигнал, и вся многотысячная армия сдвинулась с места. Сотни людей подхватили лестницы и бросились вперед. Расстояние сокращалось столь стремительно, что уже через минуты люди оказались в считанных метрах от стен. Во второй раз поднялись лестницы, во второй раз люди начали карабкаться наверх.

Призраки обрушились на нападавших со всей своей ужасающей мощью, внося беспорядок везде, куда только могли добраться. Священники довольно легко отражали эти атаки, но у обычных солдат не было против них никакой защиты.

Со стен на лестницы набрасывались мертвецы, стремясь утянуть их вниз или в сторону. Некоторые из них все-таки рухнули — вместе с взбиравшимися по ним солдатами, — но довольно быстро оказались подняты вновь.

Первые солдаты взобрались на стены и бросились вперед, стремясь расчистить место для своих товарищей. Их встретили ледяные воины Экраона. Сам древний некромант находился в самой гуще битвы, налево и направо разбрасывая все пребывающих противников. Материализаторы бросили против солдат нескольких летающих существ, возвращенных к не-жизни за считанные минуты до начала наступления. Таррес использовал несколько свитков, сбросил со стен больше пяти десятков солдат сразу.

Но больше всех урона врагам наносил Цидариас. Последний штейгер был в состоянии, которое многие, несомненно, назвали бы «абсолютным безумием». Некогда спокойный и уравновешенный некромант казался сейчас обезумевшим. Сияющие кулаки проламывали грудные клетки, ломали конечности, сбрасывали людей вниз. Вокруг некроманта довольно быстро образовывалась гора мертвецов, которую он небрежным движением руки заставил прийти в движение. И вот, спустя секунду, вокруг штейгера уже стояли убитые им солдаты, готовые защищать своего нового повелителя. На противников Цидариаса это возымело огромный эффект — многие не смогли обратить свое оружие против бывших товарищей, с которыми им еще недавно приходилось разделять еду. В поисках более подходящих целей они бросались в стороны, отчего их становилось довольно легко окружить.

Потери среди нападавших неумолимо росли, однако они все равно продолжали бороться и идти вперед. Довольно быстро солдатам удалось захватить несколько ключевых точек на стенах, оттеснив мертвецов. Материализаторы бросали в эти места все новых и новых существ, но так и не смогли отбить часть стены обратно.

Цидариас, начинай.

Штейгер разбросал врагов и отступил под прикрытие мертвецов. Убитые им солдаты двигались еще не так хорошо, как другие неживые, но они имели при себе оружие и доспехи, что в разы увеличивало их эффективность. Штейгер сбросил с себя плащ, воздел руки к небу и закрыл глаза. Сосредоточиться посреди битвы было сложно, но не невозможно.

Он обрушил на противника дождь. Он уже сделал это однажды, и Ивирион приказал ему повторить этот трюк снова. Цидариас никогда не считал себя повелителем погоды, но иногда замечал, что его сила распространяется далеко за рамками того, на что были способны остальные штейгеры.

Дождь усиливался с каждой секундой и вскоре по людям била уже настоящая буря. Порывы ветра бросали ледяные капли в лица солдат, заставляя их сбиваться с шага, терять дыхание, прикрывать глаза. Они отвлекались. На жалкие мгновения они становились настолько уязвимы, что просто физически не могли сопротивляться врагу.

Этим и воспользовались мертвецы. Не ведавшие жалости и не чувствующие боли существа бросались сквозь плотную стену дождя и сбрасывали замешкавшихся солдат вниз. Но оставшиеся продолжали держаться.

Экраон послал вперед своих закованных в лед призраков, стремясь воспользоваться ситуацией и отбить стену обратно.

Уничтожьте их всех врагов. Даруйте им смерть!

Старый некромант вонзил когти в грудь очередного врага. Если бы у него еще оставались губы, то он бы улыбнулся. «Никогда бы не подумал, что Ивирион будет мной командовать», — подумал он, заставляя мертвеца встать на свою сторону.

Дождь усилился настолько, что теперь было практически невозможно различить врагов и друзей. Кого бить? Кого щадить? Люди мешкали с ударами. Как они могли понять, на их ли стороне сейчас бывший товарищ, или в его спине уже давно торчит клинок, а сам он обернулся врагом?

Лестницы стали настолько скользкими, что солдатам уже с трудом удавалось по ним карабкаться. Металл неприятно холодил тела, подоспешник противно прилипал к коже. Все было против людей, стремившихся сразиться со своим врагом.

Ивирион бросил еще один взгляд на поле боя и, удостоверившись, что все прошло отлично, приказал мертвецам атаковать.

Грязь перед стенами дворца вспучилась и провалилась. Несколько неудачливых солдат рухнули в раскрывшуюся под их ногами яму, другие с криками отшатнулись. Никто не понимал, что произошло, пока из этих ям не начали выпрыгивать скелеты хищников. Волки, собаки и похожие на пауков существа хлынули вперед. За ними двигались самые мелкие из мертвецов, что имелись в распоряжении Экраона. То были дети и подростки, не перенесшие болезней и лишений.

Мертвецы нахлынули на ничего не подозревающих солдат. Неживые рвали своими клыками плоть, кусали шеи, вспарывали животы. Кровь хлынула на землю, обильно удобряя ее живительной влагой.

Основной целью мертвецов стали лестницы. Они набрасывались на них и отталкивали от стен. Какие-то даже удалось сломать, когда их доски не выдержали ударов. Множество солдат оказались ранены или оглушены падением с немалой высоты, но до всех лестниц мертвецам добраться не удалось.

Но Ивирион осознавал, что даже такая атака не сможет решить исхода битвы. Уже через

несколько минут — каждая из которых была наполнена воплями, хаосом, болью и смертью — солдаты смогли взять себя в руки и уничтожить нового врага. Потери были, но не такие страшные, как могло показаться сначала.

Цидариас смог отбить выделенный ему участок, Экраон оттеснил нападавших к месту, где все еще не было теперь ни одной лестницы. Люди, не имея шансов на спасение, шли в отчаянные атаки, надеясь добраться до заветных лестниц, которые сейчас казались просто недостижимыми.

Ивирион продолжал оставаться на балконе, когда почувствовал, что характер битвы изменился.

— А вот и они.

Хелион взглянул на своего хозяина.

— Чувствуешь, Хелион? Эта сила, эта вера, эта мощь. Золотые пришли.

* * *

Золотое духовенство пришло тогда, когда в людях начало зарождаться отчаяние. Внезапные атаки, предательские погодные условия, восстающие против них товарищи — все, что только могло, мешало солдатам победить.

Золотое духовенство изменило это. Священники шли на бой так, словно это было не тяжкое испытание, а то, чего они желали. Они не дрожали от холода, не скрежетали зубами от насквозь промокшего поддоспешника. Они шли туда, куда их звал долг. Они шли на войну.

Наконец-то подоспел таран — длинное бревно полметра в диаметре с окованным железом концом. Десяток дюжих солдат подошли с ним к воротам и размахнулись. На них хлынула целая лавина камней и стрел. Кто-то получил ушиб, кому-то рассекли бровь, но вовремя подбежавшие щитоносцы прикрыли их от серьезных ран.

Первый же удар заставил ворота покачнуться. Второй. Третий. Четвертый. Они сыпались один за другим, ни на мгновение не давая отсыревшему дереву расслабиться. Десяток ударов — доски треснули, а некоторые и вовсе обломились и сейчас валялись в грязи. Еще пять ударов — ворота провисли на удерживающих их петлях.

— Вперед!

Последний удар пробил в воротах дыру, а затем и вовсе заставил створки распахнуться перед захватчиками. Солдаты ворвались внутрь, их мечи буквально жаждали убийства. Они ожидали встретиться с новыми мертвецами, но этого не произошло. Вместо них солдат встретили люди. Обычные живые люди. Мужчины и женщины, старики и дети — все они взяли оружие и набросились на врагов, стоило тем шагнуть во двор. В руках они сжимали все, что только могло послужить оружием: дубины, ножки от табуреток, ножи, ржавые мечи, вилы, лопаты. В ход шли даже камни, которые дети кидали в надвигающуюся толпу.

Ошарашенные солдаты замерли, принимая на себя удар обычных слуг и крестьян. Эти люди уже потеряли все, а кто-то терял именно сейчас. У них не было ничего, кроме их собственных жизней, за которые они были готовы драться до самого конца.

Солдаты начали пробивать себе путь. Теперь внимание некромантов было рассеяно сразу на нескольких направлениях, что дало врагу необходимое преимущество в атаке.

Экраон бросил вперед своих мертвецов, надеясь, что им удастся удерживать стены до

его возвращения, а сам спрыгнул во двор, надеясь изменить ход бушевавшей там битвы. Цидариас хотел было последовать его примеру, когда на стену взобрался один из священников серебряного духовенства.

— Ну, понеслась, — прошептал Цидариас, разрывая строй солдат и набрасываясь на своего противника.

* * *

Валан был одним из серебряного духовенства уже более пятнадцати лет. Его забрали из бедной семьи, восхитившись тем, как он смог побороть сразу троих взрослых мужчин. Пятнадцать лет испытаний и абсолютной веры сделали из него живое воплощение того идеала, к которому должно было стремиться все человечество. За прошедшие недели он участвовал практически во всех крупных сражениях, а также в десятке мелких набегов, в качестве поддержки отрядов разведчиков. Сегодня он уже сразил более двадцати мертвецов, и намеревался уничтожить еще больше. Но более всего он желал добраться до некроманта, что обрушил пламя на его товарищей.

Взбираясь по лестнице, он только и мог думать о том, как его освященный клинок выпотрошит нечестивца и отсечет ему голову. Последний шаг, и Валан ступил на стену, оказавшись в окружении пяти солдат, сдерживающих мертвецов.

Некромант обрушился на них, сияющие кулаки отбросили первых двух солдат в сторону. Еще одного он скинул со стены во двор, а четвертого отбросил прямо к шаркающим мертвецам. Последний солдат попытался отбежать в сторону, но его настиг клинок Валана.

Некромант замедлился и пристально взгляделся в нового противника:

— Зачем?

— Он струсил — богам не нужны слабаки. Они позорят нашу веру.

— И поэтому ты его убил?

Цидариас взревел, набрасываясь на Валана. Кулаки ударили по доспеху, оставив на нагруднике приличные вмятины; ответ Валан сделал быстрый выпад, оцарапав некроманту плечо. От раны протянулись алые дорожки, которые почти мгновенно были смыты дождем. Цидариас шагнул назад, призывая себе на помощь мертвецов. Сраженный Валаном солдат поднялся и набросился на своего убийцу со спины. Мертвец схватил священника за руку с мечом, утягивая его за собой вниз.

Валан исторг проклятье и попробовал вывернуться из цепких пальцев нового противника. Получалось плохо — сильно мешал мокрый камень стены под ногами. Кулак Цидариаса ударил по голове, едва не оторвав священнику голову, но Валан отбросил некроманта ударом ноги, а затем рухнул на колени. Решив не пытаться вырвать руку у мертвеца, священник проткнул его насквозь, а затем резко развернул его к наступающему некроманту. Валан попробовал из такого положения сделать выпад.

Штейгер с легкостью уклонился от столь жалкой атаки а затем отступил, позволяя мертвецу измотать священника. На стену уже взобрался новый солдат, готовый вступить в бой с врагом. Мгновения хватило Цидариасу для того, чтобы сломить еще неокрепший разум юноши и разрушить его душу. Личность, воспоминания, умения, эмоции — он стер все, до чего только смог добраться. А затем подарил ему новые: гнев, ярость, ненависть. Тело парня содрогалось от неестественных сил, бушевавших в нем, спину выгнуло дугой, кольчуга

начала рваться.

Солдат замер и, омываемый дождем, развернулся к священнику. Валан уже успел расправиться с мертвецом и даже встал на одно колено, когда на него напал новый противник. Измененный до неузнаваемости солдат бросил священника на пол и вырвал из его ослабевшей руки клинок.

Цидариас смотрел, как солдат терзает лежащего на спине священника, но не мог избавиться от тошнотворного чувства, что возникало, стоило ему оказаться поблизости от этих людей. Сила их веры была поистине огромна, и ему приходилось бороться с ней каждую секунду.

— Валан!

На стену забрался второй серебряный священник и, добравшись до своего товарища, ударил его противника посохом. Солдата буквально смело со стены, заставив его тело, кувыркаясь, рухнуть во двор. Левая рука Валана была сломана сразу в трех местах, отчего священник едва держался на ногах. Цидариас раскинул руки, его глаза пылали неудержимой ненавистью, а мышцы вздувались так сильно, что казались просто невозможно огромными.

Некромант двинулся навстречу врагам, когда в их битву вмешался кто-то еще.

Цидариас, у нас нет на это времени. Помогите Экрану во дворе.

Вспыхнуло зеленое пламя, и Ивирион внезапно оказался между противниками. Плащ некроманта был слегка опален, а длинные волосы лежали мокрыми прядями.

— Я займусь ими.

— Как хочешь, — пожал плечами Цидариас, устремляясь прочь.

Мертвецы окружили сражающихся, но Ивирион не позволил ни одному из них вмешаться. Он хотел лично уничтожить серебряное духовенство.

— Ты думаешь, что сможешь победить нас? Наша вера абсолютна, наша душа чиста, наши солдаты верны. Мы бьемся за людей, и нет ничего, что могло бы уничтожить нашу веру.

— Есть я.

Ивирион поднял руку. Пламя в его душе уже давно рвалось наружу, и он хотел дать ему выход. Священник с посохом рванул вперед, решив атаковать пирриона прямо в голову. Второй достал уцелевшей рукой кинжал и поплелся следом. Ивирион с легкостью уклонился от столь очевидного удара и упер раскрытую ладонь в нагрудник священника.

— Вот и все.

Пламя ударило и без труда прожгло сквозную дыру. Как в доспехе, так и в грудной клетке священника. Мужчина неверящим взглядом смотрел на опаленные края раны, силясь поверить в происходящее. В одно мгновение вся его духовная защита была сокрушена, а освященный доспех не выдержал мерзкой магии!

Валан вскричал и вбил в живот Ивириона свой кинжал. Он попытался рвануть его в сторону, чтобы усугубить и без того смертельную рану, но опустившаяся на голову рука не позволила этого сделать. Несмотря на пылавшее на кончиках пальцев пламя, ладонь казалась просто ледяной. Валан пытался заставить себя двигаться, но он больше не контролировал тела. Мертвые ничего не контролируют.

Пламя в секунду охватило голову священника, смывая с черепа любые проблески плоти. Ивирион подхватил тела убитых священников, поднялся на зубцы стены и широко развел руки, позволяя беснующейся внизу армии как следует рассмотреть его трофеи.

— Ваше серебряное духовенство мертво, а вместе с ним и мертвы ваши надежды!

Судорожный вздох прокатился по людям, узревшим среди дождя окутанного пламенем некроманта.

— Боги не явятся к вам, их благодать больше не снизойдет на вас, а судьба наплюет на ваши жизни! Вы — звери, призванные на убой. Вы мертвы!

Сбросив священников вниз, Ивирион позволил пламени сбегать по его рукам.

— А мертвые не воюют, — прошептал он, выплескивая огонь на приставленные к стенам лестницы. — Мертвые кричат.

* * *

Сиптуаг ступил во двор, окруженный самыми преданными и способными солдатами из всех, что имелись в его распоряжении. Битва во дворе уже переросла в бойню, что бушевала повсюду. Люди набрасывались друг на друга с такой яростью, которая была присуща скорее бешеным животным, нежели настоящим цивилизованным существам.

Золотое духовенство влилось в эту схватку с большой готовностью, расчищая себе путь вперед с презрительной легкостью. Их мечи и посохи рубили толпу крестьян так легко и непринужденно, словно те даже не пытались сопротивляться.

Священники успели убить более двадцати слуг, прежде чем встретились с более грозным противником. Воин в ледяных доспехах отшвырнул в сторону убитого им солдата и повернулся к новым врагам. Ледяной клинок был сплошь покрыт кровью, уже превратившейся в тончайший слой льда. Пустые глазницы существа уперлись в священников. Одно мгновение — столько понадобилось золотому духовенству, прежде чем они начали действовать.

Посохи ударили в нагрудник, расколов его пополам. Мечи впились в сочленения доспехов, прорубив себе путь к конечностям противника. Нечувствительное к боли существо ударило в ответ, заставив одного из священников упасть на колени. Тонкий слой инея остался на его волосах и лице, когда он рванул вперед.

Экраон пробился к сражающимся как раз в тот момент, когда они мощным ударом посоха снесли голову его ледяного мертвеца, а два меча вскрыли оголившуюся грудную клетку. Некромант внимательно наблюдал за происходящим, стараясь оценить силы противника.

— Они тебе не по зубам.

Экраон оглянулся. Цидариас бросил в грязь задыхающегося солдата — его гортань была сломана. Штейгер был сильно изранен, а движения стали не такими плавными как раньше, но он до сих пор казался до смешного неуязвимым.

— Мы не можем убить их. Только не здесь. Нужно отступить. Увести всех людей отсюда, дать им время на отдых, позволив мертвецам измотать противника.

— Они не дадут нам уйти, — Экраон оглядел священников, продолживших расправляться со слугами. — Они будут преследовать нас, пока не истребят всех некромантов до последнего. И им плевать, сколько обычных людей при этом умрет.

— Экраон. Ворота!

Некроманты обернулись, с ужасом почувствовав шок в голосе Тарреса.

— Что?

— Мы забыли про вторые ворота. Мы забыли про вторые ворота!

И в ту же самую новые враги ворвались во двор с другой стороны. Некроманты были так заняты отстаиванием стен, что совсем забыли еще о двух проходах, что имелись у дворцовых стен. И внутрь ворвалась конница.

* * *

Ивирион наблюдал за тем, как и без того хрупкая оборона дворца разваливается. Его огонь уже истребил десятки людей, но даже его сил не хватало для сдерживания абсолютно всех угроз. Пиррион уже послал созданных им мертвецов на прикрытие вторых ворот — тамошние мертвые уже давно бросились вниз на спины всадников и теперь изломанными кучами лежали в грязи.

— Я не позволю вам погубить нас.

Ивирион прикрыл глаза и отыскивал своих собратьев.

Битва за стены проиграна. Нам не сдержать их здесь. Уходите во дворец. Уведите людей. Защитите их! Во дворце еще есть множество мертвецов. Используйте их, уничтожайте всех, до кого только сможете добраться.

А ты?

Я останусь, Экраон, и устрою этим фанатикам бойню, которой они столь желают.

Ивирион бросил взгляд на воина с золотой полосой, что прорывался со двора на стену, и усмехнулся.

Я заставлю их страдать, друг мой. Я заставлю их страдать.

Пламя окутало фигуру некроманта, взвившись в воздух десятком огненных змей. Ивирион шагнул вперед и ударил. Его пламя обрушилось на священника, который, стиснув зубы, упорно шел вперед.

— Во славу двух богов!

— Во имя Смерти!

* * *

Люди отступали так быстро, как только могли. Десятки женщин и детей каждую минуту пробегали через центральный дверной проем. Их пустили первыми, пока взрослые мужчины под предводительством некромантов удерживали врагов на расстоянии.

Экраон и Цидариас оставались во дворе до тех пор, пока не пропала последняя надежда на спасение всех людей. Снаружи еще находилось больше тридцати слуг, вызвавшихся задержать нападавших, но они оказались слишком далеко, а пробиться к ним не представлялось возможным. Такие недостижимые. Такие храбрые.

Таррес и материализаторы уже давно вернулись во дворец, из окон которого теперь их управляли уцелевшими мертвецами. Их личные запасы свитков и костей уже давно закончились, но во дворце было много оборудованных специально для них тайников.

Ивирион все еще стоял на стене, но когда его видели в последний раз, он выступал против золотого священника.

Экраон призвал троих ледяных гигантов, окруженных десятком призраков, и отправил их в атаку на подступающих солдат.

— Цидариас, закрывай двери!

Старый некромант ввалился в собственный же дворец, оставляя за собой грязный след от испачканной одежды. Слыша, как за его спиной захлопнулись створки, Экраон тревожно огляделся.

— Сколько выживших?

— Две, может быть три сотни.

Так мало. Так мало живых, стоящих посреди поля мертвых! Их остались сотни, а врагов тысячи! Они убивали нападавших десятками, сотнями, а те все равно продолжали прибывать, каждую секунду владея численным преимуществом.

— Нужно уходить отсюда. Выводите мертвецов, — крикнул Экраон своим помощникам. — Поставьте здесь десятерых — пусть держат двери. Остальных распределите по коридорам. Все слуги и крестьяне отправляются на верхние этажи! Мы с Цидариасом примем удар на себя и будем отступать вглубь. Надеюсь, что вскоре нам помогут Таррес с Ивирионом. Пусть материализаторы продолжают направлять мертвецов снаружи.

Люди заспешили на лестницы; Цидариас подошел к Экраону.

— Думаешь, Ивирион сможет одолеть его? Еще ни один из нас не видел, на что способны золотые.

— Он убил больше серебряных, чем кто-либо другой, а затем одним усилием остановил их вторую атаку. Он позволил нам уничтожить серебряное духовенство, так что я не думаю, что один единственный золотой сможет его остановить.

— Будем надеяться, — произнес Цидариас, когда на двери обрушился удар.

* * *

Сиптуаг ступил во дворец первым. Обломки дверей висели на погнутых петлях, под ногами лежали изломанные кости мертвецов.

— Колдовство пропитало здесь каждый коридор. Каждая стена, пол, потолок — они осквернили и заразили все, до чего только смогли добраться.

Архиерей раздавил сапогом череп, шагая вперед.

— Нам понадобится всего сотня воинов. Оставьте солдат во дворе, найдите мне добровольцев, и мы начнем прокладывать путь. Пусть Тудор закончит снаружи, а затем приводит остальных.

— Вы уверены, что он справится? Этот некромант оказался силен — одолел сразу двоих из серебряного духовенства, — спросил Ловенс.

— Верь в нашего брата. Тудор — диакон, и занимает это место по праву. Он сможет справиться с любым врагом. Найдите нам солдат!

Уже через две минуты отряд под предводительством архиерея шел по просторным коридорам. Людям едва хватало света от факелов, но никто не жаловался. Сиптуаг решительно ступал вперед, посохом сбивая со стен любую вещь, которую считал богомерзкой. Металл противно царапал по камню, заставляя людей передергиваться.

На первом же перекрестке солдаты остановились.

— За мной идут двадцать, — проговорил архиерей, указывая посохом на боковое ответвление. — Золотое духовенство продолжает двигаться вперед. Разделяйте силы, если понадобится, но будьте осторожны.

Сиптуаг не прошел и десяти метров по коридору, когда прямо на него вышли семь отвратительных полуразложившихся мертвецов. С их желтых зубов стекал гной, а в костлявых ладонях были зажаты старые ржавые ножи.

— Во имя двух богов!

Посох ударил в пол, Сиптуаг сделал шаг назад, занимая позицию для броска вперед; воздух вибрировал от излучаемой первосвященником силы.

— Идите сюда, и я дарую вам покой, который вы заслужили.

* * *

Цидариас ждал их. Солдаты опустошали коридор за коридором, перекресток за перекрестком. Волна за волной накатывали мертвые на ряды вооруженных людей, но не могли даже замедлить их продвижения.

Таррес уже давно отступил на верхние этажи, а материализаторы пытались изменить ход битвы на стенах. А Экраон? Цидариас даже отсюда чувствовал силу одлеттиана, что бушевал в собственном дворце. Призываемые духи уже исчислялись десятками, но некромант и не думал останавливаться. Большая часть этих существ отправлялась наружу, чтобы сдерживать нападавших во дворе как можно дольше, но некоторые все же присутствовали во дворце.

И хоть Экраон и сразил больше десятка врагов, он все-таки отступал. Он просто физически не мог сдержать такого противника. Золотое духовенство давило на него. Давило на всех некромантов, постоянно подавляя их силу. Ни один из собратьев Цидариаса не мог себя чувствовать в порядке, находясь поблизости от этих людей.

Теперь он понимал, почему Ивирион до сих пор не пришел им на помощь. Враг был слишком силен!

Двери распахнулись, и в помещение ввалились два мертвеца. Их ободранные до кости полуразложившиеся тела все еще пытались подняться, когда за ними же вошли три золотых священника, за спинами которых уже собрались оставшиеся в живых солдаты.

— Где это мы?

— Очередная лаборатория?

— Осмотреть все!

Священники ступили в комнату решительно, чего нельзя было сказать о солдатах. Они явно не стремились добровольно входить во тьму, которой священники, казалось, совершенно не опасались.

— Быстрее! — скомандовал священник с двумя полосами, бросая на солдат убийственные взгляды.

— Будьте предельно осторожны. Никто не знает, что за грязное колдовство здесь творилось.

— Иерей! Стены! Взгляните на стены!

Священник прикоснулся к холодному камню.

— Что это? Они, — прошептал священник. — На них что-то нарисовано.

— Это кровь! Во имя двух богов! Стены покрыты кровью!

— Не просто кровью.

Люди заозирались в ужасе. Солдаты бросились на выход, а священники подняли свое

оружие.

— Это кровь наших слуг. наших друзей и братьев. Тех, кто верил нам, и не боялся ничего, находясь под нашей защитой. А затем пришли вы и убили их. Убили всех.

Помещение начало заполняться светом. Надписи и рисунки на стенах засияли белизной. В дальнем углу стала видна фигура Цидариаса, стоявшего к врагам спиной.

— Вы убивали их. Пытали, сжигали, рубили, а затем бросили в общую могилу.

Цидариас обернулся, его глаза буквально сияли от гнева.

— Мертвые мечтают о мести. Мечтают всегда.

Цидариас бросился вперед, а за его спиной летели ярко-красные существа, не похожие ни на что из существующего в природе. Некромант ударил первого священника и отбросил того на убегающих солдат. Второй золотой сделал выпад мечом, который Цидариас отбил кулаком в сторону.

Здесь и сейчас он был сильнейшим. Аура силы священников давила на него, но в этот момент она была несущественна. Их сила была огромна. Ни один из серебряных не мог сравниться с ними, и теперь он понимал это.

Вот только и Цидариас не был слабым. Его движения были чересчур быстрыми, а удары слишком сильными. Он мгновенно реагировал на малейшее угрожающее движение и наносил ответный удар. Металл доспехов гнулся, кольчуга рвалась. Дважды некроманту удалось ударить по лицу одного из священников, попутно сломав тому скулу и нос.

Призванные души умерших сильно облегчали задачу некроманту, заставляя священников сражаться порознь и позволяя Цидариасу свободно перемещаться от одного врага к другому.

Солдаты уже давно покинули комнату и теперь боролись с прибывшим Экраоном. Пока одлеттиан бился снаружи, вырезая всех без разбору, Цидариас старался задержать священников в комнате. Здесь он был сильнее, но стоило ему выйти за ее пределы — он станет легкой добычей. Если Экраон успеет убить всех солдат до того, как священники одолеют Цидариаса, тогда у некромантов появится шанс на победу в этой войне.

Штейгер ушел из-под удара посоха и ударил ногой по колену ближайшего священника, заставив его рухнуть на пол.

— Да будь ты проклят! — вскричал мужчина, с силой вбивая кулак в живот некроманта.

Цидариас отступил, затем еще и еще, позволяя призванным существам атаковать священника. Некромант все еще продолжал осторожничать: нельзя было допускать ошибок. Только не сейчас.

Меч священника прорезал дыру в строе алых существ, и он бросился к Цидариасу, на ходу выкрикивая что-то, напоминающее молитву и проклятие разом. Штейгер усмехнулся, отведя удар меча и растопырив пальцы.

— Знаешь, я думал, вы будете сдержаннее.

В то же мгновение рука выстрелила вперед. Пальцы пробили металл, разорвали кольчугу, поддоспешник, кожу, мышцы, сломали кости и сжались вокруг сердца.

Священник в ужасе глядел на свое сердце, сжимаемое безжалостным некромантом, а затем рухнул на пол. Его кровь мгновенно смешалась с изящными линиями печатей, заставляя их сиять еще ярче. Сами того не зная эти люди усиливали своих противников. Сильнее люди — сильнее кровь. Сильнее кровь — сильнее призраки мертвых.

Алые существа уже обступили священников со всех сторон, отрезая им все пути к отступлению.

— Во имя Высшего! — ударил посохом первый священник.

— И яростью Низшего! — вторил ему другой.

Монстры отшатнулись, а затем их отбросило назад. Многие еще в полете распались на части, остальные безвольно осели на полу, силясь подняться вновь.

— Тебе конец, некромант!

— Забавно, я собирался сказать то же самое, — прохрипел Экраон, ступая в комнату.

За спиной некроманта над грудой тел витали призраки.

— Вы уничтожаете мой дворец, убиваете моих слуг, калечите жизни моих друзей! Хватит! Я положу этому конец. Здесь, сейчас! — Экраон замолчал, когда его грудную клетку пробил посох. Металл проник глубоко в тело некроманта, пока не показался из спины. — И этим ты собирался меня убить?

Экраон обхватил ладонью лицо священника, а второй рукой ухватился за посох, не позволяя врагу вернуть оружие, которое быстро покрылось льдом.

— Ты слаб, но так нагл, что пытаешься убить меня. Ты слишком молод, чтобы угрожать мне. Слишком глуп, чтобы обвинять меня в ошибочности моего пути. Слишком самоуверен. И я тебя презираю!

Когти вспороли кожу лица священника, выпуская в него разрушительную энергию и вдребезги разбивая душу. Его пустая оболочка содрогалась в стальной хватке некроманта, не дающему телу упасть на пол.

— Ублюдок!

Второй священник напал на Экраона, ударив его по руке, но некроманту удалось увернуться, бросив труп в его товарища. Противник с легкостью уклонился от летящего тела, но совсем не был готов к тому, что оно начнет двигаться. Рука ухватилась за синий плащ, спускающийся по спине священника, и с силой потянула вниз.

Секундная заминка. Мгновение слабости и промедления. В жизни это не решало ничего, а в схватке было подобно проигрышу. Один ударил в спину, второй — в горло. Первый сломал позвоночник, второй вырвал кадык. Окровавленные когти Экраона ярко блеснули в алом свете, ударяя по лицу умирающего священника. Цидариас ухватил мужчину за плечи и с легкостью вырвал их из суставов. Это было уже необязательно, но ему было приятно посрамить человека, причинившего столько вреда.

Экраон отступил, призраки за его спиной начали пропадать, а красные монстры рассеиваться.

— Они были сильны. По-настоящему сильны.

— Да, — Цидариас сплюнул на труп священника, наступив тому на спину. — Но теперь они мертвы, а мы победили.

— Да. Осталось лишь уничтожить армию снаружи, и мы победим.

— Если бы я тебя не знал, Экраон, я бы сказал, что ты сейчас пошутил!

— Я тоже.

Сиптуаг ступил в помещение, аккуратно минуя лужи крови.

— Если бы я верил, что у вас есть душа, то посчитал бы, что вы радуетесь. Но вы не ведаете ни счастья, ни сострадания, ни жалости. В вас не осталось ничего человеческого.

Сиптуаг остановился в трех шагах от некромантов, ухватился двумя руками за посох и приготовился к бою.

— Ваши жизни бессмысленны, так позвольте же мне избавить вас от этого жалкого существования.

Сиптуаг тренировался ради этого дня. Он получал и терял, брал и отдавал. Он жертвовал своей кровью, терзал свое тело, закалял свою душу. Он отрекся от любимых, разорвал все дружественные отношения. Раньше он был обычным ребенком, затем помощником у старого кузнеца, а после — первым из служителей двух богов. Он долго шел по своему пути, а добравшись до вершины, понял, что ему предстояло идти еще дальше. Дальше, чем мог пройти хотя бы один человек.

Но он продолжал идти. Диакон, архидиакон, иерей, протоиерей, архиерей. Он был каждым из них. Он создал золотое духовенство, когда понял, что серебряное исчерпало себя. Черное духовенство не одобрило этого, поэтому он обратился к богам. И боги ответили ему. Они избрали его, возвысили. Он вернулся в церковь измененным, исцеленным. Золотое духовенство притеснялось со всех сторон, а затем возшло на вершину.

А затем Сиптуаг понял цену своего возвышения: полное уничтожение всех некромантов. Слуги тьмы довольно долго терзали людей и должны были заплатить за все содеянное.

Именно поэтому он и был здесь. Здесь и сейчас он понял, что именно сюда и вели его боги. Они дали ему силу и армию, способную сокрушить врагов. Но сам он был величайшим оружием против некромантов. Он был мечом, что бил их прямо в сердце.

Именно поэтому он был здесь. Именно поэтому он смог выжить в пламени, когда остальные священники пали. Золотое духовенство оказалось на грани уничтожения тогда, когда он беспрепятственно прошел сквозь огонь.

Посох ударил Экраона в голову, отбрасывая некроманта в сторону. Пока он падал, Цидариас вновь призвал алых монстров, бросившихся на Сиптуага. Но в двух шагах от архиерея они остановились. Они пытались дотянуться до священника своими когтистыми лапами, но им это не удавалось — их плоть просто начинала осыпаться на пол.

Архиерей ударил вновь, пробивая дыру в плотной группе врагов, и бросился к Цидариасу. Штейгер с великой готовностью устремился к последнему священнику, ступившему во дворец. Его кулаки ударили в посох. Цидариас ожидал, что оружие сломается, согнется под его силой, но вместо этого он почувствовал боль. Разбитые костяшки звучно хрустнули, по предплечью побежала кровь.

Сиптуаг ударил Цидариаса кулаком. Затем еще раз и еще. Цидариас согнулся, но вновь атаковал священника. Штейгер бил снова и снова, но сила его ударов уменьшалась с каждым мгновением.

— Что это такое? — задыхаясь прорычал Цидариас, отступая для нового броска.

— Это сила моей веры, тварь. Сила двух богов!

Навершие посоха врезалось в левый висок Цидариаса. Некромант вскричал и отпрянул от противника, лицо его заливала кровь. Сиптуаг ударил его в живот, а затем и по ногам. Штейгер упал на пол, но практически мгновенно поднялся вновь.

— А ты силен, — прохрипел некромант. — Но все это бесполезно.

Экраон внезапно возник за спиной архиерея и набросился на Сиптуага. Кристаллические когти глубоко погрузились в лицо священника. Неудержимая волна силы набросилась на душу священника, стремясь сокрушить ее, словно огромный вихрь маленькое деревцо. Но наткнулась на горный хребет.

Сиптуаг извернулся, позволяя когтям исполосовать его лицо. Маленькие алые дорожки протянулись от резаных ран к горлу.

— И что же это было?

Экраон застыл. Это было невозможно! Просто невозможно! Как могли силы пяти высших существ не уничтожить его душу?!

— Как? Как ты выжил?

Экраон шагнул назад. Он был ошеломлен, но сумел справиться с собой. Он был готов к подобному повороту событий, хотя и не считал его возможным. Всегда был кто-то сильнее, и, возможно, это был тот самый момент.

Сиптуаг наступал на Экраона, непрерывно вращая посохом и загоня старого некроманта в угол. Цидариас пытался помочь своему товарищу, но его рана была слишком тяжела. Он не мог мыслить ясно, а его движения стали рассеянными, но он продолжал двигаться вперед.

Архиерей ударил Экраона по руке, заставив некроманта оступить, а затем быстро шагнул вперед. Кулак ударил по скрытому тканью лицу, заставив череп некроманта треснуть; Экраон упал на колени.

Цидариас вскричал и набросился на Сиптуага. Его татуировки уже были не столько четкими, но они все еще давали достаточно сил. Цидариас обхватил священника руками и отбросил в сторону, давая столь необходимые Экраону мгновения.

Сиптуаг ударил вновь, но Цидариас оказался немного быстрее. Совсем немного, но это позволило ему вырвать посох из рук архиерея. Отбросив холодный металл в сторону, Цидариас извернулся и ударил вновь. Он был сильнее! Теперь у архиерея не было оружия, и он просто физически не мог остановить его!

Но внезапная вспышка боли заставила некроманта остановиться. Его правая рука исчезла: идеально нанесенный удар рассек бицепс и отделил руку от хозяина. Из обрубка хлынула темно-красная кровь. Цидариас вскричал и повалился на спину. Даже его сил не хватило бы для того, чтобы заглушить эту боль.

Сиптуаг поднялся на ноги. Меч архидиакона Ловенса был отличным оружием, хотя Сиптуаг предпочитал биться посохом.

— Ты уже не жилец, — прошептал он Цидариасу. — Просто замри, и дай богам забрать свое.

Экраон швырнул в священника труп ближайшего солдата, а затем бросился к поверженному шейгеру. Но Сиптуаг не позволил ему приблизиться к израненному товарищу. Меч описал широкую дугу и ударил по ноге Экраона. Освященный двуручник в одно мгновение переломил старую кость, заставив одлеттиана упасть вначале на одно колено, а когда Сиптуаг нанес второй удар — удариться лицом об окровавленный пол.

Священник сорвал с головы Экраона корону и остатки ткани, явив взору изгнившее и отвратительное подобие лица ходячего мертвеца. Череп пересекала длинная трещина, а синие глаза слегка потускнели. Сиптуаг схватил некроманта за седые волосы, поднял голову и с силой ударил. Затем еще раз и еще.

Он опускал голову врага на камень до тех пор, пока тот не перестал сопротивляться. Экраон уже давно не чувствовал боли, но этот человек сломил его. Физически, морально, духовно — Сиптуаг прошелся по самой сущности некроманта коваными сапогами, вбивая его в грязь каждым своим поступком. Он словно вновь вернулся на Землю Мертвецов. Словно вновь переживал тот день, когда потерял все свои остатки человечности,

превратившись в мыслящий труп.

Тошая рука попыталась отодвинуть Сиптуага в сторону, но движение вышло слишком слабым и неуверенным.

— Вы — нелюди. Вы никогда не были одними из нас. Смерть, жизнь. Эти слова для вас значат хоть что-то? Вы понимаете их значение? Вы никогда не задумывались о святости жизни?

— Мы старались... пытались спасти...

— Заткнись! — Сиптуаг наступил на грудь Цидариаса, заставив того закашляться кровью. — Не смей говорить в моем присутствии! Я есть первосвященник двух богов! Я благословлен ими. Я их длань, призванная спасти безвинных и покарать монстров вроде вас! Они дали мне силу, с которой не сможет сравниться ни один ваш магический трюк. Я стал святым еще при жизни, и я буду жить, овеянный славой сегодняшнего дня!

— Вот только жизнь эта будет недолгой.

Сиптуаг резко развернулся, принимая защитную стойку. Стена взорвалась, оплавленные куски камня разлетелись в стороны, а архиерея отшвырнуло назад. Темные волосы некроманта промокли под дождем и теперь мертвым грузом лежали на спине. Бледная, подобная мрамору рука сжимала пылающий череп.

Ивирион бросил его к ногам священника:

— Твой друг. Он был очень неплох.

Ивирион шагнул вперед, руки его объяло ярко-зеленое пламя.

— Я ждал этого момента, Сиптуаг. Ждал с того самого момента, как сломал одного из твоих серебряных священников. Я выжигал его разум, а он продолжал мне показывать тебя. Твою веру, твою силу, твой образ. Ты сказал, что тебя послали боги? Прекрасно. Давай же проверим, кто из нас сильнее? Посланник богов, или избранник Смерти?!

* * *

Пламя Ивириона ударило в стену и разорвало ее на части. Сиптуаг вырвался из пролома, описывая клинком восьмерки и отражая яркие искры. Мгновением позже за священником выбежал Ивирион, разбрасывая в стороны оплавленные куски камня.

Пламя срывалось с ладоней некроманта, опутывая священника сразу со всех сторон. Меч разорвал сплошную стену огня, позволив Сиптуагу на мгновение выцепить некроманта взглядом. Молниеносный выпад заставил Ивириона немного отступить, но не прекратить атаку. Некромант сделал шаг назад, создавая трех огненных волков и бросая их на Сиптуага.

Они бились в полном молчании, открывая рот лишь для того, чтобы издать рык или застонать от усилий. И каким-то образом именно это молчание действовало подавляюще на них обоих.

— Лерех, — выплюнул Ивирион, раскрывая ладонь.

Огненные стрелы ударили в плечо Сиптуага, заставив его покачнуться.

— Герион, Аррас, Хоммас, Луффирий! — Ивирион сокрушил еще одну стену за спиной Сиптуага, прокладывая им путь в этом танце смерти.

— Мои друзья. Мои товарищи. Мои братья!

Сиптуаг ускользнул от удара огнем и попытался сократить дистанцию, но обломки раскаленного камня ударили его в лицо, помешав рывку.

— Скольких ты убил, Сиптуаг? Скольких?

Архиерей молча шагал назад, позволяя Ивириону выплескивать давно копившуюся ненависть.

— Скольких?! — рев некроманта заполнил разрушенный коридор. — Скольких некромантов сразил твой посох? Сколько жрецов смерти лежали в крови по твоей вине? Сколько слуг было похоронено по твоему приказу? Сколько дворцов ты разрушил? Сколько знаний уничтожил?!

Ивирион внезапно оказался всего в полуметре от священника. Кулак некроманта обрушился на меч, выставленный в защитном жесте плоской стороной. Белая кожа пошла трещинами, сквозь которые лился мягкий зеленый свет.

— Скольких, Сиптуаг?! Ответь мне!

Зеленое пламя ударило архиерея в грудь, заставив покачнуться. Сиптуаг быстро перекатился, свободной рукой подхватил с пола камень внушительных размеров и с силой метнул свой импровизированный снаряд в голову некроманта. Он попал в лоб Ивириона, но тот даже не заметил этого.

— И все почему? За что ты убивал нас? Чем мы заслужили эти страдания? По приказу богов? Твоих богов?!

Огонь принял форму клинка и начал кружить вокруг священника, изредка совершая выпады и удары. К чести Сиптуага ему удалось отразить каждый из них и даже немного приблизиться к Ивириону.

— Твои два бога, что они сделали для нашего мира? Чем они заслужили такую веру? Вы возводите храмы в их честь, создаете монументы и памятники. Что они сделали для вас, Сиптуаг? Что?!

— Они подарили нам надежду на покой! Они дали нам силу!

— Для чего? — Ивирион вновь подобрался к Сиптуагу и швырнул его по коридору. Их битва уже велась на всех уровнях мироздания, что не могло не сказываться на окружении и поэтому где бы они не проходили, все обращалось в руины.

— Зачем нужна власть, если ты лишь порождаешь хаос? Зачем нужна сила, если ты не контролируешь ее? Зачем нужен покой, если ты желаешь войны?

— В том нет нашей вины! — Сиптуаг ступил в следующий коридор, быстрым взглядом выцепляя нескольких испуганных слуг, затаившихся в углу. — Вы сами вырыли себе яму. В своей гордыне вы решили, будто вам подвластно все. Вы осквернили жизнь, извратили смерть, надругались над человечеством! Вы создавали мертвецов, а затем заставляли их бросаться на ваших врагов!

— Фанатичный идиот!

Если Сиптуаг считал, будто раньше Ивирионом двигала ярость, то сейчас он понял всю глубину своей ошибки. Нет, Ивирион был в гневе, но старался его контролировать. Он мог презирать священника, ненавидеть, желать ему смерти, но лишь сейчас он позволил всему этому полностью охватить его душу и тело. Теперь им двигала лишь ненависть.

— Мы жили в мире с вами, нам было плевать на людей, что живут по ту сторону леса! Нам было плевать на ваши войны и религии, ваши ярость и презрение, ваши радости и желания. Мы лишь брали ваши страдания и пытались облегчить их! Мы хотели изменить этот мир! Спасти его!

— Вы пытались его уничтожить! Ваши монстры десятилетиями терзали наше королевство, и мы пришли положить этому конец.

Излучаемая Сиптуагом вера была абсолютна и столь тверда, что ее можно было практически коснуться. Она столь яростно боролась с магией Ивириона, что страдало само мироздание, а воздух пошел рябью.

— Ваши монстры уничтожали деревни, вырезали целые семьи! И все это ради вашей забавы!

Пламя швырнуло священника на пол, но он ударил в ответ, оставив на предплечье некроманта глубокий порез. Плащ за спиной архиерея начал тлеть, не выдерживая яростного пламени.

— Вы швыряли их к нам так, словно мы ваши игрушки. Словно мы часть ваших экспериментов, которые вы ставили над нами. Люди не живут для того, чтобы вы над ними издевались. Они свободны!

Сиптуаг ударил Ивириона кулаком в лицо, заставив некроманта оступиться. Следующим движением он вонзил свой меч с его плечо, а ногой провел подсечку. Ивирион ударился спиной о стену и быстро метнулся в сторону, уворачиваясь от метящего в его голову клинка. Рана в плече не доставляла ему никаких проблем, лишь слегка задела его эго.

— Вы издевались над нами, хоть мы были так далеки от вас. Издевались и забавлялись. И все это ради вашей Смерти? Ради нее вы приносили тысячи людей в жертву?!

— Смерти не нужны жертвы, идиот. Все мы в ее власти. Все мы живем и умираем, и госпоже достанутся наши души в любую секунду, стоит ей лишь пожелать.

Ивирион швырнул горсть огня в лицо Сиптуага, одновременно разворачивая за спиной четыре гигантских пылающих крыла. Фигуру некроманта подчеркивало легкое зеленое сияние, усиливающееся с каждой секундой. Слуги бросились в другой конец помещения, спасаясь от столь ужасающей дуэли.

— Смерть — госпожа этого мира. Она повелительница мертвых и властительница жизни. Думаешь, ей есть дело до наших с тобой битв? А твоим богам? Что ты значишь для них? Первосвященник? Величайший воин? Лучший жрец и убийца некромантов? Им плевать!

Ивирион ударил рукой о стену. Мгновение, и камень пошел трещинами, а затем разрушился. На противников обрушился шум битвы, мощный ветер заставил развеяться их одеяния, а дождь окропил лицо. Ивирион разрушил стену, надеясь показать Сиптуагу, с чем тому приходилось бороться. Сотни мертвецов по-прежнему продолжали сражаться против тысяч людей, не отступая ни на шаг перед превосходящей армией врага.

— Вот с чем ты борешься, Сиптуаг. Каждая смерть твоих воинов, лишь на шаг приближает к победе моих. Нет такой армии, что может сразить мертвецов. Нет людей, что не боятся смерти. Страх, ненависть, отчаяние — все это эмоции, которые испытывают люди.

Ивирион встал спиной к пролому, расправляя огненные крылья, которые шипели при попадании на них капель дождя.

— Подойди если осмелишься, Сиптуаг! Подойди ко мне, и я покажу тебе страх. Я помогу тебе испытать отчаяние, подобного которому ты еще не знал. Я вырву твою душу из тела и преподнесу твоим богам. Их первосвященник, их надежда в этом мире — ты станешь символом неудачи, которую потерпели твои люди. Люди, которых ты вел сюда с верой в двух богов! Они увидят твое истерзанное тело и поймут всю правду этого жестокого мира. Смерть — властитель всего сущего, а мы обращаем ее желания в реальность!

Сиптуаг набросился на Ивириона и с силой ударился об него всем телом. Некромант с великой радостью позволил врагу обрушить себя вниз, невзирая на меч, застрявший в его

теле. Огненные крылья раскрылись, замедляя их падение, и вскоре оба противника с грохотом рухнули на каменный мост, проведенный между двумя самыми высокими башнями дворца Экраона.

Ивирион отшвырнул Сиптуага в сторону, напоследок ударив его в челюсть пылающим кулаком. Седая бородка хоть и промокла насквозь, но все равно оказалась пожрана жадным пламенем. На коже священника остался легкий ожог, который немного умалил благородство лица архиерея.

Сиптуаг взглянул на меч, испачканный давно свернувшейся кровью, и покачал головой.

— Ты даже умереть по законам этого мира не можешь.

— В этом и кроется разница между нами, Сиптуаг. Ты подчиняешься законам этого мира, как и приказам своих богов. Ты — раб веры. Раб реальности! А я свободен. Я не подчиняюсь мирозданию. Я презираю законы этого мира и изменяю их по своему желанию.

— Ты бредишь, — Сиптуаг покачиваясь двинулся на некроманта, всеми силами пытаюсь скрыть последствия чудовищного падения. — Ты просто не понимаешь смысла веры. Она объединяет людей, соединяет народ воедино. Целые страны прекращали войны лишь потому, что им приказали боги!

— А сколько войн было начато по их приказу? Сколько стран разорено? Сколько семей разрушено? Сколько жизней загублено?!

Крылья Ивириона развернулись и ударили по воздуху, отбрасывая Сиптуага на два шага назад. Огненные стрелы вновь ударили по священнику, заставив его уйти в глухую оборону.

— Скольких ты убил, Сиптуаг? Лерех, Герион, Аррас, Хоммас, Луффирий, Йеррен, Своррен! Ты убил их всех!

Сиптуаг встал во весь свой немалый рост и взглянул в глаза некроманта.

— Да, я сделал это. И ничуть не стыжусь собственных поступков, — после этих слов Сиптуаг достал один из кинжалов и осторожно двинулся на некроманта. Ветер так и норовил сбить его и обрушить на головы сражающихся внизу людей, а слабеющие ноги предательски скользили по камню.

Ивирион набросился на него со всей скоростью, что только мог развить. Его кулаки ударили, оставляя за собой отчетливый огненный след. Первый удар был отбит мечом, но второй задел голову архиерея. Острие кинжала вспорол ткань плаща Ивириона и вонзилось в предплечье. Некромант быстро одернул руку, а затем атаковал вновь. Сильный удар ладонью сломал одну из застежек плаща, который теперь еще больше мешал Сиптуагу. Архиерей ударил эфесом меча, рассекая Ивириону бровь. Возвратным движением священник попытался угодить оружием в шею, но лишь рассек веревку, удерживающую волосы некроманта. Волосы рассыпались по плечам Ивириона, но были отброшены за спину очередным порывом ветра.

Они не думали об обороне, их не заботили собственные раны. Противники атаковали друг друга с такой яростью, что посрамила любого из бившихся внизу солдат. Когда один получил рану, другой отвечал тем же. У них совершенно не было времени на парирование или хитроумные трюки. Они стремились лишь убить. Убить и уничтожить.

Ивирион уже был покрыт десятком порезов и ушибов, а доспех Сиптуага едва держался на своем хозяине. Огонь сильно мешал священнику, который просто не мог видеть своей цели. Дождь бил в его глаза, заставляя часто смаргивать скапливающуюся на ресницах влагу.

Ивирион ударил вновь, отвечая на бросок Сиптуага. Некромант не стал даже пытаться заблокировать кинжал, вместо этого позволив ему угодить в раскрытую ладонь. Лезвие без

труда пробило ее насквозь, прочно застряв между пястными костями. Ивирион отмахнулся от меча, схватил Сиптуага за нагрудник и резко дернул на себя. Металл выгнулся и разорвался, наплечники громыхнули о каменный мост и заскользили в сторону, а плащ наконец-то упал вниз. Доспех сминаясь в чудовищной хватке Ивириона, в ярости разрывающего его на части голыми руками. Сиптуаг ударил головой, заставив некроманта пошатнуться, а затем рассек ему грудь мечом.

Или ему так показалось. Да, плащ некроманта оказался изорван, а на груди остался длинный порез, но удар оказался слишком небрежен.

Изрезанный плащ едва скрывал белую кожу некроманта, поэтому он сорвал его, попутно вырвав кинжал из собственной руки. Разодранная ткань умчалась, гонимая усиливающимися порывами ветра. На Ивирионе остались лишь штаны, оставляя покрытый ранами торс на виду.

Сиптуаг поправил едва держащийся на нем доспех и покачал головой.

— Сколько это будет продолжаться, некромант? Сколько ран мне придется нанести тебе, прежде чем ты сдашься? Как долго я еще смогу выдерживать твои удары, прежде чем ты устанешь? Чем ты готов пожертвовать ради победы? Душой? Телом? Разумом? Всем этим?

— Если придется, — Ивирион сжал кулаки, позволяя силе течь по его венам. — Я буду сражаться до тех пор, пока не сломаю тебя, Сиптуаг. Твое тело, дух, разум, душу. Я просто не могу сдать. Не могу!

— И я не могу. В этом и заключается проблема.

Сиптуаг шатался при каждом движении, но вера вела его вперед. Вера и собственное упрямство. Он просто не мог подвести своих людей. Он не мог подвести богов! Ивирион улыбнулся подобному упорству и ударил до того, как священник успел подойти близко. Огонь омывал тело Сиптуага, заставляя его молча выносить нестерпимый жар. Он скрипел зубами, рычал, издавал стоны, но держался. И в краткий миг затишья атаковал в ответ.

Сиптуаг бил вновь и вновь, поражая руки, ноги и торс Ивириона, но ни один его удар так и не достиг головы. Голова и шея — вот куда он постоянно метил. Если этот человек не умирал от кровопотери, то уж отрубленная голова должна была отправить его в могилу, в этом он был абсолютно уверен.

Ивирион без единого звука выдержал еще три новые раны на своем теле, прежде чем ударил в ответ. Огненный кулак пробил металл нагрудника, пальцы слегка оцарапали поддоспешник, но дальнейшее продвижение было остановлено Сиптуагом, схватившимся рукой за предплечье некроманта.

— Убирайся прочь! — прорычал священник, с трудом отодвигая от себя противника. Он был так сосредоточен на противостоянии, что совсем позабыл про сжатый в другой руке меч.

Ивирион ударил Сиптуага головой, заставляя священника покачнуться. Покачнуться и отступить. Всего один шаг назад решил исход всей этой дуэли на мосту. Нога Сиптуага двинулась назад и попыталась нащупать опору, которой просто не было. Ивирион загнал архиерея на самый край моста, а теперь всеми силами заставлял его сделать шаг в бездну.

— Падай, Сиптуаг. Падай вниз.

Сиптуаг взревел, но не смог пересилить давящего на него некроманта и отступил. Ивирион начал было улыбаться, когда внезапно почувствовал, что его утягивает вниз. Слишком поздно некромант понял, что произошло.

Сиптуаг в последний момент успел достать кинжал, который вонзил в ногу некроманта.

Клинок вошел точно между большеберцовой и малоберцовой костью, где и застрял. Падая вниз, Сиптуаг забрал с собой и своего врага.

Ивирион вскричал, когда кинжал начал рвать его ногу. Боли не было, лишь ярость. Пирриона тянуло вниз, но в последнее мгновение он успел ухватиться за край моста. Белые пальцы пробили камень и остановили его падение. К несчастью не упал и Сиптуаг. Архиерей отчаянно удерживал одной рукой кинжал, пытаясь из этого положения поднять меч. Он не мог убить Ивириона, но вполне мог отсечь ему ногу, что нисколько не радовало некроманта.

— Будь ты проклят, Сиптуаг! — перекрикивая раскат грома, взвыл Ивирион, прежде чем его пальцы сорвались, и оба они рухнули вниз.

Падение было недолгим, но крайне чувствительным. Противники врезались в крышу небольшой пристройки. До земли оставалось всего каких-то шесть метров, и сражающиеся наконец-то смогли лицезреть битву своего лидера с некромантом. И замерли. Они никогда еще не видели Сиптуага таким израненным, таким усталым, таким... Беспомощным!

Ивирион вырвал кинжал из ноги и набросился на Сиптуага. Архиерей еще не полностью пришел в себя, поэтому не смог оказать некроманту сопротивления. Ивирион принялся разрывать едва держащийся на священнике доспех, разбрасывая металл вниз. Люди внизу взревели от отчаяния, в некроманта полетели стрелы и камни, но он лишь отмахнулся от них.

Ивирион разорвал доспех, кольчугу и поддоспешник, но не успел вонзить руку в грудь Сиптуага. Меч ударил в горло, почти на целый палец погрузившись в бледную плоть.

С торжествующей улыбкой Сиптуаг надавил, заставляя клинок двигаться вперед до тех пор, пока тот не уперся в шейные позвонки. Священник рванул меч вбок, еще сильнее усугубляя рану, которая была бы смертельной для обычного смертного. Ивирион упал на колени, сжимая горло и с ненавистью в глазах глядя на Сиптуага.

Священник поднялся и оглядел толпу солдат во дворе. Теперь в их глазах не было и намек на недавний страх, а лишь ничем не скрываемое торжество.

— Это конец. Я победил, некромант. Ты называл себя жрецом смерти, но ты лишь обычный человек. Ты смертен, хоть и пытаешься доказать обратное.

Ивирион раскрыл рот, но звуки не покинули его рта. Меч взмыл вверх, затем опустился. Сиптуаг приготовился к броску, собрал последние силы и ударил. Меч погрузился в живот некроманта практически по самую рукоять, без труда прорезав себе путь сквозь мышцы, пока острие не показалось с обратной стороны. Не пролилось ни единой капли крови, лишь зеленый свет и огонь сопровождали ужасающую рану.

Сиптуаг перехватил рукоять и начал поднимать меч наверх, практически потроша некроманта заживо. Меч прошел всего пять сантиметров, прежде чем пиррион сделал собственный ход. Обхватив руками голову Сиптуага, Ивирион приблизился к священнику. Его зеленые глаза оказались прямо напротив глаз архиерея, застывшего в бессильной злобе.

— Да когда же ты помрешь?!

Никогда.

Слово ударило Сиптуага с силой молота, заставив застыть на месте. Архиерей силился поднять меч. Еще немного, и он мог со всем этим покончить. Еще совсем чуть-чуть!

Ивирион смотрел в расширившиеся глаза священника, а на губах его играла улыбка.

Я видел жизнь и познал смерть. Я видел свою госпожу, чувствовал ее касания и силу. Я умер, Сиптуаг! Мне больше нечего терять!

Сила Ивириона нахлынула внезапно. Слово гигантская волна, его разум сокрушал любые препятствия на своем пути. Литании, молитвы, псалмы — ничто не могло остановить его. Ивирион изливал весь свой гнев, всю ту боль, что причинил ему этот человек. Ему и его братьям. Он изливал из себя отчаяние и страх, жажду знаний и бессмертия, ненависть и обожание. Эмоции стали его оружием. Сам того не замечая Ивирион превращал их в оружие более смертоносное, чем его пламя или касание когтей Экраона. Он черпал в них мощь, постепенно осознавая, что она была слишком огромной для того, чтобы держать ее в своем теле. Поэтому он безо всякой жалости изливал ее в Сиптуага.

Дух архиерея бился, словно дикий зверь. Подобно физическому телу, он вовсе не собирался сдаваться, сколь бы ни был силен противник. Его душа металась, пытаясь найти любые методы защиты. Он бросал в Ивириона отчаяние и гнев, его детские воспоминания смешались с нынешними и ударили, пытаясь остановить продвижение врага. Его мысли мельтешили, стремясь замедлить пирриона и дать Сиптуагу нанести смертельный удар.

Их борьба продолжалась так долго, что время потеряло всякое значение. Сиптуаг сопротивлялся так яростно, как только мог, но даже его силы веры не хватало на сдерживание этого ужаса. Ивирион ломал его морально и духовно, сокрушал всякие надежды на победу и уничтожал любые очаги сопротивления. Ярость и ненависть сделали из некроманта настоящего молодого бога, и здесь он мог творить все что угодно. А хотел он лишь победы.

Сиптуага затрясло, руки пытались поднять меч, который сдвинулся еще на пару сантиметров, а затем намертво застрял. Силы покидали тело священника, который больше не мог сдерживать мощь некроманта. Его вера была абсолютна и осязаема, но губительное касание смерти было намного сильнее.

Рот Сиптуага раскрылся, и архиерей издал ужасающий рев отчаяния и страха. А затем он упал на колени.

Ивирион отпустил голову священника, выдернул меч из своего живота и оглядел площадь. Солдаты застыли, не в силах поверить в произошедшее. Они опустили оружие, по-видимому совсем забыв, что еще мгновение назад вели битву за собственное выживание. Войну за веру.

Ивирион сломал их.

Некромант шагнул вперед, встал за спиной у стоявшего на коленях Сиптуага и обхватил руками его шею. Взгляд его уперся в маленькую фигурку на стене, улыбка сама собой напозла на лицо. Маленькая девочка. Та самая, что он видел в своем кабинете и при совершении ритуала. Она стояла там, среди сражающихся, а глаза ее были наполнены ужасом. Чистым, незамутненным ужасом.

Ты видишь это? Видишь, что я сотворил с ним?

Пожалуйста, не делай этого. Это не нужно! Он уже проиграл, ты сломил его, доказал свою правоту! Позволь ему уйти. Он поймет, что ошибался и изменит других людей. Покажи ему, этим солдатам, самому себе, что ты еще способен прощать! Докажи им что некроманты вовсе не злодеи, что в вас еще осталось что-то человеческое! Прошу тебя!

Ивирион прикрыл глаза, наслаждаясь ее отчаянием. Отпустить? Как он мог это сделать? Этот человек привел к нему врагов, заставил страдать его друзей, убивал его братьев, а теперь его просто так взять и отпустить? Ивирион вновь взглянул на девочку, застывшую все в той же умоляющей позе и принял решение.

Пожалуйста.

Ты же знаешь, что я не могу.

А затем быстрым движением свернул священнику шею.

Нет!

Внутренний двор заполнили крики боли и отчаяния. Лицезреть, как тот, в кого ты верил больше всего, и кому ты вверил собственную жизнь умирает, было ужасно. Люди кричали, выли, рыдали, падали на колени. Многие бросились вперед, стремясь добраться до некроманта. Они прорывались ко входу во дворец, и их не заботил тот факт, что они ничего уже не могли изменить. Мертвецы набрасывались на слабых и отчаявшихся людей, убивали их, вдавливали в землю. Пока одни дрались за свою жизнь и веру, другие ломались от ужаса произошедшего, умирали и пополняли армию некромантов.

Ивирион положил ладонь на бритую голову архиерея и зажмурился.

Ты был сильнейшим из них в жизни, готов ли ты оставаться таким и после смерти?

Зеленое пламя вырвалось из глазниц, рта и двух дюжин ран на теле священника. Мертвеца трясло, пока пламя безо всякой жалости пожирало его тело, заставляя кости чернеть. Ивирион отпустил пылающий труп и подошел к самому краю крыши.

Люди кричали на него, проклинали и ненавидели. Он был для них злом, самой сущностью того, с чем они здесь боролись все этих дни. Он был злом и ужасом в чистом виде.

Их жалкие эмоции подпитывали его. Некромант искажал каждую из них, пропуская сквозь собственную душу. Теперь, когда в армии нападавших больше не осталось ни одного священника, он больше не чувствовал тяжести. Он не ощущал того давящего и удушающего чувства, что вызывал у него Сиптуаг. Он больше не был ограничен, загнан в рамки, созданные силой священников.

Сила, власть, могущество — они заполнили его. С каждой секундой мощь некроманта росла, многократно превышая уровень, которого он достиг еще при жизни. Ивирион раскрыл зеленые глаза, и в последний раз взглянул на тех, кто еще несколько минут назад грозился его уничтожить.

Вы ступили на мою землю. Вы убили моих слуг. Вы поработили моих друзей. Вы уничтожили моих братьев. Вы считали, что ваша маленькая война будет победоносной, но теперь все иначе. Ваш архиерей мертв, ваши духовенства уничтожены, ваши товарищи поднимаются из мертвых лишь для того, чтобы примкнуть к моей армии. Вам нечего мне предложить, нечем меня напугать или задобрить. Вы пришли ко мне с мечами и копьями, а я ответил вам пламенем.

Огненный шар ударил в центр вражеской армии, уничтожая сразу несколько десятков человек. А за спиной Ивириона уже начинался настоящий огненный дождь.

Умрите. Умрите за веру, за войну, за товарищей, за своих близких. Умрите и станьте частью моего воинства!

Огненный дождь смешал и без того разрозненные ряды солдат, заставив их кричать от ужаса. Ивирион поднял руки, с которых уже готова была сорваться очередная волна огня.

Умрите ради Смерти и помогите нам обрести бессмертие!

Вспышка молнии успела осветить фигуру некроманта, а после все залил огонь.

Победа не дает силу. Победа лишь доказывает, что ты всегда был силен.

Некромант Цидариас.

Мои пальцы прикоснулись к холодной поверхности кристалла. Я смахнул капли влаги, во множестве скопившиеся на его гранях и вгляделся в сердцевину. Он был прекрасен, хотя сам кристалл не представлял для меня абсолютно никакого интереса. А вот его содержимое...

— Ты проделал поразительную работу.

Экраон молча принял похвалу, стоя за моей спиной и терпеливо ожидая окончания осмотра подземелья. Пламя факелов затрепетало при моем приближении, вытягиваясь и отбрасывая на стены причудливые тени.

— Удивительно, Экраон. Просто удивительно.

— Как ты считаешь, у них есть еще шанс? Хоть какой-то?

— Если нет, то мы добудем его. Я переверну мир, выпотрошу его самые отдаленные уголки, но найду для них спасение. Я не позволю им погибнуть. Мы потеряли уже слишком многих братьев.

Я шагнул прочь от зеленоватого кристалла, бросая взгляд на второй, являющийся почти точной копией первого.

— Что с ними происходит там? Они ощущают наше присутствие? Видят сны? Чувствуют боль?

— Я не знаю.

Я бросил последний взгляд на кристаллы. У Экраона ушло огромное количество сил, для их создания. Два материализатора — два наших брата — замерли, скованные кристаллом. Спасенные от верной смерти, они не были ни живыми, ни мертвыми. Не как я, Экраон или Таррес. Одлеттиан заключил их в эту «клетку», надеясь, что однажды мы сможем помочь им. Однажды.

Двери подвала с треском закрылись, отрезая наших братьев от остального мира. Материализаторы бились до самого конца, однако их настиг Сиптуаг. Проклятый фанатик сокрушил их обоих, но не успел добить, почувствовав смерть остальных священников. Материализаторы полностью отдали себя битве, у них просто не осталось сил на спасение, поэтому о них позаботились мы. Когда-нибудь мы еще вернемся сюда и возвратим свой долг. Но это произойдет не сегодня. Не сегодня.

* * *

Я стоял у окна, осматривая выжженную землю снаружи. Оплавленным стенам возвращали прежнюю форму, были вставлены новые ворота, а многочисленные следы побоища спешно убирались с глаз. Слуги, крестьяне и жители окрестных сел пришли помогать нам добровольно. Мы не принуждали их, не просили, не угрожали и даже не

умоляли. Они решили сделать все это сами. Вот что значит преданность и верность.

Война окончилась три дня назад, но кажется, будто бойня еще вчера бушевала за этими стенами. Мои кулаки сжались, пытаюсь вновь ощутить ту радость битвы, что поглотила меня. Другие боялись и ужасались, но не я. Я чувствовал лишь радость от возможности доказать свою силу и свою правоту.

— Что мы будем делать?

Я обернулся. Три моих брата стояли передо мной. Закутанные в черные плащи, они казались таинственными и ужасающими одновременно.

Экраон, сменивший бурый плащ на черный. Он больше не носил на лице ткань, открывая взгляду иссушенную кожу. Синие глаза теперь сияли не холодом, но силой. Раны, нанесенные ему, уже давно зажили, и теперь некромант был готов на все, лишь бы закончить начатое им и сдержать слово, данное госпоже.

Цидариас, чье тело вновь переполняла сила. Лицо последнего штейгера покрывали новые татуировки, в создании которых я участвовал лично. Моя кровь помогла ему в восстановлении. Мое сердце не билось, но с помощью магии Экраона, нам все-таки удалось извлечь из моего тела больше двадцати фиалов ярко-красной жидкости. И все они были использованы для спасения Цидариаса. С помощью магии мы восстановили его правую руку. Хотя, теперь она не совсем его. Локоть, предплечье, пальцы — все это было создано линиями, образующими узоры прямо на материи мира. В глубине этой «руки» сияли маленькие звезды, беспорядочно рождаясь и умирая.

Последним был Таррес. Некромант без сердца, чья душа оказалась навеки привязана к телу. По-сравнению с нами он был еще слаб, но с лихвой компенсировал свой недостаток упорством и желанием экспериментировать. Третий бессмертный, но неспособный жить.

— Что будет дальше? Мы победили здесь, но потеряли практически все. Столько трудов, исследований, результатов экспериментов.

— Это все легко восстановить, Экраон. Особенно нам. Мы не умираем, не стареем, не испытываем усталости и боли. Иссушаемся? Гнием? Возможно, но это никак нам не мешает.

Я сел в кресло и окинул взглядом комнату.

— Прародитель назвал нас пятью ипостасями смерти. Пиррионы, штейгеры, одлеттианы, материализаторы и глоссерианы. Материализаторы мертвы, но мы найдем способ помочь им. Сейчас же нам необходимо восстановить все то, что уничтожили Сиптуаг и его фанатики. Сколько у нас займет это времени?

— Много. Десятилетия, быть может даже века. Нам ни за что не справиться с этим в одиночку.

— О, мы будем не одни.

Цидариас посмотрел за мою спину. Он безуспешно пытался успокоиться, но эта тьма притягивала его взгляд раз за разом.

— Что ты хочешь сделать?

— Я хочу начать все с самого начала: вернусь в свой дворец и вновь разожгу огонь в его очаге. А после отправлюсь в Звездный лес.

— И что ты хочешь там выяснить?

— Ничего. — Я поднялся с кресла и запахнул собственный плащ. — Я уже знаю все, что нам необходимо. Осталось лишь использовать эти знания.

— Поделишься с нами?

Я улыбнулся:

— Конечно. Я не намерен обманывать вас и скрывать что-либо. Ведь мы с вами начинаем творить жизнь.

Я вышел на балкон и оглядел армию, что раскинулась так далеко, что казалась бесчисленной. Мертвецы горели, в руках их по-прежнему было зажато оружие. Кое-где виднелись костяные гиганты, возвышающиеся над убитыми солдатами.

— Вечную жизнь.

* * *

Я ступил в Звездный лес, преисполненный силы и уверенности в себе. Почки деревьев ярко сияли в ночи, холодный яркий свет бил на нас сверху. Я наклонился, провел рукой по земле и с удовольствием ощутил приятную прохладу. Пламя сорвалось с моих пальцев, проникло в почву и растеклось в ее глубинах. Я ощущал силу этого места. Она пропитала здесь буквально все: воздух, деревья, землю.

— Мы на месте?

— Да. Это здесь.

— Будем ждать, или ты хочешь сделать это сам?

— О нет, я хочу дождаться этого момента. Хочу увидеть его лично.

Портал появился через несколько минут, разорвав ткань реальности в двадцати шагах от нас. Аргетовый монстр шагнул из алого провала и разогнулся. Он был выше любого из нас, а его фигура так и излучала угрозу. Серебряная кожа всколыхнулась, когда мышцы под ней задвигались и напряглись.

Монстр двинулся к нам, собираясь выпотрошить любого, кто не успеет убежать. В его глазах плескались огонь и ярость. Я без раздумий двинулся ему навстречу.

Стой.

Аргетовый монстр напрягся, но продолжил идти.

Я приказал тебе стоять!

Существо пошатнулось, словно некая невидимая сила ударила его в лицо. Из клыкастой пасти хлынула светлая кровь, монстр согнулся, когтистые кулаки ударились о землю, пытаясь удержать его массивное тело в вертикальном положении.

На колени, тварь!

Монстр взревел и упал, но не прекратил попыток сломить мою волю.

Я не позволял тебе вставать.

Кто ты такой?

Я — твой повелитель. Я — твой кошмар, твоя агония, твоя смерть и судьба. Считай что я — бог, а ты — моя пешка. Представь, что моя власть над тобой абсолютна, и не ошибешься.

Я положил ладонь на голову твари. Из рта вылетало пламя, а с кончиков пальцев сыпались яркие искры.

Где остальные?

Они придут, когда я позову их.

Сделай это.

Монстр зарычал, качая головой.

Я...

Зови их!

Монстр упал на землю, его руки сотрясали судороги, а мышцы ломали кости. Реальность вновь разорвалась, и на волю шагнули остальные. Один за другим они выходили из алого провала, взрезая землю своими когтями.

Аргетовые монстры шагали вперед, оглядываясь и обнаруживая себя в окружении сотен неживых. Мертвецы замерли в тридцати шагах от нас, покорно ожидая приказов. Моих приказов.

Один из монстров растолкал своих собратьев, подошел ко мне и наклонил огромную голову.

Снова ты, человечек.

Я узнал его. Узнал сразу. Именно он обманом заставил меня потерять бдительность и в одно мгновение лишиться всего. А затем обрести еще больше. Таррес сделал шаг назад, и я не мог винить его за это. Кто бы устоял перед существом, вырвавшим сердце из твоей груди?

Вырвался из моих когтей, снова ходишь по этому миру, наслаждаешься жизнью. Тьма изменила тебя, верно? Каково это было? Что ты чувствовал, пока тьма терзала тебя, разрывала на куски? Отчаяние? Страх? Тебя поглотило безумие, но ты выдержал и смог вырваться. И теперь знаешь, что мы испытываем каждую секунду, что пребываем в вашем мире. Боль, гнев...

Аргетовый монстр замолк, уставившись на мои зеленые глаза.

Ты изменился. По-настоящему изменился. Сила переполняет тебя.

Верно. И за это я должен быть тебе благодарен, ведь эта сила поможет мне создать новый мир.

Я прошел вперед, оставив своего убийцу за спиной. Я знал, что он не будет атаковать меня, ведь теперь мы не были врагами.

Вы существуете уже столетия. Живете во тьме, выходите на свет, умираете и возвращаетесь. И так каждый раз. Десятилетие за десятилетием. Я знаю о вас все. Как вы появились, кем были созданы, и чем вы являетесь. Я знаю почему вы умираете и возрождаетесь раз за разом, не находя и подобия покоя. Я понимаю силу, что подпитывает вас. И я хочу, чтобы вы кое-что для меня сделали.

И что же?

Найдите Прародителя. Приведите меня к нему. Помогите спасти шестую ипостась смерти, и я подарю вам покой!

И они мне поклонились. Все до единого. Аргетовые монстры опускались предо мной, а мои братья в шоке наблюдали за происходящим.

Приведите меня к Прародителю, позвольте мне спасти его. Позвольте мне спасти вас.

* * *

Я сел на свой трон. Трон, что был холоден. Дворец, что уцелел в огне войны. Слуги, что выжили в бойне. Мой дворец, мои слуги, мой трон.

Никогда еще я не чувствовал себя столь счастливым и столь опустошенным. Хелион сидел справа от меня, изредка поворачивая голову во тьму. Я поглаживал волка по черепу, наслаждаясь знакомым чувством.

— Мы близки к своей цели, Хелион. Близки, как никогда.

Волк провел лапой по полу и вскинул череп. Он почувствовал это. Чувствовал то же, что и я.

— Выходи, я знаю, что ты здесь.

Маленькая девочка вошла в зал. Глаза ее светились. В первый раз она смотрела на меня с любопытством, во второй — с удовлетворением, в третий — мольбой, а сейчас — с ненавистью. Интересно. Забавно.

— Зачем ты здесь?

— Ты хоть понимаешь, что натворил? Чего ты хочешь от этих существ?

— Я хочу найти Прародителя. Ты могла это слышать. Должна была.

— С чего ты взял, что он все еще жив?

— О, я более чем уверен в этом.

— Ничтожество! Ты что совсем не понимаешь, *что* ты выпустил в этот мир?!

— Еще как понимаю. Аргетовые монстры — освобожденная сила Прародителя. Они — его страхи и желания. Его эмоции, что вырвались из-под контроля. Звездный лес удивительное место, просто-таки пропитанное магией. Даже самый чахлый лист на его деревьях обладает ею, именно поэтому Прародитель и чувствовал себя так странно. Лес подпитывал его, изменял. Пройдя через него впервые, он даже сам не понял, как преобразился. Он стал сильнее и смог добиться огромного прорыва в своих исследованиях. Именно так и родились ипостаси. Но возвращаясь туда, он даже не понимал, насколько рисковал.

Я провел рукой по воздуху, пальцами вырисовывая огненные символы.

— Чаша его могущества уже была переполнена. Именно поэтому он не смог ее больше сдерживать. Это все равно, что пытаться удержать руками ветер — совершенно невозможно. Прародитель не мог бороться с этим, но породил Аргетовых монстров, что теперь обречены на вечную жизнь, без малейшей надежды на смерть. Он сразил их в первый раз, но не смог уничтожить полностью. Он разрушил лишь оболочки, но души Аргетовых монстров продолжали существовать, навеки привязанные к Звездному лесу. Именно поэтому раз за разом он порождает их. Они желали найти Прародителя. Желали обрести покой, но лишь он один мог дать им его. Ни я, ни Экраон, ни боги не способны уничтожить этих созданий. Лишь Прародитель.

Я встал с трона.

— Я понимаю, что они такое. Я понимаю, насколько они опасны. И я собираюсь использовать их. Я обещал своей госпоже покой, и для этого мне нужен Прародитель. Я обещал уничтожить Смерть, прекратив причиняемые ей страдания. Но бессмертие лишь один способ осуществить ее желание.

— А второй?

Я улыбнулся:

— Как можно даровать Смерти покой? Почему она существует, продолжая испытывать боль физическую и эмоциональную? Смерть есть, пока есть кому умирать. Люди, животные, насекомые — все подвержены смерти. Все умрут и когда-то окажутся в мире мертвых. Но что, если никого не будет? Что, если жизнь как таковая исчезнет? Что, если я уничтожу все, оставив на месте городов могильники, осушу бездонные озера, а леса превращу в выжженные пустыри? Что будет, если я уничтожу жизнь? Пропадет ли Смерть? Умет ли госпожа? Без сомнений.

Я взглянул на Высшего, в глазах которого уже зарождалось подозрение:

— И знаешь что? Разрушать намного легче, чем созидать. А выбор между этими двумя способами нужно сделать как можно скорее.

— Ты безумен!

Сущность Высшего бросилась на меня, в прыжке превращаясь в рослого, широкоплечего воина.

Фигура за моей спиной шагнула вперед, сбрасывая с себя плащ и одновременно отбрасывая Высшего назад. Одного вида противника оказалось достаточно для того, чтобы сущность бога остановилась.

Он по-прежнему был закован в доспехи, за спиной развевался плащ из теней, а руки его сжимали посох. Седая бородка исчезла, кожа лица покрылась ожогами, а раны, оставленные Экраоном, упорно не заживали. Из глаз бывшего священника выливалось пламя, а его рот напоминал растопленную печь.

Сиптуаг был мертв, его душа оказалась практически уничтожена, но Экраон смог собрать ее воедино. Цидариас привязал душу к телу, Таррес сковал его, а я вдохнул в него жизнь. Теперь он был всего лишь одним из мертвецов нашей армии. Но мертвецом могущественным.

Сиптуаг ударил посохом, отшвырнув Высшего. Естественно, он не был силен настолько, чтобы поразить бога, но сейчас мы боролись не с самим Высшим, а лишь его жалкой частицей. Бог ударился о стену, пробив ее насквозь, а Сиптуаг пошел за ним.

— Стой!

Мертвец замер, а я прошел мимо него. Высший уже отправился от шока и был готов встретить нас своей силой.

— Ничтожество! Ты осквернил нашу веру, извратил нашего священника! Неужели ты думаешь, что можешь противостоять богам?

Я улыбнулся:

— Теперь я понимаю, откуда в Сиптуаге столько ярости и ненависти. Вы мало чем отличаетесь друг от друга. Бог и его слуга. Интересно, а каков из себя Низший?

— Тебе этого никогда не узнать, некромант. Ты не доживешь до этого момента, ведь тебя погубит самоуверенность.

— Разве?

Мои пальцы окутало пламя, Хелион и Сиптуаг стояли за моей спиной, ожидая любого приказа.

— Я — некромант, жрец смерти, король мертвых, император неживых! Я видел саму Смерть, видел богов, видел ужасы, созданные одним лишь страхом. Я познал отчаяние и боль такой силы, что свели бы с ума любого. Я видел смерть всего живого и жизнь всего умершего! И я объявляю войну этому миру! Проваливай отсюда. Беги, прячься, но ты не сможешь скрыться от неизбежного. Армия мертвых готова и ждет своего часа. И даже боги не смогут помешать ей исполнить свое предназначение! Насылай на нас проклятия, обрушивай волны силы, заставь небо пылать, а землю — мерзнуть; посылай армии фанатиков, найди нового первосвященника — делай что хочешь! Но тебе не остановить нас. Эра некромантов наступила, и именно вы повинны в этом!

Высший глядел на меня со смесью понимания и ужаса. Теперь он осознал свою ошибку. Принимая меня за очередного рядового некроманта, Высший совсем забыл о том, где мне удалось побывать, и кто дал мне силу. А самое главное — он понял, что своей

провалившейся попыткой уничтожить некромантов, он лишь приблизил нас к возвышению.

Высший бросил на меня последний убийственный взгляд, а затем исчез. Я вышел на балкон, за мной тянулись языки пламени, а плащ развевался на ветру. На балконе стоял небольшой табурет, на котором покоились две книги. Два бесценных труда, что позволят нам достичь своей цели. Первая — дневник Прародителя, вторая — его магические формулы, заклинания и другие магические изыскания, о которых никто раньше и не слышал. Их принес мне Экраон, обнаружив столь бесценные реликвии в разрушенном лагере нападавших. Палатка, в которой они лежали, сгорела, а вот книги остались нетронутыми. Пламя пощадило их, и я сомневаюсь, что в мире есть хоть что-то, что сможет навредить им.

— Я изменю этот мир, чего бы мне это ни стоило, — мои пальцы погладили жесткий корешок дневника. — Уничтожить его? Спасти? Судьба всего сущего зависит сейчас от одного лишь случая.

Я поднял книгу на уровень глаз, наслаждаясь игрой света на золотистых буквах.

— Ты дал нам шанс перестроить мир, и я использую его. Клянусь тебе, Прародитель. Клянусь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net